

РАШИНСАЙНС

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№12 2019

Казань - 2019

УДК 08
ББК 72
К4 94

К4 94 Казанская наука. №12 2019г. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2019. – 218.

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (реестровая запись от 08.05.2019 серия ПИ № ФС 77 – 75730).

Журнал размещен в открытом бесплатном доступе на сайте www.kazanscience.ru.

Журнал включен ВАК РФ в перечень научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» № E11209.

Главный редактор А.Р. Шагимуллин

Редакционная коллегия

*Р.Ф. Бекметов – к.филол.н., доцент; В.В. Кондратьев – д.пед.н., профессор;
Н.С. Найденова – д.филол.н., доцент; А.М. Саяпова – д.филол.н., профессор;
Р.Р. Хуснуллина – д.филол.н., профессор.*

В журнале отражены материалы по теории и практике направлений науки, наиболее интенсивно развивающихся в настоящее время. Представлены труды ученых и специалистов вузов, институтов РАН, организаций, учреждений и предприятий, представителей органов власти.

Материалы журнала будут полезны преподавателям, научным работникам, специалистам научных предприятий, организаций и учреждений, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

УДК 08
ББК 72

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

© Рашин Сайнс, 2019 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А.М. Саяпова</i> Л.Н. ТОЛСТОЙ И СРЕДНЕВЕКОВЫЙ МУСУЛЬМАНСКИЙ ВОСТОК: ПРОБЛЕМА ХУДОЖЕСТВЕННО-ФИЛОСОФСКОГО ДИАЛОГА	9
--	---

10.01.01– ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

<i>М.В. Аксенова, Т.Г. Чарчоглян</i> «ПРИМЕЧАНИЯ К ПУТЕВОДИТЕЛЮ» ДАНИИЛА ГРАНИНА: ИМАГОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ	15
<i>Н.В. Бараханова, Н.В. Егоршина</i> ДИСКУРСИВЫ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ГОРОД» В ПОЭЗИИ В. БРЮСОВА И А. БЕЛОГО	18
<i>Н.В. Бараханова, С.В. Игонина, Т.Л. Павлова</i> «ГОРОДСКОЙ ТЕКСТ» В ТВОРЧЕСТВЕ ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА	21
<i>Е.Н. Брызгалова, Л.Н. Скаковская</i> ДЕТАЛИЗАЦИЯ В КАРТИНЕ МИРА ПОЭТОВ-САТИРИКОНЦЕВ	24
<i>В.В. Бугорская</i> ДЕМОНИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ ИЛИ «ОЧЕЛОВЕЧЕННЫЙ» ДЕМОН (К ВОПРОСУ О ГЕРОЕ ПОЭМЫ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ДЕМОН»)	27
<i>Е.В. Канищева, Т.Ф. Семьян, Е.В. Федорова</i> РИТМИКО-КОМПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ ПРОЗЫ РУБЕЖА XIX—XX ВВ.	32
<i>Т.Л. Павлова, А.А. Устиновская</i> ВЯЧ. ИВАНОВ И О. МАНДЕЛЬШТАМ КАК ИНТЕРПРЕТАТОРЫ ПЕТРАРКИ: ЛИРИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ 311 СОНЕТА И ЕГО ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ВЕРСИЙ	35
<i>Сун Тяньяо</i> ЧЕЛОВЕК И ВОЙНА: ПОВЕСТЬ Б. ВАСИЛЬЕВА «А ЗОРИ ЗДЕСЬ ТИХИЕ...» И РАССКАЗ СЮЙ ХУАЙЧЖУНА «ЗАПАДНЫЕ АНЕКДОТЫ»	38
<i>А.А. Устиновская, Т.Л. Павлова</i> СЕМАНТИЧЕСКИЕ АНТИНОМИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА И ОРИГИНАЛА: Н. ГУМИЛЕВ «К СИЛЬВИИ» И ДЖ. ЛЕОПАРДИ “A SILVIA”	42

10.01.10 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Н.М. Борисова</i> К ВОПРОСУ НЕУСТОЙЧИВОСТИ СОГЛАСНЫХ СОЧЕТАНИЙ В ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКЕ САХАЯЗЫЧНЫХ ГАЗЕТ	45
<i>М.А. Герайзаде</i> ОСОБЕННОСТИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ПРОЗЫ 60-Х ГОДОВ	48
<i>Ю.О. Любановская</i> ЭФФЕКТИВНЫЙ СПЕЦИАЛЬНЫЙ РЕПОРТАЖ: ЧТО МЫ ДЕЛАЕМ НЕ ТАК? ЧАСТЬ 1	52
<i>И.Д. Порфирьева</i> ОСНОВЫ ОСВЕЩЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ	56
<i>А.Ю. Цицинов</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ УНИВЕРСАЛЬНОЙ КОМПОЗИЦИОННОЙ СХЕМЫ «ЭТОС – ЛОГОС – ПАФОС» В ТЕКСТАХ ВОЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ (НА ПРИМЕРЕ СЕТЕВОГО ИЗДАНИЯ «АРМЕЙСКИЙ СТАНДАРТ»)	59
<i>А.Ю. Цицинов, Ю.В. Шуйская</i> СИНТАКСИЧЕСКАЯ ИЗОСЕМИЯ И ЕЕ ОТСУТСТВИЕ В ТЕКСТАХ ВОЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ	62
<i>З.Ш. Шукурджиева</i> ИСМАИЛ ГАСПРИНСКИЙ И ИДЕИ ВОЗРОЖДЕНИЯ РОССИЙСКОГО МУСУЛЬМАНСТВА НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «ТЕРДЖИМАН»	65

10.02.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК

<i>Д.Р. Валиева</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭВФЕМИЗМОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	68
<i>М.Г. Воднева, Т.С. Кондратьева</i> ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ «ГОРОД» В РАССКАЗАХ Т.ТОЛСТОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА «НЕ КЫСЬ»)	71

<i>Л.Х. Галаева</i> НАЗВАНИЯ ДИКИХ ЖИВОТНЫХ В ИНГУШСКОМ ЯЗЫКЕ	74
<i>Ю.А. Латыпова, З.В. Тодосиенко</i> МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭВФЕМИЗМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ)	77
<i>Г.И. Михалев</i> ТИПОВЫЕ СЛОВАРНЫЕ ДЕФИНИЦИИ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ПТИЦЫ»	80
<i>Цзюй Чуанья</i> СТРАТЕГИЯ ОЦЕНИВАНИЯ РАДИОВЕДУЩЕГО В КОММЕНТАРИЯХ К КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИМ ПРОГРАММАМ	84

10.02.04 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

<i>Е.Ю. Алёшина</i> РЕГИСТРОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЖАНРОВ ПУБЛИЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)	88
<i>В.В. Аргунов, К.И. Федорова</i> ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МЕТАФОР В АНГЛОЯЗЫЧНОМ СПОРТИВНОМ ДИСКУРСЕ	92
<i>Р.З. Дарзаманова</i> ТИПИЧНЫЕ ОШИБКИ СТУДЕНТОВ, ИЗУЧАЮЩИХ НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК В КАЧЕСТВЕ ВТОРОГО ИНОСТРАННОГО, И СПОСОБЫ ИХ ЭФФЕКТИВНОЙ КОРРЕКТИРОВКИ	95
<i>Р.З. Дарзаманова</i> ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В КАЧЕСТВЕ ВТОРОГО ИНОСТРАННОГО У СТУДЕНТОВ, ВЛАДЕЮЩИХ АНГЛИЙСКИМ И/ИЛИ ТАТАРСКИМИ ЯЗЫКАМИ	98
<i>Ю.А. Джурсаева</i> ФОНЕТИЧЕСКОЕ ПОРТРЕТИРОВАНИЕ КАК МЕТОД ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	101
<i>О.В. Звада</i> АВТОРСКАЯ ЭКСПРЕССИЯ КАК ОТЛИЧИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕЧИ Д. ТРАМПА	105
<i>Х.Н. Исмагилова, О.О. Сподарец, Г.Ф. Хакимова</i> ИСЛАМСКАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРА В ПОЛИКОДОВЫХ МЕДИА-ТЕКСТАХ	108
<i>М.Н. Кузнецова, У.А. Казакова, В.А. Тубальцева</i> ВЕРИФИКАЦИОННЫЕ КРИТЕРИИ КАЧЕСТВА ПРОЦЕССА ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)	111
<i>А.В. Мерзлякова, Ю.В. Рябова</i> СЕМИОТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО АНТИТАБАЧНОЙ РЕКЛАМЫ	115
<i>С.В. Мурсекаева</i> РОЛЬ ИНТОНАЦИИ В РЕАЛИЗАЦИИ НЕКОТОРЫХ ДИСКУРСИВНЫХ СТРАТЕГИЙ В ВИДЕОБЛОГАХ	118
<i>С.А. Радионова</i> ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ХАРАКТЕРИСТИКИ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ (НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ПРОЗЫ)	122
<i>А.С. Рыбакова, О.А. Юдина</i> СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АВСТРАЛИЙСКОГО СЛЕНГА	125
<i>С.А. Стройков</i> ИЗМЕНЕНИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ АВТОРА И ЧИТАТЕЛЯ СОВРЕМЕННОГО ГИПЕРТЕКСТОВОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ	128
<i>Г.Р. Тимирбаева</i> ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ КОРПУСА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ: ПРИНЦИПЫ СОСТАВЛЕНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ	131
<i>Е.Б. Цыганова</i> СЕМАНТИКО-ДЕРИВАЦИОННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГЛАГОЛЬНОЙ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	134

10.02.19 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

<i>Г.Х. Алеева, Н.Ш. Гиниятуллина</i> РЕКОНСТРУКЦИЯ КОНЦЕПТА «DREAM» НА ОСНОВЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ТОЛКОВАНИЙ И РЕАЛИЗАЦИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЛИТЕРАТУРНОГО НАПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗМ	137
---	-----

<i>Н.В. Арчахова, М.П. Слободчикова</i> ФОРМИРОВАНИЕ МОТИВАЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ	140
<i>С.В. Богдашкина, Г.А. Натуральнова, М.М. Акашкин</i> ИНТОНАЦИОННЫЕ УПРАЖНЕНИЯ КАК СРЕДСТВО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РОДНОЙ УСТНОЙ РЕЧИ ОБУЧАЕМЫХ	143
<i>А.А. Васильева С.А. Попова</i> ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ ЭРГОНИМОВ НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НАЗВАНИЙ ЗАВЕДЕНИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ)	146
<i>М.А. Дегтярева, М.И. Кысылбаикова</i> КОНЦЕПТ «МУЗЫКА» НА ПРИМЕРЕ СЛОВ-СТИМУЛОВ «ЫРЫЯ/SONG/ПЕСНЯ» И «КУОЛАС/VOICE/ГОЛОС» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ АМЕРИКАНЦЕВ И САХА	149
<i>Г.Н. Джафарова</i> НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА И ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ	152
<i>Ф.Х. Завгарова, Ф.Ф. Гилемшин, Г.К. Мансурова</i> СЕМАНТИЧЕСКИ НАГРУЖЕННЫЙ ЭЛЕМЕНТ ТАТАРСКОГО ДОМА ТУШӘМ (ПОТОЛОК) КАК ХРЕМАТОНИМ	156
<i>Л.С. Заморицкова, А.В. Никифорова, З.Б. Степанова</i> ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОННОТАЦИЙ ОБРАЗОВ РОССИИ (НА МАТЕРИАЛЕ КОРПУСА ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА)	159
<i>С.Б. Какваева</i> КАТЕГОРИЯ ФАЗОВОСТИ В ЛАКСКОМ ЯЗЫКЕ	162
<i>А.Р. Каюмова, Г.В. Садыкова, Л.К. Халитова</i> ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ РЕЧИ ДЕТЕЙ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ	165
<i>Ф.Ф. Ларионов, С.В. Филиппова</i> ОБРАЗ ПОБЕДИТЕЛЯ В СПОРТИВНОМ ДИСКУРСЕ	170
<i>В.В. Лебедева, М.В. Никифорова</i> СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОЛЛОКАЦИИ СО СЛОВОМ «마음» В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ	173
<i>В.В. Лебедева, В.А. Федулова</i> ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЗНАКОВ ПРЕПИНАНИЯ В КОРЕЙСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ	177
<i>А.В. Мерзлякова, Е.Д. Ястребова</i> ГИПЕРТЕКСТ И КЛИПОВОЕ МЫШЛЕНИЕ	180
<i>З.У. Назырова, Х.В. Султанбаева</i> ЛЕКСИЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СФЕРЫ “ТЫУҒАН ИЛ” (“РОДИНА”) В ПОЭЗИИ МУСТАЯ КАРИМА	183
<i>С.В. Оленев, Б.Е. Кильдибекова</i> ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЗНАНИЯ УЧАСТНИКОВ РЕЛИГИОЗНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ	186
<i>Т.В. Ордахова, А.Е. Новикова</i> ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА КИТАЙСКИХ АНЕКДОТОВ	190
<i>Л.Д. Раднаева</i> ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СВОЙСТВА И ФОНЕТИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯТЫ СЛОЖНЫХ ГЛАСНЫХ	193
<i>Сунь Бо</i> МОДИФИКАЦИИ ПРОИЗНОШЕНИЯ РУССКОГО СОЧЕТАНИЯ ТИПА СОГЛАСНЫЙ-СОГЛАСНЫЙ В ЧТЕНИИ КИТАЙЦЕВ	196
<i>Ф.А. Тугушева, А.Г. Хамурзова, Л.Х. Хараева</i> ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА В НАИМЕНОВАНИЯХ МЕДИЦИНСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ	198
<i>Хунвэй Ци</i> РИТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НОВОГОДНИХ ПОЗДРАВЛЕНИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РФ	201
АННОТАЦИИ	204

THE RELEASE MAINTENANCE

<i>A.M. Sayarova</i> L. N. TOLSTOY AND MEDIEVAL MOSLEM EAST: PROBLEM OF ARTISTIC- PHILOSOPHIC DIALOGUE	9
--	---

10.01.01 – PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LITERATURE

<i>M.V. Aksenova, T.G. Charchoglyan</i> “NOTES TO THE TRAVEL-GUIDE” BY D.A. GRANIN: IMAGOLOGICAL INTERPRETATION	15
<i>N.V. Barakhanova, N.V. Egorshina</i> DISCOURSES AS A MEANS OF FORMING OF THE SEMANTIC FIELD “CITY” IN THE POETRY BY V. BRYUSOV AND A. BELYI	18
<i>N.V. Barakhanova, S.V. Igonina, T.L. Pavlova</i> "URBAN TEXT" IN VALERY BRYUSOV’S WORK	21
<i>E.N. Bryzgalova, L.N. Schakowskaya</i> DETAILING IN THE PICTURE OF THE WORLD OF SATIRIKON POETS	24
<i>V.V. Bugorskaia</i> DEMONIC HERO OR HUMAN-LIKE DEMON (FOR THE HERO OF NARRATIVE POEM "DEMON" BY LERMONTOV)	27
<i>E.V. Kanishcheva, T.F. Semian, E.V. Fedorova</i> RHYTHMIC COMPOSITIONAL FEATURES OF RUSSIAN PROSE AT THE TURN OF XIX—XX CENTURIES	32
<i>T.L. Pavlova, A.A. Ustinovskaya</i> VYACH. IVANOV AND O. MANDELSHTAM AS INTERPRETERS OF PETRARCA: A LYRIC PLOT OF 311 SONNETS AND ITS TRANSLATION VERSIONS	35
<i>Song Tianyao</i> MAN AND THE WAR: B. VASILIEV’S NOVEL “THE DAWNS HERE ARE QUIET ...” AND XU HUAIZHONG’S STORY “WESTERN JOKES”	38
<i>A.A. Ustinovskaya, T.L. Pavlova</i> SEMANTIC ANTI-NOMIES OF LITERARY TRANSLATION AND ORIGINAL: N. GUMILEV "TO SILVIA" AND J. LEOPARDI “A SILVIA”	42

10.01.10 – PHILOLOGICAL SCIENCES – JOURNALISM

<i>N.M. Borisova</i> ON THE QUESTION OF INSTABILITY OF CONSONANT COMBINATIONS IN BORROWED VOCABULARY OF YAKUT-SPEAKING NEWSPAPERS	45
<i>M.A. Gerayzade</i> FEATURES OF THE AZERBAIJANI PROSE OF THE 60'S	48
<i>Yu.O. Lyubanovskaya</i> EFFECTIVE SPECIAL REPORT: WHAT DO WE DO WRONG? PART 1	52
<i>I.D. Porfireva</i> BASICS OF ENVIRONMENTAL POLICY COVERAGE	56
<i>A.Yu. Tsitsinov</i> USE OF THE UNIVERSAL COMPOSITION SCHEME “ETHOS-LOGOS-PAPHOS” IN THE TEXTS OF MILITARY JOURNALISM (ON THE EXAMPLE OF THE NETWORK EDITION “ARMY STANDARD”)	59
<i>A.Yu. Tsitsinov, Yu.V. Shuyskaya</i> SYNTACTIC ISOSEMIAS AND ITS LACK IN THE TEXTS OF MILITARY JOURNALISM	62
<i>Z.Sh. Sukurdziyeva</i> ISMAIL GASPRINSKI AND THE IDEA OF REVIVAL OF RUSSIAN ISLAM IN THE PAGES OF THE NEWSPAPER "TERDZHIMAN»	65

10.02.01 - PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LANGUAGE

<i>D.R. Valieva</i> USE OF EUFEMISMS IN POLITICAL DISCOURSE	68
<i>M.G. Vodneva, T.S. Kondratieva</i> FEATURES OF CONCEPTUALIZATION OF THE NOTION “CITY” IN THE STORIES OF T.TOLSTAYA (BASED ON THE STORYBOOK «NE KYS»)	71
<i>L.H. Galaeva</i> NAMES OF WILD ANIMALS IN THE INGUSH LANGUAGE	74

<i>Yu.A. Latypova, Z.V. Todosienko</i> MANIPULATIVE POTENTIAL OF EUPHEMISMS (ON MATERIAL OF PUBLIC TEXTS)	77
<i>G.I. Mikhalev</i> TYPICAL DICTIONARY DEFINITIONS OF THE RELATIVE ADJECTIVE LEXIS-SEMANTIC GROUP “BIRDS”	80
<i>Ju Chuanya</i> PHILOLOGICAL FACULTY, DEPARTMENT OF RUSSIAN LANGUAGE OF TOMSK STATE UNIVERSITY	84

10.02.04 - PHILOLOGICAL SCIENCES – GERMANIC LANGUAGES

<i>E.Yu. Aleshina</i> REGISTER CHARACTERISTICS OF THE GENRES OF A PUBLIC POLITICAL SPEECH (BASED ON THE ENGLISH LANGUAGE)	88
<i>V.V. Argunov, K.I. Fedorova</i> FUNCTIONING OF CONCEPTUAL METAPHORS IN ENGLISH SPORT DISCOURSE	92
<i>R.Z. Darzamanova</i> THE TYPICAL MISTAKES BY STUDYING GERMAN AS A SECOND FOREIGN LANGUAGE AND THE EFFICIENT METHODS TO AVOID AND CORRECT THEM	95
<i>R.Z. Darzamanova</i> TEACHING GERMAN AS A SECOND FOREIGN LANGUAGE AFTER ENGLISH AND/ OR TATAR	98
<i>Yu.A. Dzhuraeva</i> PHONETIC PORTRAYAL AS A METHOD OF LINGUISTIC ANALYSIS	101
<i>O.V. Zvada</i> AUTHOR’S EXPRESSION AS A DISTINCTIVE CHARACTERISTIC OF D. TRUMP’S SPEECH	105
<i>H.N. Ismagilova, O.O. Spodarets, G.F. Hakimova</i> ISLAMIC LINGUOCULTURE IN MULTICODE MEDIA TEXTS	108
<i>M.N. Kuznetsova, U.A. Kazakova, V.A. Tubaltseva</i> QUALITY VERIFICATION CRITERIA FOR THE STUDY OF FOREIGN LANGUAGES BY TEACHERS OF THE HIGHER SCHOOL (ON THE EXAMPLE OF THE ENGLISH LANGUAGE)	111
<i>A.V. Merzlyakova, Yu.V. Ryabkova</i> SEMIOTIC SPACE OF ANTI-TOBACCO ADVERTISING	115
<i>S.V. Mursekaeva</i> THE ROLE OF INTONATION IN REALISATION OF DISCOURSE STRATEGIES IN VLOGS	118
<i>S.A. Radionova</i> LANGUAGE MEANS OF EMOTIONAL AND PSYCHOLOGICAL STATE CHARACTERISATION (FROM THE EXAMPLE OF MODERN AMERICAN PROSE)	122
<i>A.S. Rybakova, O.A. Yudina</i> STRUCTURAL PECULIARITIES OF AUSTRALIAN SLANG	125
<i>S.A. Stroykov</i> THE CHANGE IN THE RELATIONSHIPS BETWEEN THE AUTHOR AND THE READER OF A MODERN HYPERTEXTUAL WORK	128
<i>G.R. Timirbaeva</i> PARALLEL CORPORA OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL TEXTS: PRINCIPLES OF COMPILING AND APPLICATION	131
<i>E.B. Tsyganova</i> SEMANTIC-DERIVATION CHARACTERISTICS OF THE VERBAL METAPHORIC NOMINATION OF SPEECH ACTIVITY IN THE ENGLISH LANGUAGE	134

10.02.19 - PHILOLOGICAL SCIENCES – LANGUAGE THEORY

<i>G.H. Aleeva, N.S. Giniyatullina</i> RECONSTRUCTION OF THE CONCEPT “DREAM” ON THE BASIS OF LEXICOGRAPHIC INTERPRETATIONS AND IMPLEMENTATIONS IN WORKS OF LITERARY DIRECTION REALISM.	137
<i>N.V. Archakhova, M.P. Slobodchikova</i> INCREASING OF MOTIVATION IN TEACHING ENGLISH LANGUAGE FOR STUDENTS OF NON-LINGUISTIC HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION	140

10.01.10

А.М. Саяпова д-р филол. наук

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Центр по изучению творчества Л.Н. Толстого и
русского классического литературного наследия,
Казань, Albina.Sayapova@kpfu.ru

Л. Н. ТОЛСТОЙ И СРЕДНЕВЕКОВЫЙ МУСУЛЬМАНСКИЙ ВОСТОК: ПРОБЛЕМА ХУДОЖЕСТВЕННО-ФИЛОСОФСКОГО ДИАЛОГА

В статье на примере повести «Юность» даётся опыт интерпретации текстов Л.Н. Толстого в контексте философско-эстетических традиций Средневекового мусульманского Востока, давшего миру богатейший опыт не только рационального познания мира, но и интуитивно-чувственного. Подобные интерпретации дают возможность выявления перспективных и продуктивных форм межнациональных литературных взаимодействий. На примере текстов Толстого ставится задача о возможности говорить о русско-европейско-восточном симбиозе литератур.

Ключевые слова: *повесть Л.Н. Толстого «Юность», интерпретация, философско-эстетические традиции Средневекового мусульманского Востока.*

Традиционная компаративистика, вслед за ней имагология как междисциплинарная сфера гуманитарного знания говорят о различных типах отношений русской литературы с литературами Запада и Востока. Тенденцией последних лет является повышение интереса к Востоку, её литературе, философско-эстетическим, религиозно-этическим ценностям.

В рамках данной статьи нас интересует возможность осмысления художественных текстов Толстого в контексте философско-эстетических традиций Средневекового Востока, давшего миру богатейший опыт не только рационального познания мира, но и интуитивно-чувственного.

Подобные интерпретации, на наш взгляд, и дают возможность обнаружения перспективных и продуктивных форм межнациональных литературных взаимодействий, которые Вл. А. Луков – один из имагологов России – называет симбиозом литератур (по аналогии с биологическим термином «симбиоз») [2, с. 26]. Если Луков рассматривает русскую литературу как симбионта (участника симбиоза) русско-европейского симбиоза литератур, то наша задача – расширить контекст симбиоза и говорить о русско-европейско-восточном симбиозе литератур.

С тем чтобы подойти к заданной нами теме, представляется необходимым осмысление философско-эстетической мысли Средневекового мусульманско-исламского Востока в контексте литератур мира. С целью уяснения расширительного контекста заявленной темы напомним о более глубинных пластах симбиозных отношений между русской литературой и философско-эстетической мыслью средневекового Востока.

Известно, что русско-восточный симбиоз корнями восходит к европейско-восточному симбиозу. Творчество Гёте, Гейне, Байрона, испытавших влияние восточной поэзии в лице Хафиза, Хайяма, Руми – классические образцы европейско-восточного симбиоза. Русско-европейский симбиоз, выраженный в русском сентиментализме, позже в романтизме и реализме, без сомнения, восходит к тому, что сформировала западная художественная культура в своих отношениях с восточной культурой. К пониманию данного процесса подводят работы целого ряда российских ученых, таких как И. С. Брагинский, М. А. Мамонова, С. Н. Бройтман, М. Т. Степанянц, К. И. Шарафадина и других.

В последние годы повысился интерес к восточным аспектам в русской литературе. Так, на примере творчества А.А. Фета, Ф. И. Тютчева нами был исследован генезис формирования и развития реальных и возможных диалогов творческих сознаний русских поэтов с восточно-исламским миром [4].

Интерес Фета к лирике Гейне, в которой очевидно влияние восточной поэзии, приводит его к непосредственному обращению к лирике персидского поэта Хафиза, а через него – к эстетике и философии мусульманского Востока (циклы «Из Хафиза», «Подражание Восточному»). Обращение к Хафизу сказывается во всём творчестве Фета, определяет характер всей его тропеической системы. Художественно-философское выражение Хафизом сущностного начала мироздания эхом отзывается в западной поэзии и философии Гёте, Гейне, Шопенгауэра, Ясперса, Хайдеггера, что и стало фактором формирования западно-восточного культурно-исторического симбиоза.

Если говорить о Тютчеве, то его обращение к Западу в лице Гёте и Гейне дало ему возможность быть вписанным в контекст не только западной философско-эстетической мысли, но и восточной. Представление о философской лирике Ф. И. Тютчева как явлении «срединной культуры», имманентно содержащей потенциал мысли о человеке и его мире, даёт возможность говорить о творческом диалоге с Западом и Востоком [4].

Статья П. В. Алексеева «Хафиз в творческом сознании Фета является непосредственным продолжением начатого нами [1]. Его также привлёк восточный контекст в типе мышления русского поэта.

В процессе поиска путей решения заданной проблемы «Толстой и Средневековый мусульманский Восток» наше внимание привлекли отдельные описания Толстым явлений природы, в которых мы усмотрели очевидные переключки, пусть весьма отдалённые, между выражением Толстым отношений «человек-природа» и отдельными положениями философии исламского мира, в которых говорится об интуитивно-созерцательном (чувственном) восприятии-познании мира. Происходит подобное сближение, как нам представляется, благодаря толстовскому неосознанному интуитивному чувству глубинного архаического в восприятии человеком природы, в котором нет субъект-объектной разделённости между человеком и его миром-природой. Подобный тип отношений между человеком и природой был осмыслен ещё в средневековой философии арабско-мусульманского мистицизма, например, Ибн Араби, о котором пишут известные востоковеды нашего времени А.В. Смирнов [5], И.Р. Насыров [3]. Художественно-эстетическое выражение такого типа отношений, характерного для исламского мира, находим у Хафиза, Хайяма и других. Гёте, Гейне дают лучшие образцы европейской симбиозной поэзии, вслед за ними Фет, Тютчев, в лирике которых на русской почве формируется подобная симбиозность, содержащая своеобразное олицетворение явлений природы. Теоретиками XX века она было названа неосинкретизмом (Бройтман С. Н.).

Рассмотрим несколько эпизодов с описанием явлений природы из первой трилогии Л.Н. Толстого, в частности, из повести «Юность». Возьмём текст из главы II «Весна»:

«Погода после мокрого снега, который, бывало, Карл Иваныч называл «сын за отцом пришёл», уже дня три стояла тихая, тёплая и ясная. На улицах не видно было клочка снега, грязное тесто заменилось мокрой, блестящей мостовой и быстрыми ручьями. С крыши уже на солнце стаивали последние капли, в палисаднике на деревьях надувались почки, на дворе была сухая дорожка, к конюшне мимо замёрзлой кучи навоза и около крыльца между камнями зеленелась миштая травка. Был тот особенный период весны, который сильнее всего действует на душу человека: яркое, на всём блестящее, но не жаркое солнце, ручьи и проталинки, пахучая свежесть в воздухе и нежно-голубое небо с длинными прозрачными тучками. Не знаю почему, но мне кажется, что в большом городе ещё ощутительнее и сильнее на душу влияние этого первого периода рождения весны, – меньше видишь, но больше предчувствуешь» [Т.Л., с. 219-220].

В этой части идёт повествование о влиянии на юную душу «первого периода весны». Далее Толстой описывает состояние души юного героя, впервые испытавшего «приятное чувство», как реакцию на явления «первого периода весны»:

«Какое-то новое для меня, чрезвычайно сильное и приятное чувство вдруг проникло мне в душу. Мокрая земля, по которой кое-где выбивали ярко-зелёные иглы травы с жёлтыми стебельками, блестящие на солнце ручьи, по которым вились кусочки земли и щепки, покрасневшиеся прутья сирени с вспухлыми почками, качавшимися под самым окошком, хлопотливое чиликанье птичек, копошившихся в этом кусте, мокрый от таявшего на нём снега черноватый забор, а главное – этот пахучий сырой воздух и радостное солнце говорили мне внятно, ясно о чём-то новом и прекрасном, которое, хотя я не могу передать так, как оно сказывалось мне, я постараюсь передать так, как я воспринимал его, – всё мне говорило про красоту, счастье и добродетель, говорило, что как то, так и другое легко и возможно для меня, что одно не может быть без другого, и даже что красота, счастье и добродетель – одно и то же. «Как мог я не понимать этого, как дурён я был прежде, как я мог бы и могу быть хорош и счастлив в будущем! – говорил я сам себе. – Надо скорей, скорей, сию же минуту сделаться другим человеком и начать жить иначе». Несмотря на это, я, однако, долго ещё сидел на окне, мечтая и ничего не делая» [Т.Л., с. 221].

«Приятное чувство», проникшее в душу героя, обостряет умозрительное восприятие героем-повествователем явлений природы, он начинает воспринимать её явления в соотношениях с собственным «я»: «всё мне говорило...» Герой вступает с ней в диалог (явления природы «говорили мне внятно»), в результате чего возникает желание передать «сказанное» природой так, как он это сказанное воспринимает (хотя герой признаётся в том, что не мог передать это сказанное так, «как оно сказывалось ему»).

«Сказанное» природой герой произведения, являющийся субъектом в отношениях с природой, воспринимает как красоту, счастье и добродетель. Умозрительное восприятие природы как реакция на «приятное чувство» приводит его к морально-нравственному толкованию «сказанного» природой: красота, счастье и добродетель возможны для него, что «одно не может быть без другого, и даже что красота, счастье и добродетель – одно и то же». Под влиянием «сказанного» природой происходит самоанализ героем своего внутреннего мира («как дурён я был») – с одной стороны, с другой – возможность быть другим («как я мог бы и могу быть хорош и счастлив в будущем!»). Выписывается возможный нравственный путь героя – «Надо скорей, скорей, сию же минуту сделаться другим человеком и начать жить иначе».

Однако Толстой главу «Весна» на этом не завершает. Описание природы с тем, чтобы говорить о внутренних моральных переживаниях своего героя, которые, казалось бы, привели его к мысли о необходимости «сделаться другим человеком и начать жить иначе», на этом не завершается. Толстой продолжает абзац фразой, на первый взгляд весьма странной после решительных возгласов героя о нравственном становлении героя: «Несмотря на это, я, однако, долго ещё сидел на окне, мечтая и ничего не делая». И далее в объёме 15 строк даётся описание «сильного чувства» героя, испытанного в состоянии абсолютного бездействия (покоя), благодаря которому происходит уже не рационально-умственное восприятие природы, а чувственно-интуитивное ощущение субъектом своей неразделённости с ней. Это состояние как случайное, т. е. не как обычное, повседневное, а как некий свыше данный дар, потрясает героя. Он воспринимает мир в полной его гармонии и красоте. Эти не умозрительные, а чувственные восприятия мира природы возможны в те редкие, как говорит Толстой, «случайные» состояния души человека, когда она (природа) вдруг даёт возможность человеку быть с ней в субъект-объектной неразделённости. Вот эти строки:

«Случалось ли вам летом лечь спать днём в пасмурную дождливую погоду и, проснувшись на закате солнца, открыть глаза и в расширяющемся четырёхугольнике окна, из-под полотняной шторы, которая, надувшись, бьётся прутьем об подоконник, увидеть мокрую от дождя, тенистую, лиловую сторону липовой аллеи и сырую садовую дорожку, освещённую

яркими косыми лучами, услышать вдруг весёлую жизнь птиц в саду и увидеть насекомых, которые вьются в отверстиях окна, просвечивая на солнце, почувствовать запах последождового воздуха и подумать: «Как мне не стыдно было проспать такой вечер», – и торопливо вскочить, чтобы идти в сад порадоваться жизнью? Если случилось, то вот образчик того сильного чувства, которое я испытывал в это время» [Т.Л., с. 221-222].

В этих двух приведённых фрагментах из текста Толстого – два восприятия человеком природы. В первом фрагменте – картина мира, воспринятая человеком нового времени, времени цивилизации. Во втором – природа в восприятии художника, интуитивно близкого к архаической форме художественного сознания, которая теоретиками XX века будет названа неосинкретизмом.

Как пишет М. Хайдеггер, философ XX века, об искусстве нового времени, времени цивилизации, которое началось с эпохи Возрождения, времени, по выражению философа, «постава», «художественное творение становится предметом переживания, а вследствие этого искусство начинает расцениваться как выражение жизни человека» [8, с. 135].

А человек этого времени «стал *subiectum*». «Поэтому он может, в зависимости от того, как он понимает себя и каким волит себя, определять и исполнять сущность субъективности» [8, с. 166]. По Хайдеггеру, во всех основополагающих позициях субъективности возможны самые разные виды эгоизма.

Под влиянием «сказанного» природой о том, что «красота, счастье и добродетель – одно и то же», происходит самоанализ героем своего внутреннего мира («как дурён я был»), желание и возможность быть другим («как я мог бы и могу быть хорош и счастлив в будущем!»). Выписывается возможный нравственный путь героя – «Надо скорей, скорей, сию же минуту сделаться другим человеком и начать жить иначе». Природа в данном фрагменте текста Толстого показана в традиционной её функции, идущей с эпохи Просвещения с её нравственными ориентирами: она работает на эго человека как он себя понимает, она помогает ему определять и исполнять свою волю, в чём и выражается, если говорить на языке Хайдеггера, «сущность субъективности», эго человека.

Как показали, совсем другое в следующем фрагменте текста. В нём напрочь отсутствует рационалистическое видение мира природы, отсутствуют причинно-следственные связи между субъектом (героем) и объектом (природой): природа не учит, не «говорит» голосом «красоты, счастья и добродетели», она просто вызывает в человеке «сильное чувство», позволяющее ему «порадоваться жизнью», т. е. принять её как свыше данное. И потому нет нужды и смысла «слышать» в голосе природы призыва стать другим.

В данном фрагменте текста о восприятии героем природы под влиянием вдруг нахлынувшего «сильного чувства» в состоянии покоя отчётливо проявляется архаическая форма художественного мышления, когда художник понимает, что язык природы не поддаётся логике субъектно-объектных, причинно-следственных отношений. Если природа в первой части текста является объектом: она «говорит», у неё надо учиться быть нравственным и так далее, то во второй части она становится субъектом, родственным человеку и потому герой стремится просто «услышать» в ней «весёлую жизнь птиц».

Такая форма художественного мышления в рамках литературы XIX – первой трети XX века становится характерной для Фета, Тютчева, Пастернака. Как сказал А. Н. Веселовский, в основе подобного типа художественного мышления лежит идея целого, «цепь таинственных соответствий, окружающих и определяющих наше «я» [7, с. 276]. Структурно-семантический анализ приведённого фрагмента текста Толстого из его первой трилогии показал, что подобный тип архаического мышления был характерен и для Толстого, другого современника Фета и Тютчева, о чём можно говорить на примере и других текстов писателя.

Так, возьмём ещё один фрагмент из «Юности», в частности, главу XXVI «Я показываюсь с самой выгодной стороны». В ней даётся два типа восприятия явлений природы. Первый тип восприятия – это восприятие природы как «вида», близкого к искусству, и как таковое она вызывает эстетическое чувство. Толстой пишет:

«Вид был очень ограниченный, но очень задумчивый и грациозный. Мы так привыкли смешивать искусство с природою, что очень часто те явления природы, которые никогда не встречали в живописи, нам кажутся неестественными, как будто природа ненатуральна, и наоборот: те явления, которые слишком часто повторялись в живописи, кажутся нам избитыми, некоторые же виды, слишком проникнутые одной мыслью и чувством, встречающиеся нам в действительности, кажутся вычурными» [Т.Л., с. 298-299].

Толстой завершает свои рассуждения о подобном типе восприятия природы фразой: *«Вид с любимого места княгини был в таком роде»* [Т.Л., с. 299]. Далее Толстой даёт описание природы не как пейзажного «вида», не как красивую картину, а живой, подобной человеку: отсюда ряд олицетворений: *«...старая берёза, которая держась частью своих толстых корней в влажном берегу пруда, макушкой оперлась на высокую, стройную осину и повесила кудрявые ветки над гладкой поверхностью пруда, отражавшего в себе эти висящие ветки и окружающую зелень»* [Т.Л., с. 299].

Интересно в этом фрагменте текста и то, что Толстой говорит о существенных различиях в восприятии человеком природы. Так, восприятие природы княгиней (*«– Что за прелесть! – сказала княгиня...»*) – это эстетическое восприятие, близкое к восприятию искусства, т. е. чего-то сотворённого человеком, а не природой; восприятие Дмитрием (*«Дмитрий завёл с матерью очень логическое рассуждение о том, что никак не может быть прекрасен вид, в котором горизонт ограничен»*) – это умозрительное восприятие природы эстетствующим ценителем как объекта творчества. А вот восприятие природы Варенькой – это несколько другое. Толстой пишет: *«Варенька ничего не говорила»* [Т.Л., с. 299]. Внимание автора-повествователя концентрируется на молчаливом восприятии природы Варенькой: *«...она, опершись на перила мостика, стояла ко мне в профиль и смотрела вперёд. Что-то, верно, сильно занимало её и даже трогало, потому что она, видимо, забылась и мысли не имела о себе и о том, что на неё смотрят»* [Т.Л., с. 299-300].

Предикативная функция молчаливого восприятия природы выражена через ряд глаголов и глагольных форм, семантика которых весьма любопытна в контексте осмысления описанного Толстым эмоционального состояния героини в процессе чувственного восприятия явлений природы. Первую группу составляют деепричастие и два глагола (*«опершись, стояла, смотрела»*), семантическая общность этой группы слов в сходном содержании выражения физического действия героини. Семантику следующей пары глаголов (*«занимало», «трогало»*) можно выразить как действие чего-то внешнего на эмоциональное состояние героини. И, наконец, последняя группа глаголов (*«забылась», «не имела», «смотрят»*) воспринимается как эмоционально-чувственная реакция на воздействие извне. Семантика этой группы глаголов – выражение чувственной реакции на явления природы, при которой отсутствует разделённость между субъектом и объектом восприятия, о чём свидетельствует фраза *«забылась и мысли не имела о себе и о том, что на неё смотрят»*.

В подобном молчаливом восприятии, описанном Толстым, есть то, что можно толковать как родство, пусть весьма дальнее с философско-эстетической мыслью исламского мира. Это родство можно воспринимать как явление, архетипически восходящее к тому, что было наработано ещё средневековым Востоком. Так, известный востоковед М. Т. Степанянц, трактуя категорию молчания в контексте мистической философии Востока пишет: *«Общепринят принцип “молчание – знак высшей мудрости”: “знающий не говорит, говорящий не знает”»* [6, с. 39]

Известно, что исламский мистицизм наряду с логическим знанием (знанием Бога) говорит и о знании, обретаемом исключительно с помощью непосредственных переживаний, или с помощью интуитивно-созерцательного познания. И. Р. Насыров комментирует это так: *«Интуитивно-созерцательное познание предназначено постигать в каждом явлении внутреннюю суть – “свидетельствовать” в каждой вещи Бога, лицезреть Его в бесчисленных явлениях мира. Следовательно, объектом интуитивно-созерцательного познания является Бог в бесконечном процессе Его проявления в универсуме»* [3, с. 408]. Конечно, нет смысла

искать в текстах Толстого упоминания Бога в буквальном смысле. Однако совершенно понятно, что для Толстого Природа и есть божественное проявление мироздания, чем и объясняется своеобразное восприятие и художественное выражение мира природы Толстым.

Итак, текстуальный анализ фрагментов текста Л.Н. Толстого нам показал очевидную переключку между философско-эстетической мыслью русского писателя XIX века об отношениях «человек – природа» и отдельными положениями Средневековой философии мусульманского Востока. Происходит подобное сближение благодаря неосознанному интуитивному чувству Толстым глубинного архаического в восприятии человеком природы, в котором нет субъект-объектной разделённости между человеком и Природой.

Источники

1. *Т.Л. – Толстой Л.Н. Юность // Л.Н. Толстой. Собрание сочинений в двенадцати томах. Том 1. – М.: Правда, 1987. – С. 218-373.*

Список литературы

1. *Алексеев П.В. Хафиз в творческом сознании А.А. Фета // Сибирский филологический журнал, 2014, № 1. С. 71-79.*
2. *Луков Вл.А. Имагология: тезаурусные расширения // Имагологические аспекты русской и зарубежных литератур. – Киров: ООО «Радуга-Пресс», 2012. – С. 15-32.*
3. *Насыров И.Р. Основания исламского мистицизма / Генезис и эволюция / Второе издание. – М.: Языки славянских культур, 2012. – 552 с.*
4. *См. работы: Саяпова А.М. Диалог творческого сознания А. А. Фета с Востоком (Фет и Хафиз). – М.: Флинта-Наука, 2010. – 159 с.; Саяпова А.М. Картина мира в лирике А.А. Фета (диалог творческого сознания Фета с Хафизом) / Учебное пособие. Казань: Казанский университет, 2013. – 158 с.; Саяпова А.М. Реальный и возможный диалог творческого сознания Ф. И. Тютчева с Западом и Востоком. – М.: Флинта-Наука, 2016. – 160 с.*
5. *Смирнов А.В. Великий шейх суфизма / Опыт парадигмального анализа философии Ибн Араби. – М.: Наука, 1993. – 327 с.*
6. *Степанянц М.Т. Философские аспекты суфизма. М.: Наука, 1987. – 192 с.*
7. *Цит по: Теория литературы / В двух томах. Том 2. – М: Академия, 2004. – 361 с.*
8. *Хайдеггер М. Время картины мира //Феноменология. Герменевтика. Философия языка. – М.: Гнозис, 1993. С. 135-167.*

10.01.01– ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

10.01.01

М.В. Аксенова, Т.Г. Чарчоглян

Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина,
кафедра иноязычной профессиональной коммуникации,
Нижний Новгород, marina.v.aksenova@gmail.com, charchoglyantatyana@yandex.ru

**«ПРИМЕЧАНИЯ К ПУТЕВОДИТЕЛЮ» ДАНИИЛА ГРАНИНА:
ИМАГОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ**

Исследование представляет подробный анализ повести «Примечания к путеводителю» Д.А. Гранина с точки зрения имагологии, активно развивающейся науки, которая исследует возникновение и развитие образов национальных культур и их интерпретаций и взаимовлияний. Данное произведение обладает всеми признаками травелога - наличие путешествия как сюжетообразующего элемента, актуализация оппозиции «свой»-«чужой», диалог между путешественником и «чужим», рефлексия этого диалога. Новизна исследования заключается в первом подробном имагологическом анализе произведения, а его актуальность связана с интенсивным развитием имагологии как науки, а также пристальным вниманием многих исследователей к жанру травелога.

Ключевые слова: *травелог, путешествие, Гранин, имагология.*

2019 год — сто лет со дня рождения писателя Даниила Александровича Гранина — объявлен годом увековечивания его памяти. Литературное наследие писателя представлено историческими романами, военными повестями, рассказами, киносценариями, однако далеко не последнее место в нем занимает путевая проза. Автор, опытный путешественник, побывал в Европе, Азии, Америке, Австралии. Гуманистические ценности, которые провозглашал Гранин в своих произведениях, постоянный интерес к человеку побуждали писателя исследовать новые, незнакомые миры и культуры.

В настоящее время имагология изучает возникновение, развитие и взаимное влияние образов национальных культур. Особенно актуальным имагологический подход представляется сейчас: с одной стороны мы наблюдаем тенденцию к глобализации, а с другой – стремление национальных культур сохранить свое своеобразие. Литература путешествий представляет особый интерес с этой точки зрения, т.к. предлагает читателю взглянуть на одну культуру глазами другой. Дискуссии о специфических чертах травелога продолжаются [1], [5]. На наш взгляд, такими чертами являются следующие: путешествие как сюжетообразующий элемент, реализация оппозиции свой-чужой, рефлексия автора, диалог с чужим.

«Примечания к путеводителю» Даниила Гранина являются практически эталонным травелогом, который содержит в себе все перечисленные признаки и отличается неповторимым художественным своеобразием. Повесть вышла в 1967 году в результате поездки Гранина в Англию в составе советской делегации. Само название говорит читателю о том, что это новый уровень рефлексии, не сам путеводитель, но размышления о нем.

Писатель разбирает на составляющие лондонский текст, деконструируя топос путешествия, не оставляя в нем ничего кроме общих мест и банальностей. Он называет восемь обязательных глав о Лондоне, которые обязан написать каждый, кто примется описывать этот город. Тот самый культурный диалог, исследуемый имагологией, и составляет живую энергию, превращающую сухое документирование фактов и написание общих мест в настоящее путешествие, в узнавание места, страны, народа.

В произведении неоднократно возникает мотив маскарада: Эрос на площади Пикадилли оказывается алюминиевым, манекены в освещенных витринах живут своей роскошной жизнью, ночной Лондон внезапно заполняется рекламными огнями, которые поглощают сам город. С этим мотивом связано и противопоставление естественного и искусственного, природы и города, живых чувств и навязанных убеждений. Автор находит выставленные на продажу картины откровенно безвкусыми, насмехающимися над невежественными покупателями. Перейдя в Гайд-парк и увидев эти картины с другой стороны, он чувствует умиротворение и спокойствие. Сам парк обеспечивает пространство тишины и безмятежности: несколько квадратных метров природы посреди города, заповедник естества и подлинности. Автор обращается к весьма актуальному вопросу о способности современного поколения отличать настоящее искусство от поделки, что действительно представляет большую проблему. «Основой «визуальной культуры» личности является умение видеть – не смотреть, а именно видеть», - пишут Н.В. Сырова и В.Н. Чикишев [8, С. 28].

После рассматривания низкопробных картин мыслями автор обращается к воспоминаниям о созерцании действительно прекрасных полотен: Натальи Гончаровой, Шагала, Малевича, Петрова-Водкина. Далее следуют горестные размышления о судьбе художника, не всегда получающего признание в свое время и в своем месте. Автор очень четко делит даже культурное пространство на свое и чужое, не желая отдавать русских художников зарубежным галереям, где он хочет наслаждаться национальным искусством.

Автор размышляет о проблеме одиночества в городе, особенно чужом городе. Глядя на благополучные монотонные дома, неотличимые один от другого, он уже сам не понимает, откуда он пришел и куда ему стоит идти. Возникает мотив противостояния личности городу, в центре этой борьбы — человек. Гранин придерживается современного гуманистического взгляда на эту проблему, когда «антропологический подход даёт возможность выделить из монструозной городской машины человека» [2, С. 14].

Путешественник размышляет об экзотическом стандарте, своеобразном туристическом минимуме каждого места: в Шотландии это клетчатые пледы, замки и Мария Стюарт, в Пскове - снетки. Это ориентиры, которые предоставляет чужой для того, чтобы путешественник смог найти дорогу к нему. Автор старается исследовать другого со всей тщательностью, упрекая порой себя за недостаточное старание. Он смотрит на шотландцев в килте и недоумевает, зачем им нужны белые поясные сумки. Зачем солдату ридикюль? - звучит мотив в его голове. Это небольшой тупик, в который зашел путешественник. Необъяснимая природа другого для него загадочна. «Сразу видно, вы никогда не носили юбки, — сказал мне солдат. — Карманов-то нет!...Это было так просто, что я покраснел. Казалось бы, элементарная задача перевоплощения — представить себя в юбке, и сразу должно стать ясно» [3, С. 343].

Преодоление этого барьера заключается в том, чтобы попробовать самому стать другим. Познав другого, познать себя. Способность вести культурный диалог имеет прямую связь со способностью осознать собственную культурную принадлежность. Так, Зоя Семеновна, приехавшая в Англию вместе с автором, изначально имеет воинственный настрой. «Зоя Семеновна жаждала политических схваток. Но проходили дни, противник почему-то не обращал на нее внимания, уклонялся. Зоя Семеновна изнывала от неистраченной активности» [3, С. 363].

Зоя Семеновна — персонаж, отрицающий «другого», не признающий его самобытность и самоценность. И из-за этого она же не может осознать и в полной мере принять собственную культурную идентичность. Что-то ей кажется жалким, нелепым, мелким, неразумным, как в Англии, так и в России. Она в равной степени стыдится и показаться «дикарем», никогда не видевшим виски, и поклонницей Англии. Ее душевные метания становятся мучительными и она уже стыдится как русских традиций, так и английских.

«Приятно, когда происходит узнавание, даже не совпадение, а именно узнавание», - говорит автор, прогуливаясь по музею мадам Тюссо [3, С. 350]. Совпадение - это результат намеренного поддержания другим стереотипов о себе, образов, сложившихся и закрепившихся в культуре и при этом далеко не всегда истинных. Так мастера музея восковых фигур должны точно угадать, какими должны быть фигуры, чтобы посетители остались довольными, узнав их по фильмам и историческим анекдотам. Узнавание - это понимание, обнаружение того, что имеется верное представление и другом, которое может сложиться только в результате плодотворного обмена.

Потому и недоволен путешественник туристическими автобусами, которые не дают ему раствориться в другом, постичь его настоящую жизнь. Автобусы изолируют туристов, предоставляя им уже готовые впечатления и образы. Искренний интерес к «другому» и отказ от стандартных готовых впечатлений и фальши приводит к возникновению уникальной связи, протягиванию моста между своим и чужим. Так служка в церкви внимательно смотрит автору в глаза и улыбается, журналист делает символический жест: снимает черные очки. Образ «другого» у Гранина не обезличен, он является ему великими учеными, королями и королевами, писателями, художниками. Другой оказывается давно знакомым и родным. Совершая путешествие, автор не только узнает новое, но и лучше понимает «старое» - себя, свою собственную культуру и жизнь.

Список литературы

1. Аксенова М.В. Травелог: путешествие жанра и жанр путешествий. Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 3 (31). С. 170-176
2. Бабаева А.В., Крашенинников А.А. Антропологическое измерение пространства современного города // Вестник Мининского университета. 2019. Т. 7, №2. С. 14.
3. Гранин Д. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 2: Картина: Роман; Повести.- Л.: Худож. лит., 1989. - 536 с.
4. Гуминский В.М. Открытие мира, или Путешествия и странники. М., 1987. 286 с.
5. Гуминский В.М. Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте. М.: Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН, 2017. 608 с.
6. Ильченко Н.М., Маринина Ю.А., Тюрин С.В. Genius loci: Города и страны Европы в восприятии русских и зарубежных писателей: монография. Н.Новгород: НГПУ им. К. Минина; 2013.
7. Поляков О.Ю., Полякова О.А. Имагология: теоретико-методологические основы. Киров: Радуга-ПРЕСС; 2013. 162 с.
8. Сырова Н.В, Чикишев В.Н. Визуальная культура как средство формирования общей и профессиональной культуры человека // Вестник Мининского университета. 2018. Т. 6, № 1. С. 28.

10.01.01

¹Н.В. Бараханова канд. филол. наук, ²Н.В. Егоршина д-р филол. наук

¹Технический институт (филиал)
Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова,
кафедра филологии,

²Военный Университет Министерства обороны,
кафедра языкознания и литературы,
nata.priwet@mail.ru, egorshina.n@mail.ru

ДИСКУРСИВЫ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ГОРОД» В ПОЭЗИИ В. БРЮСОВА И А. БЕЛОГО

Статья посвящена вопросам формирования семантического поля с помощью дискурсивов на примере текстов Валерия Брюсова и Андрея Белого. Оба автора уделяли большое внимание образу города как необычного пространства, особой модели мира. Ведущим дискурсивным приемом формирования семантического поля города становится аккумуляция, применяемая, однако, на разных уровнях организации текста. Брюсов использует аккумуляцию в сочетании с асиндетоном в самих стихотворениях, Белый же прибегает к ее использованию на макроуровне: цикл «Город», формирующий в его творчестве соответствующее семантическое поле, создан с помощью аккумуляции на уровне взаимодействия текстов.

Ключевые слова: *дискурсивы, синтаксис, семантическое поле, город, Брюсов, Белый, аккумуляция.*

Образ города в стихотворениях русских поэтов начала XX века занимал важное место. Город, в противопоставлении деревне, мыслится одновременно и как оплот нового: техники, машин, общественного транспорта, и как отсылка к «вечным городам», сыгравшим важную роль в истории человеческой цивилизации.

Валерий Брюсов неоднократно обращался к образу города в своих стихах, и в его трактовке город приобретает, прежде всего, характерный «звуковой» облик:

Ру-ру, ру-ру, трах, рк-ру-ру...
По вечерам, как поутру,
Трамвай гремит, дзинь-дзинь звонит...
И стук колес, и скок копыт,
И взвизги шин, взносящих пыль,
И-и гудит автомобиль.
Трамвай гремит: ру-ру, ру-ру...
По вечерам, как поутру. [3]

Формируя образ города, поэт использует аккумуляцию: город предстает как «скопление»: беспорядочная совокупность звуков, машин, людей. Лейтмотивом становится суетность, бесцельность. В стихотворении «Конь блед» эта суета поглощает даже всадника Апокалипсиса: замеченный лишь на мгновение, он теряется в городе. Рефреном стихотворения становятся повторяющиеся в начале и в конце строки:

Мчались омнибусы, кебы и автомобили,
Был неисчерпаем яростный людской поток [4].
Как и в «Голосах города», в «Коне бледе» город – это, прежде всего, звуки:
В гордый гимн сливались с рокотом колес и скоком
Выкрики газетчиков и шелканье бичей [4].

Синтаксически эффект скопления, беспорядочной совокупности создается с помощью асиндетона: действия нескольких лиц объединяются в одно сложное предложение:

И в великом ужасе, скрывая лица, — люди
 То бессмысленно зывали: «Горе! с нами бог!»,
 То, упав на мостовую, бились в общей груди...
 Звери морды прятали, в смятеньи, между ног [4].

Таким образом, ведущим признаком городского дискурса у Валерия Брюсова является синтаксическая фигура аккумуляции: накопление разнородных явлений как символ смысловой и качественной неупорядоченности: «аккумуляция (лат. *akkumulare* – нагромождать, собирать) репрезентирует еще один вид «непорядка» в сообщении, так сказать, тотального беспорядка, который точно соответствует переводу с латинского, – нагромождение. Множество частных понятий неорганизованно следуют друг за другом, вместо того чтобы объединиться в одно общее. Целостное представление о содержании сообщения формируется, таким образом, медленно, в ходе сопоставления параллельных, рядов картин, часто в результате осуществления мучительных логических операций и т. д.

Сущность данной фигуры состоит в том, чтобы представить некое часто абстрактное и, в общем, не всегда уловимое—целое серией отдельных его аспектов. Как логическая процедура, подобная задача вообще не может быть решена, поскольку для того, чтобы описать нечто, необходимо прежде всего установить границы этого «нечто». Аккумуляция – фигура, предполагающая отсутствие границ целого, и в этом смысле может чрезвычайно продуктивно использоваться паралогически» [5].

Мотив городской суеты включает в себя не только звуки, но и световые эффекты:

Как звери, в мире не случайные,
 Авто неслись — глаза в огне;
 Рисуя сны необычайные,
 Горели кино в вышине;
 И за углом звонки трамвайные
 Терялись в черной глубине.
 И вот, как гость иного времени,
 Красивый всадник врезан в свет;
 Носки он твердо держит в стремени,
 Изящно, но пестро одет... [2]

Как и в «Конь блед», в стихотворении «Всадник в городе» подчеркивается, что город настолько переполнен звуками, вспышками и хаотичным движением, что даже не замечает гостя из иных времен.

Андрей Белый включает в свою книгу «Пепел» цикл под названием «Город», в который входят стихотворения «Старинный дом», «Маскарад», «Меланхолия», «Отчаянье», «Пир», «Укор», «На улице», «Вакханалия», «Арлекинада», «Похороны», «Пока над мертвыми людьми...», «Прохождение». Отметим, что ни в одном из стихотворений в названии (и в тексте) не упоминается образ города как такового: это некая мозаичная картина действий, которые осуществляются все в том же городе, также своего рода аккумуляция, представленная на более высоком уровне организации текста. Если у Брюсова аккумуляция встроена в стихотворение, то у Белого она представлена в рамках целого цикла стихов. При этом ведущим мотивом становится смерть, мертвенность:

Мы шли его похоронить
 Ватагою беспутно сонной.
 И в бубен похоронный бить
 Какой-то танец похоронный

Вдруг начали. Мы в колпаках
 За гробом огненным вопили
 И фимиам в сквозных лучах
 Кадильницами воскурили.

(«Арлекинада»)

Туда, - где каменный карниз
Светился предрассветной лаской,
И в рдяность шелковистых риз
Обвился и закрылся маской,

Прикидываясь мертвецом...
И пенились – шипели вина.
Возясь, перетащили в дом
Кровавый гроб два арлекина.

(«Вакханалия») [1]

Если в городе Валерия Брюсова царит постоянная суэта и движение, то город Белого – это город арлекинов и мертвецов, которые, по сути, тоже находятся в постоянном движении, но это движение не живое, а мертвое. Вот почему цикл открывает стихотворение «Старинный дом», посвященное воспоминаниям стареющей кокетки. Героиня этого стихотворения существует в двух мирах: в реальности ей семьдесят лет, и все ее прелести давно уже поблекли, а в мечтах она все еще юна и влюблена.

Средством организации семантического поля «город» в творчестве Валерия Брюсова и Андрея Белого, таким образом, становится аккумуляция: прием, позволяющий создать эффект смыслового и семантического нагромождения. Город воспринимается как поле столкновения смыслов, идей, людей, пространство суеты и «броуновского движения». Оба автора вводят в эту аккумуляцию мотив смерти, но делают это по-разному. У А. Белого смерть присутствует в качестве одной из «частей мозаики»: смысловой доминантой действий, осуществляемых в городе, становятся похороны, убийства, мертвецы и пр. У Брюсова же город настолько погружен в охватившую его суету и движение, что, фактически, его жители не замечают смерти, принимающей облик всадника. В городскую суету врываются эсхатологические мотивы: всадник на бледном коне или просто всадник из иных времен, мифологический кентавр даже не заметны жителям города, настолько их оглушает и ослепляет творящееся вокруг них.

Список литературы

1. *Белый А.* Пепел // Сочинения в 2-х томах, М.: Художественная литература, 1990, Том 1. // [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/b/belyj_a/text_0102.shtml (дата обращения 22.12.2019)
2. *Брюсов В.Я.* Всадник в городе // [Электронный ресурс] URL: <http://stih.su/bryusov-v-ya-vsadnik-v-gorode/> (дата обращения 22.12.2019)
3. *Брюсов В.Я.* Голоса города // [Электронный ресурс] URL: <http://stih.su/bryusov-v-ya-golos-goroda-ru-ru-ru-ru-tr/> (дата обращения 22.12.2019)
4. *Брюсов В.Я.* Конь блед // [Электронный ресурс] URL: <http://stih.su/bryusov-v-ya-kon-bled/> (дата обращения 22.12.2019)
5. *Клюев Е.В.* Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция). Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: ПРИОР, 2011. – 304 с.

10.01.01

Н.В. Бараханова канд. филол. наук, С.В. Иголина, Т.Л. Павлова канд. филол. наук

Технический институт (филиал) ФГАОУ ВО
«Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова» в г. Нерюнгри,
кафедра филологии,
pavlova-sizykh@yandex.ru

«ГОРОДСКОЙ ТЕКСТ» В ТВОРЧЕСТВЕ ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА

В статье представлен анализ городского пространства лирики В.Я. Брюсова как одного из открывателей урбанистической темы в поэзии русского символизма. Город проанализирован в разных историко-культурных ипостасях: это некий «абстрактный» город, который наполнен обобщёнными образами-символами; это современный город, данный в его социально-бытовой конкретике; это конкретные города, связанные с величественным прошлым человеческой культуры (Париж, Рим, Венеция). Авторы статьи выявляют основные мотивы и символы «городского текста» как некие коды городского пространства Валерия Брюсова.

Ключевые слова: *городской текст, урбанизм, символизм, поэзия, миромоделирование.*

Валерий Брюсов является открывателем городской темы в поэзии русского символизма. Он отмечает, что урбанистическая тематика интересовала поэтов и в XIX, и в XX веке, но именно у символистов она получила новое звучание благодаря тому, что они впервые в истории культуры почувствовали эстетику города, увидели его красоту.

Так, в частности, Брюсов пишет: «Поэтам, подчинявшимся образцам прошлого, долго казалось, что в современном городе нет “красоты”, что ручейки, пригорки, сад в лунном свете или скалы под бурным небом, шумные потоки, изменчивые облики моря, – “поэтичнее”. <...> Не только у нас, всегда отстающих от западной культуры на несколько десятилетий <...>, но и в Европе, – лишь в самом конце 90-х годов современный город занял свое место в поэзии» [1, с. 184]. Брюсов считает, что город стал источником вдохновения современных писателей лишь в начале XX века. Основы же теоретического изучения городского текста были заложены Ю.М. Лотманом, который представил универсальную модель организации урбанистического пространства [2].

Целью данной статьи является рассмотрение поэзии Валерия Брюсова для выявления специфики городского текста как одного из способов формирования его миропонимания.

В сборнике стихотворений «Urbi et Orbi» Брюсов представляет город в разных историко-культурных ипостасях, что становится отличительной особенностью его стиля и урбанистических описаний.

Сборник открывается циклом «Вступление». В нем городские реалии представлены обобщенно (улицы, лестницы, дома) в качестве отдельных деталей, которые замечает лирический герой, блуждающий в лабиринтах города в поисках духовных откровений.

Особое внимание в городском пейзаже Брюсов уделяет тем символам, которые связаны с мотивом пути: лестнице («Лестница»), окну («Побег»), лабиринтам улиц («Нить Ариадны»).

Если в цикле «Вступление» город предстает в абстрактном и обобщенном виде, то в другом цикле данного сборника, «Песни», у него появляется особенный характер, определяемый описанием жизни людей среднего и низшего сословия – рабочих, дворников, кухарок, проституток, церковных побирушек. Например, в стихотворении «Фабричная 1» само название указывает на социально-классовую принадлежность лирического героя. Примечательно, что герой низкого сословия едва ли не впервые вводится в художественный текст, и эта литературная традиция впоследствии будет продолжена другими авторами, представителями как символизма, так и пролетарской поэзии.

Помимо социальных проблем, связанных с тяжелым трудом, и бедностью, в стихах этого цикла представлена и проблема «невписанности» рабочих, вчерашних крестьян, в каменные джунгли города:

Я в камнях промучился долго,
И в них загубил я свой век [1, 282].

Стихотворения следующего цикла «Картины» представляет собой своеобразные зарисовки с натуры, представленные в форме диалога лирического героя с людьми разных профессий. Например, стихотворение «Каменщик»:

– Каменщик, каменщик в фартуке белом,
Что ты там строишь? Кому?
– Эй, не мешай нам, мы заняты делом,
Строим мы, строим тюрьму [1, 329].

Главный герой представляет собирательный образ городского пролетария, наполненный символическими смыслами. С одной стороны, угрюмый строитель напоминает представителей варварских масс, грубых и необразованных. С другой стороны, мотив строительства и такая деталь, как белый фартук, отсылает читателя к масонству (масон – «вольный каменщик»). Однако эта масонская символика далее иронически обыгрывается автором: «вольный каменщик» строит тюрьму для таких же рабочих и бедняков, как он сам.

Тема города получает продолжение в стихотворении «Веселая». В нем появляется образ красного фонаря, используемый многими символистами как обязательный атрибут современного города. Город в данном случае является проекцией публичного дома, где за деньги можно получить удовольствие, где царит свобода нравов.

В цикле «Думы» город у Валерия Брюсова предстает уже иным. Он лишается социально-бытовых наслоений, являя теперь собой концепт, связанный с человеческой культурой разных времен и народов. Характерно, что в этом цикле города обретают имена, так как именно названия указывают на их роль в жизни человека, определяют значимость в культурном и историческом контексте.

Например, в стихотворении «Италия» возникает образ вечного города, Рима, который отсылает к античной истории и тем самым усиливает эффект восприятия его как воплощение величия и мощи погибшей Римской империи.

В стихотворении «Париж» город представляет одновременно прошлое, настоящее и будущее урбанистической цивилизации. Брюсов представляет Париж не как статичное социально-культурное образование, а как динамическое и подвижное единство – город показан во временном, историческом развитии. В связи с этим можно говорить о его «панхроническом» существовании в разных временных пластах, которые, накладываясь друг на друга, и составляют историю великого города.

Исследователь Л.А. Смирнова отмечает, что в данном стихотворении «дается целостное воплощение жизни – это город, чья «стихия – жизнь», притом очень разнообразная: искусство («Собор Парижской богородицы», воспринимаемый как «мир красок»); история – сменяющие друг друга эпохи варварства, средневековья, сурового владычества Наполеона, годы революций, замыкающие «поток мятущихся времен» [3, 78]. Париж предстает у Брюсова в своей исторической наполненности, но при этом парадоксально вбирает в себя приметы современности («напев газетчиков», «полет экипажей» и пр.) Знаменательно, что в Париже Брюсов усматривает не только квинтэссенцию прошлого и злободневные черты настоящего, но и движение города в будущее – автор как бы предвидит новую эпоху, новую веху городской цивилизации.

В целом лирический герой «Urbi et Orbi» – горожанин, не столько живущий в нем, сколько способный увидеть его со стороны. Брюсов осмысляет феномен города в его внутреннем единстве культурно-исторического наполнения, поэтому постоянно обращается к нему в общем или его составляющим – людям, улицам, атрибутам и символам. Важно отметить, что данное обращение, несмотря на отрицательные характеристики города, все же напоминает благословение. Само название сборника (в переводе с латинского – «Граду и

миру») в звательном падеже воспроизводит формулу папского благословения в католическом богослужении.

В более позднем сборнике «Все напевы» город предстает в другом облике. Он воплощает чудовищную мощь городской цивилизации XX века и рисуется в демонических контрастах.

Город, несмотря на свое механизированное наполнение – заводы, станки, машины – в такой испостаси обладает особой магической властью над человеком, он персонифицируется в образе хтонических чудовищ: «коварного змея», «дракона, хищного и бескрылого», который несет людям беды и несчастья, шлет «Безумье, Гордость и Нужду».

Эти признаки города как демонической, опасной сущности появляются в более раннем сборнике стихотворений В. Брюсова «Stephanos», в цикле «Повседневность». Сатанинские мотивы являются важной приметой городского текста, город символизирует ад на земле. Например, в стихотворении «В ресторане»:

Горите белыми огнями,
Теснины улиц! Двери в ад... <...>
Хохочут дьяволы на страже,
И алебарды их в крови [1, 414-415]

Концепция города как грозного, демонического, искушающего и уничтожающего человека феномена с особой яркостью и силой воплотилась в стихотворении «Конь блед». Тема стихотворения – видение конца света, связанное с гибелью городской цивилизации европейского мира. Апокалипсический всадник на бледном коне сеет ужас, страх и смятение. Финал стихотворения совершенно неожидан для читателя, знакомого с текстом «Откровения Иоанна Богослова», поскольку значительно и знаково трансформирован автором. В данном стихотворении горожане, потерявшие истину и себя, ставшие отчасти машинами, не узнают вестников гибели всего сущего, Божией десницы и, отойдя от первой реакции на появление всадников Апокалипсиса, тут же втягиваются в повседневную суету городской жизни. Это стихотворение Валерия Брюсова обладает глубоким философским смыслом и в определенной степени является пророческим – накануне Российского и мирового апокалипсиса XX века.

В более позднем сборнике «Все напевы» урбанистические мотивы приобретают новое качество – город предстает как некая точка вечности, неизменная ценностная «скала бытия».

Таким образом, обобщив все ранее сказанное, можно говорить о следующем. Город у Брюсова предстает совершенно в специфическом облике, поэту удастся связать воедино конкретику городских будней и мифологическую основу. Урбанистические мотивы и образы реализуют новую авторскую модель мира: согласно ей город являет собой некий новый макрокосм, в котором конкретные черты, факты обретают обобщенно-символический, провиденциально-эсхатологический характер, что приводит к нескольким особенностям понимания городского текста и образа города в лирике. Во-первых, это может быть некий «абстрактный» город, наполненный обобщенными образами-символами, которые выхватывает из окружающей действительности лирический герой; во-вторых, это современный город, данный в его социально-бытовой конкретике, с детальным описанием архитектурных особенностей, с разговорами с людьми разных профессий, которые населяют этот город, являясь его душой, и в-третьих, это конкретные города, связанные с прошлым человеческой культуры и наследием великих цивилизаций (Париж, Рим, Венеция).

Список литературы

1. Брюсов В. Собр. соч.: В 7 т. Т.1. Стихотворения 1892-1909. – М.: Художественная литература, 1975.
2. Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. – СПб.: Искусство-СПБ, 2002.
3. Смирнова Л.А. Русская литература конца XIX – начала XX века, М.: Просвещение, 1993.

10.01.01

Е.Н. Брызгалова д-р филол. наук, Л.Н. Скаковская д-р филол. наук

Тверской государственный университет,
Филологический факультет,
кафедра журналистики, рекламы и связей с общественностью,
кафедра международных отношений,
Тверь, bryzgalovaelena@gmail.com, Skakovskaya.LN@tversu.ru

ДЕТАЛИЗАЦИЯ В КАРТИНЕ МИРА ПОЭТОВ-САТИРИКОНЦЕВ

В статье рассматривается художественная деталь в творчестве поэтов-сатириков. Авторы считают, что детализация изображения была одной из общих характеристик литературы Серебряного века и объединяла сатириконскую поэзию с художественными исканиями акмеистов.

Ключевые слова: *художественная деталь, поэты-сатириконы, акмеизм, стихотворение.*

Журнал «Сатирикон» (с 1913 г. «Новый Сатирикон») был самым популярным сатирическим изданием в России в предреволюционное десятилетие XX в. Постепенно сформировались эстетическая программа, для которой были характерны общий жизненный и эстетический идеал, объект осмеяния и сходные приемы и художественные средства, наконец, общее мироощущение, в котором соединялись не только свойственное всем сатирикам отрицание определенных сторон действительности, но и жизнеутверждающее начало. Это и многое другое позволяет объединить таких не похожих друг на друга поэтов, как Саша Черный (А.М. Гликберг), П.П. Потемкин, Дон-Аминадо (А.П. Шполянский), В.И. Горянский (Иванов), С. Горный (А.-М. А. Оцуп), А.С. Бухов и др., в единое целое.

Художественные поиски сатириков развивались в общем направлении эстетики Серебряного века и во много оказались близкими исканиям акмеистов. Поэзию акмеистов и сатириков сближает взгляд на мир: «земной», «простой», «здешний», увиденный глазами обычного человека и «пропущенный» через его душу. Их сближает антропоцентризм как основа мировидения. При этом, конечно, нужно помнить, что «деятельное любование миром», по выражению Н.С. Гумилёва [2, с. 187], сменяется у сатириков иронической насмешкой над его несовершенством, над глупостью, меркантильностью интересов современников. Но, обличая этот мир, поэты в нём же находили и идеал.

Конкретность, вещность, предметность как характерные черты изображения мира в акмеизме актуализировали детализацию. Нечто подобное можно обнаружить и в произведениях Саши Чёрного, В.И. Горянского, П.П. Потёмкина и др. Часто обилие подробностей в их произведениях способствовало созданию зримой картины: «Трещали цикады в траве колючей, // Издали скрип мажары доносился резкий, // Месяц укрывался лиловой тучей, // Падала тень на монастырь Херсонесский» (В.И. Горянский. «Импровизация») [6, с. 131]. Изображение охарактеризовано многогранно: со стороны звука («трещали цикады», «скрип мажары»), фактуры предметов («колючая трава»), цвета (упоминается лиловая туча, тень, падающая на монастырь).

У акмеистов зрительная деталь (и цветовая как ее разновидность) занимает исключительное место. Не случайно Н.С. Гумилев не раз определял акмеистическую поэзию как «живописную» и противопоставлял ее «музыкальной» поэзии символистов. В его акмеистических стихах яркие и насыщенные тона («от кормы, изукрашенной красным...»; «юный маг в пурпуровом хитоне...»; «...так что сыплется золото с кружев, с розоватых брабантских манжет» и др.) создают запоминающуюся картину. В поэзии сатириков деталь – основа изображения, и в этом они близки к акмеистам. Особое, концептуальное, значение в их стихах обретает цвет, так как наделяется положительной или отрицательной оценочностью (Саша Чёрный. «Пошлость»).

Как и у акмеистов, в поэзии сатириконцев деталь полифункциональна. Если в стихах В.И. Горянского и Тэффи большую роль играет цвет, то у П.П. Потёмкина, Дон-Аминадо, Саши Чёрного и других цветовые характеристики встречаются редко, но зато изображение отличается фотографической чёткостью и точностью. Деталь часто усиливает бытовой план картины: «Царь Соломон сидел под кипарисом // И ел индюшку с рисом» (Саша Чёрный. «Песнь песней») [7, 166]. В творчестве Дон-Аминадо чрезмерная детализация становится средством сатирической оценки: «В зелёно-лиловой гостиной // В убийственно милой семье // Сидели приятные гости // На страшно уютных сомье» («Из Генриха Гейне») [3, с. 131].

Портретная деталь чрезвычайно важна в изображении героя. В стихах молодой А.А. Ахматовой она передает неповторимость облика героини. Её «чёрная юбка», «стоптанные каблуки», чёлка; её жесты («сжала руки под тёмной вуалью»), мимика («у меня есть улыбка одна»), движения («сбежала, перил не касаясь») – всё это делает изображение живым и динамичным. У сатириконцев детализация подчеркивает сатирический, часто шаржированный характер изображения: «Кожа облупилась, складочки и складки, // Из зрачков сочится скука многих лет. // Кто ты, худосочный, жиденский и гадкий?» (Саша Черный. «Отъезд петербуржца») [7, с. 37].

Сатириконцы считали процесс нивелирования личности одним из пороков современного им общества: «Ни единого лица!» (Саша Черный. «Мясо») [7, с. 56]. Восприятие современника как стертой индивидуальности роднит сатириконцев не столько с акмеистами, сколько с модернизмом в целом. Сходные мотивы можно увидеть в романе Андрея Белого «Петербург», в повести А.М. Ремизова «Крестовые сёстры», можно вспомнить картину М.В. Добужинского «Человек в очках (портрет К. А. Сьонненберга)». Характерно, что современники называли её героя «человеком без лица» [4, с. 12–17]. Наверное, подобное обезличивание воспринималось как одна из примет времени. Одинаковость и отсутствие индивидуальности стало характеристикой публики как таковой: «Была у всех одна зеркальная улыбка...» (П.П. Потёмкин. «Парижские зеркала») [5]. Итак, детализация «работала» на создание зрительного образа, при помощи художественной детали поэты передавали ощущение вечности мира, подчёркивали его многообразие и многомерность.

Б.М. Эйхенбаум писал о поэзии А.А. Ахматовой, что «быстрая смена фраз дробит её на части и придаёт интонации подвижный, прерывистый характер» [8, с. 386]. Обилие пауз, точки среди строки, таким образом, способствуют размыванию чёткого стихотворного ритма. Подобный приём часто встречается и у сатириконцев: «Садик. Вечер. Дождик. Клумба. // Гость уполз, раскрывши зонт» (Саша Чёрный. «Визит») [7, с. 233]; «Пасха. Платице в горошину. // Лёгкость. Дымность. Кисея. // Допотопная провинция. // Клёны. Тополи. Скамья» (Дон-Аминадо. «Творимая легенда») [3, с. 201].

Одним из качеств разговорного стиля у акмеистов и у сатириконцев было использование диалогической речи. Причём сатириконцы часто наделяли речью ролевого героя, другими словами, использовали приём маски. Это особенно характерно для стихотворений В.И. Горянского («Симметрия», «Свободомыслящий», «Эмигрантский быт» и др.). В творчестве этого поэта герой-обыватель говорит привычным для себя языком. Он часто передаёт чужую речь: «Не потечёт, говорят, река вспять» [6, с. 134]; «Ты, говорили, человек, ни на что не похожий» [6, с. 160]. В сатирических произведениях В.И. Горянского речь героя всегда выделена стилистически и является одним из основных средств его комической характеристики, как, например, в стихотворении «Едоки»: «У Надежды Францевны, капитанши, // Не сейчас, конечно, а раньше, – // То есть не Надежды Францевны раньше, // А бывшей некогда капитаншей, – // Маленький ресторан» [1].

Реплики героев часто вплетаются в ткань стихотворения у П.П. Потёмкина: «Сказали три дамы // Из “Ямы”: // “Угостите нас пивом”» [6, с. 69]. Саша Чёрный в стихотворении «В Александровском саду» передаёт диалог героев, услышанный как бы со стороны: «На скамейке в Александровском саду // Котелок склонился к шляпке с какаду: // «Значит, в десять? Меблированные “Русь...”» // Шляпка дрогнула и пискнула: ”Боюсь”» [7, с. 248].

По словам Б.М. Эйхенбаума, подобная организация речи придаёт произведениям динамичность и «установку на интонацию», соединение прозаической и поэтической речи воспринимается как «стиховой приём» [8, с. 405, 406].

Итак, многое сближает творчество акмеистов и сатириконцев, но это оборачивается не простым следованием, а творческим использованием и приспособлением к собственным эстетическим нуждам. Детализация, конкретность изображения, антропоцентризм оборачиваются у поэтов «Сатирикона» не приятием мира, а насмешкой над героем – заурядным и ничем непримечательным человеком.

Список литературы

1. *Горянский В.* Эмигрантский быт: Стихи. РГАЛИ. Ф. 2574. Оп. 1. Ед. хр. 7.
2. *Гумилёв Н.С.* Собрание сочинений: В 4 т. М.: Терра, 1991. Т. 4. 362 с.
3. *Дон-Аминадо.* Наша маленькая жизнь: Избранное. М.: Терра, 1994. 766 с.
4. *Неклюдова М.Г.* Традиции и новаторство в русском искусстве конца XIX – начала XX века. М.: Искусство, 1991. 395 с.
5. *Потёмкин П.* Париж. Неопубликованный сборник стихов. РГАЛИ. Ф. 1715. Оп. 1. Ед. хр. 1.
6. Поэты «Сатирикона». М.; Л.: Советский писатель, 1966. 364 с.
7. *Чёрный Саша.* Улыбки и гримасы: Избранное: В 2 т. Т. 1: Стихотворения. М.: Локид, 2000. 672 с.
8. *Эйхенбаум Б.М.* О прозе. О поэзии: Сб. статей. Л.: Художественная литература, 1986. 453 с.

10.01.01

В.В. Бугорская

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
филологический факультет,
кафедра истории русской литературы,
Москва, valeria.bugorskaia@yandex.ru

ДЕМОНИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ ИЛИ «ОЧЕЛОВЕЧЕННЫЙ» ДЕМОН (К ВОПРОСУ О ГЕРОЕ ПОЭМЫ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ДЕМОН»)

В статье представлен проблемный потенциал намерения героя поэмы «Демон» через раскаяние и любовь смертной женщины возвратиться на Небеса. Автор, основываясь на работах ведущих лермонтоведов, анализирует процесс «очеловечивания» Демона. Ключевым методом является рассмотрение явления «лермонтовский человек» и его связи с героем поэмы. В заключении автор статьи приходит к выводу, что преодоление конфликта с Творцом возможно через отречение Демоном от своей сущности, достигаемое через любовь. Однако герой поэмы оказывается подвержен не только человеческим чувствам, но и человеческим страстям.

Ключевые слова: Лермонтов, Демон, «лермонтовский человек», любовь, раскаянье, поэма.

Понятие «лермонтовский человек» является одним из ключевых в лермонтоведении. Оно было введено в Д.Е. Максимовым в книге «Поэзия Лермонтова» (1959). Исследователь так характеризует данный тип героев: «В основании творчества Лермонтова, как уже было сказано, находится отмеченный чертами яркой индивидуальности образ "лермонтовского человека". Этот образ – сложный и напряженный. В полном объеме он раскрывается всем содержанием, сюжетной логикой и лирической тональностью лермонтовских произведений... Сюда относятся три центральных героя трех юношеских драм Лермонтова, Вадим Новгородский – из поэмы "Последний сын вольности", Вадим – герой прозаического романа, Демон, Измаил-Бей, а для зрелого Лермонтова – Арбенин, Печорин, Мцыри и другие персонажи» [8, с. 30].

Особость героев произведений М.Ю. Лермонтова обращала на себя внимание и до фундаментального обобщения Д.Е. Максимова. Так, Е.И. Михайлова в работе «Идея личности у Лермонтова и особенности ее художественного воплощения» (1941) указывает на уникальность образов в произведениях писателя: «Содержание основного образа лермонтовских произведений обнаруживает в нем органическое взаимопроникновение великих общих идей и конкретных личных, индивидуальных чувств, мыслей, настроений. Личность, стоящая в центре лермонтовских произведений, никогда не погружается в самодавяющее самосозерцание и бесцельное смакование эмоций» [10, с. 142].

В современном лермонтоведении вопрос личности «лермонтовского человека» также остается актуальным. Т.С. Милованова, например, в своем диссертационном исследовании «"Лермонтовский человек" как философский и социокультурный феномен в русской литературе первой половины 1830-х годов» (2012) особое внимание уделяет раннему периоду творчества Лермонтова, рассматривая образы героев прежде всего в духовном аспекте личности автора и эпохи.

Г.Е. Горланов в статье «Лермонтовский человек в постижении генезиса "неземного" в стихотворении "1831-го июня 11 дня"» (2017) следует за Д.Е. Максимовым, определяя «лермонтовского человека» как сложное явление, включающее в себя и лирического героя, и в определенной степени авторское «я»: «...образ лермонтовского человека при всей его конкретности необычайно обобщен, он получился сложным, не столько типическим, сколько индивидуализированным» [1, с. 134].

Г.В. Москвин, базируясь на понятии «лермонтовский человек», в статье «Четыре Портрета (Эволюция словесного портрета романного героя М.Ю. Лермонтова - лермонтовского человека) (2018) рассматривает через эволюцию романного портрета эволюцию русской прозы 1830-х годов.

Нам представляется показательным, что в ряд образов произведений Лермонтова, характеризующихся понятием «лермонтовский человек», традиционно включают и героя поэмы «Демон» (1829-1839). Об этом Е.Г. Николаева в статье «"Печаль"/"Грусть" в поэме М.Ю. Лермонтова "Демон"» (2017) замечает: «В этом ряду Демон - это прямо-таки математическая формула "лермонтовского человека" - романтического героя, ибо его отличительные черты явлены в нем, что называется, в чистом виде, освобожденные от затемняющих формулу "слишком человеческих" подробностей (его надмирность, одиночество, бесприютность, скепсис, отверженность, богооставленность абсолютны)» [13, с. 44].

Цель данной статьи – представить проблемный потенциал намерения Демона «с небом примириться».

Одним из первых на проблему раскаяния Демона указывает академик Н.П. Дашкевич в работе «Мотив мировой поэзии в творчестве Лермонтова» (1914): «Правда, иным может показаться изображение Демона, как существа, испытывавшего в течение некоторого времени порыв к возвращению в прежнее состояние душевной гармонии, противоречащим основному характеру демонической натуры; но не должно забывать, что Лермонтов имел в виду выставить в своем Демоне преимущественно неудовлетворение своим существованием, далеко, однако, отстоящее от полного раскаяния» [3, с. 513].

Демон в обывательском представлении всегда относится к миру, чуждому человеку. Это особенное существо, которое воплощает в себе сосредоточение зла, несет гибель и разрушения. Образ inferнального героя должен вызывать отвращение и страх. Однако лермонтовский персонаж совершенно не таков.

Демон в одноименной поэме - герой скорее трагический, вызывающий в большей степени сострадание и сочувствие, нежели чувство отторжения и чуждости. Возможно, такое ощущение складывается из-за *очеловечивания* образа падшего ангела в произведении.

За десять лет работы над поэмой Лермонтов создал восемь редакций: первые пять – так называемы «ранние» редакции и три - «кавказские». «Демон» содержит в себе наиболее важные для Лермонтова идеи, темы, мотивы, отмечает собой основные вехи жизни и творчества поэта. Произведение развивается вместе с художественным мастерством Лермонтова, становясь, по замечанию А. И. Журавлевой, процессом [4, с. 4].

Образ героя поэмы формируется и расширяется автором на всех этапах работы и напрямую связан с идеей возможности раскаяния падшего ангела.

Каждый герой из ряда «лермонтовских людей» в той же степени разнится от остальных, в коей степени они походят друг на друга. Д.Е. Максимов объяснял данное явление так: «Черты этих героев определяются внутренним содержанием их образов, но зависят также от того ракурса, в котором они изображены» [8, с. 30]. Однако все данные герои - люди, исключением становится только Демон, имеющий природу inferнальную, находящуюся за пределами человеческого знания и понимания.

Внутри понятия «лермонтовский человек» создается оппозиция *демонический герой* и *очеловеченный демон*. Например, в незавершенном романе «Вадим» (1832-1834) герой имеет демонические черты: «...они боялись его голоса и взгляда; они уважали в нем какой-то величайший порок, а не безграничное несчастье, демона - но не человека: - он был безобразен, отвратителен, но не это пугало их; в его глазах было столько огня и ума, столько неземного, что они, не смея верить их выражению, уважали в незнакомце чудесного обманщика» [7, с. 8]. М.П. Гребнева пишет о преобладании злого, дьявольского в образе Вадима [2 с. 130]. Однако перед нами человек, эмоции и поступки которого объясняются человеческой природой и который только представляет себя демоном в допущении - «...если б я был чорт...» [7, с. 8]. Г.В. Москвин в статье «Лирические источники поэтики романа

М.Ю. Лермонтова "Вадим"» (2019) замечает по этому поводу: «Сопоставление Вадима с демоном из лирики Лермонтова ценно наблюдением, что именно в прозе более заметен творческий процесс отделения образа демона от образа человека» [11, с. 46].

Совершенно по-другому воспринимается Демон. Он «первенец творенья», а ныне «дух изгнания», взору которого доступны миры, недоступные для человека, память которого хранит практически абсолютное знание о рае и аде, о Творце, ангелах и людях. Далее, обращаясь к рассмотрению образа героя поэмы Лермонтова, назовем особенности, за счет которых создается ощущение близости Демона миру человеческого.

Прежде всего, заслуживают внимания начальные строки поэмы, которые Лермонтов меняет в процессе работы. В ранних редакциях читаем:

*«Печальный Демон, дух изгнания,
Блуждал под сводом голубым»* [5, с. 262]

Начиная с VI же редакции, находим:

*«Печальный Демон, дух изгнания,
Летал над грешною землей»* [5, с. 279]

Получается, что изменилась само пространство пребывания Демона. В ранних редакциях он как будто еще имеет более крепкую связь с Небесами и своей прошлой жизнью, земное не интересует его, взор устремлен к горнему. В кавказских редакциях же земная жизнь становится основной сферой влияния и интересов, взгляд устремлен вниз. В подтверждение тому далее, с VI редакции, появляются строки, которых в ранних редакциях мы не находим:

*«Ничтожной властвуя землей,
Он сеял зло без наслажденья»* [5, с. 280].

Теперь Демон не просто изгнанник, он имеет власть над землей, он приближен к ней и постоянно взаимодействует с людским миром, привнося в него зло.

Основой сюжета для поэмы послужила линия, которую условно можно назвать любовной. Демон встречает смертную девушку, ему кажется, что он способен любить, а любовь, в свою очередь, может подарить ему раскаяние и спасение:

*«И долго сладостной картиной
Он любовался - и мечты
О прежнем счастье цепью длинной,
Как будто за звездой звезда,
Пред ним катилися тогда»* [5, с. 188].

Вовлеченность в тривиальные земные взаимоотношения также заставляет воспринимать падшего ангела с человеческой стороны. Он начинает «примерять» на себя человеческие чувства: любовь («Тоску любви, ее волненье / Постигнул Демон в первый раз» [5, с. 200]); волненье перед свиданием с возлюбленной («Неясный трепет ожидания, / Страх неизвестности немой, / Как будто в первое свиданье / Спознались с гордою душой» [5, с. 200]); ревность и соперничество («Злой дух коварно усмехнулся; / Зарделся ревностью взгляд...» [5, с. 201]) и т.д.

Чувство ревности и соперничества в Демоне сближает его с Арбениным в «Маскараде» (1835). Казалось бы, имея целью раскаяние, Демон должен был бы стремиться к единству с душой Тамары. Однако герой поэмы жаждет любви женщины к нему одному, он не борется за ее душу, он борется за ее чувства. Арбенин ревнует Нину, боясь того, что она будет принадлежать другому, в его душе «целый ад» («за то ль, что целый ад / Мне в грудь ты бросила?» [6, с. 381]). Демон убивает жениха Тамары, чтобы она не стала его женой, начинает являться несчастной девушке с утешениями, со временем добиваясь ее расположения:

*«К тебе я стану прилетать;
Гостить я буду до денницы
И на шелковые ресницы
Сны золотые навевать...»* [5, с. 194]

В сцене противостояния Ангела и Демона ощущается контраст в отношении персонажей к Тамаре. Ангел выступает ее небесным защитником, он укрывает ее крылом, указывая духу зла, что ему не место возле девушки:

*«Твоих поклонников здесь нет,
Зло не дышало здесь поныне;
К моей любви, к моей святыне
Не пролагай преступный след»* [5, с. 201].

Демон же ведет себя не как inferнальное существо, вступающее в противостояние с Небесами за человеческую душу. Он выступает в роли мужчины, желающего обладать безраздельно любовью женщины:

*«Она моя! - сказал он грозно, -
Оставь ее, она моя!
Явился ты, защитник, поздно,
И ей, как мне, ты не судья»* [5, с. 201].

Как Печорин, Демон не может принять поражения в любви. Он губит Тамару лишь потому, что предпринимает попытку вовлечь ее в свой мир, где она станет недоступна ни для земной любви, ни для родных, ни для Ангела, ни для самого Творца.

Таким образом, сверхзадачей в поэме Лермонтова «Демон» является возможность реализации раскаяния павшего ангела и его возвращения на Небеса. Единственно верным способом преодоления отпадения от Творца становится для Демона любовь, способность к которой была изъята Богом у него в наказание, но память об этом чувстве до сих пор жива и терзает изгнанника:

*«Он с новой грустью стал знаком;
В нем чувство вдруг заговорило
Родным когда-то языком.
То был ли признак возрожденья?
Он слов коварных искушенья
Найти в уме своем не мог...
Забить? — забвенья не дал Бог:
Да он и не взял бы забвенья!..»* [5, с. 188-189]

Тамара пробуждает в Демоне волнение и надежду на обретение былого спокойствия. Он одновременно ищет встреч с ней и боится их. Его сущность начинает приобретать человеческие черты, ему становятся доступны человеческие эмоции и чувства. От этого не происходит «снижения» образа, наоборот последним этапом на пути к примирению с Богом должен был быть отказ Демона от своей натуры - натуры гордеца и бунтаря.

Однако inferнальный дух, сближаясь с человеческой природой, оказывается жертвой и человеческих страстей тех, которыми одержимы остальные «лермонтовские люди». Его любовь – любовь-страсть, Тамара должна принадлежать одному ему безраздельно и всецело. Демон испытывает ревность и злобу к тем, кого он считает соперниками. Боязнь потерпеть поражение в любви толкает героя поэмы на отчаянный шаг: поспешить и постараться заполучить Тамару в свой мир. В конце произведения он в отчаянии и злобе последний раз пытается забрать душу героини с собой, но остается один, заложник страстей.

Список литературы

1. Горланов Г.Е. Лермонтовский человек в постижении генезиса «неземного» в стихотворении «1831-го июня 11 дня» // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2017. № 4 (44). С. 132-139.
2. Гребнева М.П. Поэтика демонической темы в романе М.Ю. Лермонтова «Вадим» // Филология и человек. 2017. № 1. С. 129-135.
3. Дашкевич Н.П. Мотивы мировой поэзии в творчестве Лермонтова // Статьи по новой русской литературе академика Николая Павловича Дашкевича. Петроград: тип. Имп. Акад. Наук, 1914. С.411-514.
4. Журавлева А.И. Лермонтов в русской литературе: проблемы поэтики. М., 2001. 285 с.
5. Лермонтов М.Ю. Сочинения в 6 т. Т. 4. Поэмы, 1835-1841. М.; Л., 1955. 427 с.
6. Лермонтов М.Ю. Сочинения в 6 т. Т. 5. Драммы. М.; Л., 1956. 757 с.
7. Лермонтов М.Ю. Сочинения в 6 т. Т.6. Проза, письма. М.; Л., 1957. 900 с.
8. Максимов Д.Е. Поэзия Лермонтова. М.; Л.: Наука, 1964. 266 с.
9. Милованова Т.С. «Лермонтовский человек» как философский и социокультурный феномен в русской литературе первой половины 1830-х годов: автореферат дис. ... кандидата филол. наук. М., 2012. 22 с.
10. Михайлова Е.И. Идея личности у Лермонтова и особенности ее художественного воплощения // Жизнь и творчество М.Ю. Лермонтова. Сборник 1. Исследования и материалы. М.: Гос. изд. худож. лит., 1941. С. 125-162.
11. Москвин Г.В. «Лирические источники поэтики романа М.Ю. Лермонтова "Вадим"» // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2019. № 3. С. 42-47.
12. Москвин Г.В. Четыре портрета (эволюция словесного портрета романного героя М.Ю. Лермонтова - лермонтовского человека) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2018. № 2. С. 61-72.
13. Николаева Е.Г. «"Печаль"/"Грусть" в поэме М.Ю. Лермонтова "Демон"» // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2017. № 3 (26). С. 42-52.

10.01.01

**Е.В. Канищева канд. филол. наук, Т.Ф. Семьян д-р филол. наук,
Е.В. Федорова канд. филол. наук**

Южно-Уральский государственный университет,
кафедра русского языка и литературы,
Челябинск, kanishchevaev@susu.ru, semiantf@susu.ru, fedorovaev@susu.ru

РИТМИКО-КОМПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ ПРОЗЫ РУБЕЖА XIX—XX ВВ.

В статье предложен анализ ритмико-композиционных особенностей писателей, которые своим творчеством представляют ключевые тенденции рубежной эпохи, с ее интересом к синкретичным феноменам, выраженным в том числе во взаимодействии стиха и прозы. На материале анализа творчества В. Короленко, А. Белого, М. Цветаевой сделана попытка представить ритмические особенности русской прозы рубежа XIX—XX вв. Авторы работы используют методику поуровневого анализа текста, которая позволяет выявить взаимосвязь уровней ритмической организации произведения.

Ключевые слова: *ритм прозы, методика поуровневого анализа прозы, проза В. Короленко, проза А. Белого, проза М. Цветаевой.*

Ритм художественной прозы — явление неоднозначное и сложное, существует несколько концепций понимания этого феномена. Ритмическую организацию прозаического текста исследовали видные теоретики на протяжении всего XX века — Б.В. Томашевский, В.М. Жирмунский, А.В. Чичерин, М.М. Гиршман и др. При этом методика анализа ритма прозаического текста на микроуровне была разработана достаточно широко, а из-за больших объемов единиц макроритма и разнообразия их функций сложно описать ритмические характеристики этого уровня произведения. Тем не менее известны работы, в которых описана ритмическая организация текстовых макроуровней: А.В. Чичерин охарактеризовал ритм образа [5], М.М. Гиршман — ритмическую композицию [3].

В данной статье предложен анализ ритмико-композиционных особенностей писателей, которые своим творчеством представляют ключевые тенденции рубежной эпохи, с ее интересом к синкретичным феноменам, выраженным в том числе во взаимодействии стиха и прозы. На материале анализа творчества В. Короленко, А. Белого, М. Цветаевой сделана попытка представить ритмические особенности русской прозы рубежа XIX—XX вв.

Проза В. Короленко была выбрана для изучения ритмических особенностей не случайно — творчество писателя, наследуя традиции классической русской прозы, в то же время отражает важнейшие тенденции литературы рубежа веков.

Специфическая особенность творчества Короленко — повтор сходных сюжетов, образов, тем в отдельном произведении и в контексте всего творчества. Творчество Короленко обладает чертами метатекстовости: в его рассказах и повестях встречаются буквальные и вариативные повторы отдельных слов, фраз, мотивов, образов. В рассказе «Соколинец» образы и мотивы I главы зеркально перекликаются с VIII. Ритмико-композиционный повтор формирует подтекстовый уровень произведения, демонстрирует концептуальный замысел писателя.

Один из важнейших мотивов в творчестве Короленко, ритмически повторяющийся и ставший лейтмотивом творчества, — мотив сна и сновидений. В произведениях писателя выработалась ритмически повторяющаяся индивидуальная лексическая формула: «Долго ли, коротко ли спали» («Соколинец»); «Я заснул. Мне казалось, что я забылся только на мгновение, но, очевидно, прошло довольно много времени» («Черкес») [4]. Короленко обращается ко сну в кульминационные моменты повествования, что делает данный мотив

важнейшим композиционным звеном текстовой организации. Повторяющийся мотив не только развивает сюжет, но формирует одну из ритмических доминант сюжетно-композиционного уровня. В рассказе «Сон Макара» Короленко прибегает к композиционному элементу «необъявленное сновидение». Повествование о том, что происходит с Макаром в реальности, незаметно для читателя сменяется рассказом о сонном видении. В рассказе происходит сбой в ритмическом движении нарратива: там, где в произведении должен быть композиционный переход от реальности ко сну, этот структурный элемент отсутствует.

Естественное сочетание в прозе Короленко композиционного, синтаксического, лейтмотивного ритмов, видов музыкального и стихового ритмов определяет сущность стиля художественной прозы писателя.

Другой вариант воплощения ритма на уровне сюжетно-композиционной организации текста представлен в прозе А. Белого: писатель в своём творчестве стремился осуществить прорыв к невербальному повествованию, делая акцент на необычной организации ритмического и визуального уровней текста.

В произведениях А. Белого часто встречаются буквальные или вариативные повторы на различных художественных уровнях текста, в том числе и на композиционно-тематическом. Использование лексических повторов в одном тексте создает особый ритм повествования, акцентирующий главные «центры-образы» или «центры-мотивы». Причем подобные «центры» характерны не для одного произведения, но и для всего творческого наследия писателя в целом.

Чаще всего повторы слов или целых фраз реализуются в пределах одного фрагмента, что диктует определенную интонацию прочтения и подчеркивает атмосферу повествования. Повторяющийся элемент, как правило, выделен визуально, например, при помощи разрядки. Также ярким способом маркирования повторов становится расположения текста на пространстве страницы: повторяющийся элемент обычно вынесен в отдельную строку либо находится в начале или конце фразы, то есть в композиционно сильных позициях, что может ассоциироваться с такими стихотворными фигурами, как анафора и эпифора.

Другой способ акцентирования композиционного ритма явлен в «Северной симфонии», в которой встречаются «повторяющиеся» эпизоды с одинаковой структурой, при этом идентичная нумерация строк маркирует повторяющиеся события и акцентирует схожесть сюжетных линий. Подобное визуальное оформление схожих эпизодов связано с мотивом зеркала, одним из основных в текстах «симфоний»:

«1. Голубую ночью она стояла, одинокая на вершине башни. Она была чистая красавица севера.

<...>

4. На востоке таяла одинокая розовая облачная башня.

1. На рассвете он сидел вместе с горбатым дворецким в лесной чаще и горько плакал.

<...>

4. На востоке таяла одинокая розовая облачная башня» [1].

Указанные визуально-ритмические особенности прозы А. Белого являются маркером стилевого своеобразия творчества писателя. Расположение текста на пространстве страницы помогает визуально выделить повторяющиеся элементы, что акцентирует ритм образов и лейтмотивов.

Специфической организацией сюжетно-композиционного ритма характеризуется проза М. Цветаевой. Особое сюжетное движение прозы поэта подчеркивал И. Бродский, отмечая, что она «не слишком заботится об убедительности своей прозаической речи, повествование ее, в строгом смысле, бессюжетно и держится <...> энергией монолога» [2].

Действительно, в прозаических произведениях М. Цветаевой можно выявить достаточно явное разделение фрагментов с доминантой сюжетного повествования или с преобладанием описания лирического чувства. Чередование частей с различным эмоциональным наполнением акцентирует специфику ритма прозы поэта.

Наиболее яркий способ реализации сюжетно-композиционного ритма произведений М. Цветаевой — описание аналогичных ситуаций, действий или внутренних переживаний героев. Данная особенность проявляется, как правило, в использовании фразового повтора. Например, в воспоминаниях о Р.-М. Рильке «Твоя смерть» поэт называет три события, особенно волнующих ее, объединяя их обращением к самому близкому человеку, Р.-М. Рильке, акцентируя форму диалога с единомышленником. Оно появляется в финале каждого описания и создает ритмическое ощущение единого, непрерывного действия. Композиционный повтор в данном случае подчеркивает ассоциативность ситуаций.

Сюжетно-композиционный ритм прозы М. Цветаевой можно охарактеризовать через анализ принципа ассоциативности, монтажности в построении сюжета. В то же время композиция произведений писателя может соответствовать некоторым схемам, имеющим явно выраженный ритмический рисунок, например, построению текста по кольцевой композиции. Данный прием представлен в эпистолярном романе «Флорентийские ночи» в способе датировке писем и, следовательно, в развитии чувства героев.

Очевидно, что ритмическая организация формирует особый характер взаимодействия всех уровней текста: фонетического, лексического и синтаксического, композиционного, уровня экспансии стихового начала в прозу и др. Особенности композиционного уровня могут найти специфическое выражение в лексических и фонетических повторах. В таком сгущении ритмических акцентов проявляются особенности ритма художественной прозы.

Ритм прозы позволяет уловить уровень авторского замысла при создании произведения, акцентировать ключевые части текста или центральные фразы фрагмента. Ускорение, замедление, чередование ритмически заряженных фрагментов или сбой ритмического рисунка способно управлять вниманием читателя, создавать особый способ восприятия произведения, акцентировать его концептуальный уровень.

Список литературы

1. *Белый А.* Северная симфония: 1-я героическая. — М.: Скорпион, 1904.
2. *Бродский И.* Поэт и проза // И. Бродский. Бродский о Цветаевой: интервью, эссе. — М.: Независимая газета, 1998. — С. 56—78.
3. *Гиришман М.М.* Ритм художественной прозы. — М., 1982.
4. *Короленко В.Г.* Собрание сочинений в 5 тт. — Л.: Художественная литература, 1989.
5. *Чичерин А.В.* Ритм образа. — М., 1973.

10.01.01

¹Т.Л. Павлова канд. филол. наук, ²А.А. Устиновская канд. филол. наук¹Технический институт (филиал) СВФУ в г. Нерюнгри,
кафедра филологии,²Московский физико-технический институт,
департамент иностранных языков,
pavlova-sizykh@yandex.ru, alyonau1@yandex.ru**ВЯЧ. ИВАНОВ И О. МАНДЕЛЬШТАМ КАК ИНТЕРПРЕТАТОРЫ ПЕТРАРКИ:
ЛИРИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ 311 СОНЕТА И ЕГО ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ВЕРСИЙ**

*Статья посвящена сопоставлению двух переводов сонета Франческо Петрарки “*Quel rossignol, che si soave, piange...*”, выполненным Вячеславом Ивановым и Осипом Мандельштамом. Переводы рассматриваются с точки зрения взаимодействия с оригиналом, полного или частичного отражения идей текста Петрарки. Показано преломление лирического сюжета в двух переводных текстах на примере ключевых фраз оригинала и их соответствий в переводах.*

Ключевые слова: *лирический сюжет, перевод, оригинал, Мандельштам, Вяч. Иванов, Петрарка, интерпретация.*

Перевод 311-го сонета Франческо Петрарки Вячеславом Ивановым и Осипом Мандельштамом подробно разобран в статье Томаса Венцлова «Вячеслав Иванов и Осип Мандельштам — переводчики Петрарки (На примере сонета СССХI)» [1], в которой внимание уделено, главным образом, особенностям двух переводных текстов в сопоставлении друг с другом. Так, сам контекст выполнения двух работ отличается: Иванов переводил различные тексты Петрарки, вошедшие в книгу, выпущенную им в 1915 году. Мандельштам из всего наследия Петрарки в 1933 – 1935 гг. перевел всего четыре сонета, в том числе и сонет “*Quel rossignol che si soave, piange...*”. Это позволяет предположить, что эти сонеты были близки поэту по личным и творческим причинам.

Помимо этого, радикально отличается само литературное направление, в рамках которого выполнялись переводы. Как указывает Т. Венцлова, «В переводческой практике начала XX века сталкивались две линии, которые, впрочем, прослеживаются и в наши дни: линия Анненского (впоследствии Пастернака) и линия Брюсова и Гумилева (впоследствии Лозинского). Переводы Анненского понятны лишь в контексте его собственного творчества, как его дополнение. Они крайне субъективны и предполагают резкие отступления от оригинального текста. Брюсов и Гумилев стремились к большей объективности, даже научности. Но они также включали переводимое в контекст собственного творчества (просто это творчество было другим, его внутреннее строение было более «объективным»). Именно на фоне этих двух течений следует рассматривать переводческие работы двух крупных поэтов эпохи — Вячеслава Иванова и Осипа Мандельштама» [1].

Оба текста, действительно, содержат значительные отступления от оригинала. И. Семенов, рассматривая перевод Мандельштамом текста Петрарки, сопоставляет первую редакцию перевода с окончательным вариантом текста и отмечает, что при значительных отличиях первой редакции от финальной, она также содержит в себе отступления от оригинального текста [2, с. 77].

Общая канва стихотворения Петрарки имеет два смысловых центра: соловей своей печальной песней, в которой он, по предположению поэта, оплакивает либо своих детей, либо свою супругу, напоминает лирическому герою о всевластности и непреодолимости смерти. Это наводит его на мысль о навсегда погасших глазах его любимой.

Когда Петрарка говорит о мыслях, посетивших лирического героя под пение соловья, он употребляет фразу “che ’n dee non credev’ io regnasse Morte” – сложноподчиненное предложение с использованием формы *Congiuntivo Imperfetto*. Дословно эта фраза переводится как «я не думал, что среди богинь правит Смерть». Глагол «править» («царствовать») – *regnare* – поставлен автором в форму *Congiuntivo Imperfetto*, которая по своему смыслу передает не только необходимое в данном случае в соответствии с нормами грамматики согласование времен («я не думал» стоит в прошедшем времени, что вынуждает придаточное предложение также использовать времена из группы прошедших), но также имеет смысл очень малой, но все же возможной вероятности. В предложениях типа *Periodo Ipotetico* использование *Congiuntivo Imperfetto* предполагает малую, но все же возможную вероятность и формирует *Periodo Ipotetico II* типа (*Se fossi presidente* – «Если бы я был президентом...») – говорящий не является президентом, но не исключает вероятности того, что это может случиться). *Congiuntivo Trapassato*, например, в той же ситуации обозначает абсолютную невозможность и формирует *Periodo Ipotetico III* типа (*Se avessi detto queste parole* – «Если бы я (тогда) сказал эти слова...») – сама грамматическая форма сигнализирует слушателю, что вся мысль относится к прошлому, и говорящий уже не сказал в тот конкретный момент этих слов) [3, с. 277]. Петрарка, используя форму *Congiuntivo Imperfetto*, имплицитно добавляет мысль, что он не верил в царствование Смерти, но все же допускал ее вероятность. Поэт не верил, что его богиня (Лаура) смертна, что над ней может царствовать Смерть, однако допускал небольшую вероятность этого – и как раз этой вероятности суждено было сбыться.

В русском языке не существует достаточных грамматических средств для передачи этих смысловых оттенков. В тексте Вячеслава Иванова мысль о неверии передана следующим образом:

Так, вижу я: самих богинь сильней
Царица Смерть! И тем грозит могилой!
О, как легко чарует нас обман!
Не верил я, чтоб тех очей светила,
Те солнца два живых, затмил туман, —
Но черная Земля их поглотила.

Мандельштам же и вовсе избавился от конструкции «Я не верил, что...» и написал, что пение соловья «нудит помнить смертный пот богини». По поводу этой строки И.М. Семенко пишет: «Сначала написано:

И нудит смерть признать моей богини.

Здесь уже есть замечательная «нудит» — звуковая цитата из оригинала другого, СССР сонета (“*nuda è gita*”). Но весь стих еще очень близок к его предшествовавшему варианту («Что смерть нашла прибежище в богине») из обеих ранних редакций. Он также близок к Петрарке («...что над богинями властна смерть»). И вот стих переправляется на парадоксально-физиологическое, совершенно невозможное у Петрарки:

И нудит помнить смертный пот богини... [5]

В первой редакции идея неверия также отсутствовала:

Кто ж без меня поймет и в звук поставит,
Что смерть нашла прибежище в богине... [5]

Т. Венцлова указывает, что «Если Иванов воссоздает или пытается воссоздать то впечатление, которое получает от оригинала Петрарки современный читатель-итальянец, то Мандельштам пробует реконструировать (и даже усилить) впечатление, которое производил Петрарка – сложный и новаторский поэт переходной эпохи — на своих собственных современников» [1]. Это подразумевает, что Мандельштам обращается к трансформационной теории перевода – не просто осуществляет посемный перевод, стараясь максимально передать оттенки значения, как это делает Вячеслав Иванов, но отталкивается от того впечатления, которое производил текст на его изначального адресата. Именно поэтому смысловая связка «пение соловья наводит поэта на мысль о смерти его

возлюбленной» передана у Мандельштама через побуждение: «и нудит помнить». В первых редакциях стихотворения также использовано долженствование.

Интересна также трактовка первой строки в двух переводах. У Петрарки в середину фразы вставлено *si* – «да» (использование *i* с ударением показывает, что это именно «да», а не возвратное местоимение [3]). Иными словами, первая строка дословно переводится как «Гот соловей, который, да, сладко плачет» - в стихотворении Петрарки в нее вложена пресуппозиция, содержащая ответ на некое отрицание – как если бы невидимый собеседник утверждал, что соловей плачет «не сладко», а, к примеру «горько», и поэт отвечал, что плач все-таки сладкий.

Иванов сохраняет словосочетание «сладко плакать», при этом превращая ответ в вопрос:

О чем так сладко плачет соловей

И летний мрак живит волшебной силой? [2]

Мандельштам превращает «плач» соловья в торжественную песнь, при этом, однако, сохраняя синтаксическую разбивку фразы. У Петрарки в качестве вставного использовано слово «да», у Мандельштама – «сиротствующий»:

Как соловей, сиротствующий, славит

Своих пернатых близких ночью синей... [4]

Таким образом, анализ двух переводов сонета Франческо Петрарки показывает, что оба автора – Вячеслав Иванов и Осип Мандельштам – не ставят цели дословно воспроизвести оригинал, и при этом обращаются к двум разным моделям перевода. Иванов обращается к лексике, и в его переводе сонет близок по смыслу оригиналу (значительно ближе, чем у Мандельштама), однако утрачена синтаксическая канва. Мандельштам «пропускает» текст через себя, ставя цель создать не перевод, но воспроизвести впечатление.

Та модель перевода, к которой прибегает Иванов, характерна для художественной литературы. В отличие от него, манера Мандельштама близка переводу рекламных слоганов или названий фильмов. Зачастую перевод дословно далек от оригинала, но его задача – добиться такой же эмоциональной реакции, как у носителя переводящего языка.

Список литературы

1. Венцлова Т. Вячеслав Иванов и Осип Мандельштам — переводчики Петрарки (На примере сонета CCCXI) // URL: <https://lit.wikireading.ru/46073> (дата обращения: 20.12.2019).
2. Иванов Вяч. О чем так сладко плачет соловей... // URL: <https://ru-lyrics.livejournal.com/tag/%D0%9F%D0%B5%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%80%D0%BA%D0%B0> (дата обращения: 20.12.2019).
3. Карулин Ю.А., Черданцева Т.З. Основной курс итальянского языка. Учебник для вузов. – М.: Юрайт, 2011. – 350 с.
4. Мандельштам О. Как соловей сиротствующий славит... // URL: <https://ru.lyrics.livejournal.com/tag/%D0%9F%D0%B5%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%80%D0%BA%D0%B0> (дата обращения: 20.12.2019).
5. Семенко И.М. Поэтика позднего Мандельштама (От черновых редакций к окончательному тексту). – Рим: Carucci editore Roma, 1986. – 128 с.
6. Petrarca F. Quel rosignuol che si soave piagne // URL: https://www.lieder.net/lieder/get_text.html?TextId=12656 (дата обращения: 20.12.2019).

10.01.01

Сун Тяньяо

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
филологический факультет,
кафедра литературы,
Пермь, styaoiya@163.com

**ЧЕЛОВЕК И ВОЙНА: ПОВЕСТЬ Б. ВАСИЛЬЕВА «А ЗОРИ ЗДЕСЬ ТИХИЕ...»
И РАССКАЗ СЮЙ ХУАЙЧЖУНА «ЗАПАДНЫЕ АНЕКДОТЫ»**

Данная статья посвящена рассмотрению повести Б. Васильева «А зори здесь тихие...» и рассказа Сюй Хуайчжуна «Западные анекдоты». Сравнение двух произведений показало, что они оба переполнены неизменно присутствующими в военной литературе чувствами – патриотизма, героизма и гуманизма. Современные писатели военной литературы главное внимание уделяли людям, собственно военные события занимали уже второе место. Это также одна из характеристик современных литературных произведений о войне, значимая тенденция в развитии военной литературы обеих стран.

Ключевые слова: *Б. Л. Васильев, Сюй Хуайчжун, военная литература, Великая Отечественная война, сопоставление литературы.*

Глядя на китайскую литературу с точки зрения мировой литературы, нетрудно заметить, что китайская современная литература имеет очень тесные связи с советской литературой. Особенно тесно связаны литературные произведения китайской военной литературы XX века и советской литературы о Великой Отечественной войне. Писатель Сюй Хуайчжун в интервью рассказал, что его молодежное просвещение происходило благодаря советским произведениям, которые в то время были очень популярны в Китае, например, «Железный поток» А. Серафимовича и «Разгром» А. Фадеева.

Сюй Хуайчжун, китайский писатель, родился в 1929 году в провинции Хэбэй. Был учителем писателя Мо Яня. В 1980 году рассказ Сюй Хуайчжуна «Западные анекдоты» был опубликован в первом номере журнала «Народная литература». Этот рассказ получил премию «Национальные выдающиеся рассказы Китая» в 1980 году и премию «Литература и искусство Народной освободительной армии» в 1983 году.

Повесть «А зори здесь тихие...» – шедевр «третьей волны» советской военной литературы, рассказ «Западные анекдоты» определяется как трансформированное творчество китайской военной литературы в «Новой эре». Два произведения имеют сходные черты с точки зрения формирования образа персонажа, обработки тем и средств художественной выразительности. Однако, вследствие различий национальных условий, национального характера и литературных традиций Китая и России, каждое произведение имеет свои особенности.

В повести «А зори здесь тихие...» рассказывается история о трагической судьбе пяти молодых девушек – зенитчиц в Великой Отечественной войне, об их героической борьбе с немецкими захватчиками. В этой борьбе, чтобы защитить транспортную линию, девушки пожертвовали своей жизнью. В повести не вытканы причудливые сюжеты, но воссоздаются судьбы людей на войне. Используя войну в качестве фона и рамки, писатель создает серию ярких художественных образов. Например, Женя – дочь генерала, ее родители, сестры и братья были убиты фашистами. Она красивая и страстная, как «русалка». Но на борьбе она всегда появляется в самом опасном месте – когда команда была окружена, она отчаянно прыгнула в холодную реку и громко пела песню, а когда враги ушли, ее красивые глаза были полны слез от страха.

История рассказа «Западные анекдоты» произошла в Китайско–вьетнамской войне 1979 года. Героями произведения стали 22–летние молодые солдаты и 6 телефонисток в возрасте 20 лет. Под свинцовым дождем они прокладывают на фронте телефонные линии, чтобы войска могли поддерживать связь с фронтом. Молодой телефонист Лю Маомей погиб в одном из боев.

Писатель не напрямую описывает процесс и детали войны, вместо этого он сосредоточился на героях и создал их образы через «анекдоты», которые могут отражать характеры и внутренний мир персонажей. Писатель упомянул в одной из своих статей: «Я не заставляю солдат в своем произведении совершать войну, а описываю молодое поколение, которое зародилось в этой войне».

Кроме того, еще одна общая черта этих двух произведений заключается в том, что писатели не стремятся создать образы всемогущего «супермена», вместо этого они рисуют характеры простых и обычных людей, особенно их персонажи – женщины. Писатели описывают их страдания на войне, демонстрируют их боль, чтобы тронуть сердца читателей, вызвать симпатию. Еще более ценным является то, что писатели не переставали изображать женщин как «слабых» и «несчастных», но одновременно они изображали и храбрость, и бесстрашие женщин на войне, демонстрируя их величие в обыденности. Различия в изображении женщин связаны и с различием национальных условий и национального характера двух народов.

В повести «А зори здесь тихие...» показана несовместимость женщины и войны. Женщина является символом гармонии и красоты. В рассказе «Западные анекдоты» женщины возрождаются на войне. Очевидны и различия оформления образов персонажей в двух произведениях. Васильев выразил свои взгляды на войну, описав судьбу человека, в его повести жестокая война приводит к разрушению «красоты» и судьбы человека. Сюй Хуайчжун писал о росте человека через войну.

В обоих произведениях основное внимание уделяется формированию людей, а сама война находится уже на втором месте. Писатели выражают богатство и сложность человеческих эмоций через противоречия и конфронтацию любви. Люди делают выбор в противоречивой любви, тем самым также показывается величие простых людей на войне.

В повести и рассказе подробно описываются детали жизни и «анекдоты» персонажей, в которых показывается их любовь: любовь к своим близким, любовь к своим друзьям, любовь к своим товарищам и любовь к любимым людям, страсть. Например, в повести «А зори здесь тихие...» Рита посвятила свою любовь лейтенанту Осянину, который погиб на второй день войны. Деревенская девушка Лиза «по–прежнему ждала завтрашнего дня». В рассказе «Западные анекдоты» писатель сосредотачивается на любви солдата Лю Миаомей и Тао Ке. Они выросли вместе в детстве, но из–за культурной революции расстались. Культурная революция наградила их шрамами, а война заставила встретиться снова. Любовь у персонажей безмолвна и интровертирована. Тао Ке была застенчива и оттолкнула Лю Мингмея, когда он хотел поцеловать ее, но после того как он пожертвовал собой, она заплакала. Такая эфемистическая, менее восторженная любовь – любовь китайского народа той эпохи. Она тихая, скромная, но незабываемая.

Любовь к родине в литературных произведениях – это именно героизм и патриотизм. В романе главные герои участвуют в войне и идут на фронт –так воплощаются их патриотические чувства. Писатель показал их в живых персонажах, с богатым внутренним миром и эмоциями. Они не идеальные, имеют привязанности в этом мире, но, когда они, наконец, сталкиваются с выбором «жизнь или смерть», чтобы защитить родину, смело отказываются от жизни. Так проявляется героизм в произведении. Как сказала Рита в повести, «Родина ведь не с каналов начинается. Совсем не оттуда. А мы её защищали. Сначала её, а уж потом канал». Похожую мысль находим в письме Лю Маомей к матери: «В нашем национальном гимне есть такое предложение: «китайская нация достигла самого опасного момента...», а сейчас именно «опасный момент».

Общность двух произведений – повести «А зори здесь тихие...» и рассказа «Западные анекдоты» проявляется и в использовании авторами средств художественной выразительности. В первую очередь хотелось бы обратить внимание на своеобразие психологизма произведений.

Психологическое описание в повествовательном литературном произведении является важным художественным средством. В создании традиционных текстов сам писатель представляет персонажей, стремится выстроить сюжет, воссоздать окружающую обстановку, иногда для этого автор прибегает к помощи рассказчика. Повесть «А зори здесь тихие...» и рассказ «Западные анекдоты» представляют собой комбинацию двух вышеупомянутых позиций автора. То есть за персонажами стоит сам автор. Описание внутреннего мира героя дается через воспоминания, внутренние монологи, сон и письма, оно выявляет сложный и богатый внутренний мир героев произведения. Таким образом достигается главная цель автора – изображения героев через их внутренний мир.

«А зори здесь тихие...» – воспоминание Васкова, воспоминания других героев также вставляются в произведения. Например, воспоминания Васкова о своих жизненных переживаниях; воспоминания Риты и Лизы о своей любви. А в рассказе «Западные анекдоты» Тао Ке вспоминает трагическую жизнь Лю Маомея и их счастливое детство. Психологическое состояние героев может быть конкретно представлено через их изображение.

Нередко для выражения мыслей персонажа в конкретной ситуации используется внутренний монолог, он во многом способствует формированию характера героя. Например, внутренние монологи старшины Васкова в повести «А зори здесь тихие...», внутренний монолог старого генерала в рассказе «Западные анекдоты» и так далее.

Кроме того, в «Западных анекдотах» внутренний мир персонажей раскрывается с помощью их писем. Письмо, которое Лю Маомей написал своей матери – это признание его души, проявление его широкого разума и патриотизма. Таким образом, расстояние между персонажами и читателями сокращается, и герои могут быть более полно изображены.

Психологическое описание и формы структуры тесно связаны между собой. Время и пространство произведений ограничены описанием события.

Развитие времени также задерживается в зависимости от развития события, пространство ограничено сферой деятельности персонажей. Однако с появлением приема потока сознания в современной литературе, воспоминания, ассоциации героев перегруппировали пространство и время, структура произведения также больше тяготеет к открытой. Такая структура получила название «монтаж».

Структура стиля «монтаж» представляет сюжетную линию в хронологическом порядке, позволяя читателю понять процесс события и одновременно вставить в сюжет переживания и чувства персонажей. Таким образом, писатели могут комбинировать различные временные и космические изображения с помощью воспоминаний, непоследовательной подачи событий и т.д., не ограничиваясь первоначальной логикой сюжета. Это не только способствует отображению более широкой сцены жизни, но и более подробному описанию характера, психологии и судьбы героя.

Военная жизнь никогда не была замкнутой областью, она всегда была связана с общественной жизнью. Поэтому военная литература должна помещать образы военнослужащих в широкие рамки «истории и реальности», «армии и общества». Только путем изображения героев с внутренней точки зрения и разрушения оригинальной структуры можно расширить пространство для выражения внутреннего мира персонажей. То есть использование открытой структуры обеспечивает читателю более широкую картину и дает им больше возможностей для воображения. В этом также состоит успех двух произведений.

Таким образом, сравнение повести «А зори здесь тихие...» и рассказа «Западные анекдоты» подтверждает, что существует много общего между китайской литературой о войне XX века и русской литературой о Великой Отечественной войне, но и различия, конечно, очевидны. Повесть «А зори здесь тихие...» фокусируется на катастрофах,

вызванных жестокостью войны, психологическими изменениями и трагической судьбой обычных людей в войне, чтобы задуматься о взаимоотношениях между человеком и войной, о ценности жизни простых людей. Рассказ «Западные анекдоты» уделяет больше внимание размышлению о разрушении китайского народа Культурной революцией, подавлении человеческой природы и аннигиляции человечности в Культурной революции. Он направлен на то чтобы показать, как ценность людей восстанавливалась после Культурной революции. Интроспекция о Культурной революции китайских военных солдат сделала их более решительными и храбрыми на войне. Можно назвать ее тенденцией развития и важной особенностью современной китайской военной литературы.

Список литературы

1. *Васильев Б.Л.* А зори здесь тихие.... М., Вече, 2010. С. 320.
2. *Ли Шичжун.* Сравнительное исследование рассказа «Западные анекдоты» и повести «А зори здесь тихие...». Пекин. Исследования китайской литературы, 1987, № 2, С.46.
3. *Лю Цзиньбяо, Лу Сичжоу, Фан Фусян.* Материалы исследования по современной китайской литературе // Монография Сюй Хуайчжуна. Пекин. Литературно-художественный издатель Народно-освободительной армии, 1983. С. 341.

10.01.01

¹А.А. Устиновская канд. филол. наук, ²Т.Л. Павлова канд. филол. наук¹Московский физико-технический институт,
департамент иностранных языков,²Технический институт (филиал) СВФУ в г. Нерюнгри,
кафедра филологии,
alyonau1@yandex.ru, pavlova-sizykh@yandex.ru**СЕМАНТИЧЕСКИЕ АНТИНОМИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА
И ОРИГИНАЛА: Н. ГУМИЛЕВ «К СИЛЬВИИ» И ДЖ. ЛЕОПАРДИ “A SILVIA”**

Статья посвящена сравнению текста оригинала стихотворения Джакомо Леопарди «К Сильвии» (“A Silvia”) с переводом Н.С. Гумилева. Используемые Гумилевым приемы перевода также сопоставляются с его теорией перевода. На примере нескольких фрагментов разобраны антиномические противоречия текста оригинала и текста перевода.

Ключевые слова: *перевод, оригинал, Гумилев, Джакомо Леопарди, семантические антиномии.*

Стихотворение Джакомо Леопарди “A Silvia” оплакивает утраченную молодость, мечты и надежды поэта, символом которых становится образ Сильвии – юной девушки, рано умершей от болезни. Стихотворение представляет собой диалог с меняющимися собеседниками: лирический герой обращается то к самой Сильвии, то к безжалостной природе, то к своей утраченной молодости.

Н.С. Гумилев, обращаясь к переводу текста Леопарди, старался максимально придерживаться текста оригинала, в соответствии со своими воззрениями на теорию перевода: «переводчик поэта должен быть сам поэтом, а, кроме того, внимательным исследователем и проникновенным критиком, который, выбирая наиболее характерное для каждого автора, позволяет себе, в случае необходимости, жертвовать остальным. ... Повторим же вкратце, что обязательно соблюдать: 1) число строк, 2) метр и размер, 3) чередование рифм, 4) характер enjambement, 5) характер рифм, 6) характер словаря, 7) тип сравнений, 8) особые приемы, 9) переходы тона, Таковы девять заповедей для переводчика; так как их на одну меньше, чем Моисеевых, я надеюсь, что они будут лучше исполняться» [2].

Начало стихотворения представляет собой обращение к главной героине, Сильвии:

Silvia, rimembri ancora
Quel tempo della tua vita mortale,
Quando beltà splendea
Negli occhi tuoi ridenti e fuggitivi,
E tu, lieta e pensosa, il limitare
Di gioventù salivi? [4]

Поэт дважды употребляет форму Imperfetto, смысл которой в передаче длительного либо часто повторяющегося действия: красота Сильвии «сияла», а она сама «перешагивала» порог юности. Глагол “salire” («подниматься») употреблен в Imperfetto, что подразумевает некий процесс. Лирический герой вспоминает Сильвию в ту пору, когда она была юна и прекрасна, и «была в процессе перешагивания» порога своей юности. У Н.С. Гумилева употреблен глагол «сиять» в несовершенном виде, но при этом глагол «перешагнуть» совершенного вида, с суффиксом «-ну-», передающим смысл однократного действия (ср. *лизнуть, толкнуть, шагнуть*):

Ты помнишь, Сильвия, еще
Твоей земной и смертной жизни время,
Когда сияла красота
В твоих глазах смеющихся и ясных

И ты, задумчивая, улыбаясь,
Перешагнула юности порог. [1]

Далее, во второй строфе у Леопарди песни Сильвии звучали в тихих комнатах и на окружающих улицах:

Sonavan le quiete
Stanze, e le vie dintorno,
Al tuo perpetuo canto,
Allor che all'opre femminili intenta
Sedevi, assai contenta
Di quel vago avvenir che in mente avevi. [4]

Дословно поэт пишет, что «тихие комнаты и окрестные улицы» (“le quiete stanze e le vie dintorno” «звучали» (“sonavan”) от постоянных песен Сильвии (“al tuo perpetuo canto”): то есть звук отражался в комнатах и на улицах, они резонировали от песни.

В переводе Гумилева ситуация представлена несколько иначе: не комнаты и улицы отзываются песням Сильвии, а сами песни «несутся»:

Неслись по тихим
Тропам окружным и светелкам
Неумолкающие песни.
В то время как за женскою работой
Сидела ты, довольна
Тем, что тебе нашептывали грезы. [1]

Помимо этого, в переводе употреблено слово «светелка», имеющее достаточно узкое значение: в соответствии со словарем С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой этим словом называется небольшая комната, обычно расположенная в верхней части жилья [4, с. 687]. Слово “stanza”, употребляемое Леопарди, значительно шире по своему значению: фактически, этим словом можно назвать любое помещение [6, с. 891].

Использованное во второй строфе изменение субъекта встречается в переводе Гумилева еще не раз. Так, финальные строки «К Сильвии» в оригинале демонстрируют переживание смерти Сильвии поэтом: ранняя смерть девушки показывала ему могилу, которая суждена всем:

All'apparir del vero
Tu, misera, cadesti: e con la mano
La fredda morte ed una tomba ignuda
Mostravi di lontano [5].

В оригинале несчастная (“misera”) Сильвия упала (“cadesti”) «в действительность (“all'apparir del vero”), и далее субъектом фразы является все еще Сильвия: она издали показывала смерть и могилу лирическому герою. Глагол «показывать» (“mostrare”) стоит в форме на «ты»: «ты показывала», причем в оригинале представлено противопоставление однократного действия, переданного через Passato Remoto (“cadesti”), действию протяженному, переданному с помощью Imperfetto (“mostravi”). У Гумилева в переводе:

Несчастливая! Погибла ты, столкнувшись
С действительностью. И она рукою
Смерть ледяную, голую могилу
Тебе показывала издали [1].

Во второй фразе меняются действующие лица: не Сильвия показывала поэту могилу и смерть, а действительность («она») показывала смерть и могилу Сильвии. В этом случае становится немотивированным использование слова «издали». У Леопарди имеется в виду, что пережитая им в раннем возрасте смерть Сильвии уже тогда, в юности, демонстрировала ему смерть и могилу, от которой тогда он был далек. Стихотворение «К Сильвии» написано Леопарди в 1828 году, поэту 30 лет, но в силу тяжелого заболевания, которым он страдал с юных лет, и общего депрессивного настроения, Леопарди чувствует себя едва ли не глубоким стариком.

Также интересен перевод одного из ключевых образов стихотворения: «потных бумаг» (“*sudate carte*”) [5]. Леопарди в данном случае автобиографичен: первые десятилетия своей жизни он действительно провел в библиотеке своего отца над книгами, самостоятельно изучая иностранные языки и различные науки, чем подорвал свое и без того слабое здоровье. Как упоминает В. Петрини, в стихотворение заложено противопоставление счастливой и свободной Сильвии и юноши, наблюдающего за ней из своей «крепости» - библиотеки, в которой он фактически заперт [5].

Глагол *sudare* («потеть»), от которого производно причастие *sudato*, имеет также значение «тяжело работать» (ср. русское «трудиться в поте лица») [6, с. 894], и лирический герой стихотворения хочет показать, что голос Сильвии вынуждал его отрываться от бумаг, прислушиваться к живой жизни, воспринимать ее красоту:

Io gli studi leggiadri
Talor lasciando e le sudate carte,
Ove il tempo mio primo
E di me si spendea la miglior parte,
D'in su i veroni del paterno ostello
Porgea gli orecchi al suon della tua voce
Ed alla man veloce
Che percorrea la faticosa tela. [5]

Примечательно, что оба – и лирический герой, и Сильвия – заняты трудом: у него “*sudate carte*”, у нее – “*faticosa tela*” («трудный холст»), он трудится в библиотеке над книгами, она – над шитьем (вышивкой?), и обоим этот труд дается нелегко. У Гумилева не сохраняется антиномия этих образов, как, собственно, не сохраняется и значение «труда»:

И я тогда прекрасные науки
Вдруг покидал и рукописи те,
К которым в ранней юности моей
Привык склоняться я и дни и ночи,
Внизу, с крыльца отеческого дома,
Прислушивался к пенью твоему,
К твоей руке проворной,
Порхающей по грубой ткани [1].

В письме Ахматовой в 1912 Гумилев упоминал о своих попытках изучать итальянский: «Живу я здесь тихо, скромно, почти без книг, вечно с грамматикой, то английской, то итальянской. Данте уже читаю, хотя, конечно, схватываю только общий смысл и лишь некоторые выражения» [3]. Вероятно, он осознавал внесенные им в текст Леопарди изменения, однако на первый план в данном случае вышла достоверность ритмики, сохранение не только образной, но и фонетической и просодической канвы стихотворения, с которой поэт справился блестяще, переводя «К Сильвии» нетипичным для русской стихотворной практики силлабическим стихом.

Список литературы

1. Гумилев Н.С. К Сильвии // [Электронный ресурс] URL: <https://gumilev.ru/translations/10/> (дата обращения 22.12.2019)
2. Гумилев Н.С. О стихотворных переводах // [Электронный ресурс] URL: <https://gumilev.ru/clauses/5/> (дата обращения 22.12.2019)
3. Гумилев Н.С. Письмо Анне Ахматовой, июнь 1912 года // [Электронный ресурс] URL: <https://gumilev.ru/letters/7/> (дата обращения 22.12.2019)
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азъ, 1992. – 944 с.
5. *Petrini Vincenzo Lisciani* A Silvia di Giacomo Leopardi: testo e parafrasi // [Электронный ресурс] URL: <https://www.studenti.it/a-silvia-testo-parafrasi-commento.html> (дата обращения 22.12.2019)
6. *Zingarelli Nicola* Vocabolario della lingua italiana. – Bologna: Zanichelli, 2018. – 1050 p.

10.01.10– ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА

10.01.10

Н.М. Борисова канд. филол. наук

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова,
филологический факультет,
кафедра журналистики,
Якутск, borisovanm1963@mail.ru

**К ВОПРОСУ НЕУСТОЙЧИВОСТИ СОГЛАСНЫХ СОЧЕТАНИЙ
В ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКЕ САХАЯЗЫЧНЫХ ГАЗЕТ**

В статье анализируются изменения согласных сочетаний в заимствованной лексике газет «Кыым», «Саха сирэ», «Киин куорат», «Ил Түмэн». Целью работы является выявление неустойчивости сочетаний согласных заимствований на страницах сахаязычных газет. Теоретическая ценность исследования состоит в том, что материалы статьи могут внести вклад в разработку теории языковых контактов, теории заимствования.

Ключевые слова: *заимствования, фонетизация, сочетание согласных звуков, сахаязычная газета.*

Актуальность работы обусловлена активизацией и возрастанием интереса к проблемам заимствования слов не только в научной среде, но и в обществе в целом. Особое внимание уделяется вопросам изменения сочетаний согласных в заимствованных словах в языке саха. В связи с этим необходимо описать неустойчивости некоторых сочетаний согласных в заимствованной лексике сахаязычных газет “Кыым” (далее – К), “Саха сирэ” (СС), “Ил Түмэн” (ИлТ), “Киин куорат” (КК).

Впервые на особенности фонетического освоения заимствованных слов обратил внимание академик О. Н. Бетлингк. Ученый в своем фундаментальном труде «О языке якутов» (1851г.) установил, что заимствованные слова подвергаются фонетической переделке по звуковым законам якутского языка [2]. В частности, сочетание и замены согласных подводятся под строгие нормы сочетаемости якутских согласных и их позиционных ограничений. А зачинатель якутской литературы, много занимавшийся собиранием языкового, этнографического и фольклорного материала А.Е. Кулаковский, отметил, что можно переделать любое иностранное слово по определенным законам языка [4]. Такой же позиции придерживаются многие исследователи якутского языка. В данной ситуации особое значение приобретают изучение работ таких якутоведов, как Н.Д. Дьячковский, П.С. Афанасьев, Н.Е. Петров, П.А. Слепцов, Е.И. Оконешников и других.

Итак, в современной периодической печати саха большое количество заимствованных слов орфографируется в фонетизированной форме. Это объясняется тем, что сильные расхождения в нормах употребления, сочетаемости, а также целый ряд специфических звуков делают консонантизм двух языков весьма разнообразным и в общем мало похожим [5, с.87]. Наблюдаются большие ограничения в области сочетаемости согласных в начале, середине и конце слова [3, с.26]. Ниже будут кратко рассмотрены неустойчивости сочетаний русских согласных в заимствованиях сахаязычных газет, подвергшихся фонетической переработке согласно нормам фонетики языка саха.

1. Вставка гласного между согласными в начале, середине и конце слова:

- *праздник* > *бырааһынньык*, *право* > *быраап*, *правительство* > *бырабыгыталыстыба*, *правило* > *быраабыла*, *представитель* > *бэрэстэбиитэл*, *предмет* > *биридимийэт*, *председатель* > *бэрэссэдээтэл*, *премия* > *бириэмийэ*, *президент* > *бэрэсидьиэн*, *приз* > *бириис*, *промышленность* > *бырамысыланнас*, *продукция* > *бородууксуйа*, *процент* > *бырыһыан*,

проект > *бырайыак*, *проверка* > *бэрэбиэркэ*, *программа* > *бырагыраама*, *пропаганда* > *бырапыгаанда*, *план* > *былаан*, *площадь* > *болуоссат*. *Ыйытыллыбыттар 13 бырыһыаннара бырабыталыстыба уонна бэрэсидьиэн уларыыахтаабын туһунан эппиттэр* (СС 07.11.19, с.2). В этих примерах сочетания *пр*, *пл* при заимствовании распадаются и начальное *п* передается через *б*. Это объясняется тем, что согласный *п* в языке саха в начале слова не выступает, за исключением отдельных междометных и звукоподражательных словах [6, с.63].

- *бригадир* > *бригэдьиир*, *дружина* > *дуруһууна*, *клиент* > *килийиэн*. *клиника* > *килийиникэ*, *кредит* > *кирэдьиит*, *критерий* > *киритиэрий*, *кружок* > *куруһуок*, *следствие* > *силиэстийэ*, *служба* > *сүлууспа*, *средство* > *сириэстибэ*, *транспорт* > *тырааныспар*, *тракторист* > *тырахтарыыс*, *тренер* > *тириэньэр*, *критика* > *кириитикэ*, *библиотека* > *бибилэтиэкэ*, *республика* > *өрөспүүбүлүкэ*, *фабрика* > *баабырыка*, , *программа* > *бырагыраама*, *предмет* > *биридиммэт*, *округ* > *уокурук*, *секретарь* > *сэкиритээр*, *полномочие* > *боломуочуйа*, *вопрос* > *боппурос*, *условие* > *услуобуйа*, *журналист* > *суруналыыс*. *Улуус бибилэтиэкэтэ аныгылыы хааччыллыбыт ааҕар сааланы таһынан быраап информациятын тириэрдэр кииннээх* (К 07.11.19, с.7). Примеры показывают распадение в начале и середине сочетаний и в результате происходит вставка гласного.

- *кадр* > *каадыр*, *конкурс* > *куонкурус*, *театр* > *тыйаатыр*. *Өрөспүүбүлүкэбэ олохтоох каадырдары – бырамысыланнаска* (ИлТ 08.11.19, с.20). Как видно в сочетаниях *др*, *тр*, *рс* заканчивающихся сонорным *р*, происходит вставка гласного.

- *уголовный* > *холуобунай*, *бизнес* > *биисинэс*, *промышленность* > *бырамысыланнас*, *квартира* > *кыбартыыра*, *квитанция* > *кибитээнсийэ*, *власть* > *былаас*, *врач* > *быраас*, *связь* > *сибээс*. *Көҕүлэ суох биисинэһи тохтотуохха* (КК 21.03.19, с.3). В якутском языке нет звуков *в*, *з*, *ш*. Эти звуки в заимствованных словах распадаются и замещаются звуками, близкими к ним признаками своей артикуляции на *б*, *с* и между ними вставляется гласный звук.

2. Опущение конечного согласного русского этимона

- *объект* > *эбийиэк*, , *проект* > *бырайыак*, *клиент* > *килийиэн*, *область* > *убалас*, *специалист* > *исписэлиис*, *спорт* > *успуор*, *процент* > *бырыһыан*, *тракторист* > *тырахтарыыс*. *Сырыы түмүгүнэн Аҕа баһылык...эбийиэктэри тупсарыы бырайыагар уларытыыны киллэрэргэ соруйда* (К 07.11.19, с.2).

3. Русские сочетания из трех и более согласных в якутской передаче заимствованных слов подвергаются разложению:

- в якутском языке нет сочетания *лн*, *зн*, *сн*, поэтому между ними вставляется гласный звук, при этом *л*, *в*, *с*, оказавшись в интервокальном положении, замещаются на *һ*: *должность* > *дуоһунас*, *праздник* > *бырааһынньык*, *частный* > *чааһынай*. *Саҕа баһылык дуоһунаһыгар киирээт даҕаны...оптубустарга айан сыанатын 2 солкуобайынан түһэрбитэ* (КК 21.03.19, с.6). Здесь в сочетании *лжн* опускается сонорный *л*, так как оно на фонечуждого якутскому языку звонкого шипящего *ж* как бы скрадывается и на якутский слух сливается с гласным *о*, а в сочетаниях *здн*, *стн* в русском языке *д*, *т* не произносятся, это отражается и на заимствованных словах.

- при заимствовании согласные сочетания разделяются вставочными гласными, при этом такие сочетания как *ст*, *сп*, *нт*, *мб*, как имеющиеся в якутском языке сохраняются и не разделяются вставочными гласными:

1) *общество* > *уопсастыба*, *качество* > *хаачыстыба*, *оркестр* > *аркыастыр*, *контроль* > *хонтуруол*, *ансамбль* > *ансаамбыл*, *транспорт* > *тырааныспар*. Здесь в сочетании *ств* звук *в* распадается и замещается близким по своей артикуляции звук *б*, а в сочетании *мбль* последний звук *ль* опускается;

2) *наследство* > *нэһилиэстибэ*, *следствие* > *силиэстийэ*, *средство* > *сириэстибэ*, *искусство* > *ускуустуба*. В сочетании *дств* в русском языке *дс* [тв] ставки и корня произносится как *ц* с долгим затвором [1, с.100], так как звук *ц* в якутском языке отсутствует и в заимствовании обычно передается через *с*. А в сочетании *сств* опускается звук *с*, так как в языке саха нет сочетания трех согласных;

3) *правительство* > *бырабыталыстыба*, *государство* > *судаарыстыба*, *хозяйство* > *хаһаайыстыба*, *представительство* – *бэрэстэбиитэлицибэ*, *министерство* > *министиэристибэ*. Здесь в сочетаниях *льств*, *рств*, *йств* первые и последние согласные разделяются вставочными гласными, при этом звук *в* замещается на *б*, а на звук *ль* также опускается *ь*;

4) *инструмент* > *үстүрүмүөн*, *взнос* > *усунуос*, *справка* > *ыспыраапка*. Здесь происходит сингармонизм в заимствованных словах. В слове *взнос* происходит утрата начального *в* и замещается *з* через *с*, при этом заимствования начинаются вставочными гласными.

Например: *Тэрээһингэ өрөспүүбүлүкэ Ил Дархана, Росавтодор, бырабыталыстыба, бэдэрээттээх уопсастыбаннай тэрилтэлэр бэрэстэбиитэллэрэ, олохтоохтор кыттыахтара* (К 21.11.19, с.2).

В вышеуказанных примерах сахаязычных газет иноязычная лексика подвергался довольно сильным изменениям, т.е.наблюдается подчинение правилам орфографии языка саха. Сегодня журналисты сахаязычных газет увеличивают количество слов, орфографируемых согласно нормам произношения и фонетики языка саха. Иными словами, иноязычная лексика с помощью народно-разговорной окраски превращается в лексическую единицу заимствованного языка, тем самым подвергается изменениям, которые присущи исконной лексике.

Однако на страницах сахаязычных газет не все слова равноценны по своим стилистическим особенностям. Довольно много интернациональных слов в периодической печати имеют преимущественно терминологическое значение, распространились настолько широко, что не отличаются от русских слов и употребляются главным образом в языке науки и техники.

Таким образом, анализ материалов сахаязычных газет показывает, что консонантизм в заимствованиях выдерживается последовательно. В целом, заимствование – прогрессивный процесс, один из источников обогащения языка за счет словаря другого языка.

Список литературы

1. *Аванесов Р.М.* Русское литературное произношение. Москва, изд-во «Просвещение», 1972.
2. *Бетлингк О.Н.* О языке якутов / пер. с нем. В. И. Рассадина. Новосибирск: Наука, 1990.
3. *Дьячковский Н.Д.* О фонетическом освоении заимствованных слов в якутском языке. Якутск: Кн. изд-во, 1962.
4. *Кулаковский А.Е.* Русские слова, перенятые и усвоенные якутами (кроме собственных имен и названий) // Кулаковский А. Е. Научные труды. Якутск: Кн. изд-во, 1979.
5. *Слепцов П.А.* Русские лексические заимствования в якутском языке: (Дореволюционный период). – Якутск. Кн.изд-во, 1964.
6. *Харитонов Л.Н.* Современный якутский язык, ч. 1 – Фонетика и морфология / Под ред. Н.К. Дмитриева. Якутск: ЯкГиз, 1947.

10.01.10

М.А. Герайзаде канд. филол. наук

Азербайджанский медицинский университет,
кафедра иностранного языка,
Баку, nigar.rahimli888@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ПРОЗЫ 60-Х ГОДОВ

Статья посвящена творчеству таких авторов, как С.Ахмадли, М.Сулейманлы, Анар, Ю.Самадоглу, так называемым «шестидесятникам» по проблемам магического реализма в издании «Новый Азербайджан 60-х». Термин «новая азербайджанская проза» появился в азербайджанской литературе в конце 70-х годов. И он стал использоваться, прежде всего, для того, чтобы обозначить характер создаваемой прозы, подчеркнуть ее отличие от прозы традиционной.

Ключевые слова: *Азербайджан, новая азербайджанская проза, литература, традиционная проза, магический реализм.*

Шестидесятые годы – период постепенного высвобождения литературы из колод сугубо партийно-идеологического освещения жизни, поворота к национальным и общечеловеческим ценностям. В литературу пришли не считанные талантливые единицы, а целая новая волна. Это профессиональный отряд мастеров с немалым запасом творческих потенций. При всем различии стилей, тематических пристрастий, эту молодую смену объединяли определенные общие устремления, пафос неприятия заезженных троп и поиски новых решений.

60-70-е годы породили очередную волну творческого интереса к эпохе первых лет Великой Октябрьской революции. Появились произведения, по-новому осмысляющие 20-30-е годы советской власти, то есть годы ее установления и коллективизации, перевернувшей устои старого мира. По-новому освещается классовая борьба тех лет, достоянием художественного исследования становятся сложные, противоречивые судьбы противников и сторонников нового строя (Сабир Ахмедли «Запрещенная игра», 1987 г.).

Прежде всего, «шестидесятников» отличало пристальное внимание к человеку, всматривание в его внутренний мир. Само по себе это внимание естественно для литературы во все времена, недаром ее называют «человековедением». Но речь идет о новых художественных параметрах постижения человека, ранее не замечавшихся или отодвигавшихся на второй план пластов сознания и души, речь идет о вторжении в духовно-психологические глубины. В произведениях азербайджанских «магических реалистов» предстает художественный анализ, художественное исследование индивидуума в нравственно-духовном пространстве эпохи, социума. Этих писателей отличает то, что они пишут не о времени, вершащем события. Ее пронизывает высокогуманная мысль о незаменимости, неповторимости каждого человека, об ответственности общества за него. Обострившееся внимание к человеку привело к углублению и усилению психологизма в прозе. Герой «шестидесятников» никак не укладывается в рамки стереотипных понятий о «советском человеке». С такими неординарными решениями мы встречаемся в прозе Сабира Ахмедли, Анара, Юсифа Самедоглу и др.

Герой изображается в действии, в борьбе, что-то защищая или что-то отстаивая, неизбежно совершает выходящие порой за черту житейской, реалистической разумности, несущие в себе некую «сумасшедшинку», которая оставляет ему два пути – к победе или смерти. Он изображен преимущественно в сфере частной жизни, в отдельных столкновениях – соприкосновениях с общественной стороной и почти не показан в производственно-трудовой деятельности – в этом и заключается главная особенность азербайджанской прозы «шестидесятых годов». Создание такого характера требует от художника непререкаемых

новаций и открытий. Важно не только увидеть в современной действительности характер героя, но найти новые средства для его выражения, суметь проникнуть в глубины его психологии, угадать перспективу его движения. Чтобы лучше раскрыть характер своего героя, не утаивая его слабости и противоречия, автор «идет в глубь человеческой природы» [4, с. 168]. Прозаиков, вступивших в нашу литературу в 60-е и продолжавших свою творческую работу в 70-80-е годы долгое время называли молодыми азербайджанскими писателями. Эта тенденция продолжалась до того, когда вдруг все осознали, что представители «молодой азербайджанской прозы» уже давно вышли из «молодежного» возраста. И тогда вместо привычного определения «молодая» появляется определение «новая азербайджанская проза». Для новой азербайджанской прозы характерно стремление к «малым» формам прозаического жанра – повести, рассказу. Заметно расширился проблемно-тематический и временной диапазон, была заложена новая традиция и в самом подходе к изображению человека в новой действительности.

Новую азербайджанскую прозу отличает ориентация автора на бесконечное время и пространство, что связано с мифологизмом художественного мышления. Мифологизированное авторское сознание ориентировано на бесконечное время, т.е. бесконечно-возможное бытие мифологической картины мира совпадает с бесконечно-возможным бытием образа автора. Этим обусловлено обращение к архетипическим понятиям, вечным образам и символам. Хронотоп в этих произведениях состоит из нескольких взаимонаслаивающихся уровней, образующих один общий и бесконечный пространственно-временной континуум. В новой прозе широко распространялись архаические горизонтальные и вертикальные пространственные модели мира, связанные «с мифологическим символом мирового древа» [5, с.19].

В произведениях Анара («Круг» - «Ağ liman»; «Контакт» - «Əlaqə»; «Цейтнот»), С.Ахмедли («Запрещенная игра» - «Yasaq edilmiş oyun»), Ю.Самедоглу («День казни» - «Qətl günü»), М.Сулейманлы («Кочевье» - «Kös», «Мельница» - «Dəyirman») и др. сюжетные коллизии усиливаются семантическими оппозициями, небо-земля, свет-мрак, далекое-близкое и т.д., социальное зло и добро выражаются с помощью противопоставления неба и земли, частей города и деревни, жизни и смерти и т.д. Сюжет разворачивается по определенному кругу, через определенные периоды все события вновь повторяются. Циклическая концепция времени характерна для социально-философского направления прозы Анара, М.Сулейманлы и др. В произведениях Анара («Контакт», «Круг», «Цейтнот») движение времени соответствует мироощущению современного человека. Часто время и пространство становятся центральным образом произведения. В таких случаях время предстает как символ современности. В «Контакте» Анара фантастические сцены определяются мироощущением экзистенциального героя, «маленького человека» отчужденного от реальной среды.

Все события, происходящие в повести Анара «Контакт», выстраиваются таким образом, чтобы подвести нас к какому-то важному итогу, проясняющему их смысл. Автор в экспозиции вводит нас в атмосферу необычного и сверхординарного (необычна летная жара, утрированно представлен городской, урбанистический пейзаж и т.д.). Но в то же время события происходят, казалось бы, в подчеркнуто повседневной жизни: город – как город, люди – как люди, заботы обычные, дела – тоже. Молодой человек сдает экзамены в институт, живет в общежитии, поступив в вуз, ищет для себя комнату и т.д. Но повесть-то фантастическая, и читатель ждет, как фантастическое начнет вторгаться в реальность. Одна из особенностей повести состоит в том, что фантастические события и элементы органически вплетаются в реально-обозначенную повседневность, и создается при этом такая повествовательная ткань, которая запечатлела нечто сверхъестественное, нереальное, и содержит при этом реалии вполне земные, бытовые. В фантастической повести Анара нет космических кораблей, отправляющихся к далеким галактикам, или астронавтов, устанавливающих контакты с внеземными цивилизациями, нет той необычной, поражающей читательское воображение техники, которая, символизируя собой будущие достижения

науки, эффектно вводится в повествование писателями-фантастами. На поверхности повествования история студента, точнее, абитуриента, который в жаркий летний месяц оказывается вместе с другими абитуриентами в общежитии, затем, после успешных экзаменов, мечтает снять отдельную комнату или угол, чтобы жить в Баку. С этой целью он идет по объявлению, знакомится со старухой, живущей в старом доме и сдающей пустующую комнату своего сына в новом многоэтажном доме на окраине города, вселяется в эту комнату и вот далее и начинаются те странные вещи в этом доме.

Фантастика входит в повествование, как говорится, в чистом виде: на фото меняются изображения лиц, стрелки от настенных часов идут в обратном направлении (не «по часовой стрелке»), двери выходят в комнату, находящуюся в другом доме, появляются «двойники» и т.д. Однако и при этом в повести сохраняется план вполне реальный. Хочется сказать, жутковато-реальный, ибо атмосфера повести временами напоминает дух «готического» романа, некогда популярного у европейского читателя. На этом сочетании полуреального и полуфантастического и держится повествование. К финалу появляется еще один персонаж – сын старухи. Это ученый, астрофизик, который, беседуя со студентом, говорит о вопросах, его волнующих, пытается как-то объяснить все то, что происходит со студентом наяву. И хотя изложение основных «тезисов» решаемой в повести проблемы дается как бы в лоб, открыто, в виде «лекции для студента», повествование не превращается при этом в научный трактат, так как этому разговору в финале предшествовали эпизоды, в которых намечалась, углублялась и художественно иллюстрировалась эта основная проблема. Так, вначале мы видели «некоммуникабельного» молодого человека, не желающего установить «контакт» со своими товарищами по общежитию, но вдумчивого, склонного к самоанализу, склонного одновременно к прагматическим объяснениям всего странного и непонятного и проч. Смысл рассуждений ученого сводится к тому, что мы предполагаем возможную во вселенной разумную жизнь только в тех формах, которые аналогичны нашим, принимаем такие средства и формы «контакта», которые напоминают наши, похожие на них. Но ведь не исключена возможность чего-то качественно и принципиально иного, внеземного, если угодно.

Примечательно в повести то, что ее герой – абитуриент, ставший студентом и начавший приобщаться к научным знаниям. Этот момент удачно обыгрывается у автора, он, по-видимому, хочет сказать, что все мы в постижении вселенной и ее тайн находимся еще на стадии и уровне абитуриента, которому только еще предстоит открывать для себя новые закономерности, новый «код» секретов бытия. И, может быть, в самой обыденной обстановке нас встретит нечто такое, что приведет к перевороту в наших «земных» представлениях, подобно тому, как внес переворот в представлении героя повести – студента ученый-астрофизик. Ведь только после этого появления нового персонажа становятся понятными все события и загадки, с которыми сталкивается студент; туман, окружавший до этого героя, рассеивается.

Смысл новой повести Анара состоит не в простой популяризации научной гипотезы, открывающей просторы для фантазии. Его идея, захватывая своей неожиданностью, ломает привычный ход мышления. Ее «логичность» побуждает мысль двигаться в самых неожиданных направлениях. Она направлена против устоявшихся взглядов и представлений и стимулирует «нетрадиционные» и «неожиданные» построения и умозаключения о жизни вообще. Словом, она, идея, заставляет мысль «работать», сомневаться и искать. Их появление на литературной арене – самое знаменательное событие XX века. Просветители Азербайджана продемонстрировали своим творчеством классический пример вступления восточной литературы в широкие контакты с мировым литературным процессом. Именно с приходом этих талантливых новобранцев литература стала отрешаться от пафосной риторики, «черно-белого» показа, «положительно-отрицательной сортировки». Они находились в творческом расцвете, их богатая палитра была нацелена на новые художественные открытия, готова для освоения новых жизненных пространств. В распоряжении азербайджанских прозаиков был и собственный национальный опыт, и опыт зарубежных собратьев по перу.

Список литературы

1. *Anar*. Nəsrin fəzası // Azərbaycan. Ədəbi bədii jurnal, 1984 №7
2. *Əhmədov S.* Yasaq edilmiş oyun. Romanlar. Bakı: Yazıçı, 1988, 360s
3. *Əhmədov T.* XX əsr Azərbaycan yazıçıları. Ensiklopedik məlumat kitabı. Bakı: Nurlan, 2004, 984 s.
4. *Айтматов Ч.* Точка присоединения / Вопросы литературы, 1976, №8, стр.168.
5. *Гаджиев А.* Мотивы мирового древа в азербайджанской мифологии// Адабият ве индженет, 1982, №2, стр.19.

10.01.10

Ю.О. Любановская канд. филол. наук

Балтийский федеральный университет им. И. Канта
Институт гуманитарных наук,
Калининград, lakunamia@gmail.com

**ЭФФЕКТИВНЫЙ СПЕЦИАЛЬНЫЙ РЕПОРТАЖ:
ЧТО МЫ ДЕЛАЕМ НЕ ТАК?
ЧАСТЬ 1**

В статье рассматриваются причины снижения эффективности коммуникационного воздействия специального репортажа на региональном эфирном телевидении. В исследовании анализируются предпосылки и последствия дисбаланса представленности сторон конфликта, эмоциональной презентации проблемно-тематического ядра, низких показателей обратной связи. Выявленные тенденции свидетельствуют о нарушениях управления инфопродуктом в функциональном и технологическом аспектах.

Ключевые слова: инфопродукт, региональное телевидение, специальный репортаж, презентация, дисбаланс, репутация, социальное взаимодействие.

Специальный (или проблемный) репортаж, как следует из названия, медийная жанроформа, раскрывающая долговременный конфликт интересов, в котором принимают участие две и более сторон, достаточно значимый и типический в социальном плане, чтобы привлечь к себе внимание массовой аудитории [5].

Использование дефиниции “репортаж” в данном конкретном исследовании не есть указание на привязку феномена к сугубо информационно-новостийной группе жанров, а скорее дань технологической специфике используемой платформы. Когда мы подчеркиваем статическую природу последней – например, при публикации материала аналогичной тематики в прессе – мы чаще используем наименование “проблемная статья” [3]. В случае радио- или телевизионной версии материала, о которой мы и будем говорить далее, более уместно звучит обозначения “специальный (проблемный) репортаж” [5] - и как дань динамичной природе платформы, и как наиболее вероятностная модель композиционного решения. Вместе с этим, иногда вещатели также используют наименование “круглый стол”, “беседа”, “ток-шоу”, “расследование” [3] в виду большей коммерческой привлекательности, заложенной в такой форме анонсирования. В результате мы сталкиваемся с достаточно “пестрым” по формальным признакам (жанр, длительность, студия/натура, периодичность и т.п.) эмпирическим материалом, тем не менее, объединенным общими целями, задачами и реализуемыми вещателем функциями, количеством и качеством участников, принципами и схемами подготовки и проведения.

В качестве эмпирической базы исследования нами методом сплошной выборки был собран и проанализирован массив материалов соответствующей тематики и жанроформы, вышедший в 2019 году у калининградских эфирных вещателей (ВГТРК “Вести. Калининград” и НТРК “Каскад”), что в совокупности составило 75 выпусков телепрограмм: “Позиция” (1, программа закрыта), “Угол зрения”(2, программа закрыта), “Городской курьер” (70), “Разговор о главном”(3), “Ваше право”(2), малая часть из которых носила монотематический характер, а большая содержала в себе несколько различных сюжетов. Именно по этой причине мы сознательно исключили из массива выборки программы, в основу которых положена односторонне изложенная жалоба или констатация проблемы самим журналистом (“Вести. Время местное” и “Новости Каскада”), а также те сюжеты в рамках отобранных ранее программ, что формально не соответствовали понятию конфликта, и таким образом сузили эмпирическое поле до 81 материала.

По идее, подобного рода материалы должны быть крайне востребованы в современном медиа-пространстве. Несмотря на необходимость серьезной и всесторонней проработки материала, большие временные и человеческие затраты на производство, данный инфопродукт оказывается не только интересным и захватывающе-провокативным, он также полезен аудитории, социальным институтам, государству, как форма диалога, решения проблемы, вариант реализации социальных практик, образец для подражания [4].

Однако, как следует из скудных результатов выборки, на практике этого не происходит. Федеральные телеведущие могут, но “бегут” данного формата, предпочитая заниматься либо формированием идеологического сознания масс, либо формированием информационной повестки дня, что сегодня уже в принципе малоразлично. Региональные ведущие чаще не могут, хотя и просто обязаны реализовывать данный формат, если желают по духу и форме соответствовать идее локализации, положенной в основу функционирования регионального ТВ. Выводы проведенного нами исследования говорят в пользу, как минимум, двух причин такого положения вещей: функционального и технологического свойства. Первое, как правило, имеет отношение к выбору непродуктивной цели всеми участниками коммуникации; второе – к выбираемой модели субъектно-объектных отношений. И если последнее еще как-то попадает в зону внимания ведущих, озабоченных текущими рейтингами популярности, то первое, в виду своей глобальности, откладывается в стопку “о вечном”. Между тем, мы постараемся доказать, что их взаимовлияние определяющее.

Фокусом для анализа описанного выше достаточно разнородного по качеству инфопродукта, так и эффектов, им порожаемых, выступил такой объединяющий его атрибут как эффективность, который мы рассматривали с трех позиций:

- количества участвующих сторон (степени представленности в рамках проблемы), принятых на себя актерами ролей (их значимости, продуктивности);
- качества отображения проблемно-тематической сути конфликта (рациональные, эмоциональные презентация и развитие темы, поиск путей решения проблемы, апеллирование к системе вознаграждения);
- качества обратной связи (непосредственной, опосредованной, моментальной, отложенной на разных уровнях социального взаимодействия).

По результатам анализа первой позиции в большинстве случаев (89%) мы имеем ситуацию дисбаланса представленности, как количественной, так и качественной.

Наиболее зримо дисбаланс отражается на качественной составляющей представленности. Опираясь на суть конфликта, журналист, как правило, разрабатывает тему в дихотомическом ключе, выбирая либо участников с полярными позициями, либо с полярными интересами, чтобы гарантированно раздуть конфликт сильнее. Чаще всего ось конфликта проходит в материально-финансовой плоскости (74%), поэтому традиционные пары – это граждане и чиновники (47%), чуть реже гражданские организации/объединения и чиновники (41%), сравнительно редко чиновники и чиновники (12%). Для освещения воспитательных, культурных, морально-нравственных конфликтов (21%) более типичными являются пары граждане и граждане (37%), граждане и социальные институты (67%). Остальные случаи (5%) надо отнести к ситуации гражданско-правовых претензий, где стороны определяет закон.

Отсутствие или слабая представленность на программах явно неангажированных третьих лиц (примерно 1:6), например, экспертов, третейских судей и арбитров, “простых людей с улицы”, моральных авторитетов, с одной стороны, сужает поле конфликта, вплоть до монохромного искажения повлекшей конфликт действительности; с другой стороны, выводит дискуссию на уровень антагонизма, когда у каждой из сторон нет иного правильного мнения, чем свое. Надо ли говорить, что присутствие явно или латентно ангажированных третьих лиц, понимаемых как группа поддержки, только раззадоривает присутствующих и усиливает враждебность.

Примечательным является и количественное наполнение пар. “Пострадавшая” сторона конфликта (истец) почти всегда (96%) численно меньше, чем сторона ответчика. Это понятно и оправдано с точки зрения общечеловеческой (стремление к безопасности, комфортное

нахождение в группе единомышленников), но профессионально не допустимо. На практике это приводит к более агрессивному и доминантному групповому поведению численно большей стороны, а соответственно оборонительной стратегии и тактике меньшинства. Особенно удручающими выглядят случаи, когда одна из сторон представлена лишь одним человеком, даже если это эксперт. Вместо рационального обсуждения проблемы начинается “переход на личности”, а аудитория, задолго до того как разберется в сути проблемы, априори принимает либо сторону “жертвы” (как правило, женская и возрастная часть аудитории), либо “стаи” (мужская и более молодая часть аудитории). Шансы на продуктивное разрешение конфликта в данном случае, к сожалению, стремятся к нулю. Кстати, происходит это и в тех случаях, когда сторона “пострадавших” представляется заочно или ее требования озвучивает сам журналист. Несмотря на определенные предпочтения “хозяина” программы, в большинстве рассматриваемых случаев региональные журналисты пытаются ограничить свою работу фактом постановки проблемы, возможно, не рискуя идти на обострение отношений с властями, как например, делали их предшественники в программах “В тему” (2013-2014 гг.) и “Полезный Калининград” (2016-2017 гг.). По-видимому, выбор непродуктивной цели коммуникации (номинация конфликта, но не его разрешение), исподволь приводит к выбору непродуктивной модели коммуникации, непродуктивным ролям участников, их составу.

Данное предположение находит свое подтверждение и по результатам анализа второй позиции – качества представления проблемно-тематической сути конфликта. Самоочевидно, эмоциональная презентация конфликта превалирует над рациональной (около 80%), особенно в том случае, если мы имеем дело со студийной формой подачи. Возможно, стороны подсознательно копируют манеру поведения участников федеральных шоу. Возможно, пострадавшая сторона жаждет в первую очередь моральной компенсации, слабо веря в возможность решения проблемы посредством публичной огласки. Возможно, даже придя на программу, стороны мало верят в результативность медийного вмешательства. В любом случае, дискуссия в студии не получается: стороны слышат лишь себя, практически сразу переходят на повышенные тона, плач и причитания, оскорбления и угрозы. Иногда столкновения разворачиваются и в ходе репортажных съемок на натуре (около половины сюжетов “Городского курьера”). Складывается ощущение, что более продуктивным драйвером социальных практик сегодня выступает сочувствие, а не достижение социальной справедливости и законности.

По-видимому, журналисту легче подхватить настроение, чем пытаться структурировать инфоповод: рассмотреть проблему с позиции статистики, закона, прецедентов, опыта возможных вариантов решения. Все вышеперечисленное требует времени, сил, знаний, ресурсов наконец. И это без гарантии, что стороны конфликта останутся довольны: большая часть решений всегда находится в области компромисса, на который эмоционально ангажированная аудитория не готова. Вероятно, этим объясняется содержательное превалирование постановки проблемы (98%) над выяснением ее причинно-следственных связей и последствий. Отсюда превалирование преимущественно информационных сюжетов подсьемки (демонстрируются в ходе студийной дискуссии), а не аналитических разборов, позволяющих сторонам перейти к следующему этапу дискуссии, то есть синтезу решения. Между тем, повторимся, в 2016-17 гг. подобный опыт на региональном телевидении был. В эфире ГТРК “Каскад” в программе “Полезный Калининград” пошагово разъяснялся алгоритм перерасчета коммунальных платежей, выстраивания земельных отношений, получения материальной помощи и много другого, отталкиваясь от частного, единичного факта обращения.

Интересна эта, к сожалению, уже вышедшая в тираж программа и в таком аспекте, как апеллирование к системе вознаграждения [2]. Ее соведущим был председатель Горсовета Калининграда. Выбранная модель коммуникации позволяла ему не только демонстрировать свою эффективность (паблисити должностного лица), но и получать удовольствие от совершения единичных “добрых дел” (репутационная самоидентификация). Он выступал на

стороне “ответчика”, но в отличие от участников текущего года, не уходил в глухую оборону, не оправдывался, не пытался сместить фокус внимания, а реально помогал в разрешении проблемы. Репутационные выгоды оказывались выше репутационных издержек, конечно, в том числе из-за тщательного выбора тем, но факт остается фактом: ситуативная результативность была на лицо. А это несколько отличается от “победной риторики” участников 2019 года – все они пытались перевести внимания с решения конкретных проблем конкретных людей на общие цифры достижений отрасли, региона, страны. С сожалением, мы не можем указать ни одного случая решения “точечной проблемы” в эфире за год (0%).

Третья позиция анализа эффективности, связана с вопросами качества обратной связи, показателей интерактивности телепрограммы. Прежде всего, отметим тот факт, что только в двух программах сценарием предусмотрено непосредственное участие аудитории: “Позиция” и “Разговор о главном”. В обеих программах аудитория отделена от участников “загончиками”, и лишь ведущий решает, когда и сколько аудитория может задать вопросов. Но если ведущий “Разговоров о главном” воспринимает ее исключительно как шумогенератор для аплодисментов, то журналисты “Позиции”, работающие парой для стимулирования дискуссии, иногда просят аудиторию задавать вопросы гостям на тему выпуска. Спонтанность такого предложения в адрес статистов, к сожалению, редко вызывает качественный отклик. Во-первых, аудитория не является стороной конфликта, поэтому не имеет четкой аргументации и своей позиции по вопросу. Во-вторых, как правило, предложение задавать вопросы происходит “на разогреве”, в самом начале программы, когда проблема артикулирована, но не проанализирована, и аудитория не понимает, к кому из участников программы и зачем надо обращаться непосредственно. Иными словами, она дезориентирована. В результате, о моментальном интерактивном отклике, помимо эмпатии к пострадавшим, говорить не приходится.

Возможности для отложенной интерактивности также не велики. Кроме просмотра всех выпусков исследуемых программ в сети в режиме онлайн или из архива, аудитория гипотетически могла оставить свой комментарий и лайки для программ ВГТРК “Вести. Калининград” (на сайте НТРК “Каскад” нет такого софта). Тем не менее, мы не обнаружили ни одного комментария (хотя в редакционной почте и комментариях новостийных выпусков они встречаются) ни к одной программе. Данный факт может говорить или о жестком премодерировании (что выглядело бы абсурдным), или же о полном игнорировании аудиторией такой возможности (что более вероятно). Рискнем предположить, что причины все те же: непродуктивная цель (описание проблемы, а не вскрытие ее причин и последствий, не в нормативности [1], то есть поиске решений) приводит к использованию непродуктивной коммуникативной модели – бессмысленной, показной, имитационной. Иными словами, в вопросах взаимовлияния технологии и функциональности, о которых мы говорили в самом начале статьи, именно последняя играет “первую скрипку”, так прискорбно неочевидную для региональных вещателей.

Список литературы

1. Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики. - М.: Аспект Пресс, 2011. - С. 24.
2. Сапольски Р. Биология добра и зла: Как наука объясняет наши поступки. - М.: Альпина нон-фикшн, 2019. - С. 308.
3. Тертычный А.А. Жанры периодической печати: Учебное пособие. - М.: Аспект Пресс, 2000. - С. 85, 171.
4. Цвик В.Л. Телевизионная журналистика: История, теория, практика: Учебное пособие. - М.: Аспект Пресс, 2004. - С. 212.
5. Цвик В.Л., Назарова Я.В. Телевизионные новости России. - М.: Аспект Пресс, 2002. - С. 123, 131.

10.01.10

И.Д. Порфирьева

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
кафедра связей с общественностью и прикладной политологии

ОСНОВЫ ОСВЕЩЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

В данном исследовании представлены результаты, отражающие как использование средств массовой информации и социальных сетей связаны с экологическим активизмом общества и современной государственной экологической политикой. Полученные данные также показывают, что использование социальных сетей положительно влияет как на экологический активизм, так и на рациональное экологически направленное потребление. В статье делается акцент на необходимость изменений в освещении материалов посвященных экологической тематике и актуальных нормативных документов. Экологическая политика и эффективное планирование являются областями, которые в основном связаны с административными аспектами сохранения и управления окружающей средой. В этой связи очень важно рассмотреть возможные направления, которые участвуют в данном процессе.

Ключевые слова: *экологическая политика, СМИ, социально-экологические проблемы, экологическая культура.*

Сфера экологической политики сосредоточена вокруг чередования государственной политики и социальных институтов, которые влияют на управление окружающей средой и природными ресурсами. Исследуя научные данные и действующее законодательство, разработчики экологической политики создают новые законы и правовые стандарты, которые будут лучше отвечать меняющимся экологическим требованиям.

Актуальное направление экологического планирования создает программы, которые используют ресурсы более эффективно и с минимальным ущербом для окружающей среды. Они часто фокусируются на использовании природных ресурсов и пытаются предсказать любые риски или проблемы, которые могут возникнуть, а затем создают планы по борьбе с этими рисками.

Общественным мнением по различным экологическим вопросам руководят те специалисты, которые участвуют в инициативах в области экологической политики и планирования. Хотя экологические работы охватывают ряд отраслей, специалисты по экологической политике и планированию должны быть знакомы со следующими задачами:

Организовывать переписку, отчеты, данные и другую информацию о проекте; проводить исследования региональной и федеральной экологической политики; разрабатывать инновации и стратегии актуальных проектов; обеспечивать обратную связь в сфере экологической политики.

Поскольку потребление новостей способствует получению политических знаний, которые помогают гражданам лучше понимать государственные дела, неудивительно, что многочисленные исследования выявили положительную связь между потреблением новостей и различными формами политического и гражданского участия [1]. Как и в случае с политикой в целом, СМИ также являются важными источниками информации по экологическим вопросам [2]. Поскольку граждане часто не могут сразу ощутить последствия ухудшения состояния окружающей среды, средства массовой информации играют важную роль в информировании общественности, повышении их осведомленности об экологических проблемах и внесении предложений об экологических действиях.

В данном ключе мы рассмотрели использование социальных сетей в политических целях с акцентом на информационную функцию [3]. Поскольку социальные сети обеспечивают высоко децентрализованное создание и распространение информации, граждане все чаще сталкиваются с разнообразной и даже противоречивой информацией по общественным вопросам из различных источников, что, как ожидается, будет иметь провоцирующие последствия [4].

Таким образом, социальные сети предоставляют новые возможности для выражения, обсуждения и дебатов, которые могут улучшить рассуждения граждан и разработку общественных вопросов и, в свою очередь, привести к эффективным результатам [5]. В частности, исследования по вовлечению в окружающую среду показали, что цифровые медиа могут способствовать увеличению участия в процессе «сбора информации и формирования отношения». С этой точки зрения, социальные медиа действуют как убедительные агенты, побуждающие людей предпринимать конкретные действия и дающие предложения по поведенческому поведению в окружающей среде, и, таким образом, они положительно связаны с вовлечением граждан в окружающую среду [6].

Поскольку политический интерес связан с мотивами поиска информации, люди с высокой социальной активностью более мотивированы искать политическую информацию и участвовать в деятельности. Наличие сильной политической осведомленности и заинтересованности, а также компетентность в преодолении трудностей являются позитивными предикторами участия в протестах [7].

Согласно модели дифференцированного выигрыша, влияние потребления средств массовой информации зависит от степени межличностного обсуждения политики. Аналогичным образом, потенциальное влияние использования средств массовой информации и социальных сетей также может зависеть от членства в группах. Согласно теории избирательного воздействия, люди с большей вероятностью подвергают себя информации, подтверждающей их собственные позиции [8]. Поскольку традиционные новостные выпуски часто включают в себя разные точки зрения, пользователи средств массовой информации, как правило, выбирают информацию, укрепляющую мнение, а не информацию, вызывающую сомнение.

Интернет-СМИ делают информацию, способствующую укреплению общественного мнения, еще более доступной, что помогает людям стать более осведомленными об их существующих убеждениях и способствует их активному участию.

Поскольку социальные сети облегчают доступ к информации об экологических проблемах, то посредством фильтрации информации платформы социальных сетей способствуют наиболее актуальным действиям в соответствии с предпочтениями и привычками пользователей. Между тем, социальные сети облегчают случайное знакомство с новостями, что, как ожидается, будет иметь провоцирующие последствия. По мере того, как новости о политике и гражданских проблемах в социальных сетях соседствуют с новостями о жизни, новостями о развлечениях и взаимодействиями с семьями и друзьями, социальные сети соединяют общественные, частные и политические, и неполитические сферы. Таким образом, социальные сети могут повысить политическую осведомленность граждан в результате случайного воздействия [9-12]. Кроме того, интерактивные возможности социальных сетей также помогают тем, кто не является членом, участвовать в общественных дискуссиях, что повышает их готовность участвовать в природоохранных мероприятиях.

В исследовании подчеркивается роль социальных сетей в распространении экологических знаний, содействии взаимодействию между экологами и неэкологами, а также в мобилизации граждан для участия в повседневной деятельности по охране окружающей среды. Это исследование предполагает, что правительство, ЭНГО и те, кто обеспокоен состоянием окружающей среды, должны использовать социальные сети для продвижения информации, связанной с защитой окружающей среды, такой как пропаганда зеленого потребления и зеленого образа жизни, для повышения осведомленности граждан об окружающей среде и мотивации их к действиям. на него.

Эффективное использование средств массовой информации может сыграть решающую роль в принятии и реализации мер, направленных на решение экологических проблем. Большинство людей получают информацию о уже случившихся экологических катастрофах через СМИ.

Воздействие экологических сообщений от традиционных средств массовой информации и Интернета оказывают положительное влияние на отношение общества к окружающей среде с помощью механизмов экологической ценности, ориентаций и намерений людей. Эффективное использование различных видов средств массовой информации может положительно влиять на принятие своевременных экологических мер.

Список литературы

1. *Brants, K., de Vreese, C., Möller, J. & van Praag, P.* (2010) 'The Real Spiral of Cynicism? Symbiosis and Mistrust Between Politicians and Journalists'. *International Journal of Press/Politics* 15(1), 25–40
2. *Dunlap, R. E., McCright, A. M.* (2011). Climate change denial: Sources, actors, and strategies. In *Lever-Tracy, C. (Ed.), Routledge handbook of climate change and society* (pp. 240-260). New York, NY: Taylor & Francis.
3. *Likens G.E.* The role of science in decision making: does evidence-based science drive environmental policy? // *Frontiers in Ecology and the Environment*. – 2010. – Т. 8. – №. 6. – С. e1-e9.
4. *Jänicke M.* The political system's capacity for environmental policy // *National environmental policies*. – Springer, Berlin, Heidelberg, 1997. – С. 1-24.
5. *Bator, R.J., Cialdini, R.B.* (2000). The application of persuasion theory to the development of effective proenvironmental public service announcements. *Journal of Social Issues*, 56, 527-541.
6. *Filipchuk G.* Public Raising environmental literacy in the context of natural existence / *George Filipchuk // Education and Management*. – 2010. – Т.13. – № 4. – С. 144-149.
7. *Aerts W., Cormier D.* Media legitimacy and corporate environmental communication // *Accounting, organizations and society*. – 2009. – Т. 34. – №. 1. – С. 1-27.
8. *Gifford, R., Comeau, L.* (2011). Message framing influences perceived climate change competence, engagement, and behavioral intentions. *Global Environmental Change* 21, 1301-1307.
9. *Miller M.M., Riechert B.P.* Interest group strategies and journalistic norms: News media framing of environmental issues // *Environmental risks and the media*. – Routledge, 2013. – С. 61-70.
10. *Friedman T.* The Lexus and the Olive Tree. Understanding globalization / *T. Friedman, [Lane. from English. M. Prokopovych, I. Skakun]*. – Lviv, 2002. – 624 p.
11. *Kremen V.G.* Education and Science of Ukraine: Ways of Modernization (Facts, thoughts, perspectives) / *V. G. Kremen*. – K.: Gramota, 2003. – 216 p.
12. *Woldoff, R.A.* (2002). The effect of local stressors on neighborhood attachment. *Social Forces*, 81, 87-116.

10.01.10

А.Ю. Цицинов

Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова,
кафедра теории и практики периодической печати,
wanderer999@yandex.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ УНИВЕРСАЛЬНОЙ КОМПОЗИЦИОННОЙ СХЕМЫ «ЭТОС – ЛОГОС – ПАФОС» В ТЕКСТАХ ВОЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ (НА ПРИМЕРЕ СЕТЕВОГО ИЗДАНИЯ «АРМЕЙСКИЙ СТАНДАРТ»)

Статья посвящена вопросам использования универсальной композиционной схемы «этнос – логос – пафос» в текстах военной журналистики на примере сетевого издания «Армейский стандарт». Показана специфика фигурирования данной схемы в текстах военной журналистики, рассмотрены ее особенности и модификации применительно к особенностям текста и потребностям целевой аудитории.

Ключевые слова: *военная журналистика, этос, пафос, логос, структура, композиция.*

Ю.В. Рождественский постулирует, что универсальной схемой построения любого текста является триада «этнос – логос – пафос». В начале выступления (в особенности, если аудитория видит данного оратора впервые) концентрируется *этнос* – аудитория должна составить представление об этом ораторе и принять решение, хочет она или не хочет с ним общаться. Далее, в центральной части речи воплощает себя *логос* – умение обосновать и доказать свою точку зрения. В конце речи сконцентрирован *пафос* – эмоциональный призыв к действию [4, с. 511].

Этнос предполагает, что в начале текста закладываются основы доверия тому, от кого исходит информация. Если аудитория не доверяет спикеру, не видит в нем проверенного источника, то и дальнейшая подача информации не имеет никакого смысла: она не будет восприниматься как достоверная.

Логос («слово») составляет основное содержание текста, которое может иметь произвольный размер: от краткого изложения аргументации до развернутых постулатов. В любом случае, текст строится так, что на основании этноса аудитория принимает логос, чтобы следовать условиям пафоса.

В работе А.А. Волкова выделяется три типа пафоса: «*Литературный пафос* – смысловая перспектива высказывания, в которой имеются три опорные позиции: образ автора, предмет речи и общее место. Существует три вида литературного пафоса: sentimentalный, романтический и реалистический» [2, с. 18]

Sentimentальный пафос – строится на рефлексии личного переживания предмета речи, которая обнаруживает несовместимость различных сторон или свойств личности в их отношении к предмету, в результате чего возникает эмоционально-оценочное раздвоение личности. Это раздвоение должно приводить либо к отрицанию сторон личности, несовместимых с предметом, либо к отрицанию предмета как несовместимого с личностью, либо к частичному отрицанию и личности, и предмета. Часто такой пафос возникает от плохого понимания предмета.

Романтический пафос – такое отношение личности к предмету, при котором личность и предмет предстают как отдельные и уникальные, но взаимосвязанные таким образом, что предмет содержит вызов личности в виде угрозы, интереса, задачи, ценности. Он наиболее распространен, так как связан с повышающей аргументацией, то есть с развитием представлений аудитории в направлении более высоких идеалов, а следовательно, позволяет риторике вести за собой аудиторию, предлагая новые для нее идеи и хорошо разработанные обоснования.

Реалистический пафос – основан на отождествлении образа автора с нравственным, эстетическим или иным идеалом, который вступает в конфликт с предметом речи. Модальность высказывания поэтому строится так, чтобы уравнивать образ автора с аудиторией и навязать ей позицию идеала-автора. Отчего представление предмета строится так, чтобы оно объединяло наиболее тривиальные формы опыта автора и аудитории. Реалистический пафос направлен либо на приведение предмета речи в состояние, совместимое с образом автора, либо на изменение аудитории в том же направлении.

Тексты сетевого издания «Армейский стандарт» представляют собой разножанровые произведения, обращенные к целевой аудитории военнослужащих. Достаточно большая часть текстов по определению не может содержать в себе пафоса в виде конкретного призыва к действию: это статьи об истории оружия, новых технологиях вооружения, различных достижениях военнослужащих. Пафос в текстах такого типа может сводиться только к имплицитному призыву гордиться своей страной и своими коллегами.

Интересный пример взаимодействия с целевой аудиторией представляют собой рубрики «Вынос мозга» и «Дела семейные», в которых концентрируются тексты о психологической помощи военнослужащим, о проблемах, возникающих во время службы. Эти тексты имеют конкретный прагматический пафос, близкий реалистическому: обращаясь к опыту жизни солдата или офицера, психолог дает определенные рекомендации. Чтобы призыв к действию оказался эффективным, текст выстраивается с соблюдением всех указанных выше композиционных закономерностей: сначала формируется базовое доверие к спикеру (психологу), затем представлено его интервью (логос), а в конце даются простые и реализуемые рекомендации для военнослужащих (пафос).

Характерным приемом формирования этоса в таких текстах является связь говорящего с актуальными проблемами армии:

Что же делать, чтобы не допустить ЧП, подобных тому, что произошло не так давно в Забайкалье, где в одной из воинских частей рядовой поднял оружие на сослуживцев? Как повысить собственную психологическую устойчивость, и что делать, если чувствуешь, что «нервы сдают»? Об этом «Армейскому стандарту» рассказал военный психолог Александр Забродин.

Селиверстова И., На кой нам бес этот стресс

Психологическую устойчивость можно развивать и укреплять

Возможность нести службу за границей многими воспринимается как удача. Ведь это и повышенное денежное довольствие, и возможность мир посмотреть. Не случайно требования к кандидатам на службу за рубежом выше, чем для всех прочих. Это касается и уровня образования, и здоровья, и результатов тестов профессионального психологического отбора. Однако не все задумываются о сложностях, связанных с жизнью вдали от дома. В первую очередь, разумеется, это касается тех военнослужащих, кто уже обзавелся семьями. «Армейский стандарт» спросил об этом психолога.

Селиверстова И., Две верных подруги – любовь и разлука.

Стоит ли брать семью в долгосрочные зарубежные командировки

Далее тексты развиваются в вопросно-ответной форме, завершаясь конкретными реализуемыми рекомендациями, составляющими пафос текста. Последний пункт особенно важен в силу того, что по умолчанию целевой аудиторией текста являются мужчины, так как их среди военнослужащих значительно больше.

А.А. Волков, разбирая различия в восприятии аргументации мужчинами и женщинами, заостряет внимание на следующем факте. Независимо от содержания речи, ее убедительности в аргументативном плане и даже от базового доверия оратору, текст, рассчитанный на мужскую аудиторию, может оказаться неэффективным по причине неграмотного формулирования пафоса. Иными словами, для аудитории мужчин чрезвычайно важно сформулировать пафос в виде понятных, а главное – доступных для реализации идей. При отсутствии такого пафоса все усилия оратора по созданию этоса и логоса уйдут «в никуда» [2, с. 45].

В этом фундаментальное отличие мужской аудитории от женской: женщины практически не нуждаются в четко сформулированном пафосе, так как для них характерна реакция словом, и необходимые действия они предпримут не исходя из представлений автора текста, а исходя из собственной «переработки» данного текста на основании жизненного опыта. К сожалению, классический стереотип о женских поведенческих реакциях «сама придумала, сама обиделась» не безоснователен: у женской аудитории действительно превалирует словесная и эмоциональная реакция на информацию.

Мужчина воспринимает текст как руководство к действию: принятая им информация сродни инструкции. Он может выполнять либо не выполнять ее (за ее верификацию как раз отвечают этос и логос), но в отсутствие прямого инструкционного дискурса целевому потребителю информации просто будет нечего выполнять. Поэтому пафос в тексте, рассчитанном на мужскую аудиторию, не должен формулироваться в виде «Делай добро!» - возникает масса технических вопросов (как делать? что считать добром?), а является более эффективным в виде:

Если у вас есть дети, с ними нужно почаще разговаривать об уехавшем папе. А папе - не жалеть денег на телефонные переговоры, писать письма, общаться по скайпу, короче, использовать все возможности поддерживать связь с детьми. Почаще обменивайтесь фотографиями, мыслями, планами на будущее – не только друг с другом, но и с детьми тоже.

Селиверстова И., Две верных подруги – любовь и разлука.

Стоит ли брать семью в долгосрочные зарубежные командировки

Учитесь контролировать эмоции. Едва почувствовав страх, злость, тревогу, любыми способами постарайтесь от них избавиться. Переключайте внимание, дышите глубже, вспоминайте какие-то приятные или веселые моменты из собственной жизни.

Селиверстова И., На кой нам бес этот стресс

Психологическую устойчивость можно развивать и укреплять

В текстах «Армейского стандарта», таким образом, можно проследить не только использование универсальной схемы построения убеждающего текста в тех случаях, когда это уместно, но и грамотно выстроенную ориентацию на целевую аудиторию мужского пола.

Список литературы

1. Армейский стандарт. Сетевое издание // [Электронный ресурс] URL: <https://armystandard.ru/> (Дата обращения 21.12.2019)
2. Волков А.А. Теория риторической аргументации. – М.: издательство Московского государственного университета, 2009. – 398 с.
3. Рождественский Ю.В. Теория риторики. – М.: Добросвет, 2017. – 607 с.
4. Селиверстова И., Две верных подруги – любовь и разлука. Стоит ли брать семью в долгосрочные зарубежные командировки // [Электронный ресурс] URL: <https://armystandard.ru/news/at-ease/t/20199181439-Iygf.html> (Дата обращения 21.12.2019)
5. Селиверстова И., На кой нам бес этот стресс. Психологическую устойчивость можно развивать и укреплять // [Электронный ресурс] URL: <https://armystandard.ru/news/at-ease/t/201912171332-sgjcc.html> (Дата обращения 21.12.2019)

10.01.10

А.Ю. Цицинов, Ю.В. Шуйская д-р филол. наук

Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова,
кафедра теории и практики периодической печати,
wanderer999@yandex.ru, shujskaya@yandex.ru

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ИЗОСЕМИЯ И ЕЕ ОТСУТСТВИЕ В ТЕКСТАХ ВОЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

Статья посвящена распределению различных синтаксических конструкций в текстах военной журналистики на примере еженедельника «Звезда». Заголовки практически лишены финитных конструкций с изосемической структурой, а в лидах, напротив, именно такие конструкции преобладают. Прагматическим объяснением этого факта является различие в задачах заголовка и лида: первый привлекает внимание, второй раскрывает и углубляет вызванный интерес. Далее в тексте преобладают неизосемические пассивные конструкции.

Ключевые слова: *заголовок, текст, военная журналистика, залог, финитные формы, изосемические конструкции.*

Изосемическая синтаксическая конструкция описывает ситуацию в том виде, в котором она происходит в реальности: активный субъект, выполняемое действие, объект (если есть), инструмент (если есть) и пр. «В случае, если, например, действие, процесс выражены не глаголом, а другой частью речи — существительным: ходьба, развитие, строительство; прилагательным или причастием: ходячий, ходящий, развитый, строительный; наречием или деепричастием: стоймя, лежа, строя, - то есть, когда ЧР не соответствует явлению, называемому словом – слово неизосемично» [1, с. 36]. Явление неизосемии в синтаксисе, по мнению М.В. Всеволодовой, затрудняет восприятие текста, однако при этом исследователь отмечает распространение неизосемических конструкций, в научном и в публицистическом стиле: «1. ИзК обычно понятна инофону: она имеет тот или иной формальный коррелят в его родном языке. Неизосемическое предложение понять труднее.

2. В русском научном и публицистическом стилях наиболее частотны неизосемические конструкции, что затрудняет восприятие русских текстов.

3. Трансформация неизосемических предложений в ИзК выявляет, проясняет содержание высказывания на его денотативном уровне, т.е. соотносит с фактом действительности.

4. Среди множества синтаксических реализаций одного денотативного содержания: *Мальчик бегло читает – Чтение у мальчика беглое/отличается беглостью – У мальчика отмечается беглость чтения* исходной считается ИзК как наиболее нейтрально передающая информацию о сообщаемом факте. ИзК позволяет упорядочить все множество возможных речевых реализаций данного содержания и выявить как регулирующие правильность синтаксических построений ЯзМ, так и коммуникативные цели говорящего» [1, с. 39].

Поскольку тексты военной журналистики в своей стилистике имеют следы как публицистической, так и научной речи [2, с. 113], было предпринято небольшое исследование текстов с целью проверить их с точки зрения преобладания изосемии / неизосемии. В качестве материала были выбраны тексты еженедельника «Звезда».

В заголовках отмечается явная тенденция к отсутствию финитных конструкций, то есть к неизосемии. Например, в номере 25 (239) от 19 декабря 2019 года большая часть заголовков не содержит комплекса «подлежащее в именительном падеже + глагол в спрягаемой форме»:

Арктические. Атомные. Твои

Эсминец в бронерубахе

«Дорога памяти» в сердце «Патриота»

Рота чемпионов

Как стать военным спортсменом

Нормандский тупик

За осквернение памятников накажут чиновников

Долг – Родине, квартиры – курсантам!

Земля со всего мира

В номере представлены только два заголовка с изосемической конструкцией:

Юнармейский орел покоряет космос

Танкист вытащил мальчика из горящего авто

Уже в лиде к неизосемическим заголовкам, как правило, используются изосемические конструкции, проясняющие, о чем именно идет речь:

Россия обеспечивает национальное присутствие в Арктике с помощью единственного в мире атомного ледокольного флота

Россия заложит новый корабль, обтянутый чудо-тканью

В распоряжении «Звезды» оказались снимки проекта уникального мультимедийного музея, который строится вокруг Главного храма Вооруженных сил в парке «Патриот»

Учащиеся военного вуза впервые получили свое жилье

Сергей Шойгу предложил новую меру ответственности за вандализм

В целом, схема «неизосемический заголовок + изосемический лид» позволяет решить сразу несколько задач: привлечь внимание (с чем справляются броские назывные конструкции, такие, как «эсминец в бронерубахе», или неопределенно-личные – «чиновников накажут»), затем раскрыть «зацепившую» внимание читателя мысль.

Указанный вариант начала текста коррелирует со схемой AIDA, использующейся в практике PR и рекламы: броское начало (attention), продолжающееся в развитии темы (interest), затем переходит в детальное раскрытие проблемы (details), и в рекламе обычно заканчивается призывом к действию (action) [5, с. 122]. Анализируемые тексты

Далее в самом тексте статьи, как правило, снова наблюдается превалирование неизосемических конструкций, но уже другого типа. Если в заголовках чаще употребляются назывные и неопределенно-личные конструкции, то в текстах, как правило, чаще используется пассивный залог:

В последнее время участились надругательства... такие факты в последнее время встречаются... меры ответственности касаются участников противоправных актов... отобрано более 50 ранее не опубликованных документов... в районе деревни Жестяная Горка совместно со Следственным комитетом и поисковым движением подняты останки 519 человек...

Категория залога в языке представляет собой способ выделить объект действия, превратив его в субъект. Такое представление ситуации не является изосемическим, оно маркировано, что позволяет использовать возможности пассивного залога в экспрессивных целях. Условно говоря, такой тип конструкции убирает из фразы «ответственного» (субъекта), и действие представляется как совершающееся само собой. Если бы, к примеру, вместо фразы «участились надругательства» было сказано «сотрудники ООО «Ромашка» в пьяном виде надругались над останками ветеранов», то во фразе фигурировало бы ответственное лицо, и гнев читателя был бы направлен на конкретных субъектов – сотрудников ООО «Ромашка». Фраза же «участились надругательства», с одной стороны, представляет ситуацию как масштабную, а с другой стороны – как безликую.

В ряде языков (как, например, в английском) пассивный залог входит в систему видо-временных и залоговых форм глагола и имеет регулярное образование. В других языках, например, в русском языке, утрачена регулярная форма образования залога с помощью вспомогательного глагола, однако в качестве компенсации появились альтернативные способы выражения пассивного смысла. Для русского языка таким альтернативным способом стало использование возвратных глаголов.

Категория возвратности изначально представляла собой «возвращение действия на самого себя»: «умывать себя», «одевать себя». Однако с развитием категории в языке появились и добавочные значения: например, использование возвратных глаголов во взаимно-возвратном смысле («целоваться»), в значении постоянного свойства («кусаться») и пр. Образование возвратных глаголов от невозвратных стало регулярным способом выражения грамматического значения возвратности.

Образование пассивного залога с помощью переходных глаголов в русском языке также присутствует, однако формы пассивных (страдательных) причастий есть далеко не у всех глаголов, и зачастую они употребляются крайне редко.

Использование возвратных глаголов в качестве пассивных конструкций является узнаваемой чертой, прежде всего, официально-делового стиля, а также научного. В публицистике эта конструкция сигнализирует о близости данного текста к двум выше указанным стилям, что в целом согласуется с особенностями военной журналистики: необходимость согласовывать тексты с пресс-службой соответствующего ведомства и другими инстанциями, невозможность упоминания многих конкретных деталей в силу их секретности, а также потребности и ожидания целевой аудитории вынуждают авторов использовать соответствующие конструкции.

Превалирование в публицистической речи военных журналистов неизосемических конструкций неравномерно: безглагольные неизосемические конструкции концентрируются в большей степени в заголовках, пассивные – в тексте. Это позволяет определить специфику стиля текста как близкого научному и официально-деловому с поправкой на тот факт, что зачин текста сближает его с практикой PR и рекламы.

Список литературы

1. *Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. – М.: издательство МГУ, 2000. – 501 с.
2. *Егоршина Н.В.* Дискурсивы в политической деятельности (на материале текстов военной направленности) // *Казанская наука*, № 11, 2019. – С. 111 – 114.
3. *Звезда*, № 25 (239), 19.12.2019.
4. *Ларина Н.А., Цицинов А.Ю.* Специфика подачи материала в цифровой военной журналистике (на примере еженедельника «Звезда») // *Казанская наука*, № 9, 2019. – С. 36 – 39.
5. *Шуйская Ю.В.* Композиция и структура речи. – М: издательство РУДН, 2015. – 244 с.

10.01.10

З.Ш. Шукурджиева

Крымский инженерно-педагогический университет,
факультет истории, искусств, крымскотатарского языка и литературы,
кафедра крымскотатарской литературы и журналистики,
Симферополь, zelfiram@rambler.ru

**ИСМАИЛ ГАСПРИНСКИЙ И ИДЕИ ВОЗРОЖДЕНИЯ РОССИЙСКОГО
МУСУЛЬМАНСТВА НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «ТЕРДЖИМАН»**

В работе рассматриваются некоторые аспекты публицистического наследия одной из самых ярких фигур тюркского мира конца XIX – начала XX вв., педагога-реформатора, просветителя, издателя, публициста Исмаила Гаспринского. На конкретных выдержках из его публикаций в газете «Терджиман» («Переводчик»), издаваемой им в Крыму, показывается видение Гаспринским основных проблем национального возрождения российского мусульманства конца XIX – начала XX вв.

Ключевые слова: *Гаспринский, русское мусульманство, национальная идея, интеллигенция, народ.*

Каждый народ имеет своих героев, духовных учителей. Для крымскотатарского народа такой личностью является один из самых ярких представителей интеллектуальной мысли тюркского мира конца XIX – начала XX вв., выдающийся просветитель, гуманист, педагог-реформатор, публицист Исмаил Гаспринский, чье творческое наследие вызывает большой интерес среди исследователей прошлого и современности.

Гаспринским в Бахчисарае на протяжении более тридцати лет (1883 – 1914), вплоть до самой его кончины, осуществлялся выход газеты «Терджиман». Это было первое издание этнической прессы на полуострове, заложившем основы для дальнейшего развития национальной периодики в Крыму. Именно «Терджиману» было суждено стать впоследствии информационным рупором всего тюркского медиапространства. Газета распространялась во многих регионах Российской империи и далеко за ее пределами – в Туркестане на Кавказе, в Турции, Иране, Ираке, Афганистане, Сирии, Египте, Индии, Китае, Румынии, Болгарии и даже в Японии. [2, с. 449]

Судьба российского мусульманства, его прошлое, настоящее и будущее – одна из главных тем публицистики Гаспринского. Отметим, что опросам национального и духовного возрождения посвящена серия публикаций в газете «Терджиман»: «Наша интеллигенция», «Слово к интеллигентным мусульманам», «По поводу интеллигентных татар», «Мусульманское население России» и др. Призывая общество к культурному пробуждению, он отмечал, что к этому нужно стремиться всему народу. «Хорошие идеи, хорошие стремления необходимы и отдельному человеку, и целому обществу, они дают бодрость и освещают путь и труд», – заключает Гаспринский в статье «О национальной идее». [5]

Публицист с сожалением констатировал, что мусульманская община России не имеет определенной идеи и идеала, что она живет сиюминутными интересами, не придавая особого значения завтрашнему дню, и не стремится к лучшему будущему. За это подвергая критике национальную интеллигенцию, одним из главных своих аргументов он выдвигал именно это: отсутствие такой национальной идеи, которая способствовала бы объединению народа вокруг нее с целью достижения лучшей жизни, духовному, культурному подъему общества. «Чтобы иметь право осуждать или поносить народ, надо раньше приблизиться к нему, сделать его деятельным и искренним другом, оставить привычку командовать там, где надо упорно убеждать, иначе жалобы издали, сетование свысока принесут мало чести нам и нуль пользы для народа», – отмечает Гаспринский в статье «Слово к интеллигентным мусульманам» [6].

Главной задачей, стоящей перед российским мусульманством, Гаспринский считал стремление к просвещению и прогрессу. В статье «О национальной идее», в которой публицист анализирует вопросы национального возрождения, он констатирует, что только проникнувшись этой идеей, доброй и святой, народ оживет, его стремления и мысли облагородятся, и среди русских мусульман появятся заметные и деятельные люди. «Я изголодался до смерти историческим и культурным голодом нашего народа, исстрадался его вековыми страданиями и унижениями, и поэтому не смею иначе думать, как только о нем, я не пожертвовал бы ни одной капли чернил для этих заметок, если бы на минуту сомневался в блестящем будущем моего отечества и живущего в нем мусульманства», - заключает Гаспринский в статье «Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина». [4, с. 63]

Призывая интеллигенцию идти впереди народа и вести его по пути культурного возрождения и просвещения, публицист в то же время советует не забегать слишком вперед, поскольку тогда может не быть услышанным им. В одном из своих газетных выступлений он в образной форме дает такое определение народу: «Народ – это организм живой, а не тесто, и с ним нужно обращаться бережно, и если хотите, господа, добра своему народу, то начинайте с того, что доступно и выполнимо». [1, с. 40]

Интересными представляются размышления Гаспринского относительно образа жизни, уровня развития татар, проживающих в разных регионах, где в конце XIX – начале XX вв. осуществлялась юрисдикция Российской империи. Проанализировав мусульманские общины России, Литвы, Средней Азии, он приходит к выводу о том, что наиболее прогрессивными являются татары Литвы, поскольку среди них высок процент образованных и культурных людей.

Следует отметить, что Гаспринский пишет эти заметки после посещения Литвы в 1880 году. Убедившись в том, что большинство литовских татар имеет образование, многие служат в военной или гражданской службе и пользуются доверием местной администрации, автор заключает, что было бы весьма желательно привлекать их к деятельности среди других российских мусульман.

Отметим, что литовские татары – выходцы из Крыма, это потомки татарских уланов, которых нанимали литовские князья во время борьбы с Польшей. Они считались отличными наездниками, поэтому с целью привлечения в ряды своих войск литовские князья предоставляли им широкие льготы и право женитьбы на литвинках. Поскольку посредством языка матери в большей степени осуществляется воспитание в смешанных семьях, через несколько поколений татарский язык исчез из употребления и языком общения в этой среде стал литовский. [3, с. 9]

Проводя параллели с небольшими мусульманскими общинами, разбросанными по многим губерниям России, Гаспринский отмечает, что именно литовские татары являют собой поучительный пример, доказывающий их племенную устойчивость, и приводит их в качестве образцовых татар современного ему мусульманского общества.

Русские мусульмане не имеют ни науки, ни литературы, ни печати, неоднократно отмечает он в своих газетных публикациях и подчеркивает, что инородцы должны сами заняться проблемами своего образования. В то же время И. Гаспринский отмечает, что российские мусульмане такие же полноправные подданные, как и все остальные граждане, что они хотят жить и работать вместе и могут принести много полезного своей родине. Он настоятельно призывает правительство обратить взор на российских мусульман и прислушаться к их проблемам. [1]

Таким образом, тема национального и духовного возрождения являлась одной из основных в публицистике Гаспринского. Он отводил большую роль национальной интеллигенции, способной направлять народ и вести его по пути прогресса, а также искренне верил в лучшее будущее российского мусульманства. Гаспринский был уверен, что рано или поздно оно станет во главе умственного развития и цивилизации всего мусульманского мира.

Список литературы

1. *Исмаил-бей Гаспринский*. Россия и Восток. – Казань: Татарское книжное издательство. – 1993. – С.131.
2. *Керимов И.А.* Крымскотатарская периодическая печать довоенного времени // Труды НИЦ крымскотатарского языка и литературы КИПУ. Т. 1. Симферополь: КРП «Издательство «Крымучпедгиз», – 2011. – С. 552.
3. *Крымский А.Е.* Школа, образованность и литература у российских мусульман (культурно-этнографический очерк). – Львов: литературно-научная библиотека. – 1904. – С. 23.
4. *Османов Ю.* Из плена лжи: научные статьи о творчестве и деятельности Исмаила Гаспринского. – Симферополь: Доля. – 2001. – С. 254.
5. Терджиман. 1893. 25 марта. № 11.
6. Терджиман. 1895. 7 мая. № 18.

10.02.01 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК*10.02.01***Д.Р. Валиева**

Башкирский государственный педагогический университет им.М.Акумлы,
Институт филологического образования и международных коммуникаций,
Кафедра межкультурной коммуникации и перевода,
Уфа, dinarik_8@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭВФЕМИЗМОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается явление эвфемии в политическом дискурсе. Основная задача политики – воздействие и манипуляция массовым сознанием в соответствии с поставленными ее задачами. Деятели политики неразрывно связаны со своей аудиторией, а посредник между ними является язык. Задача политика – умение владеть коммуникативными стратегиями, позволяющими ему определенным образом воздействовать на адресата, уходить от конфликтов, смягчать информацию. Одним из способов коммуникации является использование политиками эвфемизмов в своей речи.

Ключевые слова: *политический дискурс, эвфемизмы, политическая корректность, коммуникация, речевая стратегия, воздействие, адресат.*

Дипломатия – официальная деятельность государственной власти по осуществлению внешней и внутренней политики. Дипломатия – есть способность людей осуществлять цели и задачи государства, посредством методов и прием, с учётом конкретных условий и характера решаемых задач.

Независимо от того, какую цель преследует политик, очевидно одно: «ни один политический режим не может существовать без коммуникации». Специфика политической деятельности такова, что все ее действия – это речевые действия. Язык нужен политикам не только для того, чтобы информировать, давать указания, проводить законодательные акты, убеждать и так далее [3]. В своих обращениях им необходимо привлечь внимание общественности, заинтересовать своих потенциальных избирателей, т.е. воздействовать на них. Необходимо уметь выстроить политическую речь таким образом, чтобы она была эффективной, и при этом скрывала и смягчала настоящее положение дел [7].

Поэтому политик не рассматривается в отрыве от языковой деятельности. В ходе речевой деятельности, политическому деятелю необходимо следовать «политической корректности»: использовать язык таким образом, что избежать бестактности, прямолинейности. Дипломаты стремятся найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые явно показывают негативные аспекты явлений действительности. Прибегают к помощи языковых стратегий в речи, позволяющие исказить и скрыть реальность, «замаскировать» нежелательную информацию и истинный смысл высказывания с целью воздействия на общественное мнение [3].

Политику необходимо поддерживать свой имидж и авторитет в глазах аудитории. В ходе политической коммуникации, субъект политической деятельности, должен быть настороже. Он должен выстраивать свою речь таким образом, чтоб не дать противникам воспользоваться своими ошибками и слабостями. «Не допустить этого можно, лишь прибегая к языку, который может быть непрозрачным, неконкретным или пустым» [8].

Другая причина, которая заставляет политика «облачать» свою речь в язык неопределенности – это стремление избежать конфликтной ситуации. В политической деятельности, как известно, одно непродуманно сказанное или неверно истолкованное слово может спровоцировать серьезный конфликт. В данном случае, смысловая неопределенность

позволяет выйти из коммуникативных затруднений. Политик может избегать крайности, занять нейтральную позицию при обсуждении спорных вопросов, тем самым сглаживая возникающие противоречия. «Для говорящего может быть важнее пожертвовать ясностью понимания ради усиления доверия и завоевания симпатий адресата» [7].

Одним из факторов, заставляющих политика прибегать к смысловой неопределенности – это стремление избежать контроля за своими действиями. Использование многозначных и неопределенных понятий – эффективный способ избежать ответственности. Поскольку контекстуальная неопределенность терминов и понятий затрудняет контроль за выполнением взятых на себя обязательств [4].

Конечной целью политика является не столько уточнение информации, сколько провоцирование желаемой реакции адресата. Одним из способов манипуляции на лексическом уровне является использование эвфемизмов. Эвфемизм — не прямое, смягченное выражение вместо резкого или нарушающего нормы приличия. Прагматическая установка эвфемизмов заключается в том, чтобы смягчить, завуалировать связанные с некоторыми словами неприятные ассоциации [5]. «Эвфемизм — слово или выражение, служащее заменой тех слов или выражений, которые, по мнению говорящего и в соответствии с правилами речевого этикета, являются нежелательными, не отвечают цели общения и могут привести к коммуникативной неудаче» [3, с. 7].

Рассмотрим в качестве примеров речь американского президента Дональда Трампа за период 2016 год. Материалом исследования послужили такие издания как CNN, ForumDaily, Новости в России и мире – ТАСС. В речи президента видим слова с положительной коннотацией «rebuilding» и «renewing» при описании экономической ситуации в стране: «Working together, we will begin the urgent task of rebuilding our nation and renewing the American dream» (Работая вместе, мы начнем выполнять неотложную задачу по возрождению нашей нации и обновлению американской мечты.). Д. Трамп фокусирует внимание адресата на будущих приятных задачах, обходя проблему глубокого кризиса страны, поскольку префикс “re” означает возвращение назад, к исходному состоянию, положению или к исходной форме.

В США в новостях все больше появляется информация о полицейском беспределе. Правоохранительные органы вместо защиты своих граждан, увеличивают уровень насилия в стране. Уровень недовольства населения растет, и президент не может обойти стороной данную тематику. Д. Трамп, в своем обращении, пытается смягчить и приукрасить ситуацию, использует эвфемизм «underappreciated»: «And law enforcement in New York City, they're here tonight. These are spectacular people, sometimes underappreciated unfortunately. We appreciate them» (Также правоохранительные органы Нью-Йорка — они сегодня здесь. Это замечательные люди, иногда, к сожалению, недооцененные, но мы понимаем их ценность, мы знаем, что они делают).

Д. Трамп в своей речи демонстрирует попытку объединить американскую нацию, образное выражение в его речи «to bind the wounds of division» является эвфемизмом: «Now it is time for America to bind the wounds of division, have to get together (Сейчас пришло время Америке затянуть раны разделения и собраться воедино)». Глагол «to bind» – ослепить, выражает новый смысл – залечить, более мягким по значению. Метафора «the wounds» характеризует критическое положение в стране, «душевные раны» на теле общества. Эвфемизм смягчает разобщенность в обществе.

Говоря о бездомных, обездоленных людей, американский президент уклоняется от слов с негативной окраской, таких как: «disabled», «poorest», «destitute», он использует причастие «forgotten»: «The forgotten men and women of our country will be forgotten no longer» (Забывшие мужчины и женщины нашей страны больше не будут забытыми). Этой конструкцией Д. Трамп описывает брошенных и обездоленных людей, которые по разным причинам оказались в трудной жизненной ситуации.

Таким образом, умение выстраивать свою речь таким образом, чтоб нейтрализовать острые и конфликтные ситуации, поддерживать свой авторитет, воздействовать на адресата и вызывать у него определенное эмоциональное состояние, моделировать у общественности определенную картину мира, является необходимым условием функционирования дипломатических кругов. Политическая власть держится на воздействии и манипулировании людьми разной политической ориентации, что осуществляется через слово. Политик всегда зависит от своей аудитории, и его задача правильно подобрать это слово. Эвфимия является одним из средств манипуляции общественным сознанием.

Список литературы

1. Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. М.: Знание, 1991. - 64 с.
2. Киселева Л.А., Тодосиенко З.В. Метафорическая интерпретация эмоций в разноструктурных языках (на материале глагольных предикатов физического процесса). Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. №10. Ч.3. с.110-114.
3. Ковшова, М.Л. Семантика и прагматика эвфемизмов: Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов / М. Л. Ковшова. — М.: Гнозис, 2007. — 320 с.
4. Латыпова Ю.А. Усманов Р.Ш. "Ценностная характеристика параметрических прилагательных" высокий"/"низкий": когнитивно - синергетический подход"/Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2.(1 часть)
5. Логунова К.А. Эвфемизмы в дипломатическом языке// филологические науки. вопросы теории и практики № 12-2 (42). 2014. с.109-112.
6. Рубина Н.Б. «Эвфемизм» и «политическая корректность» в современном английском языке// Вестник РУДН, серия Лингвистика, 2011, № 4. С.35-40.
7. Цыбуляк О.Д. Тенденция эвфемизации политического дискурса современного русского языка// Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 1 (292). Филология. Искусствоведение. Вып. 73. С. 148–152.
8. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge University Press, 1995. P. 378.
9. Hamilton M.A., Mineo P.J. A Framework for Understanding Equivocation II Journal of Language and Social Psychology. Vol. 17. 1998. № 1. P. 6.Обновление России: трудный поиск решений. Вып. 3. М., 1995. С. 214.

10.02.01

М.Г. Воднева канд. филол. наук, Т.С. Кондратьева канд. филол. наук

Кубанский государственный медицинский университет,
стоматологический факультет,
кафедра лингвистики,
Кубанский государственный университет,
кафедра прикладной лингвистики и новых информационных технологий,
Краснодар, vmg_@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ «ГОРОД» В РАССКАЗАХ Т.ТОЛСТОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА «НЕ КЫСЬ»)

В работе рассматриваются особенности концептуализации понятия «город» в индивидуально-авторской картине мира. Приводятся результаты анализа концептуальных признаков понятия «город», реализованных в рассказах Т.Толстой. Рассмотрены смысловые приращения, выявленные в исследуемых текстах, а также те, которые присутствуют только в одном из произведений.

Ключевые слова: *концептуализация, смысловые приращения, город, Т.Толстая.*

В сборнике Т.Толстой «Не кысь» представлена отдельная группа рассказов под общим наименованием «Петербург», объединенных центральной темой – городом на Неве. Концептуализация данного понятия ярко и интересно представлена как имплицитно, так и эксплицитно. Безусловно, наибольший интерес вызывают индивидуально-авторские смысловые приращения понятия «город», реализованные в рассказах.

Ранее были рассмотрены результаты анализа особенностей концептуализации понятия «город» в двух рассказах представленной группы цикла: в «Чужих снах», а также в «Реке Оккервиль» в сопоставлении с произведением Л. Петрушевской «Ночь» [1, 2]. В настоящем исследовании рассмотрим особенности концептуализации понятия «город» в рассказах группы «Петербург» сборника «Не кысь»: «На златом крыльце сидели», «Петерс», «Женский день» [3].

В первых строках рассказа «На златом крыльце сидели» появляется ключевое слово всего произведения – Сад, с которого начинается не только текст, но и жизнь и воспоминания лирической героини. Данное пространство не похоже на городское, является не просто дачным, а особенным, неразрывно связанным с детством. Оно имеет все атрибуты дачной жизни: цветы, кустарники, занятия местных жителей. А вот Петербург появляется «вдруг», называется Ленинградом и предстает местом работы дяди Паши, соседа по даче, создавая оппозицию здесь-там, в том числе и профессией соседа – бухгалтер.

Именно эта оппозиция при сравнении Сада с Раем имплицитно порождает другую парадигму – город-ад, а два пространства – Сад и Ленинград – значительно отделены друг от друга, и если первому принадлежит солнце и радость жизни, то второе имеет городские атрибуты: «трамвайный лягз, дымный вечерний вокзал, гарь, нищие».

Дачное и городское пространства сопряжены также и со временами года. Время дачи – это май и летние месяцы, остальное принадлежит городу. Однако зимой у Петербурга появляются другие атрибуты, поскольку теперь он воспринимается через призму ощущения лирической героини: свинка и корь, наводнение и бородавки, горящая мандаринами елка и шуба.

И сам город – тоже город детства – связан не только с детскими болезнями, извечным наводнением, но и с праздниками: золотые звезды в небе, «толченые брильянты» во дворах и серебряные хвосты жар-птиц на окнах. Волшебные метафоры, навеянные детскими грезами,

перемежаются с реальными петербургскими местами и сам город превращают в холодное, заколдованное, сказочное место. И уже с окончанием зимы появляется новый образ города – розовый, каменный и гулкий.

В рассказе «Петерс» город тоже не является главным действующим лицом, однако Петербургом пронизан весь текст. Так, прозвище главного героя не просто совпадает с названием города, оно соответствует его немецкому варианту, закрепляя неразрывную связь между ними и подчеркивая концептуализацию город – двойник героя. Детство Петерса проходит в петербургских квартирах, при этом город концептуализируется как безликое пространство, являющееся фоном.

Также следует отметить, что еще в начале рассказа город противопоставляется теплым краям, куда сбежала «мамаша» Петерса, не только вступая в оппозицию с Югом как пространство иное и холодное, но и концептуализируется как место, из которого сбегают.

Очень символично в произведении появляется Нева: в день похорон бабушки Петерса по ней пошел лед. Петербург, до этого никак эксплицитно себя не проявлявший, концептуализируется как город на Неве, конкретный город, с индивидуальными чертами, не похожий ни на какой другой, лишенный собирательности.

Петербург перестает быть безликим с приходом весны и любви, он становится прекрасным и узнаваемым, превращается в реальное место и концептуализируется как украшение для возлюбленной, приобретает смысловые приращения «каменный», с желтыми подворотнями, с особым запахом воздуха каналов и рек.

Часто в рассказе город концептуализируется как зимний (снег, метель, елка). Петербург неразрывно связан с дождями и с серым цветом. Яркие пятна (красное здание, фиалки, букет желтых цветов) только подчеркивают серый, мутный фон города. Такая концептуализация города раскрывается и в образе места, оставленного шведами, расположенного на гнилых берегах, связанного с гранитом и плесенью.

Концептуализация город – родное пространство присутствует в тексте как имплицитно, так и эксплицитно, и последнее связано с тем, что признаться в ненависти к северной столице может только родной человек. И после такого признания город обретает черты живого существа и становится уже не серым фоном, а страшным и ненавидящим в ответ. Город становится похож на осклизлого гранитного великана, опасного для человека и мстящего ему.

Петербург, противопоставленный Ярославской области, в сознании Петерса превращается в нереальное, волшебное пространство и получает смысловое приращение пространства заколдованного.

Васильевский остров – внезапно появившееся и реально обозначенное место в произведении – еще больше подчеркивает признак города: мокрый, сырой, связанный с водой, ибо именно там «самая сырая ленинградская сыр».

Помимо опасности, которая исходит от города, здесь есть и «злачные места», чьи посетители также могут причинить вред – обмануть, обокрасть. А еще мокрый город похож на опасный лес, в нем можно оставить петлистый след, по которому побежит неудача.

«Женский день» – еще один рассказ цикла, в котором город выступает только фоном, декорацией, причем такой, которая приходит на смену другим лишь в конце повествования. Название города не звучит в самом произведении, но последнее слово текста – парадная; и это, конечно, ключ, потому что парадные бывают только в Петербурге, даже в его страшный советский период – ленинградский – эта реалья неизменна.

Город концептуализируется как холодный и заснеженный, но снег не делает пространство белым, чистым, нарядным, а только добавляет серости, та же черно-белая картинка, на фоне которой «желтая» заря фонарей, «желтый пожар неба», желтое небо и «желтый» же южный запах тревожат и будто едва просвечивают сквозь серую пелену. Город приобретает смысловое приращение погруженного в «сгущающиеся сумерки», и если не освещен «негаснущей» зарей, то наполнен «темными тенями», а иногда различимы на его перекрестках не предметы и люди, а только запахи. Такой концептуальный признак является

и противопоставлением белым ночам, и аллюзией на мглу, что накрыла всю страну после страшных октябрьских событий, случившихся здесь же.

Это не город-праздник, героиня идет домой «проходными дворами», а проспект, на который она сворачивает, носит название «Кировский», подчеркивая советскую сущность эпохи, не даром остальные мостики и улицы, складывающиеся в перекрестки, остаются безымянными и безликими. Еще один концептуальный признак – пространство, имеющее таинственные места: пугающими и загадочными кажутся цыганки, тенями стоящие на перекрестках, да и само это место – мистическое, страшное, издревле связанное с силою опасною и темною – явно не случайно.

Особого внимания заслуживает небо над городом. Оно желтое, а «влажный» запад – предвестник вечных осадков, как и тьма, которой он наливается. И тьма эта сгущается, створаживается и горит, не угасая, как страшное советское проклятие. И город, в котором это проклятие начиналось и через который оно и пришло, несет заслуженную кару и символизирует всю многострадальную страну, погруженную во тьму. И «кошачья тьма парадной», куда все же решается ступить героиня, будто клеймит каждым словом неприглядные реалии, эпоху да и сам город.

Таким образом, город во всех рассказах имеет такие смысловые приращения, как город-фон; серый и сырой; являющийся родным пространством; существующий в определенную эпоху и отражающий ее особенности; имеющий городские атрибуты; город детства; место, связанное с опасностью.

В рассказе «На златом крыльце сидели» город концептуализируется как противопоставленное даче пространство; город-ад; связанный с наводнением: волшебное место; наделенный эпитетами: розовый, каменный, гулкий.

Индивидуально-авторскими смысловыми приращениями понятия «город» в рассказе «Петерс» являются следующие: город – двойник героя; противопоставленный теплым краям; место, из которого сбегают; город на Неве; украшение для возлюбленной; связанный с зимой; каменный; живое существо.

В рассказе «Женский день» город представлен как безымянный; связанный со снегом; советский; существующий в сумерках; с искусственным освещением; имеющий таинственные места.

Список литературы

1. *Борисенко И.А., Воднева М.Г.* Концептуализация понятия «город» в индивидуально-авторской картине мира (на материале произведений Л.Петрушевской и Т.Толстой) // *Казанская наука.* №4 – Казань, 2016 – С. 62-65.
2. *Воднева М.Г.* Особенности концептуализации понятия «город» в рассказе Т. Толстой «Чужие сны» // *Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук.* – Белгород, 2017. – С. 9-11.
3. *Толстая Т.Н.* Река Оккервиль. М.: 2002.

10.02.01

Л.Х. Галаева канд. филол. наук

Ингушский государственный университет,
Кафедра ингушского языка,
Магас, galaeva-lema@mail.ru

НАЗВАНИЯ ДИКИХ ЖИВОТНЫХ В ИНГУШСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье рассмотрены некоторые названия диких животных в ингушском языке. В ингушском языке наименее изученной областью остается лексика, особенно терминология, которая стремительно развивается в современной Ингушетии. Это требует научного изучения и теоретического осмысления

Ключевые слова: *ингушский язык, название диких животных, исконная лексика, термины.*

В ингушском языке лексика, обозначающая названия диких животных, до сих пор не подвергалась комплексному изучению.

Лексика фауны составляет важную и показательную часть термино-системы ингушского языка, как в плане истории языка, так и в плане связей со многими сторонами материальной и духовной культуры ингушского народа.

В качестве общего названия животного в ингушском языке употребляется термин «дийнат». В ингушском языке понятие «дикое животное» передается названием «акха дийнат».

Говоря о терминологии диких животных, следует констатировать тот факт, что в наименованиях домашних животных каждый вид животного имеет несколько дифференцированных названий, характеризующих их с разных сторон (по полу, возрасту, масти, аллюру, по форме рогов, хвоста и т. д.) Однако этого мы не можем сказать в отношении диких животных, обозначения которых ограничиваются одним или двумя наименованиями. В этом проявляется тенденция, о которой писал А.Щербак: «разнообразие, богатство или бедность лексики в пределах каждого конкретного вида животных предопределено его хозяйственной ценностью или той ролью, которую оно играло в религиозных представлениях народа».[2]

Развитие терминологии диких животных определялось главным образом охотничьей деятельностью ингушей. Трудно представить без охоты характер горца, но с развитием скотоводства и земледелия охота стала играть подсобную роль.

Об охотничьем прошлом ингушей свидетельствуют выявляемые при раскопках средневековых памятников материалы, предназначенные для охоты на диких животных: ножи и отдельные типы наконечников стрел, изображения на надземных усыпальницах эпохи позднего средневековья оленей и сцен охоты на них, устное народное творчество ингушей, изобилующее охотничьими сюжетами, различные поверья ингушей, связанные с дикими животными.

В горной Ингушетии среди охотников выработалась особая охотничья лексика. «Дикий зверь основал среди охотников особое царство с особым языком и культом. Тот не охотник, который не знает охотничьего языка»[1]. Пользуясь этой лексикой, охотничьи термины и понятия выражались в иносказательной форме. Это было своеобразным магическим средством, к которому охотники прибегали для обеспечения успеха. Применение этого магического приема требовало известных словесных запретов (табу) на слова, связанные с охотничьим промыслом. Именно поэтому охотник произносил не настоящие названия зверей, а условные. Отсюда в охотничьем мире возник запрет на названия зверей. На языке охотника-ингуша борз (волк) – бози / кьуй доттагла / ийс юртах гобоахар («друг воров», «обходящий девять сел»); пхьагал (заяц) – лергашдар, («ушастый», «косой»).

Полисемичность слова лерг «ухо» и лерг «заяц» объясняется тем, что «лерг» (заяц) по какому-либо признаку становится эвфемизмом, возникшим на почве суеверия вместо табуированного «пхьагал» (заяц). Как указывалось выше, эвфемистические словоупотребления синонимического характера имеют место в речи охотников.

Данные синонимичные слова возникли при разграничении понятий за счет внутренних ресурсов языка путем смыслового обогащения слова, а так же - в результате словообразования.

И в настоящее время в ингушском языке немало иносказательных слов, многие из которых относятся к охотничьему языку. Они обычно употребляются вместо слов, подвергшихся табу под влиянием религиозных предрассудков и обычаев. При этом часты случаи, когда тот или иной объект обозначается двумя или более словами-синонимами.

Характерным признаком слов-эвфемизмов ингушского языка, возникающих в результате запрета, является их связь с внешней формой или с основными признаками сущности животных.

Охота в горной Ингушетии не оказывала существенного влияния на семейный бюджет, а являлось некоторым подспорьем в хозяйстве горца и имела потребительский характер. Объектами охоты ингушей чаще всего становились: лийг (косуля), цхьогал (лиса), мосар (серна), ча (медведь), хьагI (тур), шунг (самка тура), борз (волк), акха хьакха (дикая свинья).

Самой популярной у ингушей, да и у всех горцев Северного Кавказа, считается охота на туров. Хорошим охотником называли того, кто ходит на тура, так как охота на него чрезвычайно опасна и трудна. Высоко ценилась у ингушей и охота на медведя. Возможное тотемическое осмысление ингушами глубокой древности медведя – олицетворение силы и свирепости. Его имя было табуировано и не дошло до нас. В настоящее время его называют словом ча – «медведь». В лечебной магии нашли свое применение когти медведя. Медвежье сало употребляют как средство против ревматизма, туберкулеза и при простудных заболеваниях. Поэтому мясо добытого медведя не съедали сразу, а хранили в вяленом виде. Шкура медведя использовалась вместо ковра или как украшение жилища.

Образы диких животных занимают большое место в фольклоре ингушей, где названия многих животных употребляются как зоосемические метафоры: борз (волк) - смелый, решительный, мужественный; ча «медведь» - свирепый; нал (вепрь) - сильный, бесстрашный; цхьогал (лиса) – хитрая, коварная, льстивая; пхьагал – (заяц) – трусливый и т.д.

Необходимо отметить, что в ингушском языке, определенное место занимают фразеологические единицы с терминами животного мира, которые по своему характеру можно объединить в две группы:

а) фразеологические единицы свободного употребления. В эту группу входят фразеологические единицы, в составе которых имеются слова, понятные как с точки зрения грамматики, так и семантики, входят в активный словарный запас и могут быть употреблены не только в составе свободных словосочетаний, но и в составе фразеологизмов. Для них характерно метафорическое переосмысление. От свободных словосочетаний такие фразеологические единицы отличаются не внешней стороной, а своей семантикой, характером воспроизводимости (Циско дахка лоацаш мо. – «Подобно тому, как кошка ловит мышь» (о проявлении ловкости и хорошей реакции); Борз санна цхьаь – «Одинокий как волк» (в значении «Одинокий человек» человеке).

б) фразеологические единицы с лексико-семантическими особенностями. Эта группа противопоставляется рассмотренной выше группе тем, что в лексическом составе ее имеются устаревшие слова или же слова с закрепленным значением. Исходя из лексико-семантических особенностей, в данной группе выделяются фразеологические единицы, в составе которых наличествуют непонятные и нигде, кроме как в этих выражениях, не употребляемые вместе слова: Вир хьоа биаб цо – буквально он «Он съел ослиные мозги» (в значении « Он сошел с ума»).

О весомости животной лексики для истории и культуры ингушей говорит и тот факт, что многие имена и фамилии образованы от отдельных названий животных. Например, имена: Борз – «волк», Чаборз – «медведь – волк»; фамилии: Циск – наькъан (циск – «кошка») – Цицкиева, Дахкилг – наькъан (дахкилг – «мышь»), Клориг – наькъан (клориг – «детеныш животного»), Борз – наькъан (борз – «волк») – Борзовы.

Как и многие другие пласты лексики, наименования диких животных состоят в исследуемом языке из исконных и заимствованных.

Отсутствие исконного слова для того или иного животного не всегда означает, что предки носителей языка не были знакомы с соответствующим животным. Здесь следует учитывать нередко наблюдающийся в истории языка факт вытеснения исконных названий заимствованными.

Наименования диких животных, обладающих полной или частичной этимологической прозрачностью, сравнительно немного: акха циск «рысь» букв. «лесной кот», акха хьакха «кабан» букв. «дикая свинья».

В большинстве своем названия, относимые к исконному словарному фонду, оказываются этимологически неясными (пил «слон», воатагар «крокодил», борцакх «барсук»).

Названия диких животных относятся к числу тех пластов отраслевой лексики, которые в определенной своей части становятся все менее общеизвестными и общепотребительными, обнаруживая тенденцию к полному исчезновению.

Сбор и исследование подобной, «уходящей» лексики следует считать одной из важных и актуальных задач ингушского языкознания.

Список литературы

1. *Алироев И.Ю.* Фауна Чечено-Ингушетии в вайнахских языках. Махачкала. - 1970. - 129 с.
2. *Блархой Н.М., Коазой Н.И.* Ингушско - русский словарь терминов Магас, 2016
3. *Щербак А.М.* Названия домашних и диких животных в тунгусо-маньчжурских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1960. С.84

10.02.01

Ю.А. Латыпова, З.В. Годосиенко канд. филол. наук

Башкирский государственный университет,
филологический факультет,
кафедра иностранных языков гуманитарных факультетов,
Уфа, dzhulija.latipova@yandex.ru, venusjupite@mail.ru

**МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭВФЕМИЗМОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ)**

Современное общество зависит от средств массовой информации, которое несомненно формирует его мировоззрение. СМИ обладает целым арсеналом средств и приемов намеренного воздействия на адресата, меняя его поведение, мотивы, ценности и установки. Эвфемизмы имеют огромным манипулятивным потенциалом, посредством заменой понятий, они позволяют вести процесс коммуникации в более комфортной обстановке. Особенно большую роль эвфемизмы играют в речи политиков, позволяя им управлять массовым сознанием. В статье рассматриваются некоторые случаи появления эвфемизмов в публицистике.

Ключевые слова: *эвфемизмы, манипуляция, информация, СМИ, потенциал, политическая коммуникация, речь.*

В последние годы, с развитием новых технологий, появляется неограниченный доступ к информации в интернет ресурсе. СМИ в мультимедийном информационном пространстве с помощью определенных речевых приемов ведут борьбу за контроль массового сознания [8]. Целью средств массовой информации становится не только реальное освещение каких-либо событий, но и навязывание определенного взгляда. Особенность языка СМИ в том, что помимо информационного потенциала, он обладает возможностью воздействовать на массовое сознание, направлять ценностную ориентацию адресата. В запасе публицистического дискурса целый арсенал манипулятивных лексических единиц. При этом передаваемые в тексте смыслы должны быть доступны массовому получателю информации, а также легко поддаваться дешифровке [8].

Манипуляция в речевой коммуникации является одной из наиболее актуальных и малоизученных в современной лингвистики. Манипулирование – скрытое психологическое воздействие на реципиента, Манипулирование достигается посредством полного или частичного сокрытия информации, а иногда ее подмена другими, несуществующими фактами. В публицистике используются огромное количество речевых и не речевых средств для манипуляции широкими слоями населения [1].

Эвфемия считается одним из важнейшим и распространенным языковым средством манипуляции в текстах медиадискурса. К эвфемизмам прибегают журналисты, а также те, кто за ними стоит, в публицистических текстах с целью искажения фактов и отвлечения внимания читателей от какой-либо информации. В последнее время появилось много научных трудов в языкознании посвященные проблематики эвфемии в языке (Л.Н. Вавилова, А.М. Кацев, Л.П. Крысин, Б.А. Ларин, В.П. Москвин, Е.К. Павлова). Эвфемизмы в речи используются с целью уклонения от прямого наименования, которое достигается посредством замены лексемы или словосочетания, другим словом, имеющее общее или образное значение, для достижения неопределенности высказывания. В той связи эвфемизмы обладают манипулятивным потенциалом, поскольку диффузность речи позволяет избежать конфликтные ситуации, смягчают общение [5].

Эвфемизмы, как средство речевого манипулирования, применяются во многих сферах. Особенно регулярно они используются в политике, печатных изданиях, онлайн газетах и журналах, радио и телевизионных СМИ [7].

Эвфемизация используется в политической сфере для вуалирования, затушевывания нежелательной информации, что позволяет приглушить, сделать менее очевидными неприятные факты, например, связанные с войной. Рассмотрим речь начальника Генштаба Валерия Герасимова в статье «НАТО готовится к масштабному конфликту» (РГ18.12.2019). В статье говорится об усилении активности НАТО в подготовке к крупной войне. В. Герасимов использует эвфемистические средства для смягчения в своей речи тематики войны. Например, генерал использует обобщенное слово "нестабильный" для описания ситуации, в котором идет полная подготовка к войне: концентрация войск, увеличение вооружения и усиленные военных учений. «Вместе с тем обстановка в мире остается **нестабильной**, а ее развитие приобретает все более **динамичный характер**» [9]. В статье, выражение «динамический характер» более смягченно описывает развитие ситуации набирающая агрессивный поворот. Далее мы видим, что слово «война» заменяется выражением «кризисная ситуация»: «в таких условиях вряд ли можно исключить вероятность возникновения **кризисных ситуаций**, которые могут выйти из-под контроля и перерасти в большой военный конфликт» [9]. Концепт «нападение», «вторжение» заменяется образным, отвлекающим внимание выражением «оказаться в прицеле»: «Кто в итоге окажется **в прицеле** у натовцев, догадаться несложно. В первую очередь это Россия, тем более что в доктринальных документах Брюсселя за нашей страной уже официально закреплен статус **противника** альянса. Как к противнику к нам на Западе и относятся» [9]. Так же мы видим, что слово «враг» заменяется более политкорректным словом «противник». Их агрессивные действия по наращиванию военной мощи, с целью запугивания, а может быть и дальнейшим вторжением описывается словом «Сценарий»: "Их сценарии указывают на целенаправленную подготовку НАТО к задействованию своих войск в крупномасштабном военном конфликте"[9].

Эвфемистические средства используются в экономической сфере, для трансляции смыслов в более мягком ключе. В качестве примера появления размытых выражений можно показать комментарии Д. Пескова о попытках США ввести санкции против «Северного потока 2» (18.12.2019). Автор, для соблюдения политкорректности, использует выражения «недобросовестная конкуренция», «искусственное доминирование», «неконкурентоспособная продукция» для описания ситуации нарушения прав торговли и хамского поведения США на рынке: "Такие действия - непосредственное нарушение международного права, идеальный пример **недобросовестной конкуренции** и распространения своего **искусственного доминирования** на европейские рынки, навязывание европейским потребителям более дорогой и **неконкурентоспособной продукции**, имеется в виду газ"[9]. В статье «Политика ЦБ привела к снижению конкуренции на финрынке» (18.12.2019), посвященной экономике, видим замены понятия «провал» программы ЦБ на выражение «оказаться недостаточно результативной»: Программа Центробанка по развитию финансового рынка России оказалась **недостаточно результативной**, в частности, она привела к снижению конкуренции, заявили в Счетной палате (СП)» [9]. Концепт «ухудшение» описывается через понятие «отрицательная динамика»: «Количественный анализ основных секторов финрынка выявил в ряде из них **отрицательную динамику**» [9].

Таким образом, тексты медиа дискурса в современном обществе являются главным источником информации. Они имеют огромное влияние на все его сферы: политику, экономику, религию и играют роль регулятора общественных отношений. Средства массовой информации обладают огромным манипулятивным потенциалом, и играют огромную роль в формировании и развитии общественного сознания. СМИ регулируют общественные отношения, способны побуждать к принятию тех или иных социально-политических решений, воздействовать на поведение огромных масс населения. Одним из приемов управления массовым сознанием являются эвфемизмы, позволяющие достигнуть цели коммуникации.

Список литературы

1. Бизюков Н.В. Публицистический дискурс как система средств языковой манипуляции (на материале англоязычной прессы)// Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2010
2. Ильин М.В. Политический дискурс: слова и смыслы (Государство) [Электронный ресурс]. URL: <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=97555> (дата обращения: 18.05.2015).
3. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русистика. Берлин, 1994. №1–2. С. 28–49.
4. Ковшова М.Л. Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов. М.: Гнозис, 2007. 320 с.
5. Латыпова Ю.А. Семантические модели концептуальной метафоры (на примере концепта “воля” в русском, английском и башкирском языках). - Уфа: Вестник БашГУ, 2013.
6. Свицова А.А., Суслонарова М.М., Дудина Е.Д. Эвфемизмы в политическом дискурсе (на примере публикаций the new york times// Филологические науки. Вопросы теории и практики, № 9 (51) 2015, часть 2. С.176-179. http://scjournal.ru/articles/issn_1997-2911_2015_9-2_49
7. Тодосиенко З.В. Семантическое словообразование как процесс содержательной динамики языка (на примере пейоративной лексики в английском и немецком языках) // Материалы Vмеждународной научно-практической конференции “Актуальные проблемы теоретической и прикладной филологии» г. Уфа, 19-20 июня 2018 г.) / отв. ред. А.Р. Мухтаруллина. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2019. -С.112-120.
8. Чес Н.А., Тюкина Т.А. Эвфемизмы как средство манипулятивного воздействия в американском и британском политическом медиадискурсе//Филологические науки в МГИМО. Лингвистика и межкультурная коммуникация.2017. № 9. С.39-45.
9. Шигорева Е.С. Эвфемизмы как средство манипуляции в текстах медиадискурса (на примере немецкого языка)// IX. Изучение интерпретирующей роли языка Краснодар 2006. С.795-799.
10. Российская газета <https://rg.ru/2019/12/18/nato-gotovitsia-k-masshtabnomu-konfliktu.html>

10.02.01

Г.И. Михалев канд. филол. наук

Российский университет транспорта,
Гуманитарный институт,
кафедра «Русский язык и межкультурная коммуникация»,
Москва, georgy.mihaliov@yandex.ru

ТИПОВЫЕ СЛОВАРНЫЕ ДЕФИНИЦИИ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ПТИЦЫ»

В работе представлены словарные статьи относительных прилагательных лексико-семантической группы «Птицы», составленные автором на основе применения методики семантического моделирования и выявления типологии словарных дефиниций анализируемых лексем.

Ключевые слова: *относительные прилагательные, дефиниция, словарная статья, семантическая структура.*

Для того чтобы составить словарные определения, отражающие устройство семантической структуры относительных прилагательных какой-либо лексико-семантической группы, необходимо утвердиться в мысли, что перед нами действительно многозначные слова, лексикографическое описание которых традиционно ограничивается следующими способами: использованием отсылочных толкований «Прил. к ...» или «Относящийся к ...» и использованием отсылочных толкований с последующей конкретизацией лексического значения [1].

Чаще всего в отечественных толковых словарях используется первый способ, который мы уже неоднократно критиковали в предыдущих работах за отсутствие в нем самого толкования как такового, когда описание семантики подменяется способом образования. Применение такой дефиниции ставит под сомнение многозначность анализируемых лексем, возможность выделить типовые значения, раскрывающие устройство семантической структуры относительных прилагательных. Систематизировать построение словарной статьи через выявление общей типологии лексических значений может помочь методология семантического моделирования, опирающаяся на анализ конкретного языкового материала и последовательное, подробное описание всех выявленных лексико-семантических вариантов и их оттенков.

Для относительных прилагательных лексико-семантической группы «Птицы» типовыми, то есть неоднократно повторяющимися, можно считать дефиниции: «Являющийся частью X» – *шея, перья, глаз, нос, крыло, хвост* и т. д.; «Приготовленный (натопленный, получаемый в процессе варки) из (с применением) части X» – *фарш, печень, котлеты, жир, бульон, суп* и т. д.; «Состоящий из X» – *стая, стадо, выводок, клин* и т. д.; «Издаваемый X» – *гогот, чирикание, воркование, клекот* и т. д.; «Являющийся испражнениями X» – *кал, помет* и другие.

Некоторые определения «наводятся» только каким-либо одним словом, но их типичность подтверждается привлечением прилагательных других лексико-семантических групп: «Оставляемый X на снегу и мягкой земле»: *след – глухариный, олений, медвежий, заячий* и т. д.; «Вытопленный из части X»: *жир – гусиный, куриный, говяжий, свиной, рыбий* и т. д.

Типовые словарные определения, выявляемые в рамках какой-либо лексико-семантической группы, позволяют смоделировать, на наш взгляд, предельно подробное лексикографическое описание анализируемых семантических структур. При этом страхи за чрезмерное «распухание» толкового словаря рассеиваются после анализа большей части ЛСГ, например – «Птицы», где есть немногочисленный, но очень семантически насыщенный центр и малоактивная плохо развитая периферия.

Анализируя контексты, взятые из Национального корпуса русского языка, нами были составлены следующие словарные статьи.

ГУСИ́НЫЙ, -ая, -ое. **1. Являющийся частью гуся.** – *А знаешь, как этот гад клюется? А гусиные перья сам доставай. Вон, у бабы Нюры целое стадо гусиное* [А. А. Олейников. Велькино детство (2007)] [2]. **2. Приготовленный из гусятины.** *Нет, хвала Господу, тогда еще всем и все было дозволено, никто не смотрел трагическим глазом на гусиный филейчик, никто не хватывал изо рта папиросу и не вел счета рюмкам, стопкам, бокалам* [Анатолий Мариенгоф. Мой век, мои друзья и подруги (1956-1960)] [2]. || **Приготовленный из части тушки гуся.** – *Друзья мои, эта гусиная печенка под шафранным соусом – чудо совершенства!* [Д. С. Мережковский. Смерть богов. Юлиан Отступник (1895)] [2]. || **Натопленный из сала гуся.** *В зависимости от вида и качества сырья вырабатывают говяжий, бараний, свиной, костный, сборный и птичий (куриный, гусиный, утиный) жиры* [Российский рынок пищевых животных жиров (2004) // «Мясная индустрия», 2004.08.23] [2]. || **Получаемый в процессе варки гусятины.** *Тогда подавали гусиный бульон, заправленный грибами, лососину холодного копчения, седло молодого оленя и хорошие французские вина* [Елена Дикун. На наших хорошо сидели пиджачки // «Общая газета», 1997] [2]. **3. Состоящий из гусей.** *Га-аг!.. Пронеслась мимо растревоженная бедой гусиная стая. «Счастливого пути!»* [Вадим Бурлак. Хранители древних тайн (2001)] [2]. || **Состоящий из гусыни и маленьких гусят.** *Любой экипаж обязан был дожидаться почтительно, если дорогу пересекал неспешный гусиный выводок...* [Георгий Полонский. Медовый месяц Золушки (1986) // «Театр», 1988] [2]. **4. Издаваемый гусем.** *А может быть, наоборот, – испугались сами, но вспомнили, что гусиный гогот спас Капитолий* [Нодар Джин. Учитель (1980-1998)] [2]. || **Устраиваемый гусями с шумом и гоготанием.** *А незнакомый вошел во двор – сейчас же гусиный переполох: «Га-га-га!»* [А. И. Куприн. Ю-ю (1927)] [2]. **5. Предназначенный, построенный для содержания домашних гусей.** *Наконец, к довершению всех оскорблений, ненавистный сосед выстроил прямо против него, где обыкновенно был перелаз через плетень, гусиный хлев, как будто с особенным намерением усугубить оскорбление* [Н. В. Гоголь. Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем (1835-1841)] [2]. || **Используемый для выпаса и купания домашних гусей.** *А за поляной, я знаю, гусиный пруд есть, а за прудом водяная мельница, а за мельницей на горе березовая роща* [А. П. Гайдар. Голубая чашка (1935)] [2]. **6. Имеющий целью добычу дикого гуся.** *В прежние времена гусиная охота бывала здесь обыкновенно весьма изобильна, но с некоторого времени гуси предпочитают, кажется, берега Индигирки, где туземцы убивают их тысячами на корм собакам, запасаясь на зиму* [Ф. П. Врангель. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю (1841)] [2]. **7. Сделанный из части гуся.** *Рука с удочкой чуть вздрогнула, гусиный поплавок кивнул головкой, и от него разбежалась кругами всколыхнувшаяся ровная гладь воды* [Н. А. Островский. Как закалялась сталь (1930-1934)] [2]. **8. Являющийся испражнениями гуся.** *Курачий кал годен в огородах, гусиный кал не годен на пашни* [М. В. Ломоносов. Лифляндская экономия (перевод) (1747)] [2]. **9. Перен.** **Тонкая, длинная (о шее).** *Из крахмального воротничка тянулась гусиная шея, дрожали побелевшие губы* [Артем Веселый. Россия, кровью умытая (1924-1932)] [2]. ♦ **Гусиная кожа** – небольшие пупырышки на коже человека из-за холода или эмоционального возбуждения. *От этого ехидства внутри у Сеньки становится холодно, гусиная кожа покрывает руки* [Рид Грачев. Одно лето (1958)] [2]. ♦ **Гусиный шаг** – парадный, церемониальный шаг в армии. *Гусиный шаг, те же военная форма, железная дисциплина, строгое соблюдение иерархии, кастовость и профессионализм* [Олег Поляковский. Неподсуден (2003) // «Вокруг света», 2003.09.15]. ♦ **Гусиным шагом** – движение «в глубоком присяде» (на корточках). *Теперь они двигались на корточках, гусиным шагом, выставив наружу только головы...* [Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Пикник на обочине (1971)] [2]. ♦ **Гусиный перелет** – сезонная миграция диких гусей. *1 Октября. Гусиный перелет. Ночью темной летел, изредка покрикивая, дикий гусь, потерявший свою стаю...* [М. М. Пришвин. Дневники (1922)] [2]. ♦ **Гусиный пастух** – сокол

сапсан, хищная птица семейства соколиных (*Falco peregrinus*). \diamond **Лапчатка гусиная** – травянистое лекарственное растение (*Potentilla anserina*). \diamond **Гусиная трава** или горец птичий – однолетнее травянистое растение (*Polygonum aviculare*). \diamond **Гусиный горох** или вика – однолетнее бобовое растение, выращиваемое на корма (*Fabaceae*). \diamond **Гусиный лук** – травянистое растение семейства луковичных (*Gagea salisb.*).

ВОРОБЬИНЫЙ, -ая, -ое. **1. Являющийся частью воробья.** *Воробей присел на забор, подпрыгнул, повернулся вправо и влево, воробьиный хвост задорно торчал вверх, круглый коричневый глаз удивленно и весело поглядел на Тольку, – что такое происходит?* [В. Ф. Панова. Кружилиха. Роман (1947)] [2]. **2. Состоящий из воробьев.** *Зато, как всегда в осеннюю пору, заметно прибыло другого населения, не обозначенного на табличках, а добровольно, по своей охоте обживающего зоопарк: ветки деревьев были черны от сидящего на них горластого воронья, а на слякотных дорожках шевелились воробьиные стаи...* [Александр Рекемчук. Мальчики // «Юность», 1970] [2]. **3. Принадлежащий к семейству воробьиных.** *Промттов мог подражать всем воробьиным птицам Средней России* [Даниил Гранин. Зубр (1987)] [2]. **4. Свитый воробьями для выведения потомства.** – *А знаешь, Антоша, – заговорил таинственно Гаврюшка, – я воробьиное гнездо нашел* [Ал. П. Чехов. Антон Павлович Чехов – лавочник (1908)] [2]. **5. Являющийся птенцом воробья.** *А на рыжих усах скромно приютился маленький носик, точно голенький воробьиный птенчик на гнезде* [А. С. Новиков-Прибой. Капитан первого ранга (1936-1944)] [2]. **6. Издаваемый воробьями.** *Но вместо этих слов из моего рта вылетело обыкновенное воробьиное чириканье: "Чик-чирик!"* [Валерий Медведев. Баранкин, будь человеком! (1957)] [2]. **7. Состоящий из криков и шума, производимых воробьями.** *Но иногда, когда солнышко, тепло, воробьиный гам, важно выходил промяться, шипел и фыркал на собак, и когда отставали, усаживался на крыше и озирали все кругом вещи и хмуро* [С. Н. Сергеев-Ценский. Медвежонок (1911)] [2]. *При ударах, гулко отдававшихся под сводами завозни, внутри нее вспыхивал воробьиный переполох* [Виктор Астафьев. Последний поклон (1968-1991)] [2]. **8. Перен. Короткий, скоротечный.** *А у нашего брата забот да хлопот не оберешься, оттого и сон воробьиный* [П. И. Мельников-Печерский. На горах. Книга первая (1875-1881)] [2]. **9. Перен. Небольшого размера, маленький.** – *Лапотки-т не по тебе, товарищ, – сказал он, оглядывая Настю. – Ну, да Фрол и воробьиные сплетет.* [Л. М. Леонов. Барсуки (1924)] [2]. **|| Перен. Небольшого объема, маленький.** *Ну, пили-то мы умеренно: оба в возрасте и с набором родных болячек, да и sake в горшочке было всего грамм двести пятьдесят – воробьиная порция!* [Дина Рубина. Медная шкатулка (сборник) (2015)] [2]. **10. Перен. Слабый, тонкий, писклявый (о голосе).** *Голос у него воробьиный, его быки и за человека не считают, ничуть не пугаются!* [М. А. Шолохов. Поднятая целина. Книга 1 (1932)] [2]. **11. Откладываемый воробьями для выведения потомства.** *Перепелиные яички очень похожи светло-коричневыми крапинками на воробьиные, только с лишком вдвое их больше и зеленоватее* [С. Т. Аксаков. Записки ружейного охотника Оренбургской губернии (1852)] [2]. \diamond **Воробьиная ночь.** *С сильной грозой или зарницами. Вчерашняя воробьиная ночь, со всеми ее ужасами, казалась нам чем-то отдаленным, похожим на сон* [Ал. П. Чехов. В гостях у дедушки и бабушки (1912)] [2]. *Удары грома потрясали землю – это была воробьиная ночь, без дождя* [А. И. Делианич. Вольфсберг-373 (1945-1960)] [2]. \diamond **На воробьиный скок (шаг, шажок).** *На очень маленькую величину – Вот, понимаешь, подвигаем мы эту плиту уже три дня и три ночи, она же пока не сдвинулась и на воробьиный скок* [Михаил Успенский. Там, где нас нет (1995)] [2]. *Слова: «день будет прибывать на воробьиный шаг» воспринимались буквально и принимались даже меры, чтоб ускорить и удлинить воробьиные шаги* [П. П. Бажов. Отслоения дней (1944-1947)] [2]. \diamond **С воробьиный нос (носок).** *Очень маленький; Не скоро вытащил оттуда карандаш величиной с воробьиный нос* [Константин Воробьев. Это мы, Господи!. (1943)] [2]. **|| Непродолжительный.** *Зимний день в Заполярье с воробьиный носок* [Виктор Астафьев. Последний поклон (1968-1991)] [2]. \diamond **Воробьиная походка.** *Нехарактерная для человека, прыгающая походка. Он стал смотреть на знакомых девушек другими глазами; заметил,*

что у Любы Сомовой стесанные бедра, юбка на них висит плоско, а сзади слишком вздулась, походка Любы воробьиная, прыгающая [Максим Горький. Жизнь Клима Самгина. Часть 1 (1925)] [2]. **♦Воробьиная душа** – о пугливом, робком человеке. *Может, старик тут помер, может, с голоду ноги протянул, а они, барыни, тьфу на вас. Она на солнце пошла, воробьиная душа. Может, кого молодого углядела, а?* [Владимир Личутин. Крылатая Серафима (1977)] [2]. *А потом, вздохнув, сказала тихо: – Я бы там со страха умерла. Знаешь, я ужасная трусиха, ни за что б в грозу не поплыла! Парень улыбнулся снисходительно, притянул девочку не спеша И сказал: – Ты просто восхитительна, – Ах ты, воробьиная душа* [Эдуард Асадов. Трусиха] [2]. **♦Воробьиный сыч**. Маленькая сова (*Glaucidium passerinum*). Среди «клиентов» Красной Книги Среднего Урала в лесах бассейна Чусовой указаны: из млекопитающих – ушан и водяная нощница (это летучие мыши); из птиц – чернозобая гагара, чёрный аист, лебедь-кликун, турпан обыкновенный, лунь болотный, большой подорлик, орёл-могильник, беркут, сапсан, кобчик, воробьиный сыч, ястребиная сова... [Алексей Иванов. Message: Чусовая. Части 1-3 (2007)] [2].

Методика написания подобных словарных статей находится на стадии становления, поэтому представленные материалы следует расценивать в качестве практической апробации предлагаемых теоретических разработок.

Список литературы

1. Михалев Г.И. Интегральный подход к описанию семантики относительных прилагательных на страницах «Словаря русского литературного языка» // Российская академическая лексикография: современное состояние и перспективы развития. Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции, посвященной 70-летию выхода первого тома академического «Словаря современного русского литературного языка» / отв. Ред. О.Н. Крылова, С.А. Мызников, М.Н. Приёмывшева, Е.В. Пурицкая; Ин-т лингв. исслед. РАН. – СПб: Нестор-история, 2018. – С. 172.
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URI:www.ruscorpora.ru/search-main.html (дата обращения: 10.12.2019).

10.02.01

Цзюй Чуанья

Томский государственный университет,
Филологический факультет,
кафедра русского языка,
Томск, 450076784@qq.com

СТРАТЕГИЯ ОЦЕНИВАНИЯ РАДИОВЕДУЩЕГО В КОММЕНТАРИЯХ К КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИМ ПРОГРАММАМ

В статье анализируется комментарий к радиопрограммам культурно-просветительской направленности путём изучения стратегии оценивания ведущих. Выявлены основные коммуникативные тактики и языковые средства, реализующие данную стратегию в коммуникативно-прагматическом аспекте. Материалом для исследования послужили комментарии к радиопрограммам «Культурный шок», «Книжное казино», «Непрошедшее время» радиостанции «Эхо Москвы».

Ключевые слова: *комментарий, культурно-просветительский радиодискурс, стратегия оценивания, ведущий, радиопрограмма.*

Одной из наиболее актуальных проблем в медиалингвистике является изучение текстов новых коммуникаций, к числу которых относится интернет-комментарий. Интернет-комментарий исследуется в лингвистике в разных аспектах: в жанровом [2; 3; 5]; сопоставительном [1]; коммуникативно-прагматическом [4; 6].

Поскольку исследователи не пришли к единому толкованию методов изучения интернет-комментария, в данном вопросе нет единой точки зрения на их классификацию. Расширение интереса к изучению данного феномена в лингвистике, особенно в радиодискурсе, вызван тем, что комментарий к радиопрограмме стал активной формой обратной связи: слушатели радиопрограммы посредством комментариев выражают своё мнение относительно обсуждаемых в программе проблем и в адрес радиоведущего через стратегию оценивания [4].

Цель данной статьи – выявить основные коммуникативные тактики и языковое воплощение реализации стратегии оценивания в культурно-просветительском радиодискурсе. Актуальность и научная новизна работы заключаются в выделении комментария к радиопрограммам как жанра новых медиакоммуникаций и нового медиатекста, а также в изучении его в коммуникативно-прагматическом аспекте. Материалом для изучения стали 852 комментария к радиопрограммам. Участники коммуникации обсуждают в студии вопросы, связанные с культурными событиями. Анализ эмпирического материала показал, что стратегия оценивания ведущего программы в них активно реализуется в положительных и отрицательных комментариях.

Положительную оценку к адрес радиоведущего слушатели выражают посредством коммуникативных тактик похвалы, благодарности, признания, дружеского совета и сравнения.

Коммуникативная тактика похвалы ведущему демонстрирует хороший, лестный отзыв о нём. Положительная оценка ведущих осуществляется через прямую похвалу ведущему (с указанием его имени, использованием обращения): *Спасибо Михаилу и Ксении. Целая россыпь фактов и идей. По-моему, все со знаком плюс!* (Культурный шок, 23.06.2019); *Ксения Ларина – прекрасная! Рад слышать этот голос и видеть этот ум.* (Культурный шок, 19.11.2016); опосредованную похвалу за интересное содержание радиопередачи: *Редкая передача, которую интересней слушать* (Культурный шок, 11.08.2019); *Очень интересно! Обязательно скачаю!* (Культурный шок, 23.06.2019). Значительный объём проанализированных положительно-оценочных высказываний свидетельствует о высокой оценке профессионализма радиоведущих изучаемых программ.

Коммуникативная тактика благодарности позволяет слушателям выразить чувство признательности ведущим за проделанную работу. Эта тактика презентуется маркером *спасибо* (иногда на английском языке или транслитерацией): *Очень интересно, спасибо!* (Непрошедшее время, 20.10.2019); *Спасибо за передачу* (Культурный шок, 27.10.2019); *Огромное спасибо Дмитрию и Ксении за доставленное удовольствие... Так приятно послушать умных и порядочных людей* (Культурный шок, 27.10.2019).

Коммуникативная тактика благодарности часто сочетается с пожеланием, поздравлением и демонстрирует доброе расположение к ведущим, заинтересованность в их личном успехе и в успехе программы: *С наступающим Новым годом, Ксения и Алексей! Здоровья, долголетия, творческих успехов!* <...> *Спасибо вам* (Культурный шок, 30.12.2018); *Ксения, спасибо за передачу, Вам и гостям передачи. Она получилась новой по акцентам и более, чем обычно, интересной! Успехов!* (Культурный шок, 10.12.2016).

Тактика признания радиоведущему выражается опосредованно; маркером являются фразы *хочется услышать, услышать продолжение, было бы интересно, буду ждать продолжения* и под.: *Очень интересный выпуск любимой программы! Насколько важно все же, чтобы о событиях нашей истории рассказывали нам такие талантливые и неравнодушные люди! Такие свидетельства увлекательного любого исторического романа. Было бы интересно услышать продолжение!* (Непрошедшее время, 01.02.2015); *Дорогая, Майя Пешикова! Спасибо за передачу за непоказную память о войне. Хочется услышать продолжение!* (Непрошедшее время, 01.02.2015).

Коммуникативная тактика дружеского совета нацелена на совершенствование контента программы. Несмотря на маркеры *замечание, ошибка*, а также маркеры, выраженные глаголами в форме повелительного наклонения со значением рекомендаций, эти высказывания содержат положительные интенции, обусловленные заинтересованностью слушателей в удержании высокого уровня программы, который обеспечивается в том числе качественными расшифровками программ. Они особенно важны слушателям, которые обращаются к стенограммам в ситуации, когда не удалось прослушать прямой эфир: *Исправьте, пожалуйста, в расшифровке передачи ошибки в написании фамилии Ю. Ауг.* (Культурный шок, 26.08.2017); *Простите за занудливость: книга В. Бахчаняна называлась "Мух уйма" (а не "Мух Ума", как в тексте)* (Непрошедшее время, 04.09.2011).

Коммуникативная тактика сравнения используется в имплицитной оценке ведущих: временного ведущего и постоянного: *Очень рада, что программу вел Кузнецов (в противном случае, не стала бы слушать). Всегда с радостью слушаю передачи с его участием. Ясно, спокойно, логично. Никого не перебивает, но умеет поставить вопрос, повернуть передачу в нужном ему направлении. Всегда в курсе материала, а нет – не боится признаться в своем неведении* (Книжное казино, 13.05.2018); *Как хорошо, что Ксения вернулась в "Книжное казино"! Надеемся, навсегда!* (Книжное казино, 15.04.2018).

Комментарии, выражающие отрицательную оценку ведущего, реализуются коммуникативными тактиками критики, иронии, троллинга.

Коммуникативная тактика критики используется в качестве постоянного речевого жанра, который выражает отрицательное суждение о плохой работе, о нарушении этикета, ошибке радиоведущего. Коммуникативная тактика критики выражается через языковые средства разных уровней языка.

Восклицательные предложения с отрицательно-оценочным смыслом. *Полный маразм!* (Непрошедшее время, 17.07.2014); *Три девицы под окном...ВСЁ ВРУТ!!!!* (Культурный шок, 03.06.2018); *Похоже, где первое там и второе..., или что это? Как не пошутить-то, смешно!* (Культурный шок, 29.07.2017).

Риторический вопрос: *Какой ещё эпохе?! Что за бред?!* (Культурный шок, 23.09.2017); *Кому это интересно? А потом посещаемость сайта падает. А что вы хотели?* (Книжное казино, 10.06.2018); *Ксения, вам обязательно нужно пнуть большую тему с Бычковой??* (Книжное казино, 30.04.2017); *Дорогие товарищи из "Эха Москвы"! У Вас хоть какие-то редакторы есть? Ну ужасно Вы всерьез полагаете, что некто Броцкий был Богом*

Довлатова? Или что можно было написать книгу "Памяти водке"? Как говорили у нас на Украине "гыдко дывыться" (Непрошедшее время, 04.09.2011).

Отрицательно-оценочные лексические единицы: *Ларина как всегда агрессивна* (Культурный шок, 26.08.2017); *Ксения очень ошибается, когда говорит об отсутствии антисемитизма на государственном уровне* (Культурный шок, 22.04.2018).

Синтаксические отрицательные конструкции: *Наталья Иванова (ведущая временная) совершенно забивала Андрея Архангельского. Невозможно слушать* (Культурный шок, 10.06.2017); *Какая пошлость, К. Ларина, на фоне ежедневного убийства ВАМИ граждан Украины. Не тошнит????* (Культурный шок, 30.09.2017); *Не смогла слушать, аудио порезано и склеено без единой паузы. Это невыносимо* (Непрошедшее время, 10.08.2014); *Странная передача. За всю передачу ни слова по делу* (Культурный шок, 22.04.2018).

Синтаксические конструкции с противопоставлением: *Хотелось услышать про культуру, а пришлось про уголовников* (Культурный шок, 21.10.2017).

Синтаксическая градация: *Неприятно было слышать эти советские штампы, даже можно сказать противно, выключил* (Непрошедшее время, 17.07.2014).

Официальное обращение: *Госпожа Ларина. Вам не кажется, что само название выпуска пахнет тавтологией?* (Книжное казино, 22.10.2017).

Имеют место высказывания, выражающие неудовлетворённость адресата, вызванную эффектом обманутого ожидания, отмечающие несоответствие содержания программы профессиональным возможностям и профессиональной этике журналиста, неудовлетворённость приглашёнными гостями. *Обращаюсь к Майе а не к вам!!! она выросла на красивом русском слове, которое прописывалось кириллицей, а не латиницей. Поэтому и обидно за майю – подбирает всякое из сссэровского телевизора ... аб пугачева будет следующая? Майя!!! вы же культуру должны нести ... немного вас осталось, которые знают как писать, как читать и как говорить...* (Непрошедшее время, 19.02.2012).

Коммуникативная тактика иронии позволяет слушателям выразить в скрытой форме тонкую насмешку относительно какой-нибудь проблемы или особенности коммуникативного поведения. Например, слушатели иронизируют по поводу манеры говорения и ведения программы; уличают ведущего в отсутствии профессионализма. Этот коммуникативная тактика реализуется разными языковыми средствами.

Отрицательно-оценочные лексические единицы. *Ларина с Войновичем, это апофеоз демзизы. Это просто взаимный восторг, который сметает с пути последние остатки логики и объективности* (Культурный шок, 15.07.2017).

Положительно-оценочные лексические единицы в иронично-отрицательном контексте. *Отличная передача, спасибо ЭХО. Надеюсь на скорое освобождение режиссера* (Культурный шок, 26.08.2017); *Прекрасная передача. На всех троих хотя бы каплю таланта цены бы не было* (Книжное казино, 01.10.2017); *Большая радость слушать этот слаженный, идеально сыгранный дуэт* (Культурный шок, 15.07.2017). *Молодец, Ларина: такой крутой вопрос задала про немецкую нацию! Смирнов был беспомощен* (Культурный шок, 08.07.2017). В квалификации ироничных коннотаций большую роль играет интонация.

Метафора. *Как я люблю этот вечный плач Лариной. Этот похоронный голос. Эти ее: "Почему Вы не уезжаете из страны? Ведь уже почти все уехали. Как Вы выживаете в этой жуткой атмосфере? Хотели пошутить, а получается так грустно, так трагически, так печально. А что, неужели у Вас ещё в Москве идут концерты?". Как у Жванецкого: "Похороны заказывали?". Очень смешно* (Культурный шок, 29.07.2017); *Очевидно, сегодня на Эхе бенефис Ольги Бычковой (ведущая – прим. Ц. Ч.), дамы, которая способна засушить любой эфир* (Книжное казино, 07.05.2017);

Сравнение. *В названии передачи «Культурный шок», первое слово оказалось лишним* (Культурный шок, 25.11.2017); *50 минут безудержного вранья. Серебренникова Ларина и её гости изображают таким страдающим эльфом, которому плохие люди не дают творить* (Культурный шок, 21.10.2017).

Риторический вопрос. *Зачем Лариной гости? Она вполне обошлась бы одна...* (Культурный шок, 22.04.2018); *А не пора ли Лариной пойти совсем отдохнуть? Её отпуск был прекрасен* (Культурный шок, 29.07.2017).

Коммуникативная тактика сравнения помогает слушателям сравнить работу радиоведущих и выразить отрицательную оценку к работе одного из них: *Смирнов – замечательный человек, умный и талантливый. Рядом с ним пропагандистка и демишиза Ларина сильно раздражает* (Культурный шок, 08.07.2017); *Изумительно интересная передача. И гости и ведущая на высоте. Насколько, всё таки, Бычкова интереснее и профессиональнее Лариной* (Книжное казино, 14.05.2017).

Коммуникативная тактика троллинга проявляется формой социальной провокации в интернет-общении, отражает агрессивность, уничижение и оскорбление радиоведущего. Коммуникативное поведение комментаторов отличается резкостью, грубостью, выражается оскорбительными характеристиками в отношении к ведущему, применением ругательств: *Вы там охренели, что ли, господин Портной?! С госпожой Пешковой на пару. Цитирую: «Когда Толстой описывает КНЯЖНУ МЭРИ, ПЕРВУЮ супругу Болконского...» Вы книжку-то читали? Болконский на Наташе ведь так и не женился, потому жена у него была только одна, второй не было, потому первой она быть не может. И звали её, помнится, Лиза. Княжна Мэри-она у Лермонтова. У Толстого есть княжна Марья, но она А. Болконскому сестра. Историки, мать вашу!* (Непрошедшее время, 10.09.2017); *Эхо вы сами конченные* (Культурный шок, 25.11.2017); *И ведущая, дешёвка, ухитрилась что-то про Бабченко пукнуть, видать заказ обций все-таки* (Книжное казино, 03.06.2018).

Заключение. Проведённое исследование позволяет заключить, что комментарий к радиопрограммам является результатом развития новых коммуникаций; входит в число активно изучаемых понятий в медиалингвистике; эта часть культурно-просветительского радиодискурса является, по существу, продолжением начатой в программе дискуссии. Применённый подход значим возможностью получить представление о новых способах реализации оценивания в радиодискурсе.

Список литературы

1. Васильева Л.Е. Особенности жанра комментария в русском и английском газетно-публицистическом дискурсе: сопоставительный аспект // Молодой ученый. 2013. № 2. С. 207–210.
2. Мельник М.В. Комментарий как жанр интернет-коммуникации // Система і структура східнослов'янських мов. 2014. № 7. С. 113–117.
3. Павлов М.А. Своеобразие жанра интернет-комментария в социальных сетях // Наука и образование: новое время. 2017. № 2 (19). С. 101–108.
4. Нестерова Н.Г. Интернет-комментарий к радиопрограмме как коммуникативная единица радиотекста // Коммуникативные исследования. 2018. № 2 (16). С. 138–151.
5. Танабаева И.Р. Комментарий как особый жанр в интернет-общении // Молодой ученый. 2017. № 51 (185). С. 207–210.
6. Цзюй Чуанья Интернет-комментарий как форма оценивания гостя культурно-просветительской радиопрограммы. *Мир науки, культуры, образования*. 2018; 6 (73): с. 678–680.

10.02.04 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

10.02.04

Е.Ю. Алёшина

Пензенский государственный университет,
историко-филологический факультет,
кафедра «Иностранные языки и методика преподавания иностранных языков»,
Пенза, alcatherine@yandex.ru

**РЕГИСТРОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЖАНРОВ
ПУБЛИЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**

В работе представлены регистровые особенности публичного политического выступления, которые могут варьироваться по степени интенсивности. Публичные политические выступления разных жанров имеют свои регистровые характеристики, обусловленные несколькими параметрами: выраженностью импрессивности речи, проявлением личного отношения к ситуации в тексте, уровнем агональности высказывания.

Ключевые слова: *публичное политическое выступление, жанр, регистр, диктема.*

Изучение публичного политического выступления в дискурсивном ракурсе предполагает рассмотрение его различных аспектов, среди которых, на наш взгляд, особое место занимают регистровые характеристики. Понятие регистра получило широкое освещение в западной лингвистике (К. Пайк, Дж. Фирт, М. Халлидей) как конфигурация лексико-грамматических ресурсов с определенной семантикой в конкретной ситуации. В современной западной лингвистической практике термин «регистр» используется в обобщающем смысле для варианта языка, определяемого коммуникативной ситуацией, целью высказывания, а также отношениями между говорящим и слушающим.

В отечественной лингвистике концепция коммуникативного регистра получила развитие в ряде исследований (Л.С. Бархударов, Г.А. Золотова, Н.Б. Боева, Н.Б. Гвишиани) как система отбора языковых средств в процессе дифференциации дискурса в соответствии с предметной сферой использования языка.

Предлагаем рассматривать регистр как параметр формальности ситуации, в которой происходит коммуникация. На основе учения М.В. Ломоносова о трех стилях [5, с. 589] «выделим три основных регистра – формальный, нейтральный, неформальный. Внутри формального и неформального регистров существует противопоставление, определяемое интенсивностью как более высокой степенью выраженности формальности / неформальности [2, с.88].

Критерий официальности-неофициальности речи, положенный в основу приведенной градации, определяет «направление» стилизации диктемы текста-дискурса. Понятие диктемы было предложено М.Я. Блохом в контексте дискуссии об уровнях и единицах языка [3]. Диктема является единицей тематизации текста-дискурса, в которой реализуются текстовые связи, а также речевые акты. Регистрообразующий критерий официальности-неофициальности речи определяется ситуацией общения (коммуникативной ситуацией), в которой рассматривается текст-дискурс. Обращаясь к формированию регистров публичного политического дискурса, будем ориентироваться на теорию факторов регуляции речевого общения, выдвинутую М.Я. Блохом [4, с. 8-9]. Среди данных факторов особую роль играют личностные статусы говорящего и слушающего (темперамент, поведенческие особенности, например, стратегия поведения в политическом конфликте, общественное положение, род занятий, уровень образования и др.). Присутствие или наличие посторонних лиц также имеет значение при выделении регистров публичной политической речи. Как правило,

политические выступления по международным вопросам, инаугурационные речи, которые носят формальный характер, транслируются на широкие аудитории по всему миру. В то время как послания конгрессу, парламенту, речи на митингах и съездах могут характеризоваться отклонениями от строго формального регистра в сторону нестрого формального и даже неформального.

Следуя сложившемуся пониманию различий официальной и неофициальной коммуникации, а также риторическим традициям, в качестве основных параметров формальности публичной политической речи выделим следующие характеристики: подготовленность текста, проявляющаяся в его структурированности и организации; уровень фактуальности в речи; уровень импрессивности речи; наличие / отсутствие разговорных элементов: сниженной и разговорной лексики, идиом, эллиптических конструкций; наличие / отсутствие в речи отрицательной оценки (например, противоположной стороны в конфликте), формирующей агональный аспект высказывания.

Отнесенность публичной политической речи к нейтральному регистру является довольно сомнительным моментом, поскольку, на наш взгляд, институциональный характер публичной политической речи предполагает степень формальности коммуникации, проявляющийся в тексте-дискурсе.

Обобщенно и выборочно рассмотрим регистровые характеристики англоязычных публичных политических выступлений различных жанров: информационного/информационно-убеждающего жанра; убеждающего жанра; призывного жанра; жанра – оправдание / покаяние [1, с. 45]. Жанры публичного политического выступления могут носить смешанный характер.

В процессе своей коммуникативной деятельности политик варьирует жанры публичной речи, в зависимости от характера необходимых коммуникативных действий и ситуации политического общения. Вместе с тем, варьируются регистровые характеристики публичного выступления.

Публичное выступление информационного жанра, как правило, носит формальный характер. При этом степень формальности возрастет вместе с усилением фактуального аспекта речи. Классическим примером формального политического выступления может служить программная речь американского президента В. Вильсона «14 пунктов», произнесенная перед Конгрессом 8 января 1918 г. как проект мирного договора по завершении Первой мировой войны. Приведем отрывок-диктету из этого выступления.

«VI. The evacuation of all Russian territory and such a settlement of all questions affecting Russia as will secure the best and freest cooperation of the other nations of the world in obtaining for her an unhampered and unembarrassed opportunity for the independent determination of her own political development and national policy and assure her of a sincere welcome into the society of free nations under institutions of her own choosing: and, more than a welcome, assistance also of every kind that she may need and may herself desire» [10].

В данной речи-декларации В. Вильсона отсутствуют разговорные слова и выражения, сниженная лексика, эллиптические конструкции. Импрессивность речи, создаваемая стилистическими средствами и приемами, не препятствует общему однородному регистровому фону выступления, которое можно охарактеризовать как интенсивно формальное. Кроме того, в речи отсутствует отрицательная оценка Германии, что определяет низкий уровень агональности выступления.

Сравнительно меньшей степенью формальности обладает информационно-убеждающая речь британского премьера Тони Блэра, произнесенная 24 апреля 1999 г. в г. Чикаго. Речь носит название «Доктрина международного сообщества в Экономическом клубе» и может быть отнесена к типу «речь-декларация». Выступление неинтенсивно-формального регистра имеет отношение к конфликтным ситуациям в бывшей Югославии, ко второй иракской войне и посвящена изложению концепции мирового сообщества. Речь Тони Блэра, в целом, характеризуется, высоким уровнем импрессивности, в речи присутствуют цитаты, личные суждения оратора, что можно проследить, например, в следующей диктете.

«No one in the West who has seen what is happening in Kosovo can doubt that NATO's military action is justified. Bismarck famously said the Balkans were not worth the bones of one Pomeranian Grenadier. Anyone who has seen the tear stained faces of the hundreds of thousands of refugees streaming across the border, heard their heart-rending tales of cruelty or contemplated the unknown fates of those left behind, knows that Bismarck was wrong. This is a just war, based not on any territorial ambitions but on values» [6].

Отступления от строго формальных канонов политического выступления можно обнаружить и в выступлении призывного жанра, в известной речи М. Тэтчер «Британия, проснись!», произнесенной 19 января 1976 г. в Кенсингтон Таун Холле. Речь посвящена вопросам геополитики, в частности, угрозе, которую представляет влияние Советского Союза в мире и мерах, которые необходимо предпринять британскому правительству в серьезной ситуации мирового противостояния, в частности, в отношении расходов на оборону страны.

В данном случае можно говорить как о выраженной фактуальности речи, так и об установочности и импрессивности, обуславливающих ее выраженную агональность, что позволяет характеризовать выступление как неинтенсивно-формальное. Отклонению от строго формальных регистровых критериев способствует также выраженная в тексте отрицательная оценка противника в конфликте, что можно проследить в приведенной диктеме.

«If the Russians have their way in Angola, they may well conclude that they can repeat the performance elsewhere. Similarly, uncommitted nations would be left to conclude that NATO is a spent force and that their best policy is to pursue an accommodation with Russia. Fourthly, what the Russians are doing in Angola is against detente. They seem to believe that their intervention is consistent with detente» [9].

Публичное выступление неформального характера сравнительно нечасто встречается в англоязычной политической риторике, что можно объяснить стремлением политиков следовать канонам формальности даже в самых напряженных конфликтных ситуациях. Примером неформального, даже интенсивно-неформального выступления убеждающе-призывного жанра является речь эпатажного американского политика, бывшего губернатора Аляски и кандидата в вице-президенты США С. Пэйлин в поддержку Д. Трампа в президентской гонке 2016 года.

«“Well, and then, funny, ha ha, not funny, but now, what they're doing is wailing, “Well, Trump and his, uh, uh, uh, Trumpeters, they're not conservative enough”. Oh my goodness gracious. What the heck would the establishment know about conservatism?» [8].

Приведенная диктема демонстрирует принадлежность к неформальному регистру, обусловленную выраженной оценочностью противника в конфликте, использованием сниженной лексики, восклицаний, междометий.

Отступления от строго формальных канонов публичной речи возможны и в выступлении жанра – оправдание/ покаяние. Показательной в плане покаяния является публичное выступление президента США Б. Клинтона 11 сентября 1998 г. по поводу скандала, связанного с Моникой Левински.

«But I believe that to be forgiven, more than sorrow is required — at least two more things. First, genuine repentance — a determination to change and to repair breaches of my own making. I have repented. Second, what my Bible calls a “broken spirit”, an understanding that I must have God's help to be the person that I want to be: a willingness to give the very forgiveness I seek; a renunciation of the pride and the anger which cloud judgment, lead people to excuse and compare, and to blame and complain» [7].

В данном случае неинтенсивная неформальность создается скорее посредством выражения личностного отношения, эмоций оратора, нежели сниженными языковыми средствами. При этом выразительность речи довольно высока.

Публичное политическое выступление разных жанров может иметь регистровый диапазон от интенсивно формального до интенсивно неформального. При этом формальность более присуща информационному жанру. Выступления убеждающего, призывного жанров, а также жанра – оправдание/ покаяние допускают отступления от критериев формальности, что связано с уровнем импрессивности высказывания, оценочностью суждений и общим уровнем агональности речи.

Список литературы

1. Алёшина Е.Ю. Публичный политический дискурс конфликтной ситуации М.: «Прометей», 2015.
2. Алёшина Е.Ю. Регистры публичного политического дискурса и факторы их формирования (на материале английского языка) / Е.Ю. Алёшина // Политическая лингвистика. – 2016. – Вып. 4 (58). – С.87-92.
3. Блох М.Я. Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания, 2000. № 4. С. 56-67.
4. Блох М.Я. Язык, культура и проблема регуляции речевого общения // Язык. Культура. Речевое общение, 2013. № 2. С.5-10.
5. Ломоносов М.В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 7. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С.585-592.
6. Blair T. Doctrine of the International community (delivered at the Economic Club, Chicago, April 24, 1999) [Электронный ресурс] <https://keepTonyBlairforPM.wordpress.com/blair-speech-transcripts-from-1997-2007/#chicago> (дата обращения 2.01.2018).
7. Clinton B. I have sinned (delivered 11 September, 1998) // History Place. URL: <http://www.historyplace.com/speeches/clinton-sin.htm> (дата обращения: 08.11.2015).
8. Palin S. Trump Speech // Buzz Feed News. URL: https://www.buzzfeed.com/kyleblaine/so-uh-heres-the-full-text-of-sarah-palins-bizarre-trump-speech?utm_term=.chw416pVR#.yq1Q1k9Xx (дата обращения 12.08.2016).
9. Thatcher M. Speech at Kensington Town Hall (“Britain Awake”) (delivered 10 January, 1976) // [Электронный ресурс] <http://www.margaretthatcher.org/document/102939> (дата обращения 2.01.2018).
10. Wilson W. Fourteen Points (delivered 8 January, 1918) [Электронный ресурс] // American Rhetoric. URL: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/wilsonfourteenpoints.htm> (дата обращения: 04.11.2015).

10.02.04

В.В. Аргунов, К.И. Федорова канд. филол. наук

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова,
институт зарубежной филологии и регионоведения,
кафедра английской филологии,
Якутск, ki.fedorova@s-vfu.ru, vasyarum@gmail.com

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МЕТАФОР В АНГЛОЯЗЫЧНОМ СПОРТИВНОМ ДИСКУРСЕ

В статье исследуются роль и особенности употребления различных концептуальных метафор (конвенциональной, новаторской и комплексной метафор) в англоязычном спортивном блоге и репортаже, освещающих участие сборной Исландии в Чемпионате Европы по футболу 2016 г. Проводится подробное изучение метафор с точки зрения их взаимосвязи, взаимозависимости и системности в рамках текста, что непосредственно связано с мышлением и культурой. Посредством употребления концептуальных метафор адресанты достигают степень экспрессивности и образности, формируют определенное мнение, структурируют восприятие адресатов, а также репрезентуют определенную точку зрения.

Ключевые слова: *теория концептуальной метафоры, концептуальная метафора, новаторская метафора, комплексная метафора, конвенциональная метафора, спортивный дискурс.*

В современной когнитивной лингвистике метафора рассматривается лингвистами как феномен мышления и культуры. В этой связи языковая метафора — это внешняя манифестация концептуальной метафоры, существующей в нашем сознании [2, с. 34]. Концептуальная метафора — это осмысление сущности одного вида в терминах другого [5, с. 5].

Конвенциональные (или “стертые”) метафоры фиксированы в языковой и культурной традиции, заложены в понятийной системе человека. Новаторские (“творческие”, “креативные”) метафоры — основаны на конвенциональных, развивают, являются их продолжением или комбинацией [4, с. 43-59]. Кроме того, метафоры связаны между собой различными системными отношениями (например, через базовые метафоры) и способствуют организации текста в содержательном плане.

Рассмотрим объективирование концептуальной метафоры в спортивном блоге онлайн-версии британского издания “The Guardian”.

*There will be a temptation now for some to make this **defeat** all about England, this despite the fact England went home last week, **sent floating off down the tournament stream**, already a bloated and yellowing **cadaver** [9]. / После этого у некоторых будет искушение приписать это **поражение** только Англии, несмотря на то, что Англия отправилась домой на прошлой неделе, **была спущена на воду и отправлена по реке турнира**, уже раздутый и желтеющий **труп**.*

В этом контексте мы видим, как выбывание сборной Исландии из турнира, команда и ее болельщики осмысливаются новаторскими метафорами. Концептуальная метафора ‘Спорт — это война’ имеет фреймовую структуру, которая предполагает физическое устранение “врага”, что позволяет автору использовать косвенную метафорическую номинацию (*cadaver*). Эта лексема является медицинским термином, обозначающим “*труп, который может использоваться врачами и учеными для идентификации пораженных участков, установления причины смерти и т. д.*” [8]. Как летальный исход пациента и последующее патологоанатомическое исследование его тела, сборная Англии после проигрыша становится

объектом тщательного анализа сообщества поклонников футбола для определения причины такого неудачного исхода. Подобным образом выражается оценочное отношение автора к этому событию, для которого победа Исландии является заслуженной.

Метафора (*sent floating off down the tournament stream*) позволяет представить сборную Исландии в роли “убийцы”, действия которой приводят к “насильственной смерти” сборной Англии и в результате чего последняя лишается права дальнейшего участия в чемпионате. Кроме того, выбывание из турнира представляется в качестве обряда захоронения эпохи викингов — спуска погребальной ладьи на воду. В основе этого ритуала лежат религиозные представления, и тем самым автор апеллирует к верованию викингов. Таким образом, эта метафора репрезентирует точку зрения исландцев: данная победа приобретает сакральное значение.

Помимо спортивных блогов, не менее широкое употребление концептуальные метафоры имеют в спортивных репортажах. Рассмотрим их объективирование в репортаже матча Англия – Исландия [7]:

27' *Gudmundsson expertly shepherds him into the corner before playing the ball off him for a goal kick.* / Гудмундссон искусно **проводит** его в угол перед тем, как отбить мяч с его ворот.

35' *Can England derail the Iceland fairytale? Rooney is doing his bit...* / Может ли Англия **сорвать сказку Исландии**? Руни делает свое дело...

83' *One simple pass cuts through England's high defence and Gunnarsson ties Wilshere in knots before stinging Hart's palms with a fierce shot from the angle. England survive the resulting corner.* / Один простой пас **прорезает высокую оборону** Англии, и Гуннарссон **завязывает Уилшера в узлы перед тем, как свирепо ужалить** ладони Харта. Англия **пережила** получившийся угол.

В данных контекстах мы видим, что объективируемая концептуальная метафора ‘Спорт – это война’ в тексте позволяет развивать милитарную метафора в дискурсе дальше, создавая некоторое ожидание для реципиентов в связи с контекстуальной доступностью сферы-источника ‘Война’. Так, метафоры, связанные с военными и физическими действиями: *high defense* («высокая оборона»), *survive* (*пережить*; «остаться в живых»).

Концептуальная метафора *ties in knots before stinging with a fierce shot* заслуживает более тщательного рассмотрения. Здесь игра мячом скандинавского футболиста представляется как завязывание красивого и замысловатого кельтского узла “Bumblebee Knot” (букв. англ.: “узел шмеля”). Далее мы видим продолжение этой метафоры - упомянутый шмель “жалит свирепым ударом”. Как жало шмеля прокалывает покров жертвы, этот удар мячом пробивается через защиту прямо к цели, но останавливается на ладони вратаря.

Одним из значений глагола *shepherds* является “вести по определенному направлению, пасти” [10]. Однако, по-нашему мнению, эта концептуальная метафора дает отсылку к популярным шуткам и, возможно, к словам главного тренера сборной Исландии Хеймира Хадльгримссона: “There have been a lot of jokes about how small we are, how you can pick the team from shepherds” (“Было много шуток о том, как нас мало, как мы можем собрать команду из пастухов”) [Цит. по: 6]. Скандинавский футболист не только “пасет” (ведет), но и делает это *expertly* (“искусно”, умело).

Помимо данных концептуальных метафор, мы видим базовую метафору спортивного дискурса ‘Турнир – это путь’ (*derail the Iceland fairytale*). Здесь реализуются сразу несколько метафорических моделей (является комплексной метафорой) – например, такие, как ‘Участие в турнире - сказка’, ‘Выбывание из турнира – крушение поезда’ и др.

Итак, авторы спортивных блога и репортажа, освещая то или иное событие, придают тексту степень экспрессивности и образности, формируют определенное мнение через выражение оценки. Новаторские и комплексные метафоры обладают функцией конструирования и передачи новых смыслов, тем самым наиболее успешно актуализируют когнитивно-прагматические аспекты текста. Конвенциональные метафоры, являясь привычными для адресатов и глубоко укорененными в их сознании, способствуют структурированию восприятия.

Список литературы

1. Большой Энциклопедический словарь. // URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/83078/вальхалла> (дата обращения: 12.02.2019)
2. *Скребцова, Т.Г.* Когнитивная лингвистика: курс лекций. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. 256 с.
3. *Хейзинга, Й.* Homo Ludens; Статьи по истории культуры. М.: Прогресс-Традиция, 1997. 416 с.
4. *Dancygier B., Sweetser E.* Figurative language. NY: Cambridge University Press, 2014. 235 p.
5. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors we live by. London: The University of Chicago Press, 2003. 276 p.
6. *Lawrence Amy.* A 2016 football moment to remember. Iceland light up Euro 2016. The Guardian. December 29, 2016. // URL: <https://www.theguardian.com/football/2016/dec/29/2016-football-moment-to-remember-iceland-euro-2016> (дата обращения: 22.12.2019)
7. LIVE England – Iceland – Euro 2016 – 27 June 2016 // URL: https://www.eurosport.com/football/euro-2016/2016/live-england-iceland_mtc835187/live.shtml (дата обращения: 22.12.2019)
8. MedTerms Medical Dictionary // URL: <https://www.medicinenet.com/script/main/art.asp?articlekey=12491> (дата обращения: 12.02.2019)
9. *Ronay Barney.* Iceland's beautiful journey finally comes to an end at Euro 2016. The Guardian. July 3, 2016 // URL: <https://www.theguardian.com/football/blog/2016/jul/03/iceland-beautiful-journey-end-france-euro-2016> (дата обращения: 12.02.2019).
10. The Oxford Pocket Dictionary of Current English // URL: <https://www.encyclopedia.com/philosophy-and-religion/bible/bible-general/shepherd> (дата обращения: 22.12.2019)

10.02.04

Р.З. Дарзаманова канд. филол. наук

Казанский национальный исследовательский технологический университет («КНИТУ»),
факультет социотехнических систем,
кафедра ИЯПК (иностранных языков в профессиональной коммуникации)
Казань, rezedad@inbox.ru

ТИПИЧНЫЕ ОШИБКИ СТУДЕНТОВ, ИЗУЧАЮЩИХ НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК В КАЧЕСТВЕ ВТОРОГО ИНОСТРАННОГО, И СПОСОБЫ ИХ ЭФФЕКТИВНОЙ КОРРЕКТИРОВКИ

В данной статье проводится анализ типичных ошибок, возникающих у студентов вузов, изучающих немецкий язык в качестве второго иностранного, и предлагаются способы их корректировки. Корректировка типичных повторяющихся ошибок тесно связана со своевременным выявлением причины их появления. В зависимости от этого предлагаются способы, позволяющие избежать появления, и, тем более, повторение типичных ошибок при изучении второго иностранного языка (немецкого).

Ключевые слова: немецкий язык как второй иностранный, английский язык, билингвизм, интерференция, преподавание иностранных языков.

На сегодняшний день всё большее количество студентов вузов республики Татарстан выбирают изучение немецкого языка в качестве второго иностранного. Этот выбор связан с результатами экономического роста республики, востребованностью двуязычных специалистов, владеющих вторым иностранным языком (как правило, после английского), а также популяризацией немецкого языка в России, в целом, и в Казани и Татарстане, в частности. Популяризация заключается в преподавании зарубежных лекторов DAAD и института им. Гёте в российских вузах, открытии совместных программ обучения (бакалавриат и магистратура) между вузами Казани и Германии (Германо-Российский институт новых технологий КНИТУ-КАИ (ГРИНТ)). В Казани имеется немецкий читальный зал, курируемый институтом им. Гёте, находящийся в отделе литературы на иностранных языках Национальной библиотеки республики Татарстан. Зал предлагает читателям НБ РТ богатый выбор аутентичной художественной, научной, документальной литературы, периодических изданий, страноведческих фильмов, обучающей литературы. Проведение мероприятий, связанных с изучением немецкого языка и культуры (к примеру, в казанском кинотеатре "Мир" в 2019 году проходил цикл вечеров немецкого кино, организованный учреждением культуры "Татаркино" совместно с германо-российским институтом новых технологий КНИТУ-КАИ и информационным центром DAAD) [1], также способствует повышению интереса к немецкому языку.

Данная тенденция не является исключением из общемировой практики. Выбор немецкого в качестве второго иностранного языка после английского - гораздо более распространённое явление во всём мире, нежели изучение немецкого в качестве первого иностранного языка [2].

Несмотря на то, что студенты, начинающие учить немецкий, уже владеют навыками изучения иностранного языка: умеют запоминать слова, работать с текстами, не впадают в панику, если не знают значения некоторых слов, научены распознавать смысл незнакомой лексики из контекста - даже при таком ценном наборе качеств, который даёт опыт изучения первого иностранного языка, существуют трудности. И самая главная трудность, особенно на начальных этапах - интерференция.

Фонетические ошибки в повод переживаний многих студентов, имеющих опыт изучения английского языка за плечами. Несмотря на факт, что на первых занятиях, благодаря

внимательности и концентрации, при чтении отдельных звуков, слов и словосочетаний ошибки в чтении удаётся минимизировать, или вовсе их избегать, то уже при чтении текстов, диалогов внимание притупляется, и на первый план (также, возможно, от усталости) выходят правила чтения английского языка. Часто повторяющимися вариантами ошибок у студентов являются следующие: *ich* - читают "ич" вместо "ихь", *Mutter* - "матер" вместо "муттер", *Papagei* - "папагей" вместо "папагай", *Student* - "стыудент" вместо "штудент", *Europa* - "юроба" вместо "ойропа", *Zeitung* - "зейтунг" вместо "цайтунг". К сожалению, данный список можно продолжать долго. Проявляются такие ошибки именно в начале курса обучения, повторяются регулярно в первые недели занятий (у кого-то в большей, у кого-то в меньшей степени). Студенты особенно расстраиваются, когда из раза в раз (иногда по 5 раз на одном занятии) совершают одну и ту же фонетическую ошибку из вышеперечисленных. Задача педагога в таком случае - не корить за "непонимание", а поддержать. Во-первых, говорение и психологические процессы неразрывно взаимосвязаны, и расстроенный студент внимательнее и собраннее точно не станет. Во-вторых, таких ошибок действительно сложно избежать. Лучшим вариантом будет поддержать обучающегося, объяснить, что перенос норм ранее изучаемого языка на второй есть обычное явление, и именно такие ошибки со временем (при активной практике речи немецкого языка) точно пройдут.

Вариантом решения проблемы частых ошибок в чтении на начальных этапах изучения немецкого как второго иностранного является регулярное уделение времени на фонетические упражнения в первый месяц занятий. Словосочетания и слова, короткие стихотворения, тексты и диалоги должны постоянно меняться, следует варьировать также контекст, чтобы не было привыкания. Таким образом достигается мобилизация усилий, улучшается концентрация, минимизируются ошибки. Можно уже при первых шагах осуществлять упражнение "минимум 5 минут монологической речи за урок" (контролируется при помощи секундомера или песочных часов). При помощи такой тренировки удаётся не только проработать "слабые места" в произношении, но и на самых начальных этапах избежать страха говорения. Следует отметить, что у студентов, продолжающих изучать английский язык, будет наблюдаться обратная проблема - перенос немецкой фонетики на английскую. Некоторое время они могут ошибаться "на обоих фронтах".

Когда студенты только учатся склонять существительные и спрягать глаголы в *Präsens*, они зачастую забывают склонять артикль, и добавлять личные окончания к глаголам. В таких случаях на помощь приходит работа с карточками, таблицами, повторения в разных вариантах: например, можно сначала составлять утвердительное предложение, затем переделывать его в вопросительное к разным лицам и числам.

Что касается вопросительных предложений, часто камнем преткновения является тот факт, что в немецком вопросы в *Präsens* образуются без вспомогательного глагола, в то время как в английском в *Present Simple* присутствует вспомогательный глагол. Следствием является постоянное замешательство при необходимости сформулировать вопросительное предложение. Выходом из ситуации является работа в мини-группах и парах, составление и демонстрация коротких диалогов с постоянной тренировкой "вопрос-ответ".

На начальном этапе изучения немецкого в качестве второго иностранного трудность из себя представляют и притяжательные местоимения в немецком, а точнее, тот факт, что они в немецком языке меняют окончания в зависимости от рода и числа. В английском языке притяжательные местоимения "my, your, his, our, their" остаются неизменными, вне зависимости от того, какое существительное они сопровождают.

В немецком же притяжательные местоимения склоняются как неопределённый артикль в единственном числе, как определённый - во множественном. Особенная сложность у студентов возникает с притяжательным местоимением *sein* (его). Многие спрашивают, почему в сочетании притяжательного местоимения и существительного "*seine Tasche*", "*seine Freundin*" у притяжательного местоимения "его" есть окончание, ведь "Этого окончания не должно быть". В данном случае "виноват" не сколько английский, столько русский язык, для

многих из учащихся являющийся родным. В то время как у оставшихся притяжательных местоимений в русском языке имеется форма для всех родов и множественного числа (мой - моя - мои, твой - твоя - твои, ваш - ваша - ваши, и т.д), то местоимение "его" остаётся неизменным (его машина, его друг, его родственники). Поэтому учащиеся уверены, что местоимение "его" может быть "только мужского рода", и не хотят прибавлять к нему окончание женского рода или множественного числа.

Вариантом решения этой проблемы является закрепление пройденного грамматического материала на базе упражнений, а также элементы "опережающего говорения", где студенты будут запоминать нужную форму на практике.

Определённую трудность представляет собой спряжение сильных глаголов в немецком языке, а именно изменение корневой гласной е на і, или долгую іе, а на ä, и о на ö во втором и третьем лице единственного числа. Эквиваленты сильных глаголов в английском присутствуют (в грамматике английского языка подобные глаголы называются неправильными), однако при спряжении неправильных глаголов в Present Simple подобных исключений нет. При первичном закреплении данного грамматического материала серьёзных проблем с пониманием этой темы не наблюдается, однако в дальнейшем начинают проявляться ошибки. Связано это исключительно с забывчивостью и/или с незнанием, что встретившийся глагол является глаголом сильного спряжения. Как вариант искоренения повторяющейся ошибки можно использовать периодические тесты на проверку остаточных знаний, "грамматические разминки" с регулярным повторением ранее пройденного материала.

Студенты ошибаются также с завидной регулярностью на теме "слабое склонение имён существительных". При этом наблюдается та же тенденция, что и с глаголами сильного спряжения: ошибки проявляются не на начальном этапе введения грамматической темы, а гораздо позже. Причины, с одной стороны, могут заключаться в том, что изучающие немецкий просто не вспоминают о признаках слабого типа склонения имён существительных, и не могут вовремя идентифицировать его, тем самым, не сделав ошибку при склонении. Другое объяснение может заключаться в названии типа склонения - "слабое". Из-за влияния русского языка и словосочетаний "слабый пол", "сильный пол", слово "слабый" скорее ассоциируется у обучающихся с женским полом, и, соответственно, родом. Видя существительное мужского рода, они просто не могут вспомнить, что оно (соответственно ключевым признакам) относится к слабому типу склонения существительных. И склоняют его по правилам для сильного типа склонения имён существительных.

И, в завершение, одна из наиболее типичных и повторяющихся ошибок на начальном этапе изучения немецкого языка в качестве второго иностранного - эта ошибка в отсутствии глагола связки в предложении. Обучающиеся могут забыть о наличии глагола-связки, или же, наоборот, ошибочно применяют его при наличии активного глагола ("Ich Student" вместо "Ich bin Student", "Du Student?" вместо "Bist du Student?"). При такого рода ошибках можно чётко провести аналогию с английским языком: "Ich bin Student" - "I am a student", "Bist du Student?" - "Are you a student?".

При изучении немецкого языка в качестве второго иностранного ошибок избежать не удастся никому. Однако своевременное выявление причины возникновения ошибки, исходящее из этого грамотное объяснение и предложенные способы корректировки помогают эффективно бороться с повторением ошибок в будущем.

Список литературы

1. Вечер немецкого кино в "Мире" / Татаркино: [сайт]. URL: <https://tatarkino.ru/news/vecher-nemetskogo-kino-v-mire/>
2. *Mehlhorn, Grit*. Lebenslanges Lernen und Fremdsprachigkeit: Deutsch als Fremdsprache nach Englisch im russischsprachigen Kontext. // Das Wort. Germanistisches Jahrbuch Russlands. 2012/2013, S. 177-193.

10.02.04

Р.З. Дарзаманова канд. филол. наук

Казанский национальный исследовательский технологический университет («КНИТУ»),
факультет социотехнических систем,
кафедра ИЯПК (иностранных языков в профессиональной коммуникации),
Казань, rezedad@inbox.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В КАЧЕСТВЕ ВТОРОГО ИНОСТРАННОГО У СТУДЕНТОВ, ВЛАДЕЮЩИХ АНГЛИЙСКИМ И/ЛИ ТАТАРСКИМИ ЯЗЫКАМИ

В данной статье проведён анализ преподавания немецкого языка как второго иностранного (при владении английским и/или татарским) с целью выявить сложности, возникающие при изучении второго иностранного языка в условиях билингвизма. Также рассмотрено положительное влияние уже имеющихся знаний английского и татарского языков при изучении немецкого как второго иностранного языка.

Ключевые слова: *немецкий язык, английский язык, татарский язык, билингвизм, интерференция, преподавание иностранных языков.*

Немецкий язык активно преподаётся во многих образовательных учреждениях Татарстана. Популярность выбора немецкого в качестве второго иностранного обусловлена широким применением данного языка в сфере туризма, делового общения, сервиса. Несмотря на то, что пальму первенства в преподавании и изучении иностранного уверенно занимает английский [2], необходимость введения в обязательную или факультативную программу изучения немецкого языка продиктована жизненной необходимостью: Казань активно вышла на международную арену благодаря проведению мероприятий мирового масштаба, признана спортивной столицей России, привлекает внимание иностранных гостей, завоевала признание в качестве интернационального туристического центра. Наличие международных партнёров у организаций, базирующихся в Казани, развитый внутренний и международный туризм, внешние экономические связи предполагают и востребованность специалистов, владеющих несколькими иностранными языками. Таким вторым иностранным языком для обучения и изучения благодаря частоте использования в вышеперечисленных сферах часто становится немецкий. Существуют партнёрские программы между казанскими университетами и высшими учебными заведениями Германии. Например, Германно-Российский институт новых технологий КНИТУ-КАИ (ГРИНТ) - крупнейший совместный институт Германии и России - предлагает различные программы магистратуры двойных дипломов, КНИТУ (Казанский национальный исследовательский технологический университет) - предоставляет студентам, обучающимся по специальности "Информационные системы и технологии" возможность углублённо изучать немецкий и получать высшее образование (бакалавриат) в Германии, в университете прикладных наук Мерзебурга.

Созданные в казанских учебных заведениях условия, равно как и требования современных реалий, мотивируют академически мобильную молодежь к изучению нескольких иностранных языков, в том числе, немецкого. С какими же вызовами сталкивается обучающийся при изучении немецкого языка после английского? Как правило, у новичков уже существуют стереотипы о новом для них языке, которые на начальном этапе могут сильно затруднять процесс погружения в новую языковую среду. К примеру, среди русскоговорящих студентов, только начинающих изучение немецкого, с пугающей частотой звучит утверждение, что "немецкий - лёгкий язык", "немецкий легче английского" (в плане изучения). Если преподаватель слышит такие высказывания, следует спросить: "Что Вы понимаете под этим словосочетанием? Что значит для Вас "лёгкость" одного иностранного языка по сравнению с другим (ранее изучаемым) иностранным языком?". Если задать

подобный вопрос и проанализировать частоту получения тех или иных ответов (для наглядности можно провести анкетирование), то наиболее часто можно услышать следующие ответы:

Первый распространённый аргумент: "В немецком языке слова читаются, как пишутся". При просьбе конкретизировать данное мнение выясняется: учащиеся уверены, что в немецком языке нет определённых правил чтения, "можно читать как видишь, не смотреть постоянно транскрипцию". Второй аргумент тесно связан с первым. Обучающиеся уверены, что немецкий язык легче воспринимается на слух, так как "ты сразу представляешь, как это пишется". Третий аргумент "лёгкости": "В немецком языке нет столько временных форм, как в английском". Четвёртый (несколько неожиданный), встречающийся несколько реже предыдущих, аргумент: "В немецком языке слова имеют не так много значений, как в английском. Соответственно их легче запомнить".

Разберём эти аргументы подробнее. Прежде всего, хорошим вариантом начала этой общеобразовательной беседы было бы упомянуть, что немецкий и английский входят в одну языковую семью - германскую, и их ни в коем случае не следует противопоставлять друг другу. Нужно предупредить начинающих изучать немецкий, что их знания английского могут значительно помочь в новом деле (в данном случае, в изучении нового языка, в связи со схожестью некоторых грамматических конструкций, написания и, особенно, звучания слов), но также обратить внимание, что эта похожесть будет периодически играть с ними плохую шутку, называемую интерференцией, то есть приводить к ошибочным аналогиям, неправильному произношению звуков, грамматическим неточностям и прочим речевым ошибкам.

При разборе первого аргумента "Как пишется, так и читается" можно перейти от слов к действиям и объяснить правила чтения немецкого языка: рассказать про умлауты (ä, ö, ü). Привести аналогии при их произношении с английским и татарскими языками, так как в Татарстане многие студенты владеют татарским как носители языка, либо учили в школе, либо слышали отдельные слова и предложения, и имеют представление об их звучании. Например, при звуке ä предложим сравнить произношение с английским словом flat и татарским этэч, эни. Звук ö сравниваем с татарским ө, ü - с татарским ү. Такие упражнения привлекают внимание, усиливают междисциплинарные связи, а примеры лучше запоминаются.

После умлаутов продолжаем объяснять другие правила чтения: сочетания согласных: sp, st в начале слова или корня (Straße, spielen, stehen, verstehen), ch (ich, dich), chs (sechs), tsch (Deutsch); сочетания гласных: ei (bleiben), ie (verlieren), eu (Europa), äu (Häuser). Можно опять вернуться к фонетическим аналогиям немецкого, английского и татарского языков, и обратить внимание обучающихся на сочетание согласных ng. Например, singen, springen: звук, идентичный татарскому ң (сиңа, миңа), английскому звуку ŋ (sing).

Возвращаясь к утверждению (безусловно ошибочному, однако среди начинающих изучать немецкий в России до сих пор по неясным причинам широко культивируемому), что в немецком "как читается, так и пишется", следует отметить обучающимся, что это миф; однако, если правила чтения запомнить, хорошо выучить и закрепить в самом начале обучения, то действительно, сложностей в говорении будет меньше. В самом начале нужно уделять больше внимания фонетике и постоянно тренировать этот аспект, поскольку начинающие стандартно совершают много ошибок из-за влияния английского языка (например, "бач" вместо слова "Buch", "матер" вместо "Mutter", и т.д.) При частом повторении фонетических ошибок у начинающих изучать немецкий случаются моменты фрустрации, в таком случае педагогу важно поддержать учащегося, объяснить ему, что интерференция - это нормальное явление для билингвизма.

При ближайшем знакомстве с фонетикой немецкого языка учащиеся осознают, что воспринимать устную немецкую речь не легче, чем любой другой иностранный язык. Однако вместе с тем они понимают, что знание фонетических особенностей языка со временем даст им возможность приблизиться к аутентичному говорению и лучшему восприятию на слух.

Что касается отсутствия большого количества грамматических временных форм в немецком, то, по сравнению с английским, в немецком их действительно меньше. При этом при изучении немецкого языка на уровне начинающего обучающегося, уже владеющего английским, будут подстерегать неожиданности и трудности, к которым не всегда можно быть готовым. Изучающим немецкий язык в качестве второго иностранного после английского придётся столкнуться с такими реалиями, как наличие определённого и неопределённого артиклей мужского и женского рода ("ein", "eine", "ein" и "der", "die", "das", "die" в противовес "a" и "the" в английском), которые, ко всему прочему, склоняются по падежам; склонением существительных, прилагательных, спряжением глаголов, строгим порядком слов в утвердительных (второе место изменяемого глагольного сказуемого) и сложноподчинённых предложениях, и многим другим.

Конечно, не стоит запугивать только начинающего изучать любой иностранный язык человека предстоящими сложностями. Следует только не культивировать ложные надежды на "лёгкость" одного языка по сравнению с любым другим. Нужно неоднократно напомнить при изучении, что только владение базовыми знаниями и азами грамматического материала (несмотря на их кажущуюся лёгкость) позволит им впоследствии овладеть более сложными конструкциями.

Что же касается значения немецких слов, то для немецкого языка также характерна полисемия. Поэтому следует стремиться запоминать слова в контексте, а не заучивать их отдельно. Для этого подходит работа в малых группах (составление диалогов), чтение адаптированных и аутентичных текстов, аудирование.

Начинающий изучать немецкий в качестве второго иностранного столкнётся с большим количеством вызовов и трудностей, начиная с произношения, заканчивая формулировкой предложений и образованием грамматических форм. Задача педагога в случае билингвизма - это направить обучающегося в нужное русло, используя двуязычие во благо, грамотно определяя причины только проявившихся, или уже повторяющихся грамматических и лексическо-стилистических ошибок.

У изучавших ранее английский при занятиях немецким языком проявляются как негативные аспекты влияния ранее изучаемого языка, так и положительные факторы, облегчающие изучение нового языка на уже имеющейся базе. К примеру, к особенно выраженным негативным проявлениям можно отнести фонетические ошибки, отсутствие склонения артикля при склонении существительных, отсутствие личных окончаний при спряжении глаголов. Положительным проявлением является возможность провести множество аналогий. Такими схожими аспектами являются грамматические, например применение глагола - связки при отсутствии активного глагола. Помочь могут знания словообразования английского языка, возможность составить словарь идентичной лексики (максимально схожей в английском и немецком языках) по таким темам, как: дни недели, стороны света, цвета, названия профессий, части тела, блюда и напитки, названия стран и национальностей [1]. Осознание, что знакомый в качестве первого иностранного язык пригодился при освоении новых навыков, получении новых знаний и компетенций является отличной мотивацией и хорошим стимулом для дальнейшего изучения как первого, так и второго иностранного языков (в данном случае английского и немецкого).

Список литературы

1. *Mehlhorn, Grit. Lebenslanges Lernen und Fremdsprachigkeit: Deutsch als Fremdsprache nach Englisch im russischsprachigen Kontext. // Das Wort. Germanistisches Jahrbuch Russlands. 2012/2013, S. 177.*
2. *Salomo, Dorothe. Sprachlernerfahrung Deutsch als zweite Fremdsprache. // <https://www.goethe.de/de/spr/unt/kum/jug/jla/20382749.html>*

10.02.04

Ю.А. Джураева

Московский педагогический государственный университет,
Институт иностранных языков,
кафедра фонетики и лексики английского языка,
Москва, ua.dzhuraeva@yandex.ru

ФОНЕТИЧЕСКОЕ ПОРТРЕТИРОВАНИЕ КАК МЕТОД ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье исследуется происхождение термина «фонетический портрет» и проводится сравнительный анализ работ авторов, посвященных данной теме. В результате исследования выявляются речевые характеристики, необходимые для составления фонетического портрета личности, а также выделяются преимущества фонетического портретирования как метода фонетического анализа.

Ключевые слова: *фонетическое портретирование, фонетический портрет, речевой портрет, лингвистический анализ, языковая личность.*

Исследования по проблемам речевого общения свидетельствуют о том, что в последнее время интересы лингвистов сместились к изучению речевых характеристик говорящего с учетом его индивидуальных особенностей. Предметом подобных исследований становится языковая личность носителя языка, «дифференцированная не как социально-психологическая уникальность, но как коммуникативно-деятельностная единица, представляющая собой двучлен говорящий/слушающий» [цит. по Карабутова, 2012:85].

Соответственно, специфический набор средств, используемый в общении, представляется наиболее значимой характеристикой личности. Проблема выявления данных индивидуальных особенностей разрабатывается в рамках антропологической лингвистики, социолингвистики, социологии и имиджологии. На данный момент исследования проводятся как на базе письменных текстов, включающих в том числе социальные сети, так и на основе устной речи.

Исследованиями в данной области занимались Ю.Н. Караулов, В.И. Карасик, Л.П. Крысин, Г.Г. Матвеева. Для описания набора речевых средств, используемых индивидом, в отечественной науке используются такие термины, как «языковая личность», «фонетический портрет», «речевой имидж», «идиостиль».

Согласно стилистическому энциклопедическому словарю русского языка, идиостиль представляет собой «совокупность языковых и стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи писателя, ученого, публициста, а также отдельных носителей данного языка». [Котюрова, 2003:95] Определение данного понятия пересекается с определением «языковой личности», данного Ю.Н. Карауловым: «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений, которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определенной целевой направленностью» [Караулов, 2010:245].

Исследование языковой личности проводится предполагает изучение структурно-языковых особенностей речи на всех уровнях организации личности:

- Лексикона, т.е. «вербально-семантического уровня организации оцениваемой языковой личности» [Караулов, 2010: 43], который включает лексико-грамматические особенности речи;

- Тезауруса, который автор также называет «языковой картиной мира» [Караулов, 2010: 43], что подразумевает набор разговорных формул, особой лексики и речевых оборотов, которые делают личность узнаваемой

- Прагматикона, т.е. характеризующие языковую личность мотивы, цели и коммуникативные роли, возникающие в процессе коммуникации.

М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова называют речевой портрет «функциональной моделью языковой личности» [Китайгородская, Розанова, 1995, с. 10].

Появление термина «фонетический портрет» связывается с книгой Михаила Викторовича Панова «История русского произношения XVII-XIX вв.», написанной в 1960х. В своем исследовании ученый принял попытку составления фонетических портретов известных политических деятелей, ученых, писателей и представителей прочих профессий того времени. Несмотря на то, что анализ был проведен на основе письменных источников, таких как дневники, письма, заметки и прочие, мы смогли узнать о речевых особенностях таких выдающихся русских людей как Петр Первый, Михаил Ломоносов и других.

М.В. Панов подчеркивает, что «хотя эти портреты индивидуальны: описывается манера отдельного, данного человека, - их социальная и общекультурная ценность несомненна, поскольку каждый из портретов отражает особенности речи определенной общественной среды (представителем которой является «портретируемый»). Выбирая «модель» для создания фонетического портрета, М.В. Панов обосновывает свой выбор именно социальными и социокультурными соображениями: принадлежность к тому или иному поколению, социальному слою, следование в речи определенной культурной традиции (театральной, поэтической, бытовой и т.п.), наличие локальных речевых особенностей - ср. противопоставление Москвы и Петербурга - и др. [цит. по Крысин 2001:93]. Фонетические портреты, составленные М.В. Пановым, отражают фонетические особенности речи определенной эпохи в их конкретном, индивидуальном воплощении, но при этом иллюстрируют стиль общения представителей разных слоев населения и профессий в целом.

Несмотря на то, что М.В. Панов занимался анализом письменных текстов, он называет используемый метод исследования «фонетическое портретирование», так как результаты охватывают не только лексико-грамматические особенности речи, но и содержат информацию об орфоэпических нормах того времени. В дальнейших работах по схожей тематике также встречается термин «речевой портрет». Эти понятия достаточно близки по значению, однако мы считаем нужным рассмотреть каждое из них, чтобы выявить сходства и различия.

По мнению А.А. Алексеевой, составление «речевого портрета» предполагает рассмотрение «всего комплекса речевых характеристик носителя языка в контексте заданной эпохи» [Алексеева 2012:64].

Т.П. Тарасенко определяет речевой портрет как «совокупность языковых и речевых характеристик коммуникативной личности или определенного социума в отдельно взятый период существования» [Тарасенко, 2007:8] и утверждает, что в речевом портрете отдельной личности отражаются «возрастные, гендерные, психологические, социальные, этнокультурные и лингвистические характеристики» [Тарасенко, 2007:8].

Г.Г. Матвеева подразумевает под этим понятием «набор речевых предпочтений говорящего в конкретных обстоятельствах для актуализации определенных намерений и стратегий воздействия на слушающего» [Матвеева 1993: 87].

В то же время, в центре внимания других исследователей находятся только фонетические и/или интонационные характеристики говорящего. В частности, Г.Н. Иванова-Лукьянова сосредотачивается в своем исследовании на изучении «ритмико-интонационного своеобразия речи того или другого актёра, которое включает в себя анализ интонации (в значении мелодики), способа паузирования и выделения слов, имеющих смысловую или экспрессивную нагрузку, и анализ темпа» [Иванова-Лукьянова 1989:106]. При анализе речевого поведения актеров лингвист рассматривает следующие характеристики:

- простота и сложность интонационной модели
- предпочтительность той или иной конструкции в разных частях предложения
- прямое и не прямое использование фонетических конструкций
- особенности употребления экспрессивной интонации

- особенности использования переходных типов конструкций, характерных для того или иного актера.

В.Я. Труфанова также проводит анализ актерской речи на фоне интонационной системы языка. Ей удалось выявить комбинации средств, которые обуславливают своеобразие интонации. Индивидуальность говорящего при этом определяется в характере изменения тона в пределах интонационной конструкции, в манере их сочетания, особенностях членения речи и использовании различного темпа.

М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова поставили перед собой цель описать речевой портрет русского человека. В своей работе они сосредоточились на исследовании произносительных норм говорящих на основе фонозаписей речи, в которых проявлялись индивидуальные характеристики каждого. Авторы создали уникальную фотохрестоматию, в которой описаны особенности выбора орфоэпических вариантов, использования фонетического эллипсиса и предпочтительных приемов акцентного выделения.

Как мы видим, основной упор при составлении речевого портрета делается на изучение вербальных лексико-грамматических характеристиках речи, а также невербального поведения. В отличие от «речевого портрета» ключевым аспектом фонетического портрета говорящего является его интонация. В связи с этим, мы предлагаем разграничить понятия «речевой» и «фонетический портрет». Последнее из них при этом будет представлять собой частный случай первого, его компонент. Соответственно, при составлении фонетического портрета мы оставляем за границей нашего исследования остальные аспекты речевой деятельности, но мы можем сослаться на них для более точного описания результата исследования.

Возвращаясь к вопросу терминологии в данной области, можно сделать вывод, что понятия идиостиль и речевой имидж используются в основном в качестве объекта исследования, в то время как «речевой» и «фонетический портрет» являются его результатом.

Следовательно, фонетическое портретирование - активно используемый в современных исследованиях метод лингвистического анализа языковой личности, в ходе которого выявляются характерные для этой личности интонационные конструкции, особенности артикуляции звуков, предпочтительные способы паузации, изменения темпа и громкости. Фонетический портрет является результатом данного анализа, в него могут быть включены описания отдельных элементов невербального поведения и некоторые используемые лексико-грамматические конструкции, если они способствуют созданию более полного описания личности.

Важно отметить, что большинство исследователей в этой области согласны с мнением М.В. Панова, что «речевой портрет» и «фонетический портрет» могут быть применимы для описания как коллективных характеристик общества, так и индивидуальных черт его представителей, как поведения индивида в конкретных ситуациях, так и в целом. В вышеописанных случаях (см. Г. Н. Иванова-Лукиянова, В.Я. Труфанова) составленные фонетические портреты не только дают краткую характеристику носителя языка, но и создают его обобщающий образ, как представителя определенной профессии (актёра), предполагающей тщательную работу с языком.

Т.И. Шевченко в своих трудах отмечает значимость определения фонетических характеристик при установлении социального положения человека в обществе, так как тип произношения тесно связан с образом жизни людей и может служить своеобразным маркером статуса человека в обществе [Шевченко, 2017:216].

Таким образом, фонетическое портретирование представляется перспективным методом исследования, так как, во-первых, позволяет охватить все аспекты звучащей речи говорящего, во-вторых, может применяться для анализа как отдельной личности, так и составления обобщенных фонетических портретов различных социальных, профессиональных, возрастных и др. групп, кроме того, позволяет проводить сравнительный анализ речевых характеристик говорящих.

Список литературы

1. *Алексеева А.А.* Политические портреты В.В. Путина и Д.А. Медведева (на материале современной прессы и ассоциативного эксперимента) // *Политическая лингвистика*. – 2012. – № 3 (41). – С.64-80.
2. *Иванова-Лукьянова Г.Н.* Особенности интонации актеров // *Язык и личность*. – М.: Наука, 1989. – 1989. – С. 106-116.
3. *Карабутова Е.А.* Антропологический подход к обучению языковой личности иноязычной лингвокогнитивной деятельности // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. – 2012. – № 12 (131). Вып. 14 – С. 82 – 89.
4. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. – 7-е изд. – М., 2010. – 264 с.
5. *Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Русский речевой портрет. Фонохрестоматия. – М., 1995. – 128 с
6. *Котюрова М.П.* Идиостиль // *Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной*. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 2003. – С. 95-99
7. *Крысин Л.П.* Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета// *Русский язык в научном освещении*. – 2001. – № 1. – С. 90-106.
8. *Матвеева Г.Г.* Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего: дис. д-ра филол. наук. – СПб., 1993, – С.87.
9. *Тарасенко Т.П.* Языковая личность старшеклассника в аспекте ее речевых реализаций (на материале данных ассоциативного эксперимента и социолекта школьников Краснодара): Автореф. дис. канд. филол. наук. –Краснодар, 2007. – 26 с.
10. *Шевченко Т.И.* Фонетика и фонология английского языка: Курс теоретической фонетики английского языка для бакалавров. – Дубна: Феникс+, 2017. – 256 с.

10.02.04

О.В. Звада канд. филол. наук

Иркутский государственный университет,
Педагогический институт,
кафедра иностранных языков и лингводидактики,
Иркутск, zoksana@inbox.ru

АВТОРСКАЯ ЭКСПРЕССИЯ КАК ОТЛИЧИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕЧИ Д. ТРАМПА

В данной статье представлен анализ идиоматики в высказываниях Д.Трампа. Предметом исследования является языковая экспрессия президента США. Аналитика языкового материала данной статьи позволяет определить языковую личность Д.Трампа – политика. Основное внимание при анализе высказываний Д.Трампа сконцентрировано на фразеологическом и метафорическом разнообразии разговорной нейтральной лексики.

Ключевые слова: *политический дискурс, стилистические изменения, экспрессивный аспект языка, фразеологизмы.*

В последнее время фокус внимания лингвистов обращён на политический дискурс и политическую лингвистику, поскольку борьба за власть и удержание ее стало необходимостью и условием выживания в обществе. Анализируя политический дискурс, ряд лингвистов рассматривают «различные инструменты воздействия» на мнение людей, то, при помощи чего происходит речевое воздействие на сознание масс, а также роль использования речевых стратегий и тактик в достижении определённых (политически выгодных) результатов, что, в конечном итоге, приводит к манипуляции при формировании общественного мнения [2].

Экспрессивный аспект языка является одним из основных моментов привлекающих внимание в антропологической лингвистике [7]. При вербальном выражении своих мыслей, автор вольно или невольно отражает и своё отношение к событиям, явлениям и предметам. Можно с уверенностью говорить о том, что многие сообщения окрашены субъективным отношением говорящего, следовательно, справедливо говорить об индивидуальности отправителя сообщения при выражении экспрессии, которая обнаруживается в оценках субъекта, его эмоциях и чувствах. Говоря об авторской экспрессии,

следует отметить отступление от нейтрального языка с целью эмоционального и эстетического воздействия, что отражается при определенном отборе языковых средств, иницирующих оказание определённого воздействия на слушающего. Экспрессивность является феноменом языковой личности и ее субъективных намерений [5].

Тенденции, продиктованные новой культурно-речевой ситуацией, формируют языковые и стилистические изменения: все больше наблюдается отрицательное отношение к строгим литературным канонам, в то время как сама речь становится осторожной и, порой, изобилует эвфемизмами. Подобная ситуация, связанная с нарушением языковых и стилистических норм обусловила актуальность проблемы выражения экспрессии, с её выразительной и оригинальной формой, с одной стороны и литературной нормой, оказавшейся под угрозой, с другой. В.Г Костомаров даёт отрицательную оценку размыванию стилевых границ между коммуникативными сферами общения и новообразованиям, а также отмечает пристрастие современных авторов к таким языковым средствам выражения, которые раньше не приветствовались, либо не были допустимы категорически [3].

Для современной политической лингвистики [8] характерен антропоцентризм с его пристальным вниманием к языковой личности, которая является своеобразным «источником» языковых явлений. В данной статье такой своеобразной языковой личностью является Д. Трамп, чьи высказывания являются предметом пристального внимания общественности [6]. Рассмотрим некоторые из них:

“Sorry losers and haters, but my I.Q. is one of the highest – and you all know it! Please don’t feel so stupid or insecure, it’s not your fault” [1].

“Извините, господа неудачники и ненавистники, но у меня самый высокий I.Q., и вы все это знаете! Пожалуйста, не нужно чувствовать себя глупыми или закомплексованными, это не ваша вина”.

Д. Трамп часто использует словосочетание *haters and losers* (ненавистники и неудачники), это метафорическое словосочетание является примечательной «фишкой» Трампа, оно стало частью его фирменного стиля.

Американцы часто повторяют эти обозначения: ненавистник *hater* и неудачник *loser*, но соединить их вместе и назвать так всех несогласных – это изобретение Трампа.

“As everybody knows, but the haters and losers refuse to acknowledge, I do not wear a “wig”. My hair may not be perfect but it’s mine”.

“Как известно всем – но мои ненавистники и неудачники отказываются это признавать, – я не ношу никакой «парик». Мои волосы, возможно, и не идеальны, но они мои” [1].

Важный момент, на который стоит обратить внимание – это склонность Д. Трампа давать людям оскорбительные эпитеты. К примеру, «Лживый Тэд Круз». Д. Трамп делает это преднамеренно, не только для того, чтобы оскорбить Т. Круза, но и чтобы оказать влияние на репутацию.

“Lyin’ Ted Cruz just used a picture of Melania from a shoot in his ad. Be careful, Lyin’ Ted, or I’ll spill the beans on your wife!”

“Лживый Тэд Круз только что использовал фото Мелании из старой съёмки для своей рекламы. Будь осторожнее, Лживый Тэд, а то я ведь могу раскрыть и некоторые секреты твоей жены!” [1].

Использование фразеологизмов Д.Трампом позволяет создавать ему различные образы, где особую роль играет эмоционально-оценочная составляющая [9]. Например, обратим внимание на фразеологизмы в следующих примерах: *spill the beans on someone* – раскрыть чей-то секрет преднамеренно или нечаянно, *to cheat on someone* – ходить на сторону, изменять, *to take back* – простить и снова быть вместе, *to screw* – обмануть, повернуть какое-то дело, кинуть на деньги:

“Robert Pattinson should not take back Kristen Stewart. She cheated on him like a dog and will do it again – just watch. He can do much better”.

“Роберту Паттинсону не стоило возвращаться к Кристен Стюарт. Она наставила ему рога и сделает это снова, вот увидите. Он мог бы найти себе кого и получше”.

to cheat on someone – ходить на сторону, изменять

to take back – простить и снова быть вместе.

“I don’t want to use the word “screwed”, but I screwed him.”- about doing business with Muammar Qaddafi [1].

“Я не хотел бы использовать слово «надул», но я так и сделал” (о бизнесе с Муаммаром Каддафи).

to screw – обмануть, повернуть какое-то дело, кинуть на деньги.

В последнем примере слово *screw* изначально в английском языке было простым существительным, обозначало «винт», «шуруп», затем стало использоваться как глагол, со значением «завинтить», позже оно стало использоваться в метафорическом значении «обмануть» или «быть обманутым». Рассмотрим еще один пример:

“I had some beautiful pictures taken in which I had a big smile on my face. I looked happy, I looked content, I looked like a very nice person, which in theory I am”.

“У меня есть несколько симпатичных фотографий, на которых я запечатлён с широкой улыбкой на лице. На них я выгляжу счастливым, довольным, хорошим человеком, которым, собственно, в теории и являюсь” [1].

Трамп здесь говорит о том, что у него есть фотографии, где он с широкой улыбкой, счастливый, довольный, приятный человек, а потом добавляет: *которым в теории я являюсь*. Что здесь означает словосочетание «в теории»?

В данном контексте это шутка. Если услышать в Америке «в теории», то в 9 случаях из 10 смысл фразы будет такой: «В теории это должно быть так, но это не так!» Это ироничное выражение, человек как бы говорит: «На самом-то деле я плохой!» Но так как это сказано с юмором, вся фраза превращается в шутку [1].

Одной из основных коммуникативных задач политического дискурса, имеющего ярко выраженный прагматический характер, является скрытая манипуляция и прямое воздействие на аудиторию Дональда Трампа, которые достигаются различными лексико-грамматическими средствами [4]. Используя спектр различных лингвистических средств воздействия на аудиторию, политик достигает цели, которая заключается в достижении доверия между Д. Трампом и его слушателями и поддержкой с их стороны.

Принимая во внимание все вышесказанное, и учитывая лингводискурсивный анализ высказываний действующего президента США, было выявлено, что Трамп прибегает к различным видам речевого воздействия в своих публичных высказываниях. Использование различных языковых средств помогает ему быть «своим» парнем. Считаю, что авторская экспрессия обнаруживается в следующих языковых единицах: фразеологизмах с отрицательной оценочностью, метафорах с отрицательной оценочностью, в разговорной лексике с иронической оценочностью, в нейтральной разговорной лексике с простым народом.

В отличие от других политиков, часто апеллирующих книжной лексикой, Д. Трамп использует главным образом лексику разговорную и нейтральную в своих публичных речах и высказываниях, что и является его отличительной чертой и выделяет его на фоне других политиков.

Список литературы

1. Бартлетт Джон уТРАМПуй свой английский! = TRUMP YOUR ENGLISH! – М. – Издательство АСТ, 2018. – 224 с.
2. *Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. Век XXI. М.: Эксмо, 2015. – 467 с.
3. *Костомаров В.Г.* Языковой вкус эпохи. М., 1994.
4. *Лобзов Р.А.* Стилистические особенности политического дискурса Дональда Трампа и Терезы Мэй // Молодой ученый. — 2018. — №19. — С. 401-403. — URL <https://moluch.ru/archive/205/50250/> (дата обращения: 20.08.2019).
5. *Миронова С.* Языковые средства выражения экспрессивности в текстах, блогах В. Соловьева <http://www.referats.pro/journalism/10433-jazykovye-sredstva-vyrazhenija-jekspressivnosti-v.html>
6. *Морозова Н.Н.* Речевой портрет Дональда Трампа в предвыборной кампании 2016 года Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2016. No 4 ISSN 2224-0209 URL: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/762>
7. *Хахалова С.А.* Метафора: динамика эмоционального и рационального, бессознательного и сознательного // Вестник ИГЛУ. - №4, 2013. – Иркутск: ИГЛУ, 2013. – С. 88 – 94.
8. *Чудинов А.П.* Политическая лингвистика: учебное пособие. М.: Флинта38 Наука, 2006. 254 с.
8. Donald Trump Transcript: Our Country Needs a Truly Great Leader [Электронный ресурс] // The Wall Street Journal. – URL: <http://blogs.wsj.com/washwire/2015/06/16/donald-trump-transcript-ourcountry-38needs-a-truly-great-leader/> (дата обращения: 17.11.2019)

10.02.04

**Х.Н. Исмагилова канд. филол. наук, О.О. Сподарец канд. филол. наук,
Г.Ф. Хакимова канд. филол. наук**

Башкирский государственный университет,
филологический факультет,
кафедра иностранных языков гуманитарных факультетов,
Уфа, tender_wo@mail.ru

ИСЛАМСКАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРА В ПОЛИКОДОВЫХ МЕДИА-ТЕКСТАХ

Регулярное тиражирование медиа-текстов, посвященных исламу и мусульманской лингвокультуре, способствует формированию у аудитории определенных стереотипов и предубеждений в отношении мусульман. Цель статьи состоит в выявлении специфики формирования образа исламской лингвокультуры в поликодовых текстах политического медиа-дискурса на материале американских медиа-текстов. Автор статьи выделяет специфику актуализации образа исламской лингвокультуры посредством оппозиции «свой-чужой», которая представлена в медиа-текстах как вербально, так и невербально.

Ключевые слова: *медиа-текст, поликодовый текст, «свой-чужой», невербальные средства, вербальные средства.*

Цель данной статьи заключается в выявлении особенностей формирования образа исламской лингвокультуры в поликодовых текстах политического медиа-дискурса. Материалом исследования послужили более 200 американских медиа-текстов онлайн-формата, посвященных исламской лингвокультуре, за период с 2017 по 2019 гг.

Убежденность в том, что ислам является агрессивной и опасной религией прочно закрепилась в сознании американского сообщества с момента террористических атак на Всемирный торговый центр и Пентагон. В западной лингвокультуре террористическая деятельность «Исламского государства» активно экстраполируется на мусульманскую культуру в целом. Каждое отдельное СМИ определяет страну, религию или политического деятеля, «в рамках которых они применяют свою шкалу оценок, выделяя «своих» и «чужих» на основании культурной или этнической принадлежности» [2, с. 126]. Категория «свой-чужой» является базовой культурологической категорией, которая «носит корреляционный характер и представляет собой результат последовательного взаимодействия языковых маркеров и культурных доминант» [1, с. 41].

Как показывает проанализированный материал, подобные тематические кластеры характеризуются высокой степенью эмоциональности и оценочности как на вербальном, так и невербальном уровнях. Отношения «свой-чужой», актуализированные посредством изобразительного ряда оказывают значительное воздействие на восприятие вербальной информации, кроме того, в рамках одного и того же контекста формирование «своей» и «чужой» группы может вступать в контрадикторные отношения с информацией, представленной вербальными и невербальными средствами.

Примером того, как языковые и неязыковые средства актуализируют противоречивые смыслы при формировании категории «свой-чужой» является медиа-текст «*Students in Maryland school system to be off on Muslim holiday — and Lunar New Year*» [4]. Так, информация, представленная в рамках настоящего контекста языковыми средствами, передает сообщение о том, что в штате Мэриленд Совет по образованию принял решение предоставить школьникам выходные дни в мусульманские праздники. Наличие в тексте лексических единиц, передающих положительную оценку (*acknowledged, victory, equity*), способствует созданию ощущения национального равенства между представителями разных культур. Ученики-мусульмане – «чужие» в американском штате, в какой-то степени, смогут

почувствовать себя «своими» и получить признание среди учителей и директора: «... *these students ... belong and celebrated here — we want you to feel like you have a place in the school system...*».

Таким образом, данное событие квалифицируется как шаг на пути к примирению мусульманского и американского сообщества, а также выступает средством борьбы с исламофобией: «*students struggle with reconciling their Muslim and American identities amid a rise in Islamophobia*».

Однако невербальная составляющая текста подвергает сомнению вербальную. Медиа-текст сопровождается изображением части школьного автобуса графства Монтгомери, над окном которого размещена надпись «*Emergency Exit*» («аварийный выход»), что является имплицитным способом указать на то, что не всё так хорошо, как было заявлено в вербальной части статьи. Представителям американского сообщества рекомендуется оставаться настороже при решении вопросов, связанных с мусульманским миром. Так, дифференциация по признаку «свой-чужой» меняется в зависимости от уровня предоставления информации (вербального/невербального), являясь «своими» на вербальном уровне, мусульмане остаются «чужими» в рамках контекста, представленного на невербальном уровне.

Ещё одним ярким примером того, когда отношения «свой-чужой» вступают в противоречивые является статья под названием “*Azam Taleghani, Defiant Would-Be President of Iran, Dies at 76*” [3] особое внимание уделяется положению женщины в мусульманском мире, в частности, на политической арене. Азам Талегани являлась борцом за права женщин, а также Иранским политиком и журналистом, которая на протяжении всей своей жизни предпринимала попытки баллотироваться в президенты в исламской республике, где ни одна женщина не занимала пост руководителя страны. Посредством экспрессивно-оценочных языковых единиц автору удается сформировать образ «чужой» среди «своих» в исламской культуре. Так, на протяжении всего контекста журналист прибегает к использованию лексем, довольно ярко передающих «непоколебимую борьбу» женщины за свои права в стране, где это не принято делать: “*a dissident politician*”; «*fought*»; «*she made it her mission to challenge this*»; «*her recurrent attempts to run for presidency*»; «*...she was a staunch ally*»; «*... a legend of resistance and devotion*»; «*remained committed*».

Наиболее прочному формированию образа «чужой среди своих» способствует информация о реакции представителей власти исламского мира в отношении напористой «инакомыслящей» женщины, пытающейся равняться в правах с мужчиной: «*to throw out her candidacy*» («отклонить кандидатуру»); «*made Ms. Taleghani a thorn*» («Талегани выступала источником постоянного раздражения»). Данными лексемами в очередной раз подчеркивается неравноправие мужчин и женщин в мусульманской лингвокультуре. Кроме того, четко укоренившийся образ женщины-мусульманки (одетую в чадру) представленный посредством невербального компонента статьи – фотоизображения, ярко контрастирует с информацией, представленной в языковой составляющей медиа-текста.

Примером того, как американские СМИ опосредованно выражают свое отношение к враждебной им мусульманской культуре, является медиа-текст под заголовком «*India Plans Big Detention Camps for Migrants. Muslims are afraid*» [5]. В названии статьи противопоставлены две культуры – индуизм и ислам. Согласно контексту, мусульмане оказались в менее привилегированном положении после того, как власти Индии не включили в список Национального реестра граждан около 2 миллионов жителей штата Ассам (где проживает самый высокий процент мусульман), ссылаясь на необходимость борьбы с нелегальной иммиграцией.

На протяжении всей статьи неоднократно акцентируется внимание аудитории на серьезном решении властей Индии искоренить мусульман, проживающих на территории их страны: «*...wiped out the statehood of India's only Muslim-majority state*». Несмотря на то, что на протяжении нескольких столетий мусульмане вносили огромный вклад в развитие Индии и индийского общества в целом, новое правительство Индии переписывает историю своей

страны, сокращая разделы, посвященные мусульманским правителям: «...*rewritten history books, lopping out sections on Muslim rulers*». Мусульман называют «врагами» и «термитами»: «*Muslims are the enemy*»; «*“termites”*». Итак, посредством имплицитных и эксплицитных лексических единиц, переполняющих данный медиа-текст актуализируется негативный стереотипный образ мусульманина. Невербальная составляющая медиа-сообщения (изображение представителей служб безопасности, людей, находящихся за тюремной решеткой) способствует усилению напряженной обстановки, сложившейся в Индии в отношении мусульманского населения. Мусульмане – «чужие», «быть мусульманином – плохо».

Таким образом, специфичным в формировании образа исламской лингвокультуры в медиа-текстах является эмоциональность и экспрессивность, где невербальный компонент, вступая в контрадикторные отношения с вербальным, выступает ключевым в определении ролей «свой» или «чужой».

Список литературы

1. *Иванова С.В.* Дейктико-аксиологическая природа лингвокультурологической категории «СВОЙ – ЧУЖОЙ» // Об основных понятиях и категориях лингвокультурологии // Когнитивные и семантические аспекты языка и речи: Сб. науч. ст. – Уфа:РИЦБашГУ, 2007– С. 40-46.
2. *Навицкайте Э.А.* Чужой-мусульманин – создание образа врага как манипулятивная стратегия политического медиадискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. № 10 (64): в 3-х ч. Ч.1. – С.126-130.
3. *Azizi A. Azam Taleghani, Defiant Would-Be President of Iran, Dies at 76* // Nytimes: URL: <https://www.nytimes.com/2019/11/01/world/azam-taleghani-dead.html> (дата обращения 01.11.2019).
4. *Donna G.* Students in Maryland school system to be off on Muslim holiday — and Lunar New Year // Washingtonpost: URL:https://www.washingtonpost.com/local/education/students-in-maryland-school-system-get-muslim-holiday-off--and-lunar-new-year/2019/12/03/1a400086-1613-11ea-8406-df3c54b3253e_story.html (дата обращения 05.12.2019).
5. *Gettleman J.* India Plans Big Detention Camps for Migrants. Muslims are afraid//Nytimes:URL:<https://www.nytimes.com/2019/08/17/world/asia/india-muslims-narendra-modi.html> (дата обращения 15.09.2019).

10.02.04

¹М.Н. Кузнецова канд. педагог. наук, ²У.А. Казакова канд. педагог. наук,
³В.А. Тубальцева канд. педагог. наук

Казанский национальный исследовательский технологический университет,
¹кафедра иностранных языков в профессиональной коммуникации,
²кафедра методологии инженерной деятельности,
³Казанское высшее танковое командное Краснознаменное училище,
кафедра русского и иностранного языков,
Казань, 7mashulka@mail.ru, kazakova-ulyana@mail.ru, tubaltseva@mail.ru

ВЕРИФИКАЦИОННЫЕ КРИТЕРИИ КАЧЕСТВА ПРОЦЕССА ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

В статье рассматривается проблема верификации качества профессионально-коммуникативной подготовки преподавателей высшей школы в рамках программы повышения квалификации. Авторы исследуют специфику сущности понятия «качества обучения»; определяют виды коммуникативных компетенций, которыми должны владеть педагоги вузов; идентифицируют уровни владения профессионально ориентированной речью в соответствии с её видами; обосновывают специфику и сложности реализации данного процесса на каждом этапе.

Ключевые слова: верификационные критерии, качество образовательного процесса, профессионально-коммуникативные компетенции.

Интеграция современного отечественного образования в общемировое образовательное пространство детерминировало смену критериальных требований к оценке качества профессиональной квалификации преподавателей высших учебных заведений. В этой связи ряд объективных факторов обуславливают значимость владения педагогами высшей школы как минимум одним иностранным языком, наиболее распространенным в практикуемой научной области: меняющийся менталитет студентов, активно адаптирующихся посредством инновационных технологий в поликультурную образовательную и профессиональную сферу; необходимость обмена опытом с коллегами из других стран; потребность в изучении теоретических и практических научных достижений в за рубежом, а так же внутренняя интенция поделиться собственными научно-профессиональными результатами; модернизация международных стандартов и требований к специалистам и т.д. [1, 2].

Одна из проблем, с которой сталкиваются высшие учебные заведения – разработка способов и методов верификации подготовленности научно-педагогических работников, обоснование оценочного аппарата их деятельности.

Исследование вопроса языковой подготовки преподавателей высшей школы рационально начать с рассмотрения сущности понятия «качество». В современных работах, связанных с изучением данного понятия в аспекте учебно-воспитательного процесса, отслеживается сразу несколько мнений:

- «качество» как свойство того или иного объекта, отражающее его устойчивую, особенную характеристику (И.Я. Лернер);
- «качество» как абсолютная или относительная характеристика объекта: абсолютная – наивысшее свойство какого-либо феномена, без возможности его дальнейшего совершенствования; относительная – комплекс свойств объекта, соответствующих разработанным стандартам, нормам, требованиям (С.Е. Шишов, В.А. Кальней);
- «качество» как совокупность особенных свойств феномена, принципиально отличающих его от других объектов (Л.Н. Давыдова) и т.д.

В сфере разработки методологии сущности понятия «качество» международная организация по стандартизации «International Organization for Standardization» – ISO в исследуемом понятии главенствующую роль отводит соответствию свойств и характеристик феномена предъявляемым к нему требованиям [4].

В контексте представленного исследования наиболее оптимальным представляется идея С.Е. Шишова и О.А. Кальней о том, что «качество» – это комплексное понятие, объединяющее диверсифицированные характеристики учебно-воспитательной работы образовательного учреждения любого уровня: специфика содержания обучения, особенности форм, методов и способов обучения и воспитания субъектов, материально-технические ресурсы, возможности совершенствования технологии образовательного процесса, профессиональный уровень и квалификация педагогического коллектива и т.д. [7].

В свою очередь, качество освоенности знаний специалистами выражается посредством умений и навыков их применять в различных видах деятельности. В.П. Беспалько и Н.А. Селезнева обозначили систему критериев оценки качества освоенности знаний: полнота, глубина, научность, автоматизм применения в деятельности [3].

В рамках программы повышения квалификации «Проблемы научно-исследовательской деятельности научно-педагогических работников» (72 часа), реализуемой в Центре профессиональной подготовки и повышения квалификации преподавателей ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технологический университет», в процессе изучения дисциплины «Иностранные языки в научно-исследовательской деятельности преподавателей вузов» слушатели осваивают комплекс знаний, умений и навыков, направленных на формирование лингвистических, экстралингвистических и профессионально-коммуникативных компетенций [5].

Спецификой данной дисциплины является изучение слушателями основ и принципов написания аннотаций и научных статей на английском языке, также обучающиеся создают собственные профессионально ориентированные портфолио и презентации в контексте преподаваемого учебного предмета.

Исходя из структуры указанных видов компетенций, объектом оценивания могут стать следующие факторы: знания профессиональной лексики, основ грамматики; умения аутентичного использования иностранного языка; навыки адекватного ситуации применения актуального вида речевой деятельности (аудирование, письмо, речевая практика): ведение деловой переписки, написание публикаций, выступления на международных конференциях, участие в международных проектах, on-line общение с коллегами, очное и дистанционное зарубежное обучение и т.д.

С целью верификации сформированности указанных видов языковых компетенций был разработан адаптивный комплекс оценочных средств, направленный на мобильное, гибкое и глубокое выявление уровня освоенности обучающимися обозначенными профессиональными знаниями, умениями и навыками. Для итогового контроля была разработана группа тестовых, контрольных и творческих заданий в соответствии с требованиями международных образовательных стандартов: тесты профессионально-языковой коммуникации, лексико-грамматические задания, обязательное написание статьи на английском языке в один из журналов (Scopus, Web of Science etc.) по практикуемому научному профилю, разработка и презентация профессионального портфолио слушателя-преподавателя [6].

Одной из приоритетных задач итогового контроля выступила приоритетность объективности двух факторов: определение уровня освоения учебного материала и оценка сформированности указанной группы профессионально-коммуникативных компетенций. Первый – достигался за счет обширного спектра разновариантных заданий, направленных на выявление базового уровня готовности по данной дисциплине, а второй – поливариантности фонда оценочных средств, направленных на определение сформированности профессиональных знаний, умений и навыков по данной дисциплине.

Исходя из этого, в работе рассматриваются этапы итогового контроля с точки зрения предмета оценки и ее критериев: 1) аудирование, 2) работа над профессионально-ориентированным текстом, 3) реферирование, 4) письменная речь, 5) устная речь. Рассмотрим каждый из них.

На первом этапе – аудирование – диагностируются навыки работы обучающихся с профессионально-ориентированным ситуационным текстом, или диалоговым учебным аудиоматериалом; проверяется способность слушателей на слух воспринимать информацию, выделять суть и проблему представленного текста; оценивается их готовность понимания устной речи с различными интонационными характеристиками, акцент спикера; определяется на сколько обучающиеся понимают стандартную речь в форме монолога (лекция, доклад и т.п.) или диалога, аудио- теле- и радио- фрагменты программ, а также аудиотексты тексты, с элементами профессиональной лексики (аннотации, инструкции, описание технологических процессов и т.д.). Основной дилеммой на данном этапе является вопрос – что именно брать за основу верификации: академический по содержанию материал или профессионально ориентированный.

Второй этап верифицирования коммуникативной подготовленности обучающихся предполагает оценку работы с профессионально-ориентированным текстом: чтение, перевод, составление тезауруса по профессиональной тематике. Исследуемый вид оценки владения навыками работы с текстом, позволяет идентифицировать на сколько слушатели способны практически решать контентные задачи. Особо следует отметить, что в данном процессе оценивания нельзя ставить акцент на делизированности понимания сущности содержания и дословности перевода. Важно, чтобы обучающиеся улавливали суть и основную идею, проблемность представленного материала, а впоследствии адекватно и корректно выполняли задания третьего этапа контроля языковых знаний, умений и навыков – реферирование (составить предложения с ключевыми словами, составить эссе, составить вопросы или ответить на них и т.д.).

Третий этап определения сформированности профессионально-коммуникативных компетенций слушателей – реферирование – содержит комплекс контентных заданий и упражнений, ориентированных на верификацию уровня сформированности коммуникативных навыков обучающихся понимать аутентичные тексты, адаптировать и обрабатывать их; создавать свои собственные. Особенностью данного вида контроля является факт того, что необходимо оптимально подбирать тексты, в содержание которых входят слова и выражения из профессиональной отрасли обучающихся, так называемые, «профессиональные тексты» –научно-популярные, газетно-журнальные статьи и т.п. Более того, необходимо обратить внимание, чтобы обучающиеся не заучивали схоластично слова и выражения, а понимали их сущность и способ дальнейшего применения в том или ином виде своей практической речевой деятельности на английском языке в соответствии со свое профильной специальностью.

Четвертый этап проверки профессионально-коммуникативных навыков слушателей-преподавателей является – определение владением письменной речью. В задачи данного этапа входит идентификация уровня сформированности следующих профессионально-коммуникативных навыков: составить эссе о своей профессиональной деятельности, написать резюме для приема на работу, написать психологический самоанализ о собственных профессионально значимых личностных качества, составить портфолио, написать статью, а также рецензию на статью коллеги, составить отзыв о научном проекте коллег и т.д. При этом, следует учитывать следующие критерии: корректность написания (адекватность представленного материала, понимание тематики и формата коммуницирования и т.д.); сформированность навыка определения стиля изложения (официальный, формальный, дружеский и т.д.); умение видеть и адекватно воспринимать социокультурную специфику потенциальных респондентов/читателей написанного материала.

Пятый этап контроля – устная речь – самый сложный и самый субъективный для оценивания сформированности исследуемой группы компетенций. Оценка данного вида речевой деятельности идентифицирует уровень развитости коммуникативных умений и навыков слушателей: умения принимать участие в дискуссиях, выступать, отстаивать свою точку зрения, налаживать партнёрские отношения с зарубежными коллегами, понимать целесообразность применения речевых оборотов в той или иной ситуации и т.д. Оценивается как монологическая, так и диалогическая речь обучающегося: уровень речевого поведения в коммуникативных ситуациях, применение знаний в практической профессионально-коммуникативной деятельности, навыки межличностного взаимодействия на иностранном языке и т.д.

Особенностью оценивания сформированности навыков устной речевой деятельности является высокая субъективная составляющая: умение коммуницировать, выстраивать адекватные межличностные отношения, выступать перед большим количеством слушателей, адекватно реагировать на критику и мнения других людей. Всё это в большей степени относится экстраверсии или интроверсии личности обучающегося, что, либо мотивирует к активной устной речевой деятельности и облегчает её, либо создает психологический речевой барьер и затрудняет её реализацию.

Таким образом, верификационные критерии качества изучения иностранных языков преподавателями высшей школы детерминированы сущностью понятия качества сформированности профессионально-коммуникативных компетенций, под которым предполагается владение педагогами вузов комплексом специализированных знаний, умений и навыков (аудирование, работа над профессионально-ориентированным текстом, реферирование, письменная речь, устная речь), определяющих их способность и готовность интегрироваться в профессиональное, образовательной и научное пространство.

Список литературы

1. *Алехин И.А., Казакова У.А.* Интегративно-фундаментальный аспект проблематики педагогической подготовки преподавателей технических вузов в международной образовательной практике / Мир образования – образование в Мире. 2019. №2. – С.51-60.
2. *Алехин И.А., Казакова У.А., Кузнецова М.Н.* Профессиональная ориентация как один из факторов формирования мотивации изучения иностранных языков преподавателями инженерных вузов / Мир образования - образование в мире. 2017. № 1(65). – С.36-42.
3. *Беспалько В.П., Селезнева Н.А.* Фонды комплексных квалификационных заданий по специальностям высшего образования. Методические рекомендации по разработке / М.: Исследовательский центр, 1989. – 211 с.
4. *Казакова У.А., Тубальтцева В.А.* Иностранные языки как средство интеграции преподавателей высшей школы в процесс глобализации и интернационализации общества и образования / Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук – XI Международная научно-практическая конференция. 2017. №11. – С.56-60.
5. *Казакова У.А., Кузнецова М.Н.* Проблема педагогического обеспечения практической направленности иноязычной подготовки слушателей программ дополнительного профессионального образования / Автомобиль. Дорога. Инфраструктура. 2017. №1. – С.67-70.
6. *Казакова У.А., Кузнецова М.Н.* Иностранные языки как средство интеграции преподавателей инженерных вузов в международное образовательно-культурное пространство / Мир образования – образование в мире. 2016. № 1 (61). – С.46-53.
7. *Скаткин М.Н.* Дидактика средней школы: Некоторые проблемы современной дидактики / Под ред. М.Н. Скаткина. М.: Просвещение, 1982. С. 191.

10.02.04

А.В. Мерзлякова канд. филол. наук, Ю.В. Рябкова

НГПУ им. К. Минина,
факультет гуманитарных наук,
кафедра иноязычной профессиональной коммуникации,
merzliakova@list.ru, julia_riabkova@mail.ru

СЕМИОТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО АНТИТАБАЧНОЙ РЕКЛАМЫ

В статье рассматриваются особенности современной англоязычной социальной антитабачной рекламы, выделяются основные тематические категории антитабачной рекламы. Анализ данных категорий производится с точки зрения семиотики, выделяются характерные для них знаки, а также знаки, универсальные для плакатов антитабачной рекламы.

Ключевые слова: социальная реклама, антитабачная реклама, семиотика, креолизованный текст, знаковые системы.

В современных мультимедийных условиях из-за бесконечного потока информации создателям социальной рекламы становится все сложнее обратить внимание на проблемы общества. В современной науке «рекламный текст» является многоаспектным феноменом, включающим вербальные и невербальные составляющие, данное понятие не ограничивается рамками определенной системы, но гораздо многоаспектнее в функциональных проявлениях [5].

Особенностью современной рекламы как средства массовой коммуникации является ее сложная семиотическая природа. Рассматриваемая знаковая система может быть сведена под схему коммуникации «коммуникатор – сообщение – реципиент» [1]. Основой коммуникации считается идея, которая составляет суть рекламного сообщения и должна быть наиболее удачным путем передана реципиенту посредством знаков и символов. Тексты социальной рекламы, представляет собой креолизованные тексты, где слово и изображение — главные знаковые системы, традиционно использовались в структуре рекламы [6]. В современном мультимедийном мире наблюдается тенденция достигать воздействия на аудиторию посредством визуального семиозиса [4. С.88]. Подтверждение данному утверждению мы получили, проведя опрос среди 160 молодых людей с развитой иноязычной компетенцией в возрасте от 18 до 25 лет, которым было представлено несколько рядов англоязычных рекламных плакатов, посвященных борьбе с курением. Респондентам был задан вопрос, какое средство оказало на них наибольшее воздействие. 66% утверждают, что наибольшее влияние на них оказало изображение.

При анализе креолизованных текстов плакатной социальной рекламы, посвященных борьбе с курением, были выделены основные тематические категорий, относящихся к сферам жизни, которым вредная привычка способна нанести вред: внешний вид, здоровье, успех, здоровье детей, смерть.

Выбор организации рекламного текста зависит от выбора изображения, его расположения, общего настроения плаката, чувств, на которые направлено воздействие рекламного плаката [3. С.116]. Наиболее частотными структурами расположения вербальных и визуальных составляющих рекламного плаката считаются: доминирующая роль текста, доминирующая роль изображения, текст как комментарий к изображению, изображение как иллюстрация к тексту, независимые номинативные взаимоотношения, независимые отношения, текст как графически оформленная речь персонажа [2. С.102].

Для первого типа характерны крупный шрифт, контрастный цвет фона, вербальное сообщение содержит стандартизированные лексемы с отрицательной коннотацией, такие как “lung cancer“, “less“, “die“, “murder“, “AIDS“, “suicide“, “car crashes.“ Текст представляет собой емкое высказывание, апеллирующее к базовому концепту. Обычно рекламные плакаты с доминирующей долей текста представляют собой утверждения, основанные на статистических фактах, например “Fact: smokers earn 20% more than non-smokers”. Послания данного типа встречаются в семантических группах «смерть», «здоровье», «успех». Также для текста рекламных плакатов данного типа характерны языковая игра, метафоры, например: “Smoking reduces weight (one lung at a time)”.

На плакатах с доминирующим изображением, как правило, вербальная составляющая представлена только слоганом. Например: “Kill a cigarette and save a live. Yours”. Сигаретный дым на анализируемых плакатах является символом смерти, вызванной вредной привычкой. Также часто встречающимися сюжетами социальной антитабачной рекламы является человек, ломающий сигарету (часто на изображении видны только руки). Коннотативный аспект визуального сообщения заключается в победе над собой, торжестве силы воли. Основными тематическими категориями данного типа являются «смерть», «здоровье», «успех (зависимость)».

Особую нишу в антитабачной плакатной рекламе занимают структуры «текст как комментарий к изображению» и «изображение как иллюстрация к тексту», так как. Так, одним из примеров может служить рекламный плакат, затрагивающий сферы здоровье и успех: “smoking can affect your sex life”. Без вербального сопровождения рекламный плакат не имел бы прагматического воздействия на адресата. Ещё одним примером доминирующего изображения может служить призыв к отказу от курения рядом со своими детьми. На черном фоне крупным планом изображена девочка с сигаретным дымом в виде нимба над головой, фотография ребенка делает социальный плакат эмоционально насыщенным, с условием, что целевая группа сообщения – родители. Сопровождающий комментарий дополняет изображение, делая его более понятным и, соответственно, эффективным. Одной из популярных тем, к которым обращаются табачные кампании, является красота, внешний вид. На переднем плане таких плакатов изображаются женщины, реже мужчины, половина лица которых обезображена вследствие курения, на что указывает сигарета и/или сигаретный дым. Коммуникативная цель данного изображения ясна, но сопровождающие комментарии, основным стилистическим средством которых является языковая игра, усиливают воздействие на адресата: “Your beauty. Up in smoke”, “A cheaper way of looking smoking hot...quit!”

При рассмотрении тапа плакатов «изображение как комментарий к тексту» стоит отметить, что вербальная часть занимает доминирующую позицию. Основными темами, на которых сосредоточены плакаты, имеющую данную структуру являются пассивное курение детей, успех, смерть и здоровье. Например, вопрос “How many cigarettes a day does your child smoke?” с целью уточнения темы (именно пассивное курение) и создания более сильного воздействия на реципиента сопровождается изображением детской бутылочки, наполненной окурками. Тему социального успеха затрагивает следующий плакат, вербальный компонент которого построен на игре слов: “Don’t be a butthead”, где лексема “butthead” может иметь значение «придурак», а также, при дословном прочтении, «голова окурка». Иллюстрацией к тексту служит комичное изображение молодого человека в костюме окурка с сигаретой во рту.

Семиотическая направленность структуры «текст как графически оформленная речь персонажа» обращена на такие темы как здоровье, здоровье детей, успех и широко представлена в социальной кампании “Quit now”, в центре внимания которой люди, которые страдают от заболевания, вызванного курением или его пассивным воздействием. Рядом с их фотографиями цитаты-директивы, выраженные императивом, следующего содержания „Record your voice for loved ones while you still can“, “After you take a lung removed, take short breaths”, “Do your heart a favor. Quit smoking”. Данной структуре соответствуют также

плакаты, сюжетная линия которых затрагивает людей бросивших курить. Как правило, они делятся на две части, одна из которых – изображение мужчины или женщины, а вторая – их цитата, содержащая лексемы, связанные с семьей и детьми. Например, “Quitting made me closer to my kids”, “My daughter said, Mummy please don’t smoke”.

При анализе антитабачных плакатов были обнаружены типовые символы, повторяющиеся в каждой из рассмотренных тематических категорий, а также знаки, характерные для всех категорий. Так, в тематической категории внешний вид создатели рекламы обращаются к изображению уродливых, старческих лиц или истлевшим частям тела, что является символом преждевременного старения, вызванного употреблением сигарет. В категории здоровье наиболее часто встречающимся знаком являются черные, пораженные легкие, что имеет закрепленную в обществе ассоциацию с вредностью табака. Категорию успех часто сопровождает изображение пустого кошелька, являющегося символом материального неблагополучия. При обращении к теме здоровья детей создатели рекламы задействуют фотографии самих детей, рядом с курящими родителями, сигаретами или сигаретным дымом. В данном случае можно наблюдать искажение общепринятого образа ребенка, ассоциируемого с чистотой, здоровьем. Смерть изображается характерными для этой категории символами, такими как пистолет, петля, нож. Кроме того, стоит отметить, что некоторые знаки являются универсальными и присутствуют во всех тематических категориях, такими типовыми символами являются наличие сигаретного дыма, тлеющая сигарета, пепел, которые отсылают к тезаурусной информации, связанной с понятиями смерть, болезнь, несчастье.

Список литературы

1. Анашкина Н.А. Рекламный образ. 2015. URL: https://studref.com/458778/marketing/reklamnyy_obraz
2. Елина Е.А. Семиотика рекламы. М.: Дашков и К°, 2010. 136 с.
3. Зинцова Ю.Н., Рябкова Ю.В. Роль текста в наружной социальной рекламе (на материале немецкой социальной кампании „Runter vom Gas“) // Вестник НГЛУ. 2017. Вып. 38. С. 108 – 117.
4. Кожемякин Е.А. Визуальное и социальное: перспективы критического дискурса-анализа и социальной семиотики // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018. №1 (27).
5. Павлов С.Г. Лингвоаксиологическая модель человека: научно-методический аспект // Вестник Мининского университета. 2013. №2 (2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvoaksiologicheskaya-model-cheloveka-nauchno-metodicheskiy-aspekt>
6. Павлова В.С. Возможности применения принципов и технологий семиотики в графическом дизайне рекламы // Вестник ЗабГУ. 2013. №3.

10.02.04

С.В. Мурсекаева

Московский Педагогический Государственный Университет,
институт международного образования,
кафедра английского языка и цифровых образовательных технологий,
s.mursekaeva@yandex.ru

РОЛЬ ИНТОНАЦИИ В РЕАЛИЗАЦИИ НЕКОТОРЫХ ДИСКУРСИВНЫХ СТРАТЕГИЙ В ВИДЕОБЛОГАХ

В статье рассматриваются дискурсивные стратегии, используемые в персональных видеоблогах. Автором приводятся примеры стратегий, направленных на установление и поддержание контакта, и стратегий, направленных на формирование имиджа говорящего. Анализируется их просодическая реализация.

Ключевые слова: *интернет-дискурс, видеоблог, просодия, дискурсивные стратегии.*

Характерной чертой интернет-дискурса является жанровое многообразие. В центре нашего внимания - жанр персонального видеоблога, который представляет собой публичное высказывание, записанное на видео и опубликованное автором (блогером) в сети Интернет. В данной статье представлены некоторые наблюдения, полученные в ходе исследования, направленного на выявление просодических средств, участвующих в реализации дискурсивных стратегий в видеоблоге. Материалом для исследования послужили видеозаписи, полученные с YouTube-каналов “Jack Howard”, “Daniel J. Layton”, “Lucy Moon”, “Leena Norms”. Под стратегией мы понимаем «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [3].

Очевидно, что тип стратегий, используемый в том или ином виде дискурса, зависит от коммуникативной цели говорящего. По нашим наблюдениям, к основным целям видеоблога относятся самопрезентация и установление контакта. При этом видеоблоги в значительной степени нацелены на воздействие, поскольку для блогеров важно добиться признания в интернет-сообществе, а для этого необходимо привлечь наибольшее количество зрителей. В связи с этим наибольшее значение для видеоблога представляют стратегии, направленные на установление и поддержание контакта и стратегии, направленные на формирование имиджа говорящего.

Установление и поддержание контакта является непростой задачей в условиях интернет-коммуникации. Блогер не может предугадать реакцию аудитории и повлиять на нее в момент создания видео. При этом, удержать внимание как можно большего числа зрителей чрезвычайно важно для того, чтобы добиться признания и популярности в интернет-сообществе. Для достижения этой цели блогерами используются различные средства, в том числе и просодические.

В частности, нами было выявлено, что для установления контакта со зрителями и удержания их внимания большое значение имеет просодическая выделенность одних элементов высказывания по отношению к другим, или просодический контраст. Это явление осящалось многими исследователями (Дубовский Ю.А., Фомиченко Л.Г., Станчуляк Т.Г. и др). Отмечается, что просодические контрасты выполняют различные дискурсивные функции, в том числе повышают выразительность текста, усиливают воздействующий потенциал, а также выступают как средство установления контакта [1]. При этом просодический контраст может быть реализован как просодическая выделенность (повышение громкости, расширение тонального диапазона, замедление темпа и т.д.) и как просодическая затушеванность (сужение диапазона, понижение тонального уровня, снижение громкости, ускорение темпа).

Анализ фрагментов звучащих текстов видеоблогов позволил установить некоторые тенденции использования просодических средств для реализации стратегий контакта.

Начало видео играет значительную роль в установлении контакта. Большая часть видео начинается с приветствия, за которым следует изложение темы. Отрывки, информирующие зрителя о теме высказывания, несут наибольшую смысловую нагрузку и важны для удержания внимания зрителей. В связи с этим, говорящий выделяет их на фоне остального текста с помощью просодических средств.

*I've never read Jane Eyre. Now that I don't work in a bookshop anymore I can admit that. That's what I'm gonna **talk** about today - **working** in a **bookshop**.*

Приведенный выше фрагмент начинается не с обращения к аудитории, а непосредственно с сообщения темы монолога. Первая синтагма произносится на низком тональном уровне, в узком диапазоне и в ускоренном темпе и завершается низким нисходящим терминальным тоном, т.е. как фоновая информация. В последующих синтагмах наблюдается просодическое нарастание – расширение диапазона, увеличение громкости, которое достигает максимума на отрезке “*working in a bookshop*”, в котором отмечается подъем на *working* и средний нисходящий терминальный тон на *bookshop* для выделения темы высказывания.

Для установления и поддержания контакта с аудиторией также используется прямое обращение. Это позволяет получить обратную связь, а также делает высказывание более динамичным и активизирует внимание зрителей. В этом случае также наблюдается просодическая выделенность, и на уровне синтагмы, т.е. смещение фразового ударения на обращение, и на уровне диктеты, т.е. выделение одной или нескольких синтагм, содержащих обращение на фоне остального высказывания.

*It's kind of a gendered thing sometimes. But actually, no, it's not, **you** tell me in the comments, but I feel like it's a thing of like she either has a relationship or she has a career.*

В данном случае интонационно выделено местоимение “*you*”, т.е. наблюдается маркированная позиция фразового ударения. Также отметим, что использование подлежащего “*you*” в побудительной конструкции несет дополнительную эмоциональную окраску.

Помимо этого, важнейшим средством диалогизации являются различные типы вопросов к аудитории. Так, достаточно частотны вопросы, имитирующие “живую” диалогическую речь. Чаще всего это типичные средства поддержания обратной связи, используемые в повседневной разговорной речи (*Does it make any sense? What am I saying?*).

К другой разновидности относятся вопросы для обсуждения освещаемой темы. Чаще всего такие вопросы задаются зрителям в конце видео. Это позволяет создать видимость реального общения, вовлечь аудиторию в диалог, а также отследить реакцию зрителей (*What do you think? Tell me in the comments*).

Также довольно часто встречаются риторические вопросы, которые используются как средство аргументации при выражении личной позиции и как средство диалогизации.

В большинстве случаев риторические вопросы оформлены нисходящим терминальным тоном, также характерной особенностью является выделенность первого слога. В случае эмоционального высказывания, используется высокий нисходящий терминальный тон в сочетании с повышенной громкостью. В тех случаях, когда риторические вопросы представлены серией вопросов, они могут иметь различное просодическое оформление. Интересен следующий пример, в котором первый вопрос оформлен низким нисходящим тоном, а второй вопрос - низким восходящим тоном, что выражает обращенность к аудитории, побуждает зрителей к размышлению.

That's a really hard question to erm answer because when you say compensate, it's like compensate for what? Compensate for what is missing?

Также было выявлено маркированное использование восходящего тона для обращения к аудитории и поддержания контакта.

*I'm a size eighteen. I'm by no means the thinnest person that enters that gym but I'm also by no means the smallest person that enters that gym, and the **feeling** of not being able to close a towel around your own **body** erm is really **horrible**, and so **unnecessary**, like I don't **understand**.*

В первой синтагме используется нисходяще-восходящий тон на слове *eighteen*, поскольку это известная для зрителей информация. В следующем отрезке наблюдается просодический повтор интонационной конструкции с нисходящим движением тона и средним нисходящим терминальным тоном, при этом при повторе используется пословное акцентирование и повышенная громкость. Финальный отрезок оформлен последовательностью восходящих тонов на словах *feeling, body, horrible, unnecessary, understand*. В какой-то степени использование восходящих тонов объясняется тем, что мысль до конца не сформирована и говорящий подбирает слова, на что также указывает наличие заполненных и незаполненных пауз хезитации. В то же время это говорит о том, что блогер ждет понимания и определенной поддержки от аудитории, и таким образом обращается к зрителям. Отметим также наличие просодического контраста между первой частью с нисходящим движением тона и второй частью с восходящим.

В данном случае следует упомянуть о таком явлении как “upspeak” (“uptalk”) или “High Rising Terminal (HRT) intonation”, которое заключается в использовании восходящего тона в утвердительных предложениях. Согласно последним исследованиям, “upspeak” используется в основном молодыми людьми, как женщинами, так и мужчинами [8]. Лингвисты приходят к мнению, что восходящий тон несет значение незавершенности, которое стало использоваться для установления обратной связи, обеспечения взаимопонимания со слушателем. В частности, интересна точка зрения D. Britain, который связывает эту тенденцию с теорией вежливости Браун и Левинсона [7]. Согласно этой теории, позитивная вежливость направлена на сближение с собеседником, а негативная вежливость - на дистанцирование. D. Britain считает, что использование высоких восходящих тонов в утвердительном предложении является проявлением стратегии позитивной вежливости, поскольку это приглашает слушателя к участию в диалоге и сопереживанию, а также подразумевает, что говорящий и слушатель принадлежат к одной группе [6].

К другой группе стратегий относятся стратегии, направленные на самопрезентацию говорящего или формирование имиджа. Самопрезентация проявляется в выражении личной позиции говорящего, предоставлении личной информации (взгляды, интересы, информация о социальном статусе, профессиональной деятельности, окружении), фиксации происходящих событий. В силу специфики жанра блогеры активно делятся подобной информацией со зрителями, что не только формирует образ, но и способствует интимизации общения. В большинстве случаев подобные фрагменты эмоционально окрашены, что подкрепляется просодическими средствами. Рассмотрим некоторые примеры.

The answer to that question “What are you doing at the moment?” is “I’m doing a lot of writing, writing a few scripts, figuring out what I want to do next” which is code for “I’m unemployed!”.

В данном высказывании маркированным является финальный фрагмент (*I'm unemployed*), который реализован с повышенной громкостью и ярким восходяще-нисходящим тоном на фоне остальной части высказывания, которая произносится в ускоренном темпе и с пониженной громкостью.

В следующем примере блогер использует анафорический повтор, представленный параллельными конструкциями с глаголом “*hate*”. При этом повтор сопровождается экспрессивным просодическим оформлением - просодический повтор усиливается градацией, т.е. отмечается постепенное увеличение скорости и громкости, которое завершается резким падением на финальном повторе слова “*hate*”.

*So I **hate** small talk, I **hate** small talk more than anything in the world, I **hate** when people say “So ... erm what are you up to at the moment?” because that means that there’s nothing left in the conversation so you asked me to talk about me for a bit which I **hate** doing.*

Следует отметить, что к одному из важнейших средств формирования имиджа говорящего относится самоирония. Кроме того, самоирония способствует сближению блогера с аудиторией, снижая при этом категоричность высказываний, что типично для британской лингвокультуры.

Известно, что для высказываний, содержащих юмор и иронию характерно контрастное просодическое оформление по отношению к основной части высказывания. При этом контраст может быть как в виде утрированного просодического оформления, так и в виде сглаженного просодического оформления. Приведем некоторые примеры.

Hello, so I'm gonna try something right now which I've never tried before in my YouTube career. Career! Ha!

В данном отрывке говорящий после паузы повторяет слово “career” на более низком тональном уровне, а последующее восклицание “ha” реализовано с повышенной громкостью и с использованием высокого нисходящего терминального тона. В следующем отрывке, наоборот, ирония реализована как Low Key Information, т.е. отмечается сниженная громкость, ускоренный темп, сужение диапазона и понижение тонального уровня.

I remember being at school and being like 12, 13, and realizing rather rapidly, maybe younger, that I wasn't the pretty one and I wasn't the sporty one, oh, we realized that very earlier.

Таким образом, стратегии, направленные на установление и поддержание контакта, как правило, реализуются за счет использования просодического контраста, а также восходящего тона, а стратегии, направленные на самопрезентацию, реализуются с помощью просодического контраста, просодического нарастания, использования перцептивно ярких тонов и шкал.

Список литературы

1. Блох М.Я., Фрейдина Е.Л. Публичная речь и ее просодический строй. - М.: Прометей, 2011. - С. 39
2. Дубовский, Ю.А. Просодические контрасты в языке [Текст] / Ю.А. Дубовский. — Симферополь, 1983. — 95 с.
3. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 3-е изд. стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 54
4. Станчуляк Т.Г. Реализация организующей функции интонации посредством интонационной категории выделенности // Вестник Череповецкого государственного университета. 2016. №1. С. 68-71.
5. Фомиченко, Л.Г. Когнитивная модель просодических интерферируемых систем [Текст] / Л.Г. Фомиченко. – Волгоград: ВГУ, 1996. – 130 с.
6. Britain D. Linguistic change in intonation: The use of high rising terminals in New Zealand English // Language Variation and Change. – 1992. – Т. 4. – №. 1. – С. 80
7. Brown P., Levinson S.C., Levinson S.C. Politeness: Some universals in language usage. – Cambridge university press, 1987. – 345 с.
8. Levon E. Gender, interaction and intonational variation: The discourse functions of High Rising Terminals in London // Journal of Sociolinguistics. – 2016. – Т. 20. – №. 2. – С. 133-163.

10.02.04

С.А. Радионова канд. педагог. наук

Набережночелнинский государственный педагогический университет,
филологический факультет,
кафедра романо-германских языков и методик их преподавания,
Набережные Челны, svetrad@yandex.ru

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ХАРАКТЕРИСТИКИ ЭМОЦИОНАЛЬНО-
ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ
(НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ПРОЗЫ)**

В работе представлены характеристики эмоционально-психического состояния онкобольных и их окружения с точки зрения стилистики. Материалом исследования послужили произведения современных американских писателей. Выделены психотипы родственников и друзей онкобольных и языковые средства, участвующие в создании этих образов.

Ключевые слова: *языковые средства, эмоционально-психическое состояние, онкобольные, психотип.*

Основной задачей писателя является создание новых, оригинальных, неклишированных образов, несущих определённую эмоциональную и стилистическую нагрузку. Для решения этой задачи он может прибегнуть как к логико-понятийным средствам выразительности, заключающимся в подборе фактов, умелом использовании понятий, в точности словоупотребления, логичности, доказательности, ясности и доходчивости изложения и т. д., так и к чувственно-воздействующим средствам, создаваемым интонационными, фонографическими, лексическими средствами, тропами, фразеологическими, словообразовательными, морфологическими средствами, стилистическими фигурами – синтаксическими, речемыслительными, риторическими.

В данной работе рассмотрены языковые средства, характеризующие эмоционально-психическое состояние персонажей произведений современных американских писателей Джона Грина (John Green), Николаса Спаркса (Nicholas Sparks) и Джоди Пиколт (Jodi Picoult) (романы «Виноваты звёзды» («The Fault in Our Stars»), «Последняя песня» («The Last Song»), «Памятная прогулка» («A Walk to Remember»), «Ангел для сестры» («My Sister's Keeper»)). Данные произведения раскрывают одну из главных проблем современной медицины и общества: проблему рака. В романах писатели изображают, как в «сферу влияния» рака попадают не только сами больные, но и близкие им люди, какие эмоциональные драмы переживает каждый из них в душе.

Несмотря на длинный ряд присущих онкобольным психопатологических симптомов, к которым относятся тревога, депрессия, астения, ипохондрия, апатия и дисфория и другие, порой бывает необходимо уделять не меньше внимания их родственникам, поддерживать их в трудную минуту.

Ряд специальных психологических исследований, проведённых в онкологической клинике, показал, что у больных наблюдается почти вся гамма психогенных расстройств, по механизмам развития являющихся ситуативно обусловленными и достигающих в ряде случаев психотического уровня [2]. При этом к факторам стресса помимо самого факта наличия злокачественной опухоли следует относить мысли о предстоящей операции, её возможных калечащих последствиях, отсутствии каких-либо гарантий полного выздоровления и другие.

Психологическое состояние человека, впервые услышавшего от медицинских работников, что у него, возможно, онкологическое заболевание, описано в работе Э. Кюблер-Росс «О смерти и умирании» [1, с. 128]. Она установила, что большинство больных проходит через пять основных этапов психологической реакции: 1) отрицание и изоляция, 2) гнев, 3) торговля, 4) депрессия и 5) смирение.

Стив Миллер – один из главных героев романа «Последняя песня» Николаса Спаркса, в котором часть повествования ведётся от его лица. Складывается впечатление, что Стив сразу оказывается на заключительном этапе восприятия болезни и своего состояния: смирении. Известие о болезни обрушилось на него внезапно, однако, практически мгновенно Стивом овладевает спокойствие и ясность мысли: *He knew what it meant when cancer metastasized, he knew what it meant to have cancer not only in his stomach, but also in his pancreas. He knew the odds of surviving were next to nil* [6, с. 305]. Анафора и частичный параллелизм указывают на здравость суждений, на то, что, несмотря на трагическое известие, герой не утратил способности трезво мыслить и оценивать ситуацию в целом и свои шансы на выздоровление.

Хейзел Грейс Ланкастер – умный и саркастичный подросток из Индианаполиса с неизлечимым раком щитовидной железы, который метастазировал в её легкие – главная героиня романа «Винноваты звёзды» Джона Грина. По мнению наблюдающего её психолога, Хейзел находится в глубокой депрессии (что соответствует четвёртому этапу по Кюблер-Росс), однако, её поведение и реакции свидетельствуют о другом: о том, что девушка находится в финальной стадии: стадии смирения. В смирении Хейзел чувствует бунт юной души, которая ещё не успела пожить, чьи дни сочтены. Хейзел смеётся над жизнью, над своей судьбой, такой нелепой и трагичной, она насмехается над самой смертью: *Whenever you read a cancer booklet or website or whatever, they always list depression among the side effects of cancer. But, in fact, depression is not a side effect of cancer. Depression is a side effect of dying. (Cancer is also a side effect of dying. Almost everything is, really.)* [3, с. 3].

Если отличительной чертой стиля Николаса Спаркса является частое использование анафоры и параллельных конструкций, Джона Грина – сложных конструкций, в большинстве своём ироничного или саркастичного оттенка, то у Джоди Пиколт – это лаконичные, сухие, отточенные предложения, зачастую содержащие параллельные конструкции. Этих писателей объединяет не только общность отдельно взятой тематики, а именно, рака и взаимоотношений людей, связанных этой страшной болезнью, но и наличие в их жизни реальных прототипов основных персонажей произведений.

Не вызывает удивления тот факт, что авторы, чьи произведения содержат по крайней мере одну сюжетную линию, связанную с раковым заболеванием, заостряют внимание на переживаниях больного человека, при этом чувства и эмоции близких ему людей освещаются не так подробно. Поэтому представляется необходимым дать анализ языковых средств характеристики эмоционально-психического состояния родных онкобольного в другой плоскости, а именно, выделяя определённые психотипы. При этом на наш взгляд, этапы психологической реакции по Э. Кюблер-Росс применимы не только к больным раком, но и к их близким людям.

В рамках данного исследования было выделено семь психотипов родственников и друзей онкобольных – это фанатичная героиня и мученица, воин, обвинитель, спаситель, чудотворец, отверженный, трус, каждый из которых обладает определённым набором черт характера.

Рассмотрим психотип «спаситель». Это Анна Фицджеральд, сестра Кейт. Данный психотип подразумевает не спасение физического тела больного, хотя это также имело место (*When Kate needs leukocytes or stem cells or bone marrow to fool her body into thinking it's healthy, I'm the one who provides them* [4]), но освобождение тела ментального. Кейт, уставшая от борьбы, была готова к смерти, если бы её не удерживала мать. Лишь Анна нашла в себе силы пойти против Сары и попытаться исполнить главное желание сестры – уйти. Спаситель тесно связан с онкобольным родственником, потому что без искренней любви невозможно жертвовать чем-то дорогим, тем более, если речь идёт о жизни самого больного: *Kate and I are Siamese twins; you just can't see the spot where we're connected* [4].

Психотип «чудотворец». Героem, сотворившим чудо, является Лэндон Картер – персонаж из романа «Памятная прогулка». Отличительной особенностью чудотворца является то, что он не ждёт чуда от Небес, которого может так и не произойти, – он творит его сам. Конечно, молодой человек не мог исцелить девушку – это было не в его силах, и даже не в силах медицины середины прошлого столетия: *These days it might have been different. These days they could have treated her. These days Jamie would probably live* [5]. Лэндон не мог знать, как будет воспринято то, что он собирался совершить. Об этом свидетельствует пример предложения, в котором метафора, градация и асиндетон прекрасно передают всю гамму эмоций человека, готовящегося сделать нечто важное для смертельно больного, которого он любит: *Love, anger, sadness, hope, and fear, whirling together, sharpened by the nervousness I was feeling* [5]. Однако он был не прав в том, что чуда в жизни Джейми так и не случилось. Понять это Лэндону помог отец девушки, объяснивший, что чудом в её жизни было то, что «она встретила тебя».

Использование языковых средств выразительности в романах свидетельствует о том, что авторы заостряют внимание читателя на главном – на том, что тревожит или радует их героев в данный момент, и способствуют оказанию психологического воздействия на собеседника (читателя). Употребление большого количества метафор, метафорических перифразов и эпитетов говорит о том, что люди склонны говорить о болезни и самом больном в переносном значении, что позволяет абстрагироваться от болезни, представить её в шуточном, более оптимистичном и приятном свете, а часто встречающиеся ирония, сарказм или чёрный юмор, подчеркивают то, что главной защитной реакцией смертельно больного человека является именно смех (насмешка).

Список литературы

1. *Кюблер-Росс, Э. О смерти и умирании* [Текст] / Э. Кюблер-Росс. – К. : София, 2001. – 320 с.
2. *Реабилитация онкологического больного* [Текст] / под ред. *Н. П. Напалкова*. – Л. : Лениздат, 1979. – С. 62-63, 72-73.
3. *Green, J. The Fault in Our Stars* [Текст] / J. Green. – New York: Penguin Group, 2012. – 324 p.
4. *Picoult, J. My Sister's Keeper* [Электронный ресурс] / J. Picoult. – Режим доступа URL: <http://www.readanybook.com/ebook/my-sister-s-keeper-16929> (дата обращения: 14.02.2019).
5. *Sparks, N. C. A Walk to Remember* [Электронный ресурс] / N. C. Sparks. – Режим доступа URL: <http://www.readanybook.com/ebook/a-walk-to-remember-59991> (дата обращения: 14.02.2019).
6. *Sparks, N. C. The Last Song* [Текст] / N. C. Sparks. – London : Sphere, 2009. – 390 p.

10.02.04

А.С. Рыбакова, канд. филол. наук, О.А. Юдина

ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет»,
факультет иностранных языков,
кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации,
Коломна МО annrybakova@gmail.com, olgakoreva94@gmail.com

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АВСТРАЛИЙСКОГО СЛЕНГА

В статье рассматриваются структурные особенности современного австралийского сленга – приводится подробный анализ как однокомпонентных, так и многокомпонентных слов и выражений, а также статистические данные частеречной принадлежности слов, входящих в данную лексическую группу.

Ключевые слова: австралийский вариант английского языка, сленг, австралийский сленг, перевод, структурные особенности сленга.

Сленг является актуальной проблемой современной филологии. В настоящее время можно встретить значительное количество определений понятия «сленг», которые нередко противоречат друг другу. В частности, рассматривается вопрос, о том, относить ли к сленгу одни лишь выразительные, ироничные слова, являющиеся синонимами литературных эквивалентов, или также и всю нестандартную лексику, осуждаемую в кругу образованных людей.

Определяя «сленг» ученые расходятся во мнении. Так Маковский выделяет стилистическую функцию сленга и говорит о том, что он используется для создания эффекта новизны, для эмфазы [Маковский 1980:103]. Смирницкий А.И. определяет сленг как разговорный или фамильярный стиль речи в определенной специальной области, [Цит. по Смирницкий 1996: 201], вынося на первое место функцию сленга как стиля речи.

Сленг отличается от нейтральной лексики литературного языка этико-стилистической сниженностью: от шутливо-иронической непринужденной экспрессии обиходного общения, до уничижительной экспрессии и резкой отрицательной эмоциональной оценки в рамках фамильярного общения. Распространенность и общепонятность данной лексики в пределах определенного промежутка времени и в границах определенной коммуникативной общности сближает ее с литературным языком. Сленг отличается от литературного стандарта тем, что он является особым средством сниженной лексики, которое характерно разговорно-бытовому стилю общения, и другим обиходно-разговорным формам национального языка. Так, например, Арнольд И.В. указывает, что сленгом называют сугубо разговорные слова с грубоватой или шуточно-эмоциональной окраской [Цит. по Арнольд, 1973: 264].

Важно отметить, что сленг не относится к бранным или непристойным словам, он не воспринимается как вульгарное образование. Наоборот, он придает речи колорит фамильярности, не выходящий за рамки дозволенного.

В данной статье будем рассматривать сленг именно с лексической точки зрения, ведь, несмотря на то, что развитие любого языка происходит на всех уровнях (морфологическом, фонетическом, синтаксическом, семантическом), самые явные изменения происходят именно на уровне лексики.

Прежде, чем перейти к рассмотрению структурных особенностей австралийского сленга, стоит сказать несколько слов об австралийском варианте английского языка и особенностях австралийского сленга в целом.

Австралийский вариант английского языка — один из основных вариантов английского языка, преимущественно используемый в Австралии. Возник в результате общения людей, которые разговаривали на различных диалектах английского языка в эпоху колонизации

Австралии. Существуют официальные данные, что австралийский диалект как отдельная разновидность английского языка, возник в 30-е годы 19 века, а во второй половине 20 века стал официально признанным национальным языком [5].

Материалом для данного исследования послужил онлайн-словарь Австралийского сленга <http://www.koalanet.com.au/>. Авторы данного словаря утверждают, что представленные в нем единицы являются уникальными примерами австралийского сленга. Итак, всего было рассмотрено 475 лексических единиц, из которых однокомпонентных встретилось - 277, многокомпонентных - 190, сокращений - 6. Наиболее простым и в то же время наиболее распространенным видом составных сленговых слов является двухкомпонентное словосочетание (132 лексические единицы - 27,8 % от общего числа проанализированных слов).

Рассматривая структуру сленга, следует, прежде всего, проанализировать, какие части речи формируют данную группу и в каком количественном соотношении. Так существительных встретилось - 200 лексических единиц (*Rage* - вечеринка, *Sanger* - бутерброд, *Tucker* - еда), прилагательных - 27 (*Spewin'* - злой, *Grouse* - восхитительный, - удивленный), глаголов - 50 (*Knock* - критиковать, *Rock up* - прибывать, *Rubbish* - критиковать), предлогов - 2 (*Down Under* - Австралия, *Up-* высокомерие), наречий - 2 (*Too right!* - Несомненно!, *Never Never* - глушь).

Среди однокомпонентных сленговых слов были выявлены следующие словообразовательные модели:

1) Аффикация: *Bludger*: lazy person - ленивый человек; *Bogged*: Stuck in mud, deep sand (a vehicle) - застрявший; *Boozer*: a pub - паб; *Stonkered*: beaten, defeated, cornered, perplexed - истощенный, без сил; *Tucker*: food - еда.

2) Словосложение: *Bushranger*: highwayman, outlaw - бродяга, разбойник; *Cleanskin*: Bottle of wine without a label - бутылка вина без этикетки, домашнее вино; *Layabout*, somebody who always relies on other people to do things or lend him things - тунеядец; *Ratbag*: mild insult - мошенник, жулик; *Sleepout*: house verandah converted to a bedroom - крытая веранда, предназначенная для сна.

3) Сложносокращенные слова: *CabSav*: Cabernet Sauvignon (a variety of wine grape) - Каберне Совиньон (сорт вина); *G'Day*: hello! - Привет!

4) Усечение: *Avos*: avocados - авокадо; *Amb*: ambulance, ambulance driver - скорая помощь, водитель скорой помощи; *Compo*: Workers' Compensation pay - компенсация за производственную травму; *Exy*: expensive - дорогой; *Garbo*: municipal garbage collector - муниципальная компания по сбору мусора; *Hoon*: hooligan - хулиган; *Kindie*: kindergarten - детский сад; *Salvos*: Salvation Army - боец армии спасения.

5) Каламбурное словообразование: *Hooroo*: goodbye - до свидания; *Maccas*: McDonald's (the hamburger place) - Мак Дональдс; *Oz*: Australia! - Австралия; *Seppo*: an American - американец, *Vinnie's*: St. Vincent De Paul's (charity thrift stores and hostels) - сеть благотворительных магазинов и хостелов.

6) Аббревиация: *B & S*: Bachelors' and Spinsters' Ball - a very enjoyable party usually held in rural areas - праздник, который устраивают в сельских районах Австралии; *O.S.*: overseas - заграница.

В ходе анализа онлайн-словаря австралийского сленга были выявлены следующие структурные модели двухкомпонентных лексических единиц:

1) Noun+noun

Amber fluid: beer- пиво; *Aussie salute*: brushing away flies with the hand - отмахиваться от мух; *Woop Woop*: invented name for any small unimportant town - захолустье; *Bush bash*: long competitive running or motorcar race through the bush - гонка по пересеченной местности; *Fruit loop*: fool - дурак; *Milk bar*: corner shop that sells takeaway food- магазин, в котором продается еда навынос.

2) Adjective+noun:

Bloody oath! : that's certainly true - Чертовски верно!; **Good onya** : good for you, well done – отлично; **Liquid laugh** : vomit – тошнота, рвота; **Mystery bag** : a sausage – сосиска, колбаска; **Pommy shower** : using deodorant instead of taking a shower – использовать дезодорант вместо душа; **Stubby holder**: polystyrene insulated holder for a stubby– изолента.

3) Verb+noun:

Bring a plate: instruction on party or BBQ invitation to bring your own food.– приглашение на вечеринку со своей едой; **give a burl** : try it, have a go– попытаться; **spit the dummy**: get very upset at something – быть сильно расстроенным; **do the Harold**: to bolt. – сбежать; **have on tickets** : to have a high opinion of somebody – иметь высокое мнение о ком-либо.

4) Adjective + adjective:

Ridgy-didge: original, genuine – гениально!;

5) Adverb + adverb:

Never Never: the Outback, centre of Australia – «глушь» Австралии;

6) Phrasal verbs:

Flick on - to sell something, usually for a quick profit, soon after buying it. – продавать что-либо; **Knock back** : refusal (noun), refuse (transitive verb) – отказаться; **Lair up** : to behave in a brash and vulgar manner – вести себя дерзко и вульгарно; **lob in** : drop in to see someone – заскочить к кому-то домой ; **Nut out** - hammer out or work out (an agreement, say) – с трудом добиться соглашения; **Rack off** : push off! get lost! get out of here!– уйди! Скройся!

7) Preposition + preposition: **Down Under** – Австралия и Новая Зеландия8) Noun + of + noun: **Back of Bourke**: a very long way away – удаленное, необжитое место.

К многокомпонентным лексическим единицам мы отнесли словосочетания и выражения, состоящие из более, чем трех слов:

Beyond the Black Stump: a long way away, the back of nowhere - по "ту сторону" (там, где нет жизни и простирается бесконечная, выжженная солнцем пустыня), **Blow in the bag** : have a breathalyser test - проверка водителя на наличие алкоголя в крови; **He doesn't know Christmas from Bourke Street**: he's a bit slow in the head – он плохо соображает; **He hasn't got a Brass razoo**: he's very poor – очень бедный; **Not my Bowl of rice**: not my cup of tea– не мое дело; **mad as a Cut snake**: very angry – озлобленный.

Написание данной научной статьи было обусловлено необходимостью проанализировать структурные особенности австралийского сленга, выявить какое количество компонентов может входить в состав одного сленгового слова или словосочетания. Так наиболее распространенным видом сленга в английской лексике является двухкомпонентное словосочетание (27,8 % от общего количества проанализированных единиц).

Список литературы

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. – М.: Просвещение, 1973. – 304 с.
2. Маковский М.М. Английская диалектология: современные английские территориальные диалекты Великобритании.: Уч. пособие. – М.: «Высш.Школа», 1980. – 103
3. Смирницкий, А.И. Лексикология английского языка [Текст]: учебное пособие / А.И. Смирницкий – М.: Высшая школа, 1996 – 201
4. Словарь Австралийского Сленга - <http://www.koalanet.com.au/australian-slang.html>
5. MacQuarie University. Faculty of Human Sciences. Department of Linguistics.URL: <https://www.webcitation.org/6D2TfCOIp?url=http://clas.mq.edu.au/australian-voices/history-accent-change>

10.02.04

С.А. Стройков канд. филол. наук

Самарский государственный социально-педагогический университет,
кафедра иностранных языков,
Самара, stroykov@ya.ru

ИЗМЕНЕНИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ АВТОРА И ЧИТАТЕЛЯ СОВРЕМЕННОГО ГИПЕРТЕКСТОВОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В работе выявляется степень изменения взаимоотношений автора (адресанта) и читателя (адресата, реципиента) современного гипертекстового произведения в зависимости от степени его гипертекстуализации, которая изменяется от меньшей к большей в следующей последовательности: книжный художественный гипертекст – книжный гипертекст – электронный художественный гипертекст – электронный гипертекст. Автор данного исследования характеризует каждый вид гипертекстового произведения с точки зрения изменения взаимоотношений автора и читателя, а также с точки зрения авторства и степени свободы читателя.

Ключевые слова: *автор, читатель, адресант, адресат, реципиент, взаимоотношения, гипертекст, гипертекстовое произведение, степень гипертекстуализации, нелинейное чтение, гиперссылки.*

Целью настоящей статьи является проведение анализа изменений взаимоотношений автора и читателя современного гипертекстового произведения. Научная новизна данной работы состоит в том, что в ней впервые проводится методологическое обобщение существующих теоретических исследований по проблематике изменений взаимоотношений автора и читателя книжного гипертекста, книжного художественного гипертекста, электронного гипертекста и электронного художественного гипертекста. Теоретической базой данного анализа послужили работы Р. Барта, М.А. Голиковой, О.В. Дедовой, О.В. Красноярской, Е. Кристевой, М.В. Минеевой, А.В. Прошиной и М.В. Емелиной, Т.И. Рязанцевой, А.А. Самоделкина, Е.А. Трусковой, Н.А. Федоровой, М. Фуко, Е.А. Чемодановой.

Впервые вопрос об изменении отношений автора (адресанта) и читателя (адресата, реципиента) в эпоху постмодернистской деконструкции текста был поднят Р. Бартом в 1968 году, который говорил о «смерти автора» [1, с. 388]. Подобного мнения придерживались М. Фуко и Е. Кристева. Опираясь на данных исследователей, М.В. Минеева отмечает деперсонифицированность автора постмодернистского текста и ориентацию на читателя, который становится активным субъектом, наделенным свободой и интеллектуальной самостоятельностью [6, с. 82].

С появлением же гипертекста взаимоотношения автора и читателя, представляющие собой до этого в большей степени сотрудничество, выходят на совершенно иной уровень. По мнению А.А. Самоделкина, гипертекст позволяет читателю общаться с автором лишь на интересующие читателя темы [9, с. 166]. В результате гипертекстуализации, как полагает Е.А. Трускова, автор утрачивает свое лицо в произведении как личность, отдавая все больше прав реципиенту-творцу (читателю) [10, с. 13]. Н.А. Федорова полагает, что «в литературе гипертекста роль автора редуцируется». Данный исследователь проводит «условную параллель с деизмом: бог-автор творит мир-текст и выходит из него, предоставляя свободную горизонталь читателю и тексту (таким образом, гипертекст – это текст без вертикального измерения, но со взаимореферентным потенциалом горизонтали)» [11, с. 111–112]. О.В. Красноярская считает, что в гипертекстовом произведении главенствующую роль играет именно читатель, что доказывает наличие гиперссылок и

возможности интерактивного комментирования. Читатель гипертекстового произведения, по мнению данного исследователя, все время должен совершать выбор в плане активации той или иной ссылки [5, с. 48–49]. М.А. Голикова также говорит о совершенно иной позиции читателя в эпоху гипертекста, у которого есть возможность активно изменять содержание авторского текста, а также последовательность чтения и даже сюжет. Данный исследователь утверждает, что достаточно часто действия читателя фиксируются, могут приниматься автором и иногда становятся частью гипертекстового произведения [2, с. 9–10]. По мнению А.В. Прошиной и М.В. Емелиной, гипертекстовое произведение характеризуется одновременно и множественностью автора и отсутствием автора, а также нечеткими, размытыми границами между автором и читателем [7, с. 168]. О.В. Дедова заключает, что гипертекстовое произведение, характеризующееся мультимедийностью и интерактивностью, приводит к трансформированию функций автора и читателя [3, с. 30–45], однако, не приводит ни к окончательной «смерти автора», ни к полному торжеству ничем неограниченной читательской воли. У читателя есть свобода перемещения в гипертекстовом произведении, но она не является абсолютной, поскольку все переходы в гипертексте осуществляются в рамках авторского замысла [4, с. 141].

Однако в нашей работе мы полагаем, что степень свободы читателя и соответственно степень изменения взаимоотношений автора и читателя гипертекстового произведения зависит от степени гипертекстуализации произведения, которая изменяется от меньшей к большей в следующей последовательности: *книжный художественный гипертекст* (печатные художественные произведения, которые характеризуются завершенностью, ограничены определенным форматом, при этом процесс их чтения может быть нелинейным) – *книжный гипертекст* (такие печатные произведения, как, например, Библия, Талмуд, печатные словари, энциклопедии и справочники, газета) – *электронный художественный гипертекст* (электронные художественные произведения, которые характеризуется незавершенностью, не ограничены форматом и не обладают возможностью линейного прочтения) – *электронный гипертекст* (произведения, обладающие наибольшим количеством характеристик, присущих гипертексту, а соответственно наибольшей степенью гипертекстуализации).

Книжный художественный гипертекст, как правило, характеризуется наличием автора, при этом, как отмечает М.В. Минеева, автор такого произведения «представляет читателя лишь гипотетически, не предполагая возможную пространственную и временную отдаленность и, таким образом, не представляя в полной мере специфику предполагаемого адресата и его характер [6: 83]. Свобода же читателя такого произведения весьма ограничена не только линейностью сюжетной линии, но и определенным форматом.

Книжный гипертекст характеризуется одновременно и деперсонифицированностью и множественностью автора, поскольку к таким гипертекстовым произведениям мы относим словари, энциклопедии и справочники, которые, как правило, создаются коллективом авторов, однако довольно часто читателю известен только один из всего коллектива. Читатель книжного гипертекста не ограничен в последовательности прочтения, однако печатный формат не позволяет незамедлительно обратиться к какой-либо внешней информационной единице, если на неё есть ссылка, то есть такие гипертекстовые произведения ограничены форматом.

Электронный художественный гипертекст характеризуется как наличием автора, так и его отсутствием, однако степень свободы читателя такого произведения не ограничена ни форматом, ни последовательностью прочтения, кроме того, сам читатель может принимать участие в продолжении написания электронного художественного гипертекста, или его дополнении. Как отмечает Е.А. Чемоданова, «читающий» такого гипертекстового произведения превращается в «участвующего». «Сам читатель выбирает варианты развития сюжета, ходы ассоциаций, отсылок, развязок и тупиков, то есть включается в процесс развития разветвленного до бесконечности текста» [12, с. 7–8].

Электронный гипертекст характеризуется наибольшей степенью размытости границ между автором и читателем, которые обладают максимальной свободой, не ограничены форматом и, следовательно, максимальной степенью изменений взаимоотношений автора и читателя. По мнению Т.И. Рязанцевой, в таком гипертекстовом произведении происходит снижение роли авторской модальности, индивидуально-авторского намерения и отношения к сообщаемому ... электронный гипертекст – это скорее продукт коллективного творчества, множественного обратного воздействия на исходное сообщение [8, с. 335–336].

Таким образом, мы установили, что гипертекст позволил вывести взаимоотношения его автора и читателя на новый уровень – редуцирование автора, но не «смерть», больше свободы и прав читателя, больше сотрудничества, а также нечеткие, размытые границы между автором и читателем, при этом степень изменения их взаимоотношений пропорциональна степени гипертекстуализации произведения, которая изменяется от меньшей к большей в следующей последовательности: книжный художественный гипертекст – книжный гипертекст – электронный художественный гипертекст – электронный гипертекст.

Список литературы

1. *Барт, Р.* Избранные работы: Семиотика: Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
2. *Голикова, М.А.* Трансформация роли читателя в эпоху гипертекста // Текст. Книга. Книгоиздание. – 2016. – № 2 (11). – С. 5–11.
3. *Дедова, О.В.* Изменение отношений «автор-читатель» в пространстве электронного гипертекста // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – М., 2005. – № 6. – С. 30–45.
4. *Дедова, О.В.* Теория гипертекста и гипертекстовые практики в Рунете. – М.: МАКС Пресс, 2008. – 284 с.
5. *КрасноярOVA, О.В.* Феномен гипертекста и гиперссылки // Вопросы теории и практики журналистики. – 2012. – № 1. – С. 46–54.
6. *Минеева, М.В.* Лингвистический гипертекст как способ декодирования информации: монография. – Челябинск: Искра-Профи, 2017. – 178 с.
7. *Прошина, А.В., Емелина, М.В.* Особенности гипертекста // Интерактивная наука. – 2017. – № 12. – С. 167–171.
8. *Рязанцева, Т.И.* О категориях гипертекста // Медиалингвистика. – 2019. – Т. 6. – № 3. – С. 327–340.
9. *Самоделкин, А.А.* Гипертекст как механизм коммуникативного взаимодействия автора и читателя // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 4 (46): в 2-х ч. – Ч. II. – С. 164–166.
10. *Трускова, Е.А.* Романские циклы Бориса Акунина: специфика гипертекста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – Екатеринбург, 2012. – 21 с.
11. *Федорова, Н.А.* Литература после седьмого дня. Автор и читатель в литературе гипертекста // Известия РГПУ им. А.И.Герцена. – 2008. – № 51. – С. 108–112.
12. *Чемоданова, Е.А.* «На крыльях»... паутины. Особенности нелинейного чтения // Библиотечное дело. – 2004. – № 2 (14). – С. 6–10.

10.02.04

Г.Р. Тимирбаева

Казанский (национальный исследовательский технологический университет,
кафедра иностранных языков в профессиональной коммуникации,
Казань, guseltim@mail.ru

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ КОРПУСА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ: ПРИНЦИПЫ СОСТАВЛЕНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ

В работе представлены результаты изучения параллельных корпусов научно-технических текстов, особое внимание уделено критериям отбора текстов (размер корпуса, предмет исследования, язык автора, авторство, дата публикации). Показан потенциал использования параллельных корпусов в учебных целях (извлечение терминов и составление словарей, использование в качестве образца при написании статей).

Ключевые слова: *корпуса параллельных текстов, научно-технические тексты, термины.*

Параллельные корпуса текстов становятся одним из наиболее интересных и быстро развивающихся направлений лингвистики, чему в немалой степени способствовало интенсивное развитие компьютерных технологий. В соответствии с определением М. Бейкер, параллельный корпус – это тексты с переводами на один или более языков, представленные в электронном формате [3]. Следует отметить, что в настоящее время данный термин используется и в других значениях, в частности, И.С. Алексеева рассматривает параллельный текст как оригинальный текст на другом языке, близкий по тематике, структуре и жанру [1]. Некоторые исследователи понимают под параллельным корпусом любые корпуса текстов, включающие тексты на разных языках [4]. В нашем исследовании мы будем придерживаться определения М. Бейкер.

В нашей работе мы рассматриваем параллельные корпуса научно-технических текстов. Наш выбор обусловлен тем, что, с одной стороны, возрастает количество статей на английском языке, посвященных результатам различных исследований, а перед российскими учеными стоит задача публиковать результаты своей работы, с другой стороны, исследований, посвященных данной теме, немного.

Можно выделить четыре группы людей, заинтересованных в использовании параллельных корпусов, научно-технических текстов, в частности. К ним относятся 1) преподаватели иностранных языков и изучающие иностранные языки; 2) преподаватели перевода и студенты – будущие переводчики; 3) лингвисты, занимающиеся компьютерной лингвистикой; 4) ученые, пишущие статьи на английском языке.

Корпуса текстов – это не набор случайных текстов, отбор текстов осуществляется по определенным критериям, разработка которых является одним из существенных вопросов. Мы считаем нужным обратить внимание на такие критерии как размер корпуса, предмет исследования, язык автора, авторство, дата публикации.

Среди немаловажных критериев является размер, который должен быть оптимальным с точки зрения целей проекта, доступности материалов и времени подготовки корпуса. Необходимо соблюдать баланс между достаточным объемом и избыточным количеством материала. Если корпус будет включать слишком много текстов, то будет затруднен поиск необходимой информации, если слишком мало текстов, то будет сложно делать обобщения, он должен быть достаточным по объему, чтобы можно было выводить статистическую частотность. Для корпуса в области специализированной лексики вполне достаточно текстов, включающих от нескольких десятков тысяч слов до нескольких сотен тысяч. Полезнее взять статьи разных авторов, чем такое же количество страниц, принадлежащих одному или двум авторам. Желательно брать статьи целиком, так как важная релевантная информация может содержаться в любой части статьи.

Следующий критерий – тема, тексты должны быть специализированными. Данный критерий с одной стороны кажется очевидным, но, с другой стороны, многие темы являются междисциплинарными, поэтому выбор осуществить не всегда просто. Выбор типа текстов зависит от задачи, стоящей перед составлением корпуса. Если стоит задача обратить внимание на термины и понятия, то статьи должны быть из одной области знаний. Если вы вам нужно писать статьи в области использования катализаторов для улучшения качества перерабатываемой нефти, то вам необходимо подобрать тексты, связанные с данной тематикой. Для изучения грамматических конструкций подойдут статьи исследовательского характера, относящиеся к разным областям знаний.

Автор текстов должен быть признанным экспертом в своей области исследований с тем, чтобы корпус параллельных текстов содержал аутентичный материал, адекватно освещающий выбранную тему. Следует обратить внимание на то, как изложен материал, является ли автор носителем языка, если статья является переводом на английский язык, она не выполнит функцию представления аутентичного материала, хотя в некоторых случаях, статья, написанная автором, для которого английский язык не является родным, может соответствовать нормам и правилам английского языка.

Дата публикации также имеет значение, для изучения определенной области знаний, желательно выбрать наиболее поздние публикации, чтобы узнать, как обстоят дела в данной области, как в концептуальном, так и лингвистическом плане. С другой стороны, в статьях более ранних лет издания могут объясняться понятия, которые стали достаточно часто употребляться, и поэтому в более поздних публикациях не поясняются.

Готовых параллельных корпусов научно-технических статей не существует, поэтому в нашем исследовании тексты отбирались студентами-магистрантами под руководством преподавателя, преподающего английский язык, в соответствии с вышеуказанными критериями. В выборе текстов также принимали участие научные руководители магистрантов, которые являются специалистами в предметной области. Далее осуществлялся перевод текста под контролем преподавателя.

Варианты использования параллельных корпусов текстов достаточны разнообразны. Одним из наиболее полезных и интересных является составление терминологических словарей, что включает в себя выделение терминов по своей специальности, например, можно вывести все слова из текста и ранжировать их по степени частотности, дать понимание того, что стоит за терминами и как они используются. Ниже приведены слова, включенные в терминологический словарь по нефтедобыче и нефтепереработке.

Таблица 1 - Термины

Cycloalkanes	циклоалкены
Asphaltenes	асфальтены
Residuum	остаток перегонки
Dehydration	обезвоживание

Не менее важно научиться выделять термины, состоящие из двух и более слов, используя для этого лингвистический метод (выделяя определенные структуры, например, noun+noun или adjective+noun) или статистический метод (ранжируя по степени частотности).

Таблица 2 – Термины, состоящие из двух слов

Trace amounts	микроколичества
Phase diagram	диаграмма состояния
Paraffin wax	твердый парафин
Oil well	нефтяная скважина

Корпуса научно-технических инструментов также являются хорошим вспомогательным инструментом для написания статей. Каждый тип текста имеет специфические синтаксические и лексические структуры, а также стилистические особенности, их сравнение на уровне двух языков способствует развитию умений излагать результаты исследований на английском языке.

При работе с текстами из корпуса развивается ряд умений, некоторые из которых приведены К. Варантола в своем исследовании [5]. При выборе текстов для включения в корпус обучающиеся обращают внимание на критерии отбора текстов; учатся использовать исследовательские приемы; критически оценивают источники, чтобы оценить надежность того или иного текста. Кроме этого, студентам приходится использовать компьютерные средства, поисковые системы в сети Интернет.

При использовании информации, содержащейся в корпусах текстов, студенты развивают аналитические умения; общие навыки работы с данными, содержащими в текстах; умения оценки текстов и принятия решений.

Одним из главных достоинств параллельных текстов можно отметить аутентичность текстов, а также то, что происходит переход от модели обучения языку «контролирование процесса» к модели «источник информации», где студенты сами исследуют язык, а роль преподавателя состоит в том, чтобы предоставить для этого процесса инструменты и источники [2].

Список литературы

1. *Алексеева И.С.*, Профессиональный тренинг переводчика. – Санкт-Петербург: Издательство «Союз» 2001. – С. 258-259.
2. *Мифтахова Н.Х., Тимирбаева Г.Р.*, Самостоятельная работа как одно из педагогических условий формирования коммуникативной компетенции будущих переводчиков в сфере профессиональной компетенции будущих переводчиков в сфере профессиональной коммуникации// Вестник Казанского технологического университета. – 2010. – № 12. – С.207.
3. *Baker, M.* Corpora in Translation Studies. An Overview and Some Suggestions for Future Research/ M. Baker. – 2000. – In Target 7(2). P. 223-243.
4. *Borin, L.* ...and never the twain shall meet? In: Parallel corpora, parallel worlds. Selected papers from a symposium on parallel and comparable corpora at Uppsala University, Sweden, 22-23 April, 1999, Amsterdam: Rodopi, 2002, P. 2-5.
5. *Varantola, K.* Translators and Disposable Corpora In Federico Zanettin, Silvia Bernardini and Dominic Stewart (eds.). Corpora in Translator Education., 2003. – Manchester: St Jerome. – P.69.

10.02.04

Е.Б. Цыганова канд. филол. наук

ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет»,
филологический факультет,
кафедра романо-германских языков и методик их преподавания,
Набережные Челны, ets75@yandex.ru

СЕМАНТИКО-ДЕРИВАЦИОННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГЛАГОЛЬНОЙ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В работе представлено исследование метафорических глаголов со значением речевой деятельности в английском языке. Описываются семантико-деривационные модели, на основе которых происходит развитие вторичных метафорических значений глаголов речепроизводства в английском языке. Приводятся примеры из художественной англоязычной литературы.

Ключевые слова: *семантико-деривационная схема, метафорические глаголы, значение речепроизводства, вторичное значение, полисемант.*

К одному из значимых семантических явлений относится полисемия и образованная на ее основе вторичная лексическая номинация, разновидностью которой является метафора. Изучение метафоры позволяет проникнуть в основные закономерности человеческого мышления, выявить универсалии в языковой организации и вместе с тем определить уникальность каждого языка. Научная новизна данного исследования заключается в том, что детальному изучению подвергаются английские глаголы с метафорическим вторичным значением речевой деятельности с учетом их деривационных особенностей.

Цель данного исследования – выявить и описать основные семантико-деривационной схемы, на основе которых происходит развитие вторичных метафорических значений английских глаголов, обозначающих речевую деятельность.

По определению С.Г. Васильевой, «семантическая деривация – это образование новых лексико-семантических вариантов (ЛСВ), закрепляющихся за одной и той же внешней оболочкой. ЛСВ, который был свойственен слову в момент его образования как автономной языковой единицы, называется первичным, остальные ЛСВ – вторичными. Образование нового ЛСВ обычно проходит сначала через выделение оттенка в том или ином значении».

В когнитивной лингвистике огромный резонанс приобрела проблема метафорических моделей как способов концептуализации разного рода нематериальных объектов (идей, эмоций), типов культурного поведения и взаимодействия.

Как нам представляется, когнитивный подход к исследованию полисемии реализуется в теории прототипической ситуации, предложенной Г.И. Кустовой. Данная ментальная схема представляет собой образ определенной прототипической (базовой) ситуации. Г.И. Кустова полагает, что основой семантического развития слова служит не столько исходное, базовое значение, сколько соответствующая прототипическая ситуация. Именно прототипическая ситуация является семантическим стержнем многозначного слова, цементируя его в единое целое, так как прототипическая ситуация объединяет весьма разнородные ситуации с разнотипными объектами в единую группу и делает их реализациями некоторой «общей идеи». Именно оттого, что человек в состоянии «увидеть» в прототипической ситуации, что он в состоянии из нее извлечь, зависит, на какие другие ситуации данное слово можно распространить, то есть, в конечном счете, какие у него будут производные значения. В данном исследовании за основу был принят ситуационно-прототипический подход к исследованию регулярной многозначности. В то же время следует сказать, что мы не разделяем точки зрения, что прототипическая ситуация является общим универсальным принципом развития много-

значности. Очевидно, прототипическая ситуация является источником развития вторичных значений главным образом слов с процессуальной семантикой. При анализе первичных значений полисемантов было использовано понятие семантико-деривационной схемы. Под семантико-деривационной схемой понимается соотношение значения первичного ЛСВ и вторичного ЛСВ многозначного слова, при этом имеется в виду только одно вторичное значение, хотя их в составе полисеманта может быть и больше. Семантико-деривационная схема, в отличие от модели регулярной многозначности, носит максимально абстрагированный характер, описывая производящее и производное значение по их наиболее общим, наиболее абстрагированным семам. По одной и той же семантико-деривационной схеме может сформироваться несколько и более моделей регулярной многозначности.

В результате проведенного исследования мы выявили, что в английском языке полисеманты, в составе которых есть вторичное метафорическое значение «обозначение речевой деятельности», распределяются в соответствии с шестью семантико-деривационными схемами, на шесть объединений:

1. Объединение полисемантов, которые развивают вторичные метафорические значения «обозначение речевой деятельности», на основе семантического единства их первичного значения – обозначения процессов звукопроизводства. К этому объединению относятся следующие глаголы: *bark; bleat; snap; howl, bubble, bluster, storm; thunder*. Данные глаголы широко используются в художественной прозе для описания коммуникативных ситуаций и речевого поведения героев, например:

«I want nothing to do with that disobedient young bugger, he *stormed*».

Well, I'm going to explain it for you for the last time," Kelly *snapped*.

I lease the satellite unseen miles above by which I once *barked* commands to my empire flung far around the world.

2. Объединение полисемантов, которые развивают вторичные метафорические значения «обозначение речевой деятельности», на основе семантического единства их первичного значения – обозначения процесса изменения свойств объекта. Это, например, глаголы: *flare; shoot, blaze, embroider, mince, cover, picture, frame*.

"Maybe I'm not in the mood to wait," TJ *shot back*, his head splitting.

Miss Brodie's old love story was newly *embroidered* with curious threads.

3. Объединение полисемантов, которые развивают вторичные метафорические значения «обозначение речевой деятельности», на основе семантического единства их первичного значения – обозначения перемещения/передвижения объектов. Это, например, глаголы: *fall, sift, press, drop, fire, spit, fume*.

"We should," the man *fired back*.

'And men like Richard,' *fumed* Sharon, 'play on the chink in the armour to wriggle out of commitment, maturity, honour and the natural progression of things between a man and a woman.

'Sure? Stuffed olive?' I *pressed* on.

4. Объединение полисемантов, которые развивают вторичные метафорические значения «обозначение речевой деятельности», на основе семантического единства их первичного значения – обозначения процессов присоединения объектов друг к другу. Это, например, глаголы: *inject, insert, butter, hammer, pin*.

She told a few jokes to *inject* a little humor *into* her speech.

The president has been *hammered* for his lack of leadership.

5. Объединение полисемантов, которые развивают вторичные метафорические значения «обозначение речевой деятельности», на основе семантического единства их первичного значения – обозначения процессов физиологического характера, обеспечивающих жизнедеятельность. Это, например, глаголы: *chew, devour, swallow, breathe, pant*.

Whenever possible I *devoured* local newspapers, trying to get a feel for the politics and social conditions of each place.

He *swallowed* the key phrases.

'Wait, ' he *breathed*.

6. Объединение полисемантов, которые развивают вторичные метафорические значения «обозначение речевой деятельности», на основе семантического единства их первичного значения – обозначения процессов взаимодействия живых существ. Это, например, глаголы: *bruise, itch, prod, sting, fence*.

«Another source?» Becky *prodded*.

She burst into tears, *stung* by the harshness of his words.

Количественный анализ распределения глаголов английского языка по объединениям показал, что самыми частотными являются глаголы, представленные в первом и втором объединении (24% и 24,4% соответственно). Самым незначительным по численности является пятое объединение (5,1% от общего количества глаголов).

Таким образом, для английского языка более значимыми являются семантико-деривационная базы ‘процессы звукопроизводства’ и ‘процессы перемещения/передвижения’, а в качестве ведущей в области вторичной метафорической номинации речевой деятельности можно назвать номинативную тенденцию наименования того, как сказать при помощи образов звукопроизводства и образов перемещения/передвижения, то есть англоязычное сознание стремится вербализовать в языке на уровне вторичной номинации речи способ передачи смысла с акцентировкой на способе общения.

Список литературы

1. *Васильева С.Г.* Современный русский язык. Лексикология и фразеология: Учебное пособие для вузов по специальности «Филология». – Казань: РИЦ «Школа», 2005. – с.15.
2. *Кустова Г.И.* О семантическом потенциале слов энергетической и эксперенциальной сферы // Вопросы языкознания. – 2005. - № 3. – с. 57.
3. *Fielding H.* Bridget Jones's Diary. Picador an imprint of MacMillan Publishers Ltd 25 Eccleston Place, London SW1W 9NF, Basingstoke and Oxford, 1997- p.65,78,123.
4. *Grisham J.* The testament: Doubleday: New York, , ISBN: 978-0-385-49380-2, 1999. – p. 87, 134, 156.
5. *Sheldon S.* Morning, Noon and Night. Harper Collins Publishers, London, 1995. – p. 87, 215.
6. *Spark M.* Prime of Miss Jean Brodie. Perennial Classics. Harper Collins Publishers, New York, 1994. – p. 98.
7. *Spencer S.* Salt of the earth. Orion. London, 1993. – p. 78, 93, 321.

10.02.19 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

10.02.19

¹Г.Х. Алеева канд. филол. наук, ²Н.Ш. Гиниятуллина¹Казанский (Приволжский) федеральный университет,
кафедра германской филологии,²Казанский национальный исследовательский технический университет
им. А.Н.Туполева-КАИ,

кафедра иностранных языков,

Казань, studentmail2017@mail.ru, giniatullina.2304@gmail.com

**РЕКОНСТРУКЦИЯ КОНЦЕПТА «DREAM»
НА ОСНОВЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ТОЛКОВАНИЙ И РЕАЛИЗАЦИЙ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЛИТЕРАТУРНОГО НАПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗМ**

В статье рассматриваются лексико-семантические варианты концепта «DREAM» и их количественная представленность, а также анализу подвергаются репрезентации концепта в дискурсе художественного произведения. В текстах произведений реализма выделяются 4 лексико-грамматических варианта. Выделяются ядерные, околядерные и периферийные признаки.

Ключевые слова и фразы: *концепт, dream, репрезенты, лексико-семантический вариант, номинанции.*

Теоретическими основами данного исследования послужили работы в области концептологии и теории языка таких ученых, как Ю.С. Степанов, В.И. Карасик и С.А. Аскольдов.

Обращение к словарным статьям является необходимым пунктом в выявлении целостной структуры концепта. По мнению В. В. Дубчинского «Лексикографический труд является свидетелем определённого уровня цивилизации народа, он фиксирует состояние и уровень производства и производственных отношений в обществе, развитие философской, политической, религиозной, научно-технической мысли этноса – носителя описываемого в словаре языка» [2, с. 31].

Мы соглашаемся с И.А. Стерниным и считаем, что «концепт, как единица структурированного знания имеет определенную, но не жесткую организацию: он состоит из компонентов (концептуальных признаков), которые образуют различные концептуальные слои» [4, с. 60].

Для выделения доминантных, околядерных и периферийных признаков концепта «DREAM» мы обратились к авторитетным словарям английского языка. Всего нами были проанализированы словарные статьи из 32 словарей. Все лексико-семантические варианты (далее ЛСВ) концепта «DREAM» были сгруппированы нами по пяти основным группам. Деление происходило на основании общности семантики, схожести значений каждого из вариантов ЛСВ.

ЛСВ 1: «a cherished aspiration, ambition, or ideal / ЖЕЛАНИЕ»; ЛСВ 2: «an unrealistic or self-deluding fantasy / ФАНТАЗИЯ»; ЛСВ 3: «a person or thing perceived as wonderful or perfect / ЧТО-ЛИБО ПРЕКРАСНОЕ » ; ЛСВ 4: «a state of mind in which someone is or seems to be unaware of their immediate surroundings / СОН - ЯВЬ»; ЛСВ 5: «something (event) in the future that would fulfill all your hopes / САМОЕ СОКРОВЕННОЕ ЖЕЛАНИЕ»; ЛСВ 6: «impractical and unrealistic ideas; vain hope / НЕОСУЩЕСТВИМЫЕ НАДЕЖДЫ».

Таблица 1

№ ЛСВ	№1- 6	№1	№2	№3	№4	№5	№6
%	100	31,25	34,37	37,5	31,25	25	25
Общ. кол-во	32	10	11	12	10	8	8

В таблице № 1 мы можем увидеть количественное соотношение номинаций по каждому лексико-семантическому варианту лексемы - номинанты DREAM. В большинстве словарей наиболее частотным вариантом является ЛСГ под названием «a person or thing perceived as wonderful or perfect» (букв. что-либо прекрасное, красивое) и составляет 37,5% от общего числа номинаций. Представим полный текст наиболее частотных номинаций: 1. *Anything so lovely, charming, transitory / что-либо прекрасное, очаровательное, эфемерное (RHUD)*.

Следующий по частотности ЛСВ – это номинации, передающие значения нереальности, чего-то нереализуемого. Данная группа является второй по частотности и мы можем поместить ее в околядерную зону концепта «DREAM». Пример: *conscious indulgence of fancy, reverie, castle in the air / осознанное подчинение фантазии или фантазирование, греза, воздушные замки (CODOC)*;

ЛСВ 1 и ЛСВ 4 находятся в равной удаленности от ядерной зоны концепта «DREAM» и представленность данных двух групп составляет 31,25 процентов от общего числа номинаций. В словарях нам встретились следующие номинации: ЛСВ 1: *a. something good that you hope you will have or achieve in the future / что-либо хорошее, о котором вы надеетесь и хотите получить или достигнуть в будущем (MED)*. ЛСВ 4: *a. a state of mind in which one does not pay much attention to the real world / состояние, в котором не обращают внимание на реальный мир (ASDOE)*.

В периферийной зоне изучаемого нами концепта находятся ЛСВ 5 «самое сокровенное желание» и ЛСВ 6 «неосуществимые надежды». Представим некоторые примеры из ЛСВ 5 и 6 в полном объеме: ЛСГ 5: *a. an event in the future that would fulfill all your hopes and give you great pleasure or satisfaction / событие, в будущем, которое оправдает все Ваши желания, удовлетворит Вас (CODOC)*; ЛСГ 6: *a. a wild fancy or unrealistic hope / необузданная фантазия или нереалистичная надежда (AHD)*.

В текстах литературных произведений жанра реализм реализации концепта «DREAM» представлены не в большом количестве. Однако выявление основных признаков концепта «DREAM» невозможно без анализа реализаций в различных видах дискурса.

Реализации были сгруппированы нами по подгруппам, на основании общего признака. Всего выявлено 4 лексико-семантические группы (далее ЛСГ). Нами были подсчитаны репрезентации в каждой подгруппе и процентное соотношение реализаций каждой отдельной подгруппы относительно общего количества реализаций.

ЛСГ 1: Реализации объединенные в группу «DREAM - WISH». Пример: *1. He dreamed only of war and battle*. Букв.: Он мечтал только о войне и битве [13]. **ЛСГ 2: Реализации объединенные в группу «DREAM - SLEEP».** Всем номинациям свойственны неоднозначные значения, которые мы обозначили, как промежуточные между «сном» и «фантазией; представлением; мечтой». Пример: *1. And 'twas only yesterday morning I was dreaming that we were both called up to say our lesson*. Букв.: И это было вчера утром мне снилось (я представлял), что нас обоих позвали, чтобы ответить на уроке [13]. **ЛСГ 3: Реализации объединенные в группу «DREAM – FANTASY, PRESUMPTION, GUESS».** Данная группа является самой многочисленной. Всего нам встретилось 13 реализаций со значением фантазирования, предположений, представлений. Пример: *1. George's parent and sisters were arranging this splendid match for him, which they never dreamed he would resist*. Букв.: Родители и сестры Джорджа готовили для него этот великолепный союз (пару), что они никогда не предполагали, что он будет сопротивляться [12]. **ЛСГ 4: Реализации объединенные в группу «DREAM – UNREALISTIC FANTASY, VAIN HOPE».** В рамках данной подгруппе важен семантический компонент «нереальности, несбыточности». Пример: *1. But, of course, poor I would never dream of introducing myself*

unless his Grace thought proper to remember our family-tie. Букв.: Но, конечно, бедняжка, я бы никогда не мечтал о том, чтобы представить ему себя, если только его светлость не помнит нашу семейную связь.

Общее количество номинаций: 36. ЛСГ №1 (9 номинаций - 25 %); ЛСГ №2 (5 номинаций - 13,8%); ЛСГ №3 (13 номинаций - 68,4%); ЛСГ №4 (9 номинаций - 25 %).

При сравнении номинаций и количества лексико-семантических вариантов, полученных в результате анализа лексикографического материала (таблица 1) и реализаций концепта «DREAM» в произведениях реализма, нами было выяснено, что такие значения, как «желание», «пустая фантазия» и «сон - явь» являются общими. Количество общих номинаций велико, и лишь в словарных статьях нам встретилось 2 индивидуальных значения концепта «DREAM».

Относительно количественной представленности в дискурсе художественных произведений наиболее актуальными являются значения мечты, как фантазии. Следующими по частотности стали признаки мечты, как «желания» и «неосуществимой надежды».

Актуальность признака мечты, как бессмысленной фантазии в произведениях реализма демонстрирует подтверждение того, что мечта воспринимается как нечто ненужное бессмысленное и бесполезное.

Отличительными признаками среди словарных значений являются значения мечты, как «чего-либо прекрасного, идеального» и «самое сокровенное желание».

Анализ лексикографического материала, разграничение основных лексико-семантических вариантов, подсчет номинаций и выведение ядерных, околядерных и периферийных признаков способствовало выявлению основных признаков концепта «DREAM». Благодаря анализу репрезентаций концепта «DREAM» на материале дискурса художественных произведений стало возможным подтверждение признаков, обнаруженных в процессе дефиниционного анализа. Рассмотрение концепта «DREAM» в рамках дискурса художественного произведения позволило обогатить структуру изучаемого нами концепта и разграничить его ядро и периферию.

Список литературы

1. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская речь. Л., 1928. С. 30-31.
2. Дубичинский В.В. Лексикография русского языка: учеб. пособие / Дубичинский В.В. – М. : Наука: Флинта, 2008. – 432 с.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. - Волгоград: Перемена, 2002. - С.166-205.
4. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001. 191 с.
5. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования [Электр. ресурс]. / Ю. С. Степанов. — М. : Языки славянской культуры, 1997. — 825 с.
6. AHD American Heritage Dictionary. Houghton Miffling Company, 2004.
7. ASDOE Active study dictionary of english. Словарь активного усвоения лексики английского языка. М.: Рус. яз., 1988.-710 с.
8. CODOC The Concise Oxford Dictionary of Current English / Ed. by Judy Pearsall. 10th ed. - Oxford University Press, 1999. - 1666 p.
9. MED Macmillan English Dictionary. [Electronic resource] URL: https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/dream_1
10. MWCD Merriam Webster's Collegiate Dictionary. / 10-th edition. USA, 1993.
11. RHUD Random House Webster's Unabridged Dictionary. 2nd edition - Random House Reference, 2006. 2256 p.
12. Thackeray William. Makepeace. Vanity Fair [Электр. ресурс]. URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/599>
13. Thackeray William. Makepeace. The Virginians [Электр. ресурс]. URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/8123>

10.02.19

¹Н.В. Арчахова, ²М.П.Слободчикова

¹Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
Институт зарубежной филологии и регионоведения,
кафедра иностранных языков по гуманитарным специальностям,
Якутск, archakhova@mail.ru,

²Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет,
кафедра иностранных языков с курсами русского и латинского языков,
Санкт-Петербург, limelight@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ МОТИВАЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ

С внедрением в процесс обучения новых стандартов, когда важную роль приобретают такие универсальные компетенции как коммуникация (УК-4) и межкультурное взаимодействие (УК-5), возникает необходимость пересмотра традиционных методов преподавания. Важнейшей задачей педагога становится не только предоставление определенных знаний, умений и навыков, но и формирование устойчивой мотивации к изучению и совершенствованию уровня владения иностранным языком.

Ключевые слова: *мотивация, мотив, иностранный язык, студент, неязыковой вуз.*

Актуальность данной темы обусловлена изменениями в подходе к освоению знаний студентами в ходе реализации ФГОС ВПО третьего поколения, когда на передний план выходит способность будущего специалиста успешно применять знания и умения в профессиональной деятельности. В последнее время также придается все большее значение исследованиям мотивации достижения, которая является надежным предиктором достижений в школе и вузе [4; 47]. Как следствие, возникает необходимость пересмотра существующих методов обучения и внедрения новых, что невозможно без изменения позиции роли преподавателя и студента. Цель исследования – изучение преобладающих видов мотивации студентов филологического факультета СВФУ и описание видов деятельности, используемых на занятиях с целью формирования мотивации студентов. Для достижения данной цели нами было проведено анкетирование студентов двух групп данного факультета.

С началом процесса глобализации роль иностранных языков становится как никогда актуальной, однако осознание студентами необходимости владения иностранными языками не является достаточно сильным мотивом для его изучения. В то же время практика показывает, что стандартное изучение правил грамматики, работа с произношением и говорением результата, скорее всего, не даст, как не дала за долгие годы изучения языка в школе. Задача усложняется тем, что студенты неязыкового вуза загружены изучением основных дисциплин, в то время как иностранный язык является для них предметом второстепенного значения.

Итак, мы приходим к выводу, что только путем формирования мотивации студентов можно добиться качественного усвоения материала. Мы полностью согласны с Р.Стернбергом, который утверждает, что «уровень мотивации является лучшим предиктором успеха, чем интеллект» [3; 48].

Анализ психолого-педагогических исследований (Маслоу, Годфруа, Хекхаузен, Леонтьев) позволил нам сделать вывод о многозначности понятия мотивации. В данной работе под мотивацией подразумевается система внутренних и внешних мотивов, которые заставляют человека поступать тем или иным способом.

В психологии принято выделять различные виды мотивации, остановимся на наиболее

важных из них с точки зрения учебного процесса: внешняя (экстринсивная) и внутренняя (интринсивная), положительная и отрицательная, устойчивая и неустойчивая.

Для определения вида мотивации, доминирующей в той или иной группе студентов, мы в начале учебного семестра не только проводим диагностирующий тест на знание английского языка, но и путем беседы либо тестирования определяем, какой тип мотивации движет студентами. Так, тест, проведенный нами среди студентов филологического факультета, обучающихся по направлению «Педагогическое образование» по специальности «Учитель русского языка с правом преподавания иностранного» позволил нам определить, какой вид мотивации доминирует в данных группах.

В результате анализа полученных данных выявлено, что внешняя мотивация в виде работы ради баллов для получения повышенной стипендии не является важным фактором для изучения языка для 68,2% студентов, в то время как 22,7% студентов придают значение высоким баллам и повышенной стипендии. В то же время боятся получить тройку и лишиться стипендии 68,2%, а 22,7% студентов такого страха не испытывают. К отрицательной мотивации относится также страх навлечь на себя недовольство преподавателей и родителей. У 44,7% студентов хорошая успеваемость для того, чтобы их не ругали, 36,4% студентов не испытывают страха, 18,2% относятся нейтрально.

Страх быть отчисленным из университета также относится к отрицательной мотивации. Сильный страх испытывает 31,8% опрошенных, почти половина (45,5%) студентов такого страха почти не испытывает.

Личность преподавателя играет важную роль для 59,1% опрошенных, и для 9,1% неважно, насколько приятен преподаватель как человек, для остальных студентов личные качества педагога роли не играют. То, насколько интересны проводимые занятия, важно для 90,9%, в то время как 4,5% не считают данный пункт важным.

Интересным оказался тот факт, что для студентов знание английского языка нужно для того, чтобы иметь возможность смотреть фильмы и сериалы и слушать песни и подкасты на языке оригинала. Для 82% студентов именно в этих целях изучают английский и лишь 18,2% не считают этот мотив достаточно важным.

Возможность обучения в зарубежном вузе привлекает 72,8% студентов, 22,7% не видят в этом пользы. 63,7% планируют использовать английский язык в своей профессиональной деятельности в будущем, 4,5% так не считают.

Таким образом, мы видим, что в данных группах изучать английский язык большинство студентов побуждает как внешняя мотивация (возможность использования английского языка в повседневной жизни в виде просмотра фильмов и прослушивания музыки и подкастов на языке оригинала, возможность обучения в зарубежном вузе, использование иностранного языка в будущей профессиональной деятельности), так и внутренняя (получать удовольствие от занятий, от общения с преподавателем).

Если говорить о положительной и отрицательной мотивации, то для данной группы опрошенных страх лишения стипендии из-за удовлетворительной оценки довольно высок, к тому же треть студентов боится отчисления. В то же время студентов мотивирует получение бонусов за усердие в ближайшем и отдаленном будущем.

На основании результатов анкетирования мы делаем упор на те виды работы, которые формируют устойчивую положительную мотивацию, однако следует помнить о том, что учебная деятельность всегда процесс полимотивированный.

В целях формирования устойчивой положительной мотивации студентов мы используем различные виды деятельности, которые можно разделить на две группы в зависимости от вида мотивации, которая формируется в ходе занятий:

1) Формирование внешней мотивации:

- результативное участие в олимпиадах и конкурсах, поощряемое бонусными баллами;
- участие в конкурсах грантов на обучение и стажировку в зарубежных вузах;
- выполнение дополнительных творческих заданий (создание видеопрезентаций и роликов на youtube, написание эссе, работа над проектом на заданную тему), также

вознаграждаемых дополнительными баллами.

2) Формирование внутренней мотивации:

- встречи в формате беседы с приглашенными лекторами, которые могут вдохновить студентов своей историей;

- участие в литературных квизах по произведениям англоязычных авторов;

- посещение кинотеатра и просмотр фильма на английском языке с последующим обсуждением разницы просмотра с переводом и на языке оригинала;

- использование социальной сети instagram для размещения выполненных творческих заданий;

- посещение международных компаний, имеющих филиалы в разных странах мира, сотрудники которых владеют иностранными языками.

Также большое значение мы уделяем таким видам деятельности на занятиях как обсуждение, дискуссия, игровые методики, беседы на интересующие студентов темы, так как важным для них является качество занятий и контакт с преподавателем.

Таким образом, мы приходим к выводу, что преподавателю иностранного языка неязыкового вуза целесообразно уделять внимание формированию положительной внутренней мотивации, так как она дает долговременный результат. Для успешного изучения иностранных языков необходимо комбинировать данные виды мотивации, так как каждый студент индивидуален и действовать на него будут разные виды мотивации.

Список литературы

1. *Д.А.Леонтьев*. Понятие мотива у А.Н.Леонтьева и проблема качества мотивации. М.: Вестник московского университета. Серия 14. Психология. № 2. 2016. - С.3-18.
2. *И.А. Борисенко, М.Г. Воднева*. Повышение мотивации и преодоление трудностей при обучении немецкому языку студентов медицинских университетов. Казанская наука. №10 2018г. – Казань: Изд-во Казанский Издательский Дом, 2018. – С.64-67.
3. Современная психология мотивации / Под ред. Д.А.Леонтьева. – М.: Смысл, 2002. - 343 с.

10.02.19

**С.В. Богдашкина канд. филол. наук, Г.А. Натуральнова канд. филол. наук,
М.М. Акашкин канд. филол. наук**

Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева,
филологический факультет,
кафедра родного языка и литературы,
Саранск, svjatok@mail.ru, mitjunina@mail.ru, akashkinmm@yandex.ru

ИНТОНАЦИОННЫЕ УПРАЖНЕНИЯ КАК СРЕДСТВО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РОДНОЙ УСТНОЙ РЕЧИ ОБУЧАЕМЫХ

В статье на основе анализа языкового материала раскрываются особенности работы с интонацией как средством совершенствования родной устной речи обучаемых. Рассмотрены и предложены различные типы интонационных упражнений, способствующих совершенствованию практических навыков родной речи и обогащению словарного запаса.

Ключевые слова: *интонация, голос, звуковые элементы, устная речь, родная речь, интонационные упражнения, синтаксические отношения, эмоционально-экспрессивные оттенки.*

Ценностью устной родной речи является богатство и разнообразие ее интонации. Поэтому смысл содержания любого взятого высказывания напрямую зависит от его интонационного оформления. По мнению М. И. Савостькиной, в слове содержится огромное количество символов, но лишь интонация несет в себе смысловую нагрузку. К примеру, фраза *мон тонь кельгтя* «я тебя люблю» может означать и высшую степень страсти, и безразличие [3, с. 137].

При обучении устной речи необходимо разграничивать понятия «интонация» и «голос». Чаще всего учащиеся их считают синонимичными понятиями, однако они имеют совершенно разные значения.

Под интонацией следует понимать конкретный, законченный набор просодических (звуковых) элементов: тембр, темп, интенсивность, мелодика, пауза и т. д. Именно эти элементы интонации в звучащей речи помогают выполнять основные языковые функции: грамматическую, эмоциональную, стилистическую. Понятие «голос» более широкое, оно обозначает совокупность любых звуков, которые возникают в результате колебания голосовых связок. В лингвистической науке основная функция голоса – производить звуки речи и выражать интонацию. С его помощью можно подражать любым звукам окружающего мира.

Интонация присутствует в речи всегда: вне интонации устная речь невозможна. Она – единственное средство выражения конкретного, определённого значения, которое можно повторять в речи неопределенное количество раз. К примеру, интонация просьбы в высказываниях разных людей и в разных ситуациях всегда совпадает. Поэтому развитие интонационных умений восприятия и продуцирования устной речи является центральной идеей в процессе обучения родной речи учащихся.

Следует отметить, что совокупность интонационных заданий и упражнений характеризуется охватом основных типов упражнений и формируемых умений, повышением доли самостоятельности и трудности, преемственностью и перспективностью.

К основным видам работы с интонацией относятся слуховые, произносительные и слухопроизносительные упражнения. Данная классификация строится на основе преобладания определенной речевой деятельности.

Слуховые интонационные упражнения развивают слуховую культуру и речевой слух в контексте совершенствования родной устной речи обучаемых. Они призваны формировать и

вырабатывать у детей умения акцентировать внимание на интонационной стороне родной речи, воспринимать, анализировать, оценивать ее, а также способствуют пониманию чувств и мыслей говорящего (читающего) по интонации. На уроках родного языка можно использовать следующие виды упражнений:

1. Послушайте текст. Определите на слух количество фраз в нем. Объясните, каким образом можно определить на слух интонацию конца повествовательного предложения?

Шобда ве. Вальмять омба бокса маряви вармать увнамац. Люкайтть шуфттне. Цятордыхть тараттне. Сай оцю давол.

2. Послушайте пословицы. Объясните, как можно определить на слух важное слово во фразе, несущее основную смысловую нагрузку? (Самое важное по смыслу слово произносится протяжнее, звучит сильнее, чем другие слова). Опираясь на эти особенности, определите самые важные по значению слова в пословицах.

Коза суват – арьсек, кода лисемс меки. Пекта вяри аф комотят. Лиля кудса кишись сяда ламбама. Тялонда инезинкса аф якайхть. Эрь ушетксть ули пец.

Произносительные интонационные упражнения направлены на формирование умений интонационного оформления собственного высказывания (говоримой речи), а также читаемого с листа текста. Эти упражнения носят коммуникативный характер, строятся на основе речевой ситуации, имеющей речевую задачу, описание места действия, уяснение личной роли, стимул, мотив, опору на жизненный опыт. К основным видам коммуникативных интонационных упражнений относятся: 1) игра – драматизация сказок на основе воспринятого на слух текста; 2) учебная воображаемая речевая ситуация, в основе которой лежит словесное описание; 3) ролевая игра на основе использования ситуативного рисунка букваря, воспринятого текста. Их можно использовать на различных этапах урока по родному языку [1, с. 33]. Приведем примеры таких упражнений.

1. Произнесите предложения, выражая печаль, восторг, гнев, страх, равнодушие. Объясните, как изменяется смысл этих предложений в каждом случае: 1) *Вася гайфтсь нинге весть.* 2) *Мон учан эсост мзярошка част.* 3) *Сонь сазороц ванды туй.* 4) *Шумбрат, Мария Николаевна.* 5) *Лавкаста рамак киши.* 6) *Мялезель азомс мзярошка вал.*

2. Произнесите предложения с заданной интонацией.

Повелительно: *Лоткак! Дай! Стяк! Озак! Луфт! Арьсек! Мольхть! Серматт! Мрдак! Тят аварьде! Ласьк!*

Вопросительно: *Тяса? Тоса? Коса? Кие? Коза? Виде? Мезенди?*

Утвердительно: *Да. Аф. Шумбрат. Вандыс. Тума.*

Просительно: *Лезт. Архтт. Сёрматт. Морафтт. Учедда. Лездодда!*

3. Прочитайте предложения про себя, определите их тип по цели высказывания. Теперь прочитайте их вслух так, чтобы вопрос соответствовал каждому помещенному в скобках ответу.

Пинесь комотсь сеельть лангс? (1. Да, пинесь. 2. Да, комотсь. 3. Да, сеельть лангс). Ира архтозень панчфнень? (1. Аи, ашезень архта. 2. Да, архтозень. 3. Да, архтозень панчфнень).

После прочтения каждого предложения проводится обсуждение того, по какому принципу учащиеся выделяли тот или иной ответ, определяется место логического ударения, тип тона (понижение или повышение) и пр.

4. Прочитайте предложения, выражая интонацией в голосе определенные чувства:

1) усталость, нежность, раздражение, вопрос, огорчение: *«Сада ярхцама!»;*

2) удивление, восхищение, насмешка, угроза: *«Ёнюват!»;*

3) радость, грусть, гнев, высокомерность, раздражение, подавленность: *«Панчк кенкить!»;*

4) удивление, тревога, презрение, ехидство: *«Сать!»*

5. Прочитайте предложения, понижая высоту голоса к концу фразы.

1) *Веньберьф мольсь пизем.* 2) *Кить ваксса жольнясть шадотне.* 3) *Шуфттне кашт исть моле.* 4) *Конашкафа сетьмоль ушесь.*

Работа со слухопроизносительными интонационными упражнениями может быть как аналитической, так и синтетической. Учащимся можно предложить следующие задания:

1. Прослушайте фрагмент текста, определите по тону в голосе конец каждой фразы. Поставьте необходимые знаки препинания в письменном варианте текста. Прочитайте текст с соответствующей интонацией.

Шуфттнень лангста пярхитъ тюзья лопатне тюзалгады сянгяря тишесь шинясь кяши равжа туцятнень фталу сидеста сифтердезь моли пиземнясь пирьфса нинге панжхитъ кодама-бди панчфт.

2. Прослушайте фрагменты текстов, постарайтесь определить в них несущие основную смысловую нагрузку слова. Подчеркните их в письменном варианте текста. Интонационно правильно прочитайте текст.

1) *Бока ошса савсь лоткамс козя мокишень аляти удомань кудс. Книгати, коса серматфтольхть сайхне, сон лувсь тяфтама серматф: «Порговсь лездыенц мархта». Арьсемок аф ламос сон сёрмадсь: «Лёшась кятьксонц мархта».*

2) *Настя нардай пультъ эса пылесось лангста и корхтай: «Вов рдазть тон кияксть лангста урядасак, а эсь мельгат аф вановат».*

В качестве дидактического материала для работы с интонацией желательнее использовать несложные по содержанию, небольшие по объему, легко воспринимающиеся на слух тексты [2, с. 47].

Таким образом, использование интонационных упражнений в деятельности педагога является важнейшим средством развития и совершенствования устной речи обучающихся. Систематическая работа над интонацией призвана помочь учащимся правильно передавать свои мысли и чувства, лучше понимать друг друга в процессе речи.

Исследование выполнено в рамках внутривузовского гранта Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева по теме: «Разработка учебно-методического обеспечения дисциплины «Культура родной речи (мокшанской/ эрзянской/ татарской)» направления подготовки Педагогическое образование»

Список литературы

1. *Богдашкина С.В., Китова Н.С.* Ценностные ориентации учащихся на уроках родного языка // Наука и образование в жизни современного общества [материалы] в 10 ч. Ч. 7. – Тамбов : Юком, 2016. – С. 32–34.
2. *Зиновьева Г.И.* Работа над интонацией в период обучения грамоте : монография. – М., 2011. – 163 с.
3. *Савостькина М.И., Романенкова О.А.* Сопоставительная характеристика синтаксиса простого предложения в русском и мордовских (мокшанском, эрзянском) языках // Гуманитарные науки и образование : научно-методический журнал. – 2015. – № 4 (24). – С. 135–139.

10.02.19

А.А. Васильева, С.А. Попова

Северо-Восточный федеральный университет,
Институт зарубежной филологии и регионоведения,
кафедра восточных языков и регионоведения,
silong84@mail.ru, sargylaana97@gmail.com

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ
ЭРГОНИМОВ НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ НАЗВАНИЙ ЗАВЕДЕНИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ)**

Данная статья посвящена исследованию китайскоязычных эргонимов. Материалом для исследования послужили названия заведений общественного питания в количестве 50 единиц. Предметом исследования стал лексико-семантический способ образования эргонимов. В результате исследования выяснили, что 72% исследуемого материала образовано способом онимизации на основе метафоры, метонимии.

Ключевые слова: *ономастика, эргоним, словообразование.*

В Китае считают, что имя определяет дальнейшую судьбу объекта номинации и являются его визитной карточкой, поэтому очень ответственно подходят к выбору названий предприятий, в нашем случае, заведений общественного питания. В названиях заведений общественного питания отражается специфика национального самосознания любого народа.

В словаре русской ономастической терминологии Н. В. Подольской термин «эргоним» определяется как «собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка». [1, 151]

Способы создания искусственных собственных имен требуют детального изучения специалистов. Есть несколько разных классификаций способов образования коммерческих имен, в том числе и эргонимов. Многие исследователи признают наиболее полной классификацию способов словообразования, предложенной Т. П. Романовой. Она выделяет следующие основные приемы образования эргонимов: лексико-семантический, морфологический, лексико-синтаксический, специфический, фонетический и комплексный. [3, 205-213]

Лексико-семантический способ образования эргонимов в данном анализе представлен тремя подвидами: заимствование, трансонимизация, онимизация. Наглядная классификация по способам образования названий представлена в таблице 1.

• **Заимствования.** Заимствования делятся на две подгруппы: транслитированные, нетранслитированные. Нетранслитированные:

1. Temple Restaurant Beijing – «Пекинский храм-ресторан»;
2. Oyster Talks – «Беседы устриц»;
3. Nobu Beijing – «Нобу Пекин» (Нобу – имя основателя ресторана);
4. Peggy's Kitchen – «Кухня Пегги»;
5. Shawn's Coffee – «Кофе Шона».

Среди рассмотренных примеров транслитированных заимствований не обнаружилось. Можно заметить, что заведения общественного питания, названия которых состоят из иноязычной лексики, в большинстве случаев специализируются на европейской кухне.

• **Трансонимизация.** В китайских названиях заведений общественного питания трансонимизация представлена идеонимами.

Идеоним – это имя собственное произведения духовной культуры.

1. *四世同堂*(sìshì tóngtáng). Название означает «Четыре поколения под одной крышей» (трилогия Лао Шэ).

2. **白鸟之歌** (báiniǎo zhī gē). Название означает «Песня белой птицы». «Песня белой птицы» – книга американского писателя Альберта Кана.

- **Онимизация.** Онимизация представлена следующими типами: метонимический, метафорический, метафоро-метонимический.

В данном анализе метонимические названия отражают объект продажи или содержат информацию о владельце, работнике либо о посетителе и клиенте заведения: **阿娘面馆** (āniáng miànguǎn): 阿娘 – «мама», 面馆 – «лапшичная», «Мамина лапшичная»; **大西北拉面** (dàxīběi lāmian): словосочетание 大西北 состоит из прилагательного 大 – «большой» и существительного 西北 – «северо-запад» (大西北 – это район Китая, куда входят части Шэньси, Гансу, Нинся, Внутренней Монголии и т. д.). 拉面 переводится как «лапша», «рамен». 大西北拉面 – «Лапша большого северо-запада»; **马大哈面** (mǎdàhā miàn): существительное 马大哈 – «разиня», «протозей», «растяпа». 面 – «лапша», данный эргоним можно перевести как «Лапша растяпы». **城市披萨** (chéngshì pīsà): первый компонент – существительное «город», второй – «пицца», «Городская пицца». **小南国** (xiǎonánguó): 小 имеет значение «маленький». 南国 – «южная страна», 小南国 означает «Маленький юг»; **火辣辣肥肠** (huǒlālā fēicháng): 火辣辣 – «раскалённый», «огненный», «палящий», «страстный», либо «жгучий». 肥肠 – «толстые кишки» (свиньи), 火辣辣肥肠 – «Огненные толстые кишки»; **大娘水饺** (dàniáng shuǐjiǎo): 大娘 – «жена старшего брата отца», также является уважительным обращением к императрице, к пожилой замужней женщине 水饺 – «вареные цзяоцзы», «пельмени на пару», название 大娘水饺 можно понимать как «Бабушкины вареные цзяоцзы»; **花市大爷灌肠** (huāshì dàye guànchang): 花市 – «цветочный рынок», 大爷 имеет значения «дядя» (старший брат отца), также может быть вежливым обращением к пожилому мужчине, 灌肠 – это «жареные кишки с начинкой», таким образом, название ресторана можно понимать как «Жареные кишки с начинкой дедушки из цветочного рынка»; **呷哺呷哺** (xiábǔ xiábǔ): 呷哺呷哺 – сябу-сябу (японское хуого); **东北大锅台** (dōngběi dàguōtái): 东北 – «северо-восток», «северо-восточный», 锅台 переводится как «печь», «печка», название ресторана звучит как «Большая печь севера-востока»; **百姓大厨房** (bǎixìng dàchúfáng): 百姓 означает «народ», «простой народ», 大 – «большой», 厨房 – «кухня», «Большая кухня простого народа»; **贝克汉堡** (bèikè hànǎo). В данном случае антропоним перешел в разряд эргонимов, 贝克 – английская фамилия Бейкер, что буквально означает «пекарь», «булочник». 汉堡 – «гамбургер». Значит, 贝克汉堡 переводится как «Гамбургеры Бейкера».

Метафорические названия в основном выбраны с целью вызвать положительную романтическую ассоциацию либо показать особенность кухни: **完美生活** (wánměi shēnghuó), 完美 – «прекрасный», «совершенный», «идеальный», 生活 – «жизнь», «жить», эргоним означает «Прекрасная жизнь»; **家范儿** (jiāfàn), 家 означает «дом», «семья» 范儿 – это «мода», «манера», «стиль» – «Домашний стиль»; **味之家** (wèizhī jiā). Первый компонент 味 означает «запах», «вкус», «аромат», 之 – притяжательная частица, используется между определением и определяемым словом для образования атрибутивного словосочетания. 家 – «дом», «семья». То есть, 味之 – имя прилагательное «вкусный», данный эргоним можно понимать как «Вкусный дом» (дом, где есть вкусная еда). **外婆家** (wàipójiā) лексема 外婆 имеет значение «бабушки» (по матери), 家 означает «дом», эргоним можно перевести как «Дом бабушки».

Исходя из проделанного анализа способов образования китайских названий заведений общественного питания, можно сделать вывод, что самым распространенным лексико-семантическим способом образования названий является онимизация, который представляет собой процесс перехода нарицательного имени в собственное.

Список литературы

1. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. изд 2-е, перераб. и доп./ Н. В. Суперанская. – Москва: Наука, 1988: -192 с.
2. Романова Т.П. Проблемы современной эргонимии // Вестник Самарского государственного университета. Серия: Филология. 2008. № 1. С. 82-90.
3. Романова Т.П. Система способов словообразования рекламных собственных имен // Вестник Самарского государственного университета, 2007. № 5. С. 204-214 с.
4. Хаматова А.А. Омонимия в современном китайском языке. Учебное пособие. — М.: АСТ: Восток-Запад, 2006, 120 с.

10.02.19

М.А. Дегтярева, М.И. Кысылбаикова канд. филол. наук

Северо-Восточный федеральный университет,
институт зарубежной филологии и регионоведения,
кафедра английской филологии,
Якутск, makhychdegt@gmail.com

**КОНЦЕПТ «МУЗЫКА»
НА ПРИМЕРЕ СЛОВ-СТИМУЛОВ «ЫРЫА/SONG/ПЕСНЯ» И
«КУОЛАС/VOICE/ГОЛОС» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ АМЕРИКАНЦЕВ И САХА**

Данная статья содержит исследование концепта «музыка» в языковом сознании носителей американского английского и якутского языков на примере слов-стимулов «песня» и «голос». В теоретической части речь идет о ключевых понятиях работы и методах исследования. Далее практическая часть состоит из анализа результатов анкетирования, которые показали, что в языковом сознании носителей двух языков данный концепт воспринимается по-разному. Больше всего это вызвано из-за культурных особенностей представителей обеих культур.

Ключевые слова: *концепт, музыка, языковое сознание, методы, слова-стимулы, ассоциации, реакции.*

Понятие «концепт» является многогранным и фигурирует во многих лингвистических и нелингвистических наук. В когнитивной лингвистике концепт определяется как: «Что человек знает, считает, представляет об объектах внешнего и внутреннего мира и есть то, что называется концептом. Концепт – это представление о фрагменте мира» [1].

Исследование концептов дает возможность выявить особенности языкового сознания того или иного народа. Сам термин состоит из двух слов, которые пришли из лингвистики и психологии. Языковое сознание – это сознание, выраженное внешними, языковыми средствами [2].

В нашей работе используется метод ассоциативного и рецептивного экспериментов. Данные методы широко применяются в исследованиях психолингвистов, психологов и т. д.

Для проведения анкетирования мы выбрали молодежь от 18 до 25 лет включительно. Были проведены анкетирования на родных языках испытуемых, в котором приняли участие 100 носителей якутского языка и 70 носителей американского английского. Лист анкетирования включал 3 задания:

1) Свободный ассоциативный эксперимент, где предлагается проассоциировать слова-стимулы;

2) Рецептивный эксперимент, в котором респондентам предложили закончить фразу «музыка – это...»;

3) Направленный ассоциативный эксперимент, в котором предлагалось подобрать прилагательное к слову «музыка». И далее мы рассмотрим результаты трех экспериментов один за другим.

Результаты свободного ассоциативного эксперимента

Реакции на слово-стимул «**куолас/voice/голос**»

Далее мы приведём самые частотные реакции американцев: *singing/пение* (13,6%), *loud/громкий* (6,06%), *sing/петь* (4,54%), *sooth/повный* (4,54%), *mother/мама* (4,54%), *soft/мягкий* (3,03%), *sound/звук* (3,03%), *scream/крик* (3,03%), *words/слова* (3,03%), *tv show voice/телевизионная программа «Голос»* (3,03%).

Из вышеуказанного мы видим преобладание реакций: *пение* и *петь*. Эти реакции означают, что данное слово-стимул скорее всего ассоциируется с пением. Помимо того, носители американского английского указали признаки голоса: *громкий, ровный, мягкий*. Более того, американцы написали известную телевизионную программу «Голос».

Реакции саха: *ырыа/песня (41,2%), саҥа/голос (5,15%), ырыаһыт/певец (4,1%), дорҕоон/звук (3,09%), кылыһах/народно исполнение (3,09%), нарын/нежный (3,09%), суон/низкий (3,09%), күүстээх/сильный (2,06%), кэрэ/красивый (2,06%), синньигэс/тонкий (2,06%), күөмэй/горло (2,06%), дьахтар/женщина (2,06%)*.

В ответах саха также фигурируют реакции, относящиеся к музыке: *песня, певец, звук*. Кроме того, в ответах наблюдаются признаки голоса: *нежный, сильный, красивый, тонкий*. Также голос ассоциируется с женщиной.

Реакции на слово-стимул «ырыа/song/песня»

В ответах американцев частотны следующие ответы: *tune/мелодия (7,9%), music/музыка (7,9%), lyrics/слова песни (6,3%), singing/пение (4,7%), sing/петь (3,1%), emotions /эмоции (3,1%), melody/мелодия (3,1%), feeling/чувство (3,1%), radio/радио (3,1%), bts/поп группа (3,1%), beautiful/красивый (3,1%)*.

В вышеуказанных реакциях преобладают *tune/мелодия, music/музыка, lyrics/слова песни*. Можно сказать, что песня для американцев вызывает какие-либо чувства и эмоции: *emotions /эмоции (3,1%) и feeling/чувство (3,1%)*.

Реакции носителей языка саха: *тойук/народное (23,23%), хоһоон/стихотворение (9,09%), үҥкүү/танец (6,06%), муусука/музыка (4,04%), тыл/язык (3,03%), дууһа/душа (3,03%), кэрэ/красивый (2,02%), наушник/наушник (2,02%), матыып/мелодия (2,02%), сынньалан/отдых (2,02%), дорҕоон/звук (2,02%), дуоһуйуу/наслаждение (2,02%), таптал/любовь (2,02%), бытаан/медленный (2,02%), сыана/сцена (2,02%), изэйиш/вдохновение (2,02%), куолас/голос (2,02%)*

Как видно, у саха песня в первую очередь ассоциируется с *тойук/народное исполнение*. В якутском языке есть понятие «ырыа-тойук», которое когда-то был эквивалентом слова «музыка». Сейчас оно немного сузилось в значении. Кроме того, ответы якутов дают нам понять, что песня тесно связана с эмоциональным состоянием автора или слушающего. Это подтверждают реакции *дуоһуйуу/наслаждение, дууһа/душа, сынньалан/отдых*.

Итоги рецептивного эксперимента

Далее мы провели эксперимент на восприятие субъективной дефиниции концепта «музыка». Мы получили 92 ответа от носителей якутского языка. Таким образом, музыка для представителей якутской культуры прежде всего отражает внутренний мир человека. Также, музыка является спутником жизни человека. Частотные ответы: *киһи ис санаатын уонна дууһатын тириэрдиттэ/отражение мыслей и души человека (10,1%), сынньалан/отдых (6,1%), киһи ис туруга/внутреннее состояние человека (5,5%), муусука диэн киһини уоскутар/музыка – это то, что успокаивает человека (5,1%), киһи ис санаатын дорҕоонунан тириэрдиттэ/отражение мыслей человека через звуки (2,1%), киһи дууһата / душа человека (2,1%), муусука киһи доҕоро/музыка – это друг человека (1,02%), муусука диэн мин олоҕум аргыһа/музыка – это спутник моей жизни (1,02%)*.

В итоге было получено 64 дефиниций американцев. Преобладают следующие определения: *it is a way of expression emotions and feelings/способ выражения эмоций и чувств (18,75%), expression/art through lyrics and sounds/самовыражение или искусство, передаваемое через текст и звуки (18,75%), pleasant sounds that uplift your mood/приятные звуки, которые поднимают настроение (15,6%), a series of organized sounds/совокупность звуков (12,5%) relaxation/релаксация (6,25%), something that connects people/то, что объединяет людей (3,1%)*. Ответы американской молодежи показывают, что музыка прежде всего является посредником передачи чувств и эмоций человека. В добавок американцы считают, что музыка безусловно влияет на настроение и состояние людей.

Итоги направленного ассоциативного эксперимента

Последний этап анкетирования – направленный ассоциативный эксперимент, где испытуемым обоим языкам нужно подобрать прилагательное к слову «музыка». Количество реакций американцев – 69 и из них 32 являются единичными. В итоге выяснили, что в ответах носителей американского английского преобладают следующие прилагательные: *happy/счастливая* (8,6%), *beautiful/красивая* (7,2%), *relaxing/расслабляющая* (5,7%), *vibrant/вибрирующая* (4,3%), *creative/креативная* (4,3%), *melancholic/меланхолическая* (2,8%), *expressive/выразительная* (2,8%), *harmonious/гармоничная* (2,8%), *melodious/мелодичная* (2,8%), *divine/божественная* (2,8%), *experienced/опытная* (2,8%), *moving/двигающая* (2,8%), *instrumental/инструментальная* (2,8%). Ответы показывают, что музыка для американцев прежде всего является признаком настроения. Можно сказать, что музыка в американском понимании – это то, что влияет на общее состояние человека. Также музыка ассоциируется с эстетикой.

Общее количество ответов якутов равно 98. Из них 27 являются единичными. Частотные прилагательные носителей якутского языка: *кэрэ/красивая* (29,5%), *учугэй/хорошая* (9,01%), *наҕыл/спокойная* (7,24%), *бытаан/медленная* (6,04%), *бэһиэлэй/веселая* (4,01%), *тургэн/быстрая* (4,01%), *интириэһинэй/интересная* (3,06%), *истин/искренняя* (3,06%), *нарын/нежная* (2,1%), *алыптаах/волишебная* (2,1%), *киэн/просторная* (2,1%). В ответах якутов твердо преобладает оценочный признак «красивый». Стоит отметить, что респонденты указали темп музыки: *спокойная, медленная, быстрая*.

Список литературы

1. Пименова М.В. Душа и дух: особенности концептуализации — Кемерово: ИНК «Графика», 2004. 385 с
2. Языковое сознание [Электронный ресурс] http://creativity.ipras.ru/texts/usyakova_yazykovoe_sozn.pdf

10.02.19

Г.Н. Джафарова

Институт языкознания им. И. Насими
Национальной Академии Наук Азербайджана,
Баку, gulnarajafarova@yahoo.com

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА И ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Одним из наиболее важных вопросов в обмене информацией является обработка естественного языка. Проблема машинного перевода возникла примерно за полвека до создания первых компьютеров. Интеллектуальная обработка естественного языка осуществляется автоматически. Это тесно связано с компьютерной лингвистикой. Компьютерная лингвистика сочетает в себе лингвистику и прикладную лингвистику. Одним из приоритетов в компьютерной лингвистике является машинный перевод. В статье мы рассмотрим механику машинного перевода.

Ключевые слова: *машинный перевод, компьютерная лингвистика, автоматический перевод, естественный язык, метод.*

За последние 65 лет область машинного перевода является одним из важнейших направлений научных исследований. В эти годы данные исследования проводились лингвистами, философами, инженерами в области машинного перевода. Одним словом, интеллектуальная обработка естественного языка также осуществляется с помощью автоматического или машинного перевода, и это является одним из основных направлений компьютерной лингвистики.

Машинный перевод – это автоматизированный процесс перевода письменного текста с одного языка на другой полностью, или частично с помощью компьютера. Вообще, перевод увлекательный, продуктивный и трудоемкий, как и другие сферы человеческого интеллекта, человеческого творчества (28, 797).

Использование математических методов в компьютерной лингвистике в Азербайджане было реализовано в 60-е годы после выхода в свет книги М.С.Караевой «Математическая лингвистика в обучении» (26, 55).

После этого были проведены исследовательские работы по всем направлениям математической лингвистики (машинный перевод, подготовка формальных моделей азербайджанского языка, применение статистических методов в языке). Новое направление в азербайджанской лингвистике под названием «прикладная лингвистика» была основана в Институте языкознания имени И. Насими в 1976 году. Интерес к этой области лингвистики возрос после публикации монографии «Математическая лингвистика», написанной А.А. Ахундовым в 1979 году (1, 212).

Частотные словари, занимающие важное место в азербайджанской лингвистике, составлены математически-статистическими методами. Первый частотный словарь азербайджанского языка был опубликован в 2004 году (16, 264). Тексты, состоящие из около 50 миллионов слов, представляющих все стилистические особенности азербайджанского языка, были вовлечены в лингво-статистический анализ при составлении данного словаря. В данный словарь были включены почти 12000 корней слов.

Относительно применения исторических памятников, а также письменных документов в компьютерах, был составлен алфавитно-частотный и обратный-алфавитный словарь на основе «Китаби-Деде Горгуд», изданной в 1999 г. (17, 248). Список частотности слов был составлен на основе примерно десяти тысяч словоформ. Слова, получаемые из эпоса, были даны с последовательностью снижения частотности в соответствии с их употреблением.

Кроме этого, был составлен обратный словарь азербайджанского языка, в значительной степени использующий для решений многих проблем лингвистических исследований азербайджанской лингвистики (9).

В данной области были выполнены многие работы на основе азербайджанского языка. Например, “Elektron hesablayıcı maşınlar dilçilikdə” (15, 63), “Azərbaycan qəzet dilinin tezlik lüğəti” (16, 264), “Разработка системы формально-морфологического анализа тюркской словоформы (на материале азербайджанского языка)” (27, 39-41), “Mətnin avtomatik təhlili və sintezi” (21, 158), “Azərbaycan dilinin formal modellərinin yaradılması və onların əsasında linqvistik prosessorun qurulması” (4, 19), “Azərbaycan-İngilis maşın tərcüməsi sistemi üçün rəqəm – modelləşdirmə metodunun işlənilib hazırlanması və tətbiqi” (5, 19), “Deduktiv maşının bilik bazasının tərkib hissəsi kimi “Məhdud Azərbaycan dili”nin formal qrammatikasının işlənilib hazırlanması” (7, 34), “Формальное описание синтеза слова” (23, 20), “Mətnlərin avtomatik redaktəsi” (22, 80), “Kompüter dilçiliyinin aktual məsələləri” (18, 126-132), “Ehtimal-statistik metodların Azərbaycan dilçiliyində tətbiqi” (19, 142-145) и т.д.

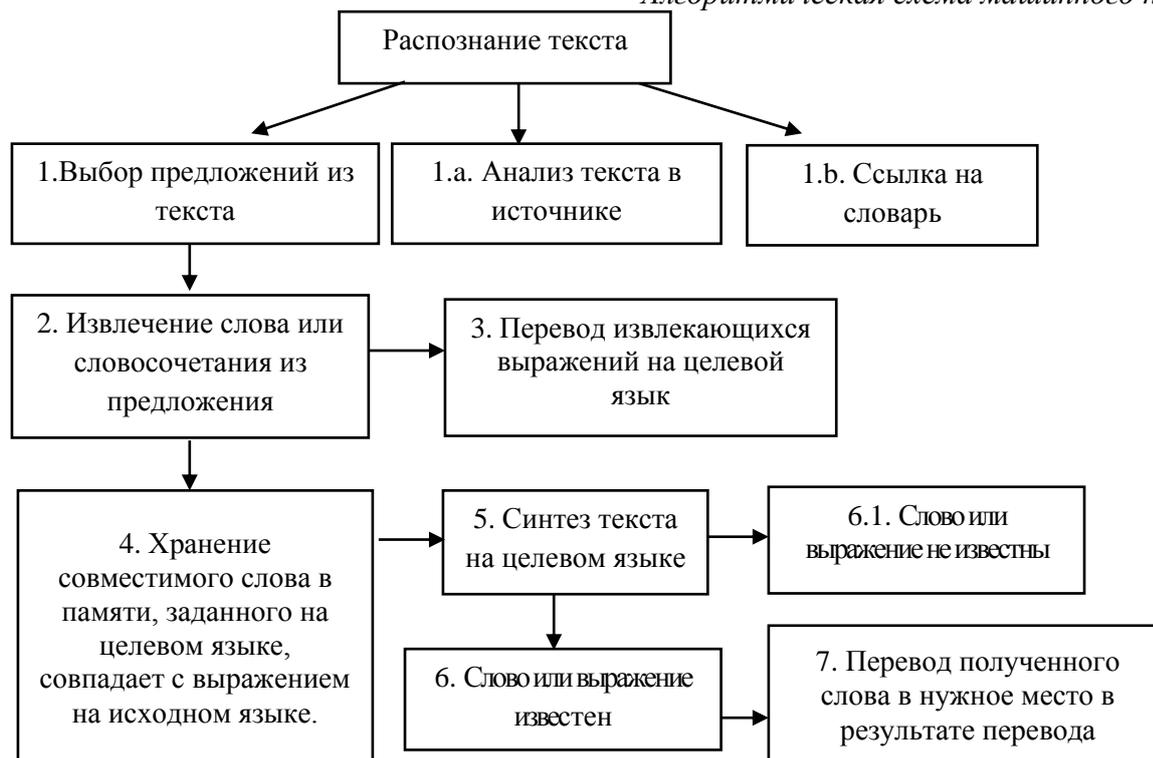
В последние годы в Азербайджане была создана программная система машинного перевода под названием «Dilmanс». Мобильная версия для перевода «Dilmanс» в настоящее время является самым известным программным приложением в Азербайджане (11, 59-60). Машинный перевод в данный момент актуален для многих сфер современного общества (11, 60).

Наиболее сложным уровнем в системе машинного перевода является семантический анализ предложения (это можно и увидеть в алгоритмической схеме ниже), который невозможно формализовать. Впервые Г. Н. Джафарова (Алиева) коснулась семантического анализа предложения в Азербайджане, на уровне автоматического перевода. Она отмечает, что семантические словари были составлены для семантического анализа предложения. Во-первых, принадлежность переведенного текста к какой области науки должна быть выяснена в процессе анализа. Зависимость значения от логики — базовые слова и словари тезауруса используются для автоматической идентификации, кроме того, как утверждает исследовательница, необходимо учитывать абсолютный контекст текста (2, 193-196).

Если схематично изобразить последовательность операций (алгоритмов) во время машинного перевода, то можно его составить следующим образом:

Схема 1.

Алгоритмическая схема машинного перевода

Кроме того, в настоящее время выполняются многие исследовательские работы, занимающие важное место в системе машинного перевода. К данным работам можно отнести исследования таких молодых азербайджанских ученых, как Кенул Габиева, Гульнара Джафарова, Рена Мамедова, Майя Гейдарова, Жала Мамедова и другие (13; 3; 6; 11; 12; 24).

Список литературы:

1. *Axundov A.A.* (1979). Riyazi dilçilik. Xülasələr və təfriqlər. Dərs vəsaiti. Bakı, ADU, 79 s.
2. *Cəfərova G.N.* (2019). Maşın tərcüməsində sözün semantik təhlilində lüğətlər (Tezaurus lüğətləri). AMEA Filologiya və Sənətsünaslıq, №1, ISSN 2663-4368, UOT 81, Bakı, s. 193-196
3. *Cəfərova G.N.* (2018). Maşın tərcüməsinə nəzəri baxış. Filologiya məsələləri №4, “Elm və təhsil” nəşriyyat, Bakı, ISSN 2224-9257, s. 147-157
4. *Əmirov Z.M.* (2006). Azərbaycan dilinin formal modellərinin yaradılması və onların əsasında linqvistik prosessorun qurulması. Texniki elmlər namizədi alimlik dərəcəsi almaq üçün təqdim edilmiş dissertasiyanın avtoreferatı, Bakı, 19 s.
5. *Fətullayev Ə.B.* (2006). Azərbaycan-ingilis maşın tərcüməsi sistemi üçün rəqəmsal modelləşdirmə metodunun işlənilib hazırlanması və tətbiqi: Tex.elm.ü.fəl.dok.dis. avtoref. Bakı: Kibernetika İnstitutu, 19 s.
6. *Heydərova M.İ.* (2018). “Azərbaycan dili elektron məkanda”, Dilçilik İnstitutunun əsərləri, №2, Bakı, s.187-200
7. *Xəlili Ə.M.* (2009). Deduktiv maşının bilik bazasının tərkib hissəsi kimi “Məhdud Azərbaycan dili”nin formal qrammatikasının işlənilib hazırlanması. NDA, Bakı, 34 s.
8. *Mahmudov Ə.M., Fətullayev Ə. B., S.Məmmədova S., Fətullayev R., Hüseyinli R., Talıbov B., Əzimova G., Abdullayev N.* (2010). Azərbaycan dilinin tezlik lüğəti (söz kökləri). Bakı, 464 s.
9. *Mahmudov Ə.M., Fətullayev Ə.B.* (2004). Azərbaycan dilinin əks lüğəti. Bakı, 300 s.
10. *Mahmudov Ə.M.* (2013). Kompüter Dilçiliyi. Bakı, 356 s.
11. *Məmmədova J.E.* (2018). Sözlərin elektron lüğətlərdə təqdimi və izahı prinsipləri. Fəl.dok. diss., Bakı, 143 s.
12. *Mammadova R.H.* (2019). Dictionary block of the national corpuses of the turkic languages. Балтийский гуманитарный журнал. Том 8, №1 (26), НП ОДПО «институт направленного профессионального образования», Тольятти. с.103-107
13. *Məmmədova R.H.* (2019). Dil korpuslarında elektron lüğətlərin verilməsi üsulları. Bakı, №4, “Elm və təhsil”, ISSN 2224-9257, s.168-179
14. *Mirzəliyeva M., K.A.Vəliyeva.* (2016). Maşın tərcüməsinin nəzəri problemləri. “Elm və təhsil”, Bakı, 119 s.
15. *Pines V.Y., Mahmudov M.Ə.* (1977). Elektron hesablayıcı maşınlar dilçilikdə. Bakı, 63 s.
16. *Vəliyeva K.A., Mahmudov M.Ə., Pines V.Y.* (2004). Azərbaycan qəzet dilinin tezlik lüğəti. Bakı, 264 s.
17. *Vəliyeva K.A., Mahmudov M.Ə., Pines V.Y., Rəhmanov C.Ə., Sultanov V.S.* (1999). “Kitabi-Dədə Qorqud” dastanlarının statistik təhlili. Bakı, 248 s.
18. *Vəliyeva K.A.* (2015). Kompüter dilçiliyinin aktual məsələləri. Dilçilik İnstitutunun Əsərləri, Bakı, s.126-132
19. *Vəliyeva K.A.* (2012). Ehtimal-statistik metodlarının Azərbaycan dilçiliyində tətbiqi. Dilçilik İnstitutunun Əsərləri, Bakı, s.142-145
20. *Vəliyeva K.A.* (2016). Kompüter dilçiliyinin müasir istiqamətləri. İnformasiya cəmiyyəti problemləri, Bakı, №2, 98 s.
21. *Vəliyeva K.A.* (1996). Mətnin avtomatik sintaktik təhlili və sintezi. Bakı, Örnək, 158 s.
22. *Vəliyeva K.A., Məmmədova Q.M.* (2003). Mətnlərin avtomatik redaktəsi. “Azərbaycan Universiteti” nəşriyyatı, Bakı, 80 s.
23. *Велиева К.А.* (1971). Формальное описание синтеза слова АКД, Москва, 20 с.

24. *Габимова К.А.* (2019). Language policy in the virtual space. I Международная научно-практическая конференция “Современные тренды управления и цифровая экономика: от регионального развития к глобальному экономическому росту”, МТДЕ, 14-15 апреля 2019г., Екатеринбург, Россия. АЕВМР-Advances in Economics Business and Management Research, Том: 81, стр.: 789-792
25. *Гузев В.Г., Пиотровский Р.Г., Щербак А.М.* (1988). О создании машинного фонда тюркских языков, Советская тюркология, №2, 92-101с.
26. *Караева М.С.* (1964). Математическая лингвистика в обучении. (К обоснованию проблемы обучения ин.яз.по моделям). Баку, 55 с.
27. *Мамедова М.Г., Пинес В.Я.* (1989). Принципы построения информационно-поискового тезауруса по строительству. // Республиканская система научно-технической информации и опыт организации информационного обеспечения народного хозяйства», Баку, 39-41 с.
28. *Daniel Jurafsky and James H. Martin.* (2000). Speech and Language Processing. Prentice Hall, Englewood Cliffs, New Jersey 07632, 950 pp.

*10.02.19***Ф.Х. Завгарова канд. филол. наук, Ф.Ф. Гилемшин канд. филол. наук, Г.К. Мансурова**Академия наук Республики Татарстан,
Казань, zavgarova@inbox.ru, Fler.Gilemshin@yandex.ru, gully87@mail.ru**СЕМАНТИЧЕСКИ НАГРУЖЕННЫЙ ЭЛЕМЕНТ ТАТАРСКОГО ДОМА
ТҮШӘМ (ПОТОЛОК) КАК ХРЕМАТОНИМ**

В статье авторами на основе собственных экспедиционных материалов рассматривается элемент верхней границы освоенного пространства татарского дома – түшәм (потолок) как хремотоним. В качестве доказательной базы приводятся примеры из обрядовой культуры различных этнотерриториальных групп татар.

Ключевые слова: *дом, семиотика, миф, обряд, символ, знак.*

В современной отечественной этнографии, фольклористике, лингвокультурологии большое внимание стали уделять изучению глубинных аспектов функционирования вещей в разные периоды истории общества и в различных этнических контекстах. В рамках этой научной концепции материальную и духовную культуру, в том числе языковую картину мира народа рассматривают в неразрывном единстве с его мировоззрением. основоположником изучения символических функций вещей принято считать П. Г. Богатырева, который полагал, что любая вещь обладает не одной функцией, среди них есть и практические, и символические (эстетическая, магическая, функция обозначения сословной или региональной принадлежности) [4]. В дальнейшем идеи П. Г. Богатырева были подхвачены и развиты известным ученым А. К. Байбуриным, который смог подвести теоретическую основу изучения знаковых аспектов функционирования утилитарных предметов [1, 2]. В контексте заданной темы авторам было интересно рассмотреть элементы пространства традиционного татарского дома с точки зрения его номинации и выявить их взаимосвязь с семантическим функционалом. Поэтому в рамках данной статьи был использован научный инструментальный языкознания, в частности ономастики.

Ономастика является одним из самых объемных разделов языкознания, который изучает любые собственные имена. В силу специфики изучаемого предмета, связанного с множеством сфер человеческой жизнедеятельности, ономастика имеет различные научные направления. В рамках данной статьи мы остановимся на хремотонимике – это направление, которое изучает имена предметов материальной культуры. [8, с. 75-123]. В современной отечественной науке относительно классификации хремотонимов существует разные мнения. Данный факт в значительной мере обусловлен тем, что изучение указанной ономикической системы в большей мере начало развиваться только в последние десятилетия, следовательно, в ее изучении нет столь долгой традиции, как у исследования топонимов или антропонимов. Сам термин «хремотоним» учеными трактуется по-разному. В отечественной ономастической терминологии он определяется как: «собственное имя вещи, созданной человеком, не прикрепленной к данной территории [6, с. 5-14]. В татарской ономастике данное направление практически не выделено. Некоторый корпус имен и наименований материальной культуры в ней рассматривается в рамках прагматонимики [9, с. 183-436]. Авторы данной статьи, с учетом семантической специфики исследуемого предмета, попытались выявить у элемента татарского дома – түшәм (потолка) признаки, которые дадут возможность соотнести его к хремотонимам.

Түшәм (потолок) – это верхняя граница освоенного пространства татарского дома. Название «түшәм» мотивировано его устройством. В дословном переводе с татарского языка данная лексическая единица обозначает настил. В татарском традиционном жилище его, как правило, настилают из еловых или же сосновых досок, а чтобы сохранить тепло, потолочные доски укрывают землей (самый распространенный метод), опилками, мхом.

Түшәм (потолок), как и матица, является сакральной границей, отделяющей «свое» от «чужого». В представлениях татар они воспринимаются как единая конструкция, главной составляющей которой является потолочная балка – матча. Такое понимание особенно наблюдается в татарских народных загадках. Практически во всех, найденных нами в контексте заданной темы загадках, потолочная балка – воспринимается как главное составляющее потолка. Например, *Бердән-берәү, алтмыш егеткә терәү.* (Один единственный, а сам подпорка для шестидесяти парней). *Алтмыш атка бер йөгән.* (Для шестидесяти лошадей одна уздечка). *Алып батыр аркылы яткан, балалары үзен баскан* (Алып богатырь поперек лег, а его дети на нем лежат) [10, б. 136].

Такое же положение мы видим и в культуре свадебной обрядности. Например, как в традиции казанских татар, так и у сибирских татар, яучы (сваха) во время сговора не имеет право переходить за потолочную балку [3, б. 17; 5, с. 79]. Это объясняется уважительным отношением яучы к предкам рода невесты, поэтому она должна сидеть в передней части дома. А у татар мишарей яучы, наоборот, старается быстрее сесть под матицу и подложить под себя күпчек (подушку, предназначенную для сидения). В данном случае яучы для удачного сговора пытается заполучить благосклонность предков рода невесты. Потолочная балка и потолок, как сакральные границы «своего» и «чужого», выступают и в обряде провода в армию. У казанских татар, в частности у проживающих на правом берегу Волги, рекрут перед тем, как покинуть отчий дом, опускает руку в тесто и оставляет на потолке след, который максимально бережно хранится до его возвращения. Восприятие потолочной балки и потолка как периферию миров, границу, которая разделяет этот и другой мир, мы наблюдаем и в родильной обрядности татар, в частности в обрядовом комплексе, связанном с укладыванием младенца в колыбель. Татары (практически всех этнических групп) колыбель, подвешиваемую к пружине, никогда не прикрепляют к потолочной балке, так как этот элемент дома считается опасным местом, который может навредить слишком уязвимому малышу [5, с. 41]. Именно из этих соображений сибирские татары на потолочную балку прикрепляют веточку можжевельника, который является мощным оберегом от нечистой силы [7, с. 64-66].

Потолок, особенно потолочная балка, в представлениях татар связана с благополучием домочадцев, их здоровьем. В строительной обрядности укладка потолочной балки занимает особое место. Под балку по просьбе хозяев дома строители обязательно кладут серебряные монеты и переписанную рукописно молитву аят «аль-Курси» – одного из наиболее часто повторяющихся и известных аятов Корана, который приводится в суре «Аль-Бакара» («Корова») под номером 255. (*Под потолочную балку всегда монету клали... Серебряную, обязательно серебряную. Рублевые клали. Под балку, по оба конца. Молитву аят «аль-Курси» все старались класть. У муллы заказывали, он и переписывал. Вот их клали... Чтоб в доме было спокойно, чтоб не сглазили, чтоб все были здоровыми, не ругались, достаток чтоб был*) [Прим. 1]. По завершению укладки потолочной балки хозяева обязательно накрывают стол с угощениями, за который помимо строителей приглашаются и соседи. (*Заранее у своих строителей узнаешь, когда потолочную балку будут устанавливать. К этому времени готовишься. Специально варишь суп, пироги печешь. Как только балку установили, работы прекращаются. Строители хозяевам сообщают, говорят им благопожелания. Желают, чтоб дом был спокойным, крепким, чтоб в семье было все упорядочено, чтоб потомство было, чтоб потолок охранял, не рухнул, был крепким. После этого всех зазываешь за стол, к тому времени заходят и соседи.*) [Прим. 1]. Также существует поверье, что строители при монтаже потолка не должны стучать топором по потолочной балке, иначе у домочадцев будет болеть голова. Семантика данного поверья связана с отождествлением потолка, в том числе и крыши, с головой человека и небесным сводом.

В татарском традиционном доме с поперечным положением потолочной балки еще связывают символическую границу, которая разделяет дом на внутреннюю и внешнюю часть, в какой-то степени, соотносимой с входом и выходом. Поэтому человек, зашедший без

приглашения, в рамках традиционного этикета, не имеет права проходить во внутреннюю часть дома. В зависимости от душевного расположения к гостю хозяин должен пригласить его сам во внутреннюю часть. Эта часть дома в татарской культуре именуется словом «түр», и оно семантически наполнено содержанием – «центральное почетное место дома, застолья».

Таким образом, символическая функция түшәм (потолка) в мировоззренческой системе татар выражается в восприятии его как сакральной границы, отделяющей «свое» от «чужого», а также как антропоморфный код, связанный с отождествлением его с головой человека и небесным сводом. Будучи рукотворным объектом материальной культуры, вполне может рассматриваться как хрематоним.

Публикация осуществлено при финансовой поддержки РФФИ и Правительства Республики Татарстан в рамках научного проекта №18-412-160019 “Татарский дом: семиотика пространства”.

Список литературы

1. *Байбурун А.К.* Семиотический статус вещей и мифология // Материальная культура и мифология. – Л., 1981. С. 215-226 (Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 37).
2. *Байбурун А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. – Л.: Наука, 1983. – С. 192.
3. *Баязитова Ф.С.* Себер татарлары (Рухи мирас: гаилә көнкүреш йола терминологиясе һәм фольклор). – Казан: Фикер, 2001. – 310 б.
4. *Богатырев П.Г.* Вопросы теории нар. искусства. – М., 1971. – С. 363.
5. *Брусско З.М., Завгарова Ф.Х.* В круге жизни. – Казань: Ихлас, 2013. – 224 с.
6. *Гарвалик М.К.* К вопросу о современной ономастической терминологии // Вопросы ономастики. – 2007. – № 4. – С. 195.
7. *Завгарова Ф.Х., Мансурова Г.К.* Можжевелник в системе традиционных верований татар // Казанская наука. – 2016. – № 12. – С. 64-66.
8. *Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
9. Татар лексикологиясе: өч томда / проект жит. М. З. Зәкиев, ред. Г. Р. Галиуллина. – Казан: ТӘҺСИ, 2017. – Т. III. 1 кис. – 421- 436 б.
10. Татар халык ижаты. Табышмаклар. – Казан: Татар кит. нәшр., 1977. – 272 б.

Примечания

1. Записано авторами в д. Туркаш Кукморского района РТ у Харисова Х.Х. (1940 г.р.) и Харисовой Х.Г. (1941г.р.) в 2015 г.

10.02.19

Л.С. Заморщикова канд. филол. наук, А.В. Никифорова, З.Б. Степанова

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
институт зарубежной филологии и регионоведения,
кафедра французской филологии,
кафедра восточных языков и страноведения,
Якутск, lszam@mail.ru, annafame@mail.ru, zbstepanova@mail.ru

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОННОТАЦИЙ ОБРАЗОВ РОССИИ (НА МАТЕРИАЛЕ КОРПУСА ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА)

В данной работе социальная коннотация нами рассматривается на уровне высказывания и ограничивается определенным обществом, в связи с этим мы выбрали для изучения социальной коннотации Сбалансированный корпус современного письменного японского языка и рассматриваем его как сборник высказываний одного общества, в данном случае Японии, где выражено мировоззрение японского общества.

Ключевые слова: *социальная коннотация, образ России, японский язык, корпус, корпусный анализ, языковые средства.*

Современные российско-японские отношения имеют сложный характер, поскольку геополитические интересы России и Японии во многом не совпадают. Однако существует ряд точек взаимодействия и совместные проекты, что позволяют рассматривать перспективу дальнейшего развития российско-японских связей в целом, скорее, как положительные. Этим определяется актуальность данного исследования, направленного на выявление особенностей образа России в Японии, созданного средствами массовой информации, которые составляют массив корпуса письменных текстов.

В отечественном языкознании впервые дал систематическое определение понятию «коннотация» Г.В. Колшанский. Противопоставляя объективное (денотат) и субъективное (коннотация) в языке, Колшанский понимает под коннотацией «новые компоненты содержания языковых единиц, довлеющих над исходными значениями, связанные с возникающими в результате словоупотребления ассоциациями, влиянием внутренней формы слова на его сочетаемость, с конкретным значением многозначного слова» [1; с. 50-51].

Понятие социальной коннотации появилось не так давно. Появление данного отдельного подтипа термина «коннотация» обусловлено необходимостью учета социальной принадлежности говорящего, которая влияет на появление дополнительных оценочных элементов значения в прессе.

М. Исии [4] считает, что социальная коннотация чаще встречается в языке газет, так как газеты наиболее сильно отражают общественное мнение и мировоззрение.

Методы и технологии исследования лингвистических корпусов позволяют проанализировать большой массив текстов для достижения различных научных целей [2; с.141-142].

В рамках нашего исследования Сбалансированный корпус современного японского письменного языка [3], в котором широко представлены тексты японских национальных газет, журналов, а также Интернет-блогов, служит источником контекстов, содержащих социальную оценку событий или предметов в тематическом поле «Образ России». Представленный в корпусе массив текстов охватывает период с начала 90х годов прошлого столетия по первое десятилетие века, то есть, период становления Российского государства.

По результатам нашего исследования в Сбалансированном корпусе современного письменного японского языка было найдено 843 предложения со словом «Россия». 409 из них были найдены в информационных Интернет-порталах, 248 – в газетах, 185 – в журналах.

Данные предложения были проанализированы на наличие социальной оценки. В результате для дальнейшего анализа при помощи метода компонентного анализа были отобраны 56 высказываний, содержащие в себе лексические единицы с семой «оценка» образа России. Приведем некоторые из них.

Пример 1. 揺れる大国プーチンのロシア「第1回新興財閥の死闘～強まる国家資本主義～」
Шатающаяся великая держава Путинская Россия «Первая отчаянная борьба новой финансовой олигархии - усиливающийся капитализм государства».

Нейтральный вариант (далее сокр. НВ): 死闘 (отчаянная борьба, борьба на смерть) = 闘争 (борьба).

В основе глагола 揺れる (шататься, качаться, дрожать) есть значение «потерять устойчивость». Так, 葉が揺れる «дрожат листья», 炎が揺れる «дрожит пламя». По отношению к стране, данное слово означает «ставшая неустойчивой, нестабильной» и имеет отрицательную коннотацию, но в контрасте с ЛЕ с ярко выраженной положительной коннотацией 大国 «великая держава» обретает противоположную коннотацию. Великая держава после распада СССР потеряла стабильность, но все еще остается великой державой. И оставаясь неустойчивой, ведет смелую «борьбу на смерть». Такой выбор языковых средств выражает коннотацию *восхищения*.

Пример 2. 真実が外へ向けて発信されていない国ですから。 Потому что это страна, где правда не отправляется наружу.

Н.В.: 真実が発信されていない (правда не отправляется) = 真実が發送されていない (правда не отправляется).

Глагол 発信する «отправлять» используется только по отношению к почтовым отправлением и телеграммам: общеупотребительный вариант глагола - 発想する «отправлять». В паре со словом «правда» данный глагол приобретает метафорическое значение. Овеществление такого высокого понятия как «правда, истина», является признаком коннотации *пренебрежения*.

Пример 3. 世界的インフレの足音が始まる...→投資に (不景気な日本) 国内だけを見たら危険です→モルジブとロシアバブルで勢い凄いです。

Начинаются шаги мировой инфляции -> рискованно инвестировать только внутри страны (застойная Япония) -> в мальдивском и российском пузыре тенденции поразительные.

バブル (от англ. bubble - «мыльный пузырь») в экономике означает «экономический подъем на волне спекулятивного бума на фондовом рынке». С точки зрения иностранных инвесторов, российский пузырь выступает в положительном значении, и в данном примере он характеризуется прилагательным в разговорном стиле 凄い, русский аналог которого «поразительный, крутой». Вкрапление иноязычного элемента делает речь более экспрессивной и усиливает дополнительное значение, содержащееся в выражении. Положительная коннотация *одобрения* также усиливается противопоставлением России Японии, экономика которой характеризуется как «застойная».

Пример 4. ロシア政商がロシア牛耳りロシアバブル産む。Русские бизнесмены с политическими связями, верховодя Россией, порождают российский пузырь.

Н.В.: ロシア牛耳り «верховодя Россией» = ロシアを支配し «управляя Россией».

Глагол 牛耳る состоит из иероглифа 牛 «корова, вол» и изначально имело значение «управлять скотом». В современном японском языке этот глагол означает «управлять кем-чем-либо, как вздумается» имеет коннотацию осуждения. Усиливает коннотацию *осуждения* лексический повтор – трехкратный повтор слова ロシア без необходимости.

Пример 5. ロシア人の体の強さを打撃に活かせる選手がついに出てきたなって。 Наконец обнаружился спортсмен, который может оживить в ударе физическую силу русских.

活かす «букв. оживить» в данном контексте означает «использовать лучшим образом». Наречие ついに «наконец» показывает радость автора от того, что и в России появился хороший боксер. Таким образом, в данном примере мы видим положительное отношение автора к России и *похвалу* российского спортсмена.

Таким образом, в результате компонентного анализа были отобраны 56 предложений с семой «оценка» из 843 предложений со словом «Россия» в Сбалансированном корпусе современного письменного японского языка. Далее, отобранные предложения были проанализированы на наличие таких коннотативных признаков, как образность, эмоциональность и экспрессия, которые выражаются в тексте различными лексическими, грамматическими и графическими средствами. Анализ показал, что отрицательных коннотаций образа России больше – 34 высказывания, в то время, как положительные коннотации были выявлены в 22 высказываниях. Среди отрицательных коннотаций больше преобладают коннотации осуждения, в то время как совсем отсутствуют коннотации издевательства и оскорбления. Среди положительных коннотаций больше предложений с похвалой.

В результате проведенного анализа и сравнения результатов с исследованием языковых средств выражения социальной коннотации Дьяченко А.П., мы пришли к выводу, что языковые средства выражения социальной коннотации, а также виды социальной коннотации могут существенно отличаться от языка к языку.

Список литературы

1. Колианский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. - М.: Наука, 1975. — 232 с. (39)
2. Николаев И.С. Прикладная и компьютерная лингвистика. // И.С.Николаев, О.В. Митренина, Т.М. Ландо. - М.: Ленанд, 2016. — 320 с. (48)
3. Сбалансированный корпус современного письменного японского языка. Режим доступа: <https://chunagon.ninjal.ac.jp/bccwj-nt/>
4. 石井正彦. 単語の社会的コノテーションとコーパス「現代人」を例に/ 石井正彦、姜昊完//コーパスを用いた日本語研究の精密化と新しい研究研究領域・手法の開発 = *Исии М.* Социальная коннотация и корпус на примере слова «Современный человек». / М. Исии, Л.Т. Кан // Доработка и разработка новых направлений и методов в корпусных исследованиях японского языка . – 2010. - № 4. – pp. 83-92. (77)

10.02.19

С.Б. Какваева канд. филол. наук

Дагестанский государственный университет,
филологический факультет,
кафедра теоретической и прикладной лингвистики,
Махачкала, sabri82@mail.ru

КАТЕГОРИЯ ФАЗОВОСТИ В ЛАКСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье даётся описание категории фазовости в лакском языке. Фазовая категория выступает как грамматикализованная категория, входящая в семантическую зону глагола. Образование форм связано с аналитической техникой, которая сочетается и с ааффиксацией – особыми формами деепричастий в составе аналитических форм.

Ключевые слова: *лакский язык, глагол, семантическая зона, аспектуальность, фазовость, аналитизм, составляющие категории фазовости: инхоатив, континуатив, прогрессив, терминатив.*

В современных типологических исследованиях в аспектуально-таксисной семантической зоне глагола выделяется и категория фазовости. В самой категории аспектуальности В. А. Плунгян, следуя за С. Диком и И.А.Мельчуком, выделяет количественные и линейные группы значений [3,294].

Категория вида является одной из центральных грамматических категорий лакского глагола и включает три вида – перфектив, итератив, дуратив. Каждый вид имеет свою частную парадигму видо-временных и модальных форм (форм наклонений) [5,81-83]. Каждый из видов характеризуется собственными типовыми значениями.

Так, основным значением *перфектива* является обозначение однократного результативного действия, завершившегося к моменту речи (*чичин* ‘написать’). Данный вид обозначает также целостное (мгновенное) действие (событие), предельное в своём начале, как, например, *леххан* ‘полететь, взлететь’, *ачин* ‘двинуться, пойти’, или в конце, как *учлан* ‘прийти’, *агъан* ‘упасть’. В глаголах с процессуальной семантикой перфектив обозначает завершенность процесса и переход в новое состояние (*къакъан* ‘высохнуть’, *хъатан* ‘отсыреть’ и т. д.). Значение предельности могут приобрести и одновидовые глаголы дуративного вида в сочетании с вспомогательным глаголом *биклан* «быть» в фазовом значении начала действия: *хъан* «смеяться» – *хъан ивкIунни* «засмеялся», *зун* ‘работать’ – *зун ивкIунни* ‘начал работать, заработал’ (*Ссят зун диркIунни* ‘Часы пошли’).

Итератив по своей семантике и образованию близок к перфективу, но отличается своей категориальной семантикой. Данный вид собственно итеративным значением обладает в глаголах, обозначающих активное действие, при этом действие является неоднократным и результативным: *чичаван* «писать (не раз) – *чичай* «пишет (время от времени)», *ацIаван* «останавливаться (не раз) – *ацIай* ‘останавливается (временами)’ и под. В глаголах с процессуальной семантикой данный вид приобретает значение хабитуальности: *къакъаван* ‘высыхать, сохнуть’ – *къакъай* ‘высыхает, сохнет’ (*Бургъилу янна ччяни къакъай* ‘На солнце бельё быстро сохнет’). Значение итеративности и хабитуальности могут приобретать и одновидовые дуративы в сочетании с тем же глаголом вспомогательным глаголом в итеративном виде *бикIаван* ‘бывать’ (инфинитив), *бикIай* (наст. общее), *бикIайва* (прошедшее общее): *ччун* «чесаться» – *ччун дикIай* (*кару ччун дикIай* ‘руки начинают чесаться’), *ччун дикIайва* ‘начинали чесаться’. Естественно в таких аналитических образованиях значение итеративности-хабитуальности сочетается и со значением начала действия (инхоативности).

Дуративный вид обозначает действие и процесс в его протекании. Большинство форм времени образуется аналитически – сочетанием деепричастия дуративного вида с финитными формами глагола существования *бикIан* ‘быть’ – *бур*, *бия* и др.: *чичлай бур* «пишут», *чичлай бия* «писали». Глаголы мгновенного, целостного действия в формах дуративного вида приобретают значение регулярно повторяющегося (*узитативного*) действия, приближаясь в этом значении к итеративу: *цилан* ‘толкать’ – *цилай ур* ‘толкает’ (многократность).

Результатив в лакском языке грамматикализован и выражается аналитической формой – сочетанием перфектного деепричастия с спрягаемой формой глагола ‘быть’ (*бур*, *бия* и другие парадигматические формы): *Нуз ларкъунни* ‘Дверь закрылась (сейчас)’ – *Нуз ларкъуну дур* ‘Дверь закрыта’; *Душил хью дархунни* ‘Девочка подмела двор’ – *Хью дархуну дур* ‘Двор подметён’. Результативное значение имеет и сама форма перфекта в настоящем (как в наших примерах) или в прошедшем времени (*Нуз ларкъуна*; *Душил хью дархуна*).

Не все ситуации могут иметь и срединную стадию. Например, мгновенные ситуации, называющие целостное событие, например, *учIан* ‘прийти’, *агъан* ‘упасть’, *лякъин* ‘найти’ и подобные не могут быть длительными и потому иметь срединную стадию: у них момент начала и момент конца совпадают.

Из четырёх фазовых значений наиболее распространённым автор считает морфологический инхоатив. Отмечается, что морфологический континуатив типичен для дагестанских языков (в частности, в лезгинском и арчинском) [3,307]. При этом морфологическими считаются только аффиксально выраженные грамматические значения. Однако во многих языках морфологические формы выражаются и аналитическими конструкциями. К таким языкам относится и лакский язык, в котором многие морфологические категории выражаются аналитически (видо-временные, эвиденциальные, фазовые и др.).

Есть ли грамматическая категория фазовости в лакском языке и какова структура её значений?

В лакском языке фазовые значения могут быть выделены в отдельную грамматическую категорию. Первая попытка в изучении этой категории содержится в работе Р.Г.Эльдаровой [6,192-194].

В зависимости от семантики глагола фазовые значения могут быть иначе интерпретированы. Четвёртая в нашем перечне фаза у мгновенных глаголов может оказаться внешней по отношению к ситуации, т.е. значение перспективности приобретает значение проспективности (ожидания). Например, во фразе: *ЧиIра лекъавай бур* «Стена вот-вот обрушится». Такие формы могут употребляться и в качестве угрозы: *На ина аттавай бура* (ребёнку) ‘Смотри, побью!’ (смысловой перевод).

Требует пояснения и антитерминатив. Это значение находится скорее вне пределов ситуации, поскольку событие не произошло. Возможно, данное значение близко к кунктативу («так и не...»). Но смыслы «чуть не» (событие нежелательное для говорящего) и «так и не...» (выражающее скорее сожаление) различаются.

В зависимости от семантики основного глагола семантика фазовой формы может видоизменяться. Например, инхоатив от событийных глаголов типа *учIан* ‘прийти’ (однократное) – *укIлан* (многократное) ‘приходить’ приобретает значение хабитуальности: *укIлан ивкIунни* ‘начал приходить’.

Если представить все фазовые значения, в том числе и внешние, процессуального глагола *чичин* ‘написать’ в один ряд, то получим (формы представлены в 3 лице, 1 кл. субъекта, индикатив, наст. вр., утвердит.):

(1) чичин най ур – (2) чичлан ивкIунни – (3) чичлай ур – (4) чичлайна ур – (5) чичавай ур – (6) чивчунни – (7) (аьрза ‘заявление’) чивчуну бур (3 л. объекта) – (8) чичавай ливчIунни.

Следует обратить внимание на особенности континуатива.

Континуатив имеет в своём составе суффиксальные классные показатели: **на** (1 кл.), **-нма** (3 кл.), **-нца** (2,4 кл.). В диахроническом плане они представляют собой варианты частиц – **ва**, **-ба**, **-ра**, которые присоединялись к суффиксу деепричастия –**ну**: **чичлайнува* → *чичлайна*, **чичлайнуба* → *чичлайнба* → *чичланма*, **чичлайнтура* → **чичлайнра* → *чичлайнда* → *чичлайнна*.

От деепричастий образуются и причастия с континуативным значением: *лачIлайннасса гьараллу* ‘продолжающиеся (бесконечные) дожди’, *чичлайнмасса чагьарду* ‘продолжающие приходить, бесконечные письма’.

Континуатив состояния образуется от перфектного деепричастия или наречия состояния. При этом деепричастия может иметь значение «давно, уже» или «почти»: *дикI шархьна дур* ‘мясо уже сварено’/ ‘мясо почти сварено’ (в зависимости от контекста). Наречие в роли сказуемого (предикативное наречие) обозначает длительно состояние: *Накъ кIиринна дур* ‘Суп ещё горячий (ещё не остыл)’. Такие сказуемые адъективируются в причастия или прилагательные со значением длительности признака: *Баргь бивтна бур* ‘Солнце всё светит’ – *бивтнасса баргь* ‘постоянно светящее солнце’; *Чай кIиринна дур* ‘Чай ещё горячий’ – *кIириннасса чай* ‘ещё горячий чай’.

Отрицательная форма континуатива с отрицательной проклитикой **къа**- в сочетании с глаголом *личIан* ‘остаться’ образует аналитическую форму со значением «так и не» (кунктатив по В.А.Плунгяну): *Шяравун къалавгна ливчIунна* ‘Так и не поехал в село’; *Чагьар къачивчунма ливчIунни* ‘Письмо так и не написал (не удалось)’.

Грамматикализация категории фазовости, в частности континуатива, как упоминалось выше, отмечена и в других дагестанских языках (лезгинском, арчинском). Лакский язык интересен тем, что в нём отмечены по меньшей мере все четыре фазы протекания действия, о которых упоминалось в логической традиции описания фазовых предикатов. В лакском языке обнаруживаются и другие фазы, обозначенные аналитическим способом, который является одним из самых продуктивных способов глагольного формообразования в лакском языке.

Список литературы

1. *Казенин К.И.* Синтаксис современного лакского языка. – Махачкала, ИЯЛИ ДНЦ РАН, Изд. АЛЕФ, 2013 – 318 с.
2. *Кибрик Е.А.* Константы и переменные языка. – Санкт-Петербург: Ллетейя, 2003, – 720 с.
3. *Плунгян В.А.* Общая морфология. Введение в проблематику: Учебное пособие – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 210. – 384.
4. *Храковский В.С.* (ред.) Типология итеративных конструкций. – Л.: Наука, 1989.
5. *Эльдарова Р.Г.* Морфология лакского глагола. Дисс. на соиск. уч.ст. к. филол. н. – Махачкала, 1996
6. *Эльдарова Р.Г.* Морфологическая категория фазовости в лакском языке: Тезисы докладов IV международной научной конференции 19020 июня 2014 г. – Махачкала, 2014. С.192-194.

10.02.19

**А.Р. Каюмова канд. филол. наук, Г.В. Садыкова канд. филол. наук,
Л.К. Халитова канд. филол. наук**

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт филологии и межкультурной коммуникации,
кафедра романо-германской филологии,
Казань, alb1980@yandex.ru, gsadykova2015@mail.ru, lilia_khalitova@mail.ru

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ РЕЧИ ДЕТЕЙ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Статья посвящена изучению мнения родителей о применении компьютерных, мобильных и других цифровых технологий с целью развития и сохранения материнского (в данном случае русского) языка детей дошкольного возраста, проживающих за пределами Российской Федерации. Результаты анкетирования 25 русскоязычных родителей детей-билингвов (мультилингвов), говорят о том, что родители в целом имеют положительное отношение к цифровым технологиям, видя в них потенциально полезный образовательный инструмент, однако не спешат применять его для развития речи своих собственных детей, предпочитая печатную книгу и живое общение. В случае применения технологий, родители занимают активную позицию в процессе взаимодействия ребенка и компьютера, планшета или смартфона, создают оптимальные здоровьесберегающие условия для речетворчества ребенка.

Ключевые слова: билингвизм, мультилингвизм, эритажный язык, цифровые технологии, дети раннего возраста.

Введение

Мультикультурные реалии современного общества требуют эффективной системы поддержки развития и сохранения материнского (семейного, эритажного, от англ. – «heritage language») языка детей, растущих и развивающихся в условиях иноязычной культуры. Учитывая глобализацию рынка труда и миграционные процессы последних десятилетий, во многих странах растет доля населения, где язык, на котором говорят в семейном кругу, отличается от доминирующего (государственного) языка нации. Параллельно растет и количество смешанных браков. В сложившейся ситуации все активнее становятся те, кто говорит о необходимости создания условий для развития мультилингвального члена общества [3]. Вместе с тем, существующие системы образования, особенно дошкольного, не всегда способствуют поддержке би- и мультилингвизма. Зачастую именно семья становится ареной для сохранения языка наследия [5, 10, 11], в то время, как неверие в би-мультилингвизм приводит к утере семейного языка [12].

Члены семьи, принявшие решение передать свой родной язык ребенку, выбирают разные способы и технологии обучения, позволяющие создать образовательную среду. Как показывают исследования, немаловажную роль в этом играют, среди прочих, цифровые инструменты [14]. Технологии обучения, где цифровые средства становятся связующим звеном между ребенком и родителем, позволяют создать условия для речетворчества ребенка, способствуя его высокой активности и вовлеченности в процесс обучения [7]. Компьютерные и мобильные игры на языке, активное использование электронных ресурсов, синхронная и асинхронная онлайн-коммуникация могут также способствовать развитию и сохранению языка наследия у ребенка [5, 14].

Значительное количество практиков и исследователей подтверждают, что мультимодальность (т.е. использование нескольких каналов передачи информации) и интерактивность (т.е. возможность активного дву- или многостороннего взаимодействия)

цифровых технологий раскрывают широкие возможности для изучения языка и грамотности в целом [4, 6, 9, 13]. Цифровые инструменты, такие как игры, вики, говорящие аватары и интерактивные истории, могут оказывать положительное влияние на развитие языковых навыков, повышение мотивации к обучению, создание увлекательной обучающей ситуации игры [8, 16]. Более того, IT-технологии могут стать проводником культуры, средством развития социокультурных навыков, что особенно актуально для детей, воспитывающихся за пределами этнической родины [15].

Предлагаемое вниманию читателей исследование ставит своей целью частично восполнить недостаток научных работ в области применения цифровых (компьютерных, мобильных, онлайн) технологий для сохранения и поддержания семейного языка детей, проживающих в иноязычной среде. Исследовательской группой была поставлена задача изучить опыт применения цифровых технологий русскоязычными родителями, воспитывающими детей-билинггов (мультилинггов) вне российской образовательной среды. Решение данной задачи преследовало цель расширения понимания того, как современные мультимодальные образовательные средства могут быть интегрированы в процесс речевого развития дошкольника, в том числе в условиях семейного образования в русском зарубежье.

Методология исследования

Основным инструментом исследования стала анкета для русскоязычных родителей и педагогов детей-билинггов (мультилинггов) раннего возраста, проживающих за пределами Российской Федерации. Анкета [1] включает 19 вопросов в форме множественного выбора и 5 вопросов открытого типа. Вопросы условно поделены на три раздела: 1) «Создание русскоязычной языковой среды»; 2) «Цифровые технологии в жизни ребенка»; 3) «Цифровые ресурсы для развития речевых и социокультурных навыков ребенка». Для размещения анкет и сбора результатов была выбрана платформа Google Documents (Google Forms) [1]. Информация о проводимом исследовании распространялась в социальных сетях, а также путем отправки электронных писем на общедоступные адреса русских дошкольных учреждений зарубежья и на личные адреса русскоязычных репатриантов, согласившихся ответить на вопросы анкеты.

В анкетировании приняло участие 34 респондента. Участники опроса – это родители и педагоги детей 3-4 лет (40%), 5-6 лет (48%) и 7-8 лет (12%); 60% детей опрашиваемых – мальчики, 40% – девочки. Среди опрошенных представители Турции (пять респондентов), Италии, Великобритании и США (по три респондента), Швейцарии, Германии и Марокко (по два респондента), Австралии, Канады, Литвы, Индии, Франции (по одному респонденту). Ответы 9 респондентов не были включены в анализируемый материал, в связи с тем что возраст детей не соответствовал целевой аудитории (дети до 8 лет включительно). По материалам 25 анкет был проведен контент-анализ ответов на открытые вопросы и количественный анализ ответов на закрытые вопросы.

Результаты исследования

Создание русскоязычной языковой среды

Все участники исследования являлись русскоязычными мамами, бабушками или другими родственниками детей, проживающих за пределами России. Ответы на первые несколько вопросов анкеты позволили сформировать представление о языковой среде, в которой растет ребенок-билингв (или мультилингв) и способах создания этой среды.

Основным языком общения ребенка с мамой в подавляющем большинстве случаев (88%) является русский язык. Один респондент (4%) ответил, что разговаривает со своим ребёнком в равной степени на русском и английском языке. Два респондента (8%) общаются с детьми в основном на английском языке.

Основной язык общения ребенка с отцом представлен следующими языками: русский язык (24%), турецкий (20%), английский (20%), итальянский, французский и немецкий языки (8% каждый), хинди и арабский язык (4% каждый), русский и английский в равной степени (4%). Основным языком общения детей вне семьи в большинстве случаев (32%) является

английский в связи с тем, что семья проживает в англоязычной стране. За английским следуют французский (16%), итальянский, турецкий и русский языки (по 12%), немецкий (8%), литовский и арабский языки (4% каждый).

Около половины респондентов (40%) ответили, что на русский язык приходится 21-40% продуцируемой ребенком речи, т.е. устное общение осуществляется в основном не на эритажном языке, а на языке среды. 20% респондентов ответили, что на русский язык приходится около половины продуцируемой ребенком речи. 24% респондентов считают, что на русский язык приходится более половины продуцируемой ребенком речи. Два респондента (8%) отметили, что в семье ребёнок говорит на русском языке, тогда как вне семьи – исключительно на языке среды. Один респондент (4%) ответил, что ребенок подстраивается под собеседника в любой среде.

На вопрос о проценте русскоязычной информации, которую ребенок получает извне (т.е. от людей, книг, СМИ и т.п.) большая часть респондентов заметили, что это меньше половины всей получаемой информации (либо 21-40%, либо 0-20%).

Отвечая на вопрос об уровне владения русским языком ребенка, мнения респондентов разделились: 52% констатирует тот факт, что уровень владения русским языком ниже среднего уровня ребёнка того же возраста и пола, проживающего в России. Данное наблюдение сделал и один респондент, в чьей семье и мать, и отец разговаривают с ребёнком на русском языке. 44% респондентов отметили, что уровень владения русским языком ребёнка такой же, как и в среднем у ребёнка того же возраста и пола, проживающего в России, что можно обусловить тем, что в половине из этих случаев оба родителя являются носителями русского языка.

Основными способами изучения русского языка, согласно ответам респондентов, являются общение с мамой (100%) и чтение/прослушивание книг на русском языке (100%). Изучение русского языка также является возможным благодаря общению с русскоговорящими соседями и друзьями (64%), просмотру/прослушиванию русских СМИ (64%), посещению родственников в России (56%), разучиванию песен (52%) и общению на русском языке с другими членами семьи (44%). Реже дети изучают язык посредством посещения занятий (36%), в общении с папой (28%) и самостоятельно (24%). Три респондента указали на фильмы и мультфильмы как способы изучения русского языка (12%).

Ответы на вопрос «Прилагаете ли Вы дополнительные усилия для развития русской речи ребенка? Если да, какие именно?» можно условно поделить на три темы: 1) я самостоятельно обучаю ребенка русскому языку; 2) я администрирую образовательный процесс ребенка; 3) я не прилагаю дополнительных усилий.

Среди ответов первого вида явно прослеживаются следующие виды совместной деятельности ребенка и матери: занимаемся по учебникам (44%); учимся читать (в т.ч. изучаем алфавит, напр., используя кубики) (44%); читаем художественные книги (36%); играем (24%); говорю грамотно, объясняю непонятные слова и выражения (20%).

Ответы второго типа включают следующие виды деятельности родителя: отвожу ребенка в русскую школу или приглашаю репетитора на дом (24%); включаю видео на русском языке (20%); включаю радио на русском языке (4%); отвожу ребенка к бабушке и дедушке (4%); приглашаю русскоязычных друзей (4%); организовываю поход в русский театр (4%). Три респондента (12%) ответили, что они не прилагают дополнительных усилий для развития русской речи ребенка.

Цифровые технологии в жизни ребенка

Большинство детей опрошенных используют цифровые технологии менее 1 часа в день (48%), либо совсем их не используют (8%), что объясняется ранним возрастом детей. 20% детей респондентов используют компьютерные и/или мобильные технологии 2-3 часа в день, 16% – 1-2 часа в день. Лишь один ребенок (4%) используют цифровые технологии более 3 часов в день.

При этом около половины детей опрошенных (52%) не используют компьютер, планшет или мобильный телефон для развития русской речи. 20% детей используют компьютерные и/или мобильные технологии для развития детской речи в течение 30 минут в день максимум; 8% – 30-60 минут в день; 12% – 1-2 часа в день. Один респондент (4%) ответил, что его/ее ребенок использует цифровые технологии для развития детской речи 2-3 часа в день, один (4%) – более 3-х часов в день.

Абсолютное большинство родителей предпочитает использовать традиционные (не цифровые) обучающие средства, а именно печатные книги (80%), детские игры (20%), мультфильмы и пазлы (4%). Один респондент использует цифровые игры и цифровые ресурсы в совместной деятельности для развития русской речи ребенка, один респондент пояснил, что использует их крайне редко. Один родитель отметил, что его ребенок слушает радио Arzamas, а именно раздел «Детская комната».

Таким образом, согласно ответам анкеты, дети раннего возраста, проживающие за рубежом, нечасто используют цифровые технологии, особенно редко они это делают с целью изучения русского языка. Родители не стимулируют детей применять данные инструменты, предпочитая печатную книгу и игру в качестве обучающего материала.

Цифровые ресурсы для развития речевых и социокультурных навыков ребенка

Несмотря на то, что респонденты не являются активными пользователями цифровых ресурсов для обучения детей русскому языку, 88% респондентов согласились, что они могут быть полезны для развития знаний по русскому языку и культуре.

Абсолютное большинство родителей (96%) разделяли мнение о том, что взаимодействие детей и технологий требует активного участия педагога. Те, кто используют технологии для просмотра мультфильмов, фильмов или познавательных программ на русском языке, понимают свою роль посредника между ребенком и обучающим материалом. Описывая свое типичное поведение в процессе взаимодействия ребенка и видео материала, родители использовали такие ключевые слова, как «обсуждаем» (напр., сюжет), «объясняю» (напр., значение слов), «комментирую». Один из респондентов сообщил, что просит своего ребенка пересказать увиденное и услышанное, таким образом, развивает монологическую речь ребенка. По сути, родитель выступает в роли педагога, использующего цифровые технологии как медиативный инструмент, транслирующий знания и создающий мотивирующую образовательную среду, действуя в *зоне ближайшего развития* [2].

Ответы на заключительный вопрос анкеты о личном мнении по поводу использования цифровых технологий для развития речевых навыков и знаний о культуре детей, изучающих русский язык как неродной, второй родной или иностранный, показали, что далеко не все родители, особенно мамы детей до 5 лет, видят в цифровых технологиях надежного помощника в обучении русскому языку. Одни не используют технологии (40%), т.к. (а) их дети малы, (б) технологии «неэффективны без живого общения» и «вредны», (в) не знают подходящих ресурсов или даже не задумывались о возможности их использовать. Другие (48%) находят их «полезными», «доступными», «мотивирующими» и «увлекательными». Однако сторонники обучающих технологий подчеркивают, во-первых, важность присутствия родителя/педагога, во-вторых, необходимость установки ограничений по времени пользования технологиями, в-третьих, необходимость грамотного отбора обучающих материалов, в связи с тем, что многие цифровые ресурсы имеют низкое качество.

Заключение

Семьи, воспитывающие детей в би- и мультилингвальной среде, должны прилагать немалые усилия для сохранения миноритарного языка наследия. Наше исследование показывает, что родительские усилия могут включать как целенаправленные занятия по развитию речи с традиционными и цифровыми средствами обучения, так и мероприятия, опосредованно создающие языковую и культурную среду, способствующую развитию речевых навыков.

Результаты анкетирования показывают в целом положительное отношение родителей русского зарубежья к цифровым технологиям как образовательному инструменту. В то же время на практике родители подчас не спешат применять эти инструменты для развития речи своих собственных детей, предпочитая печатную книгу, игру и живое общение. Вместе с тем, дети цифровой эпохи, то есть так называемые «цифровые аборигены», могут эффективно взаимодействовать с мультимодальными и интерактивными обучающими инструментами, в том числе в целях поддержки активного би- и мультилингвизма [6, 13].

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-29-09128.

Список литературы

1. Анкета для родителей и педагогов детей-билингвов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://forms.gle/mYa8JfxTqPUU376Z7> (дата обращения: 17.11.2019).
2. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. – изд. 5, испр. – М.: Издательство 'Лабиринт', 1999. – 352с.
3. *Brinton D.M., Kagan O., Bauckus S.* Heritage language education: A new field emerging. – New York, NY: Routledge, 2008. – 370p.
4. *Bus A.G., Takacs Z.K., Kegel C.A.T.* Affordances and limitations of electronic storybooks for young children's emergent literacy // *Developmental Review*. 2015. –35. – P. 79–97.
5. *Cho S.P.* Korean Immigrants' Social Practice of Heritage Language Acquisition and Maintenance Through Technology. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://open.library.ubc.ca/cIRcle/collections/ubctheses/24/items/1.0066473> (дата обращения: 17.11.2019).
6. *Cummins J.* Technology, literacy, and young second language learners: Designing educational futures // *Technology-mediated Learning Environments for Young English Learners*. – 2008. – P. 61-98.
7. *Debski R.* Language transmission opportunities created through video recording in the family: a microanalysis // *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. – 2019. – 22(6), P. 741-753.
8. *Edwards S.* New concepts of play and the problem of technology, digital media and popular-culture integration with play-based learning in early childhood education // *Technology, Pedagogy and Education*. 2016. – 25:4. – P. 513-532.
9. *Kayumova A, Sadykova G.* Implementing a multimodal online program for very young learners of Russian: Educators' perspective // *Indonesian Journal of Applied Linguistics*. – 2019. – Vol.9. – Is.1. – P.1-13.
10. *Kheirkhah M., Cekaite A.* Language Maintenance in a Multilingual Family: Informal Heritage Language Lessons in Parent–Child Interactions // *Multilingua*. – 2015. – 34(3). – P. 319-346.
11. *King K. A., Fogle L.* Bilingual parenting as good parenting: Parents' perspectives on family language policy for additive bilingualism // *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. – 2006. – 9(6). – P. 695–712.
12. *Mbakop A.W.N., Ndada A.K.* Multilingualism, beliefs about language, and language use in the family // *International Journal of Multilingualism*. – 2019. DOI: 10.1080/14790718.2019.1678625
13. *Meskill C., Mossop J.* Electronic texts in English to speakers of other languages classrooms // *Teaching English to Speakers of Other Languages Quarterly*. – 2000. – 34(3). – P. 585-592.
14. *Morgan L., Peter M.G.* Affordances for home language maintenance created by multimodal Web 2.0 and mobile technologies // *International Conference on Information Communication Technologies in Education 2014 Proceedings*. – 2014.
15. *Sadykova G., Vafina A., Kayumova A.* (2018). Promoting dialogue of cultures in digital learning objects for young bilingual language learners // *EDULEARN Proceedings*. – 2018. – P. 4948-4952.
16. *Terrell S.S.* Integrating Online Tools to Motivate Young English Language Learners to Practice English Outside the Classroom // *International Journal of Computer-Assisted Language Learning and Teaching (IJCALLT)*. – 2011. –1(2). – P.16-24.

10.02.19

Ф.Ф. Ларионов, С.В. Филиппова канд. филол. наук

Северо-Восточный федеральный университет,
Институт зарубежной филологии и регионоведения,
кафедра английской филологии,
Якутск, f.f.larionov@gmail.com, filippova_sargylana@mail.ru

ОБРАЗ ПОБЕДИТЕЛЯ В СПОРТИВНОМ ДИСКУРСЕ

Индустрия спортивных развлечений с развитием медиа и социальных сетей пользуется большой популярностью у широкого круга аудитории, поскольку в настоящее время медийные личности, включая спортсменов, все чаще стремятся привлечь к себе внимание публики и продемонстрировать свои достижения в разных сферах своей жизни. В статье на материале высказываний спортсменов, отобранных из интервью, пресс-конференций и социальных сетей, анализируется образ победителя. Семантический и контекстуальный анализ высказываний позволил выявить ключевые «признаки» победителя, конструирующие стереотипы о необходимых атрибутах и символах победы.

Ключевые слова: образ, спортивный дискурс, лексико-семантическое поле, языковые средства.

Целью данной работы является выявление тематических блоков, конструирующих образ победителя в спортивном дискурсе. В данном контексте, мы рассматриваем тематические блоки как некие признаки, атрибуты, которые представляют собой необходимые составляющие успеха и победы. Актуальность темы обусловлена тем, что в современном мире медийные личности имеют возможность самостоятельно формировать мнение о себе посредством «самопрезентации» своего собственного образа в социальных сетях и интервью. В этой связи возникает интерес, какие языковые инструменты позволяют воздействовать на современную аудиторию и формировать у нее мнения, стереотипы и суждения относительно различных людей и событий. Новизна данной работы заключается в том, что впервые рассматривается образ победителя в спортивном дискурсе, который формируется в СМИ, а также «саморепрезентируется» спортсменами в социальных сетях и интервью.

Образом, по определению Ю. В. Газинской, является «целенаправленно формирующийся, заранее сконструированный имидж» [1, 7], причем «техника конструирования имиджа», посредством которой создается внешний рисунок роли, может сформировать у своей аудитории образ, не имеющий «ничего общего с реальной личностью» [2, с. 106]. В современной спортивной индустрии многие события сопровождаются рекламой в СМИ, пресс-конференциями, интервью, промо-роликами, которые нацелены на привлечение интереса к матчу или бою. Данные мероприятия, чаще всего, предполагают вербальную или даже физическую конфронтацию между соперниками, повышающую спрос на покупку билетов и размещение рекламы. В таком формате спортсменам предоставляется возможность продемонстрировать свое превосходство над соперниками и сформировать у аудитории желаемый образ при помощи своих высказываний, комментариев, ответов на вопросы. Формированию необходимого образа также способствуют социальные сети – своеобразные альбомы и дневники повседневной жизни спортсмена, в которых размещается информация о его успехах, увлечениях, работе и т.д.

В качестве материала исследования используются высказывания различных спортсменов, в основном из контактных видов спорта, взятые из интервью, пресс-конференций, а также текстов в социальных сетях. При работе над материалом исследования были использованы методы контекстуального и семантического анализа. Проведенный анализ высказываний, в которых реализуется образ победителя, позволил определить следующие его признаки:

1. Интеллектуальные способности. Камару Усман после защиты титула Чемпиона в полусреднем весе на UFC 245 [8] в интервью указал на причину своей победы: *“The reason I am the best in the world, it’s because my mind is stronger than everyone in the division”* («Причина, по которой я – лучший в мире, в том, что мой ум сильнее любого в этом дивизионе»). В данном примере спортсмен употребляет прием сравнения, акцентируя внимание на превосходстве своих интеллектуальных способностей. Камар Усман считает свой ум ключевым фактором, благодаря которому он является «лучшим в мире». Он метафорически сравнивает *mind* с силой (*stronger*), поскольку умение думать, контролировать эмоции и сопротивляться провокациям являются залогом победы.

2. Физическое превосходство. К данной тематической группе относятся высказывания, в которых подчеркиваются физические способности спортсменов. Так, комментатор UFC Дэн Харди высказался о бойце Франсисе Нганну: *“He touches people on the chin and they just fall over”* («Он трогает людей за подбородок, и они просто падают») [7]. В этом высказывании характеризуются физические возможности тяжеловеса. Комментатор в высказывании использует литоту, описывая удар бойца как прикосновение, от которого другие бойцы начинают падать. На пресс-конференции перед UFC 217 [6] Майкл Биспинг высказался о своем физическом преимуществе по сравнению с оппонентом: *“Did you see an open workout yesterday? Jesus Christ, he was in slow motion. Now I get it, he’s going slow, but did you see me? It was me like in f...ing fast-forward.”* («Вы видели вчера показательные тренировки? Господи Иисусе, он был будто в замедленном действии. Я только понял, он сам медленный, но вы видели меня? Я был на чертовой перемотке.»). Майкл Биспинг задает вопросы аудитории и сам же на них отвечает, акцентируя внимание на отсутствии у своего соперника скорости. Выражения *“slow motion”* и *“fast forward”* усиливают противопоставление физических способностей спортсменов. Спортсмен также употребляет просторечную и ненормативную лексику, упоминает имя Иисуса Христа, что в совокупности придает речи эмоциональность и образность.

3. Прошлые достижения. К данному блоку отнесены высказывания, в которых спортсмены конструируют образ победителя, основываясь на своих достижениях в прошлом. Довольно часто спортсмены (команды, бойцы) упоминают свои достижения в аккаунтах в социальных сетях. Так, Курт Энгл – олимпийский чемпион по вольной борьбе, профессиональный рестлер – во время своей активной карьеры в профессиональном рестлинге придумал кетч-фразу, которую он и социальные сети используют по сей день [4]: *“I won a gold medal with a broken freakin’ neck”* («Я выиграл золотую медаль с чертовой сломанной шеей»). Данная фраза отсылает к реальным событиям Летних Олимпийских игр 1996 года, когда К. Энгл выступал в составе сборной США со сломанной шеей. Золотая медаль является основным символом победы и, соответственно, атрибутом победителей в области спорта. А вошедшее в историю спорта участие в Олимпийских играх с травмой и одержанная победа вызывает у большинства людей восхищение данным спортсменом.

4. Финансовое благополучие. В эту группу мы включили высказывания о финансовых возможностях спортсменов. На пресс-конференции [5] перед боем с Нэйтом Диазом, Конор МакГрегор ответил на вопрос о смене весовой категории следующим образом: *“The only weight I give a f... about is the weight of them cheques, and my cheques are always super heavyweight, so I don’t give a sh...”* («Единственный вес, на который мне не все равно, это вес банковских чеков, и мои чеки всегда были супертяжеловесами, так что мне плевать»). К. МакГрегор, используя метафору и гиперболу, образно отождествляет числа на чеке гонорара с числами на весах и относит сумму своего гонорара к категории супертяжеловесов, тем самым напоминая о больших гонорарах, которые он получает за один бой. Спортсмен также использует прием повтора (*weight, cheques*), эпитет (*always super*) употребляет просторечную и нецензурную лексику, усиливая эмоциональность высказывания.

5. Семья и друзья. Конор МакГрегор часто публикует в Instagram фото со знаменитостями и своей семьей [3]. Так, под одним из постов с фотографией со своей женой он лаконично подписал ее: *“Winning”* («Побеждаю»). Данной публикацией К. МакГрегор демонстрирует

свои успехи не только в спорте, но и в личной повседневной жизни.

Таким образом, проведенный нами анализ позволил выделить лексические единицы и языковые средства, с помощью которых формируется образ победителя в спортивном дискурсе. Были выделены следующие лексические единицы *champion, winner, the best, strong, fast, gold medal, belt, money, to win*. При формировании образа победителя употребляются метафоры, эпитеты, литота, противопоставления, сравнения, повторы. Образ победителя конструируется путем репрезентации признаков, связанных со следующими темами: физическая подготовка, интеллект, финансовое благосостояние, прошлые достижения, семья и друзья.

Список литературы

1. Газинская Ю.В. Языковые средства формирования образа центральных политических фигур в украинских печатных СМИ // Вестник Томского государственного университета. – Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2012. - № 358 (май). - С. 7-10.
2. Мельник Г.С. Mass-media: психологические процессы и эффекты. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1996. - 160 с.
3. thenotoriousmma // Instagram [Электронный ресурс] URL: <https://www.instagram.com/p/Bz3epSio2zf/> (дата обращения: 18.11.2019)
4. therealkurtangle // Instagram [Электронный ресурс] URL: <https://www.instagram.com/p/BIOirPjhSxg/> (дата обращения: 18.11.2019)
5. UFC 196: Conor McGregor/Nate Diaz (Full Press Conference) // UFC ON FOX. [Электронный ресурс] URL: https://www.youtube.com/watch?v=MvKU3hqHWE&list=PLD8KPnF1_AS2cXh2jZU8S_WXK2tVpScdi&index=12&t=0s (дата обращения: 17.11.2019)
6. UFC 217 Michael Bisping vs. Georges St-Pierre press conference // ESPN. [Электронный ресурс] URL: https://www.youtube.com/watch?v=NOQZIJt4Hp0&list=PLD8KPnF1_AS2cXh2jZU8S_WXK2tVpScdi&index=17 (дата обращения: 17.11.2019)
7. UFC 218: Holloway vs Aldo 2 - Extended Preview // UFC – Ultimate Fighting Championship. [Электронный ресурс] URL: https://www.youtube.com/watch?v=vXmCBdKfuyE&list=PLD8KPnF1_AS2cXh2jZU8S_WXK2tVpScdi&index=32&t=0s (дата обращения: 17.11.2019)
8. UFC 245: Kamaru Usman Octagon Interview // UFC – Ultimate Fighting Championship. [Электронный ресурс] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=u3-TKuA8k1k> (дата обращения: 16.12.2019)

10.02.19

В.В. Лебедева, М.В. Никифорова

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
институт зарубежной филологии и регионоведения,
Якутск, levik93@inbox.ru; musya96niki@gmail.com

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОЛЛОКАЦИИ СО СЛОВОМ «마음» В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Данная статья посвящена анализу и описанию структурно-семантической характеристики коллокаций со словом «마음» [МАЫМ] («душа», «сердце», «чувства», «мысли») в корейском языке. В результате проведенного исследования корейских идиом со словом «마음» [МАЫМ] было выявлено, что по лексическому составу больше всего незаменимых и неизменяемых коллокаций. По способу образования выделяются коллокации, составленные по формуле имя существительное + глагол.

Ключевые слова: коллокация, словосочетание, идиома, корейский язык, формула.

Термин коллокация занимает одно из ведущих мест в современной лингвистике. В широком смысле коллокация – это сочетание двух или более слов, имеющих тенденцию к совместной встречаемости. В современной лингвистике существуют различные определения понятия «коллокация». Большинство определений строится на явлении семантикограмматической взаимообусловленности элементов словосочетания [2, с.57].

В рамках нашего исследования мы попытались проанализировать коллокации со словом «마음» [МАЫМ] в корейском языке и определить их структурно-семантические особенности. Значения коллокаций со словом «마음» [МАЫМ] усложнены многозначностью самого слова «마음» [МАЫМ]: 1) ум, разум, мысль, мышление; 2) сердце, чувство; 3) мысль, внимание; 4) душа, сердце; 5) воля, намерение, склонность; 6) вкус [3]. Все эти значения встречаются в различных вариациях коллокаций: 1) 마음이 좁다 [МАЫМИ ЧОПТА] – ограниченный ум; 2) 마음을 움직이다 [МАЫМЫЛЬ УМДЖИГИДА] – трогать сердце; 3) 마음을 쓰다 [МАЫМЫЛЬ ССЫДА] – быть внимательным; 4) 마음속에 감춰두다 [МАЫМСОГЕ КАМЧХУОЧУДА] – затаить что-либо в душе; 5) 마음대로 하다 [МАЫМДЭРО ХАДА] – делать что-либо по-своему желанию; 6) 마음에 들다 [МАЫМЕ ТЫЛЬДА] – быть по вкусу (нравиться). На русский язык чаще всего передается словами «душа», «сердце».

Материалом исследования послужили идиоматические выражения со словом «마음» [МАЫМ], выявленные путем сплошной выборки из онлайн-словаря идиом корейского языка. В ходе исследования мы разделили идиомы со словом «마음» [МАЫМ] на группы по их лексическому составу на основе классификации М. Бенсона, который условно делит коллокации на 3 группы: 1) Несоставные, смысл которых полностью отличается от её составных частей; 2) Незаменяемые, которые не допускают синонимическую замену одного слова другим; 3) Неизменяемые, которые содержат строгие связи между словами, не разрешающие их изменять с помощью дополнительной лексики или замены грамматической функции [1, с. 31-32]. В результате данной классификации, были сделаны следующие выводы:

– Почти все глагольные коллокации со словом «마음» [МАЫМ] можно отнести к незаменимым коллокациям, так изменение глагола стоящего в паре со словом «마음» [МАЫМ], искажает смысл всего словосочетания. Например, словосочетание 마음을 알다 [МАЫМЫЛЬ АЛЬДА] (досл. перевод «знать душу») означает «понимать, что творится на

душе другого человека». У слова *알다* [АЛЬДА] («*знать*») есть синоним *깨닫다* [ККЭДАТТА] («*осознать*»), также по контексту подходит глагол *이해하다* [ИХЭХАДА] («*понимать*»). Но несмотря на то, что они похожи по значению, мы не можем заменить глагол *알다* [АЛЬДА] «*знать*» на другой, так как в памяти носителей корейского языка и изучающих корейский язык, а также в словарях корейского языка, это словосочетание запечатлено именно как *마음을 알다* [МАЫМЫЛЬ АЛЬДА], а не *마음을 깨닫다* [МАЫМЫЛЬ ККЭДАТТА] или *마음을 이해하다* [МАЫМЫЛЬ ИХЭХАДА]. Это относится не только к глагольным коллокациям, но и к именным. Например, *마음의 양식* [МАЫМЭ ЯНСИК] (досл. перевод «*пища души*») со значением «*пища для ума*». Слово *양식* [ЯНСИК] тоже имеет синонимичное слово с таким же значением «*еда; пища*» – *음식* [ЫМСИК]. Однако по аналогичной причине коллокации *마음의 양식* [МАЫМЭ ЯНСИК], слово *양식* [ЯНСИК] не может быть заменено словом *음식* [ЫМСИК].

– Также, как и незаменяемые, большинство коллокаций со словом «*마음*» [МАЫМ] можно отнести и к неизменяемым коллокациям. То есть, с изменением грамматического окончания, полностью меняется и значение словосочетания. К примеру, если в словосочетании *마음을 두다* [МАЫМЫЛЬ ТУДА] (досл. перевод «*сажать душу*»), со значением «*проявить интерес*», окончание винительного падежа –*을* [ЫЛЬ], присоединенного к слову *마음* [МАЫМ], заменить окончанием дательного падежа –*에* [Е], получится словосочетание *마음에 두다* [МАЫМЕ ТУДА] (досл. перевод «*хранить в душе*») со значением «*помнить*».

Далее при более детальном анализе с применением формул, отмеченных Варламовой Е.В. в своей работе [5] было выявлено, что коллокации со словом «*душа*» в корейском языке составлены по формуле: имя существительное + имя прилагательное; имя существительное + имя существительное; имя существительное + глагол.

Больше всего коллокаций со словом «*마음*» [МАЫМ] было выявлено по формуле имя существительное + глагол (67 коллокаций). Это коллокации, которые состоят из сочетания существительного «*마음*» и глагола действия.

Таблица 1 – Имя существительное + глагол

существительное	глагол	коллокация	досл. перевод	значение
<i>마음</i> [МАЫМ] <i>душа</i>	<i>먹다</i> [МОКТА] <i>кушать</i>	<i>마음을 먹다</i> [МАЫМЫЛЬ МОКТА]	<i>Душу кушать</i>	<i>Решиться на что-либо</i>
<i>마음</i> [МАЫМ] <i>душа</i>	<i>아프다</i> [АПХЫДА] <i>болеть</i>	<i>마음이 아프다</i> [МАЫМИ АПХЫДА]	<i>Душа (сердце) болит</i>	<i>Горевать; Страдать</i>
<i>마음</i> [МАЫМ] <i>душа</i>	<i>붙이다</i> [ПУТХИДА] <i>приклеить</i>	<i>마음을 붙이다</i> [МАЫМЫЛЬ ПУТХИДА]	<i>Душу приклеить</i>	<i>Уйти с головой в какое-либо занятие</i>
<i>마음</i> [МАЫМ] <i>мысль</i>	<i>팔다</i> [ПХАЛЬДА] <i>продать</i>	<i>마음을 팔다</i> [МАЫМЫЛЬ ПХАЛЬДА]	<i>Мысли продать</i>	<i>Отвлекаться</i>
<i>마음</i> [МАЫМ] <i>душа</i>	<i>끌리다</i> <i>Быть задетым</i>	<i>마음이 끌리다</i> [МАЫМИ КЫЛЛИДА]	<i>Душа задета</i>	<i>Иметь влечение к чему-либо или к кому-либо</i>

При этом существительное или глагол могут быть составными.

Таблица 2 – (Составное) имя существительное + (составной) глагол

существительное	глагол	коллокация	досл. перевод	значение
마음 [МАЫМ] душа	고쳐먹다 (составной глагол от «исправить» и «кушать»)	마음을 고쳐먹다 [МАЫМЫЛЬ КОЧХЁМОКТА]	Душу исправить	Одуматься
마음자세 [МАЫМЧАСЕ] (составное сущ. от «мысль» и «порядок»)	가지다 «иметь, владеть»	마음자세를 가지다 [МАЫМЧАСЕРЫЛЬ КОДЖИДА]	Порядок мысли иметь	Привести в порядок мысли; Привести в порядок чувства

По формуле имя существительное + имя прилагательное было выявлено 44 коллокаций. Это коллокации, которые образованы сочетанием существительного «마음» [МАЫМ] и прилагательного.

Таблица 3 – Имя существительное + имя прилагательное

существительное	прилагательное	коллокация	досл. перевод	значение
마음 [МАЫМ] душа	착하다 [ЧХАКХАДА] добрый	마음이 착하다 [МАЫМИ ЧХАКХАДА]	Душа добрая	Добрый; Добродушный
마음 [МАЫМ] душа	약하다 [ЯКХАДА] слабый	마음이 약하다 [МАЫМИ ЯКХАДА]	Душа слабая	Слабовольный; Слабохарактерный
마음 [МАЫМ] душа	급하다 [КЫПХАДА] спешный, несдержанный	마음이 급하다 [МАЫМИ КЫПХАДА]	Душа несдержанная	Нетерпеливый
마음 [МАЫМ] душа	춥다 [ЧХУПТА] холодный	마음이 춥다 [МАЫМИ ЧХУПТА]	Душа холодная	Чувство одиночества

Встречаются также сочетания наоборот прилагательное + существительное «마음» [МАЫМ].

Таблица 4 – Имя прилагательное + имя существительное

прилагательное	существительное	коллокация	досл. перевод	значение
넓다 [НОЛЬБЫН] широкий	마음 [МАЫМ] душа	넓은 마음 [НОЛЬБЫН МАЫМ]	Широкая душа	Великодушный
불안하다 [ПУРАНХАДА] беспокойный, тревожный	마음 [МАЫМ] душа	불안한 마음 [ПУРАНХАН МАЫМ]	Беспокойная душа	Чувство тревоги
아깝다 [АККАПТА] жалкий	마음 [МАЫМ] душа	아까운 마음 [АККАУН МАЫМ]	Жалкая душа	Чувство сожаления
순수하다 [СУНСУХАДА] простой	마음 [МАЫМ] душа	순수한 마음 [СУНСУХАН МАЫМ]	Простая душа	Искренние чувства

Меньше всего было выявлено коллокаций, образованных по формуле имя существительное + имя существительное (20 коллокаций). То есть сочетание существительного «마음» [МАЫМ] с другим существительным.

Таблица 5 – Имя существительное + имя существительное

существительное	существительное	коллокация	досл. перевод	значение
마음 [МАЫМ] душа	자락 [ДЖАРАК] подол, нижняя часть	마음자락 [МАЫМДЖАРАК]	Нижняя часть души	В глубине души
마음 [МАЫМ] душа	고생 [ГОСЭН] трудности, невзгоды	마음 고생 [МАЫМГОСЭН]	Душевные труднос- ти	Душевные переживания
마음 [МАЫМ] чувство	여유 [ЁЮ] избыток, излишек	마음의 여유 [МАЫМЕ ЁЮ]	Избыток чувств	Наплыв чувств

В дальнейшем для более полной характеристики коллокаций со словом «마음» [МАЫМ] в корейском языке планируется провести более подробный семантический, а также синтаксический анализ корейских идиом и выражений со словом «마음» [МАЫМ].

Список литературы

1. Варламова Е.В, Башкирова К.А. Понятие collocation в зарубежной лингвистике: семантическое наполнение. 2018. № 1 (51). С. 30-34.
2. Павельева Т.Ю. Изучение коллокаций на основе лингвистических текстов. Вестник Тамбовского университета. Серия гуманитарные науки. 2016. С. 56-60.
3. 강덕수, 김현택. 한노사전. 진명출판사. 2000. 754.

10.02.19

В.В. Лебедева, В.А. Федулова

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
институт зарубежной филологии и регионоведения,
Якутск, levik93@inbox.ru; glebova-viktory@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЗНАКОВ ПРЕПИНАНИЯ В КОРЕЙСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

Данная статья посвящена изучению и описанию особенностей употребления знаков препинания в корейском языке на материале корейских художественных текстов. В результате исследования были выявлены и описаны такие знаки препинания как: точка, запятая, многоточие, вопросительный знак, восклицательный знак. Была также отмечена особенность графического изображения многоточия в корейском языке в сравнении с русским.

Ключевые слова: *пунктуация, знаки препинания, запятая, корейский язык, точка.*

Термин пунктуация означает совокупность знаков препинания, используемых в письменной речи, а также собрание правил их расстановки. Знаки препинания наряду с буквами являются частью графической системы каждого языка.

В некоторых случаях знаки препинания являются основным или единственным средством выявления смысловых отношений, которые не могут быть выражены в письменном тексте грамматическими или лексическими средствами. Поэтому изучающим иностранный язык необходимо знать основные правила употребления знаков препинания, изучать их также в сравнении с соответствующими правилами употребления в родном языке. Особый акцент должен быть сделан на те случаи использования знаков препинания, которые отсутствуют в родном языке или наоборот в изучаемом иностранном языке [1].

Для того, чтобы выявить особенности употребления знаков препинания в корейском языке, нами были проанализированы художественные рассказы корейских писателей Пи Чон Дык «엄마» («Мама»), Ю Ан Джин «지란지교를 꿈꾸며» («Мечтая о благородной дружбе»), Чхве Ун Шик «가재와 굼벵이» («Рак и личинка»), Джан Ён Хи «A+ 마음» («Душа на A+») [2, с.260-276], Пан Сук Джа 가슴으로 오는 소리 «Звук, исходящий от сердца» [3].

В проанализированных материалах было обнаружено употребление таких знаков препинания как: точка, запятая, вопросительный знак, восклицательный знак, а также многоточие.

В результате анализа были сделаны следующие выводы:

1. **Точка** – является единственным знаком препинания, который используется всегда, где она требуется по правилам пунктуации. Функция точки в корейском языке, так же, как и в других языках – членить текст на отдельные предложения, указывая на конец повествовательного предложения.

- 방문을 열어봐도 엄마가 없었다. (Когда открыл дверь в комнату, мамы там не было.)
- 나보다 나이가 많아도 좋고 동갑이거나 적어도 좋다. (Мне одинаково хорошо будь он старше меня, моим ровесником или младше меня.)

2. **Запятая** в предложениях используется:

1) во-первых, при разделении перечисляемых однородных членов предложения:

책상에 책, 공책, 신문, 잡지, 볼펜과 연필이 있습니다. (На столе лежат книга, тетрадь, газета, журнал, ручка и карандаш.)

2) во-вторых, для выделения обращения:

- 하느님, 저는 이제 죽습니다. (*Господь Бог, теперь я умираю*).

- 저리비켜, 머저리 여편네야. (*Отойди, дура*).

3) в-третьих, для разделения на смысловые части сложного предложения, не потому что того требует правило пунктуации, а скорее для упрощения визуального восприятия сложного, длинного предложения:

- 학기 내내 연습시키면 어느 정도 교정되는 학생들이 있는가 하면, 워낙 고질적 버릇이라 고쳐지지 않는 학생들도 있다. (*Есть такие студенты, которые поддаются обучению, если заставляя их упражняться систематически в течение всего семестра, и, напротив, есть студенты, которые из-за устоявшейся привычки не исправляются*).

3. Как и в других языках, вопросительным знаком оформляется вопросительное предложение.

- 아버지가 직업을 잃고 어머니는 병들어 누워 있어 집안의 생계를 책임지고 있다면? (*Что, если его отец потерял работу, а его мать слегла из-за болезни и все заботы по дому на его плечах?*).

Данное предложение является вопросительным только благодаря вопросительному знаку. При замене вопросительного знака на точку, а точнее на многоточие, данное предложение станет повествовательным без каких либо грамматических изменений.

- 아버지가 직업을 잃고 어머니는 병들어 누워 있어 집안의 생계를 책임지고 있다면…… (*Если вдруг его отец потерял работу, а его мать слегла из-за болезни и все заботы по дому лежали бы на его плечах, то...*).

В корейском языке глагол всегда стоит в конце предложения и, можно сказать, что значение всего предложения зависит от того, каким окончанием оформлен глагол. В данном предложении глагол оформлен окончанием -다면, который обычно прикрепляется к глаголу, стоящему в первой половине сложноподчиненного предложения со значением деепричастия условия (в русский язык можно перевести словом «если»). Например: 신호를 본다면 저에게 말을 바로 해 주세요. (*Если увидите сигнал, то сразу скажите мне*.)

Таким образом, в анализируемом нами примере, если убрать вопросительный знак, то предложение будет иметь вид незаконченного повествовательного предложения, то есть в данном случае вопросительный знак несет в себе функцию вопроса, и без контекста не будет ошибочным, если знак вопроса будет заменен другим знаком препинания, в данном случае точкой или многоточием.

А в следующем примере использование вопросительного знака обусловлено наличием в предложении вопросительного местоимения, то есть предложение по цели высказывания и без вопросительного знака является вопросительным и использование вопросительного знака по правилам пунктуации в данном случае является обязательным.

- 당신 뭐요? (*Кто Вы?*)

4. Восклицательный знак в анализируемых нами рассказах был употреблен в качестве восклицания для выражения реакции говорящего на то или иное событие или недовольства.

- 또 숨었군아! (*Опять ты спрятался!*)

Окончание -군아 в данном предложении выражает восхищение на какой-то новый факт, о котором говорящий либо сообщает другому человеку, либо самому себе. Предложение, оформленное данным окончанием, само по себе является восклицательным, поэтому иногда восклицательный знак у такого рода предложениях опускается.

5. Многоточие выражает недосказанность и прерванность мысли.

- 비오는 오후나, 눈내리는 밤에도 고무신을 끌고 찾아가도 좋을 친구, 밤늦도록 공허한 마음도 마음놓고 열어 보일 수 있고 악의없이 남의 얘기를 주고 받고나서도 말이 날까 걱정이 되지 않는 친구가…… (*Друг, который принесет калоши в дождливый день или даже ночью, когда идет снег, друг которому можно рассказать все секреты и не беспокоиться, что он расскажет кому-то другому...*).

При помощи многоточия в данном предложении выражена незаконченность высказывания. Использование многоточия в данном предложении является обязательным, так как предложение является грамматически не законченным. В силу морфолого-синтаксических особенностей корейского языка предложение в корейском языке не может заканчиваться подлежащим в именительном падеже, каковым является вышеприведенный пример.

Функция многоточия в корейском языке такая же, как в русском языке, но графическое изображение различается. Если в русском языке многоточие изображается тремя точками внизу строки (...), то в корейском языке шестью точками посередине строки (·····).

Таким образом, в результате проведенного исследования на материале рассказов, можно сделать выводы о том, что из всего многообразия знаков препинания, в корейских художественных текстах используется в основном: точка, восклицательный знак, вопросительный знак, запятая и многоточие. Кроме того запятая используется не так часто, как, например, в русском языке, где запятая выполняет смысловоразличительную функцию. В отличие от русского языка в корейском языке предложения с деепричастными оборотами не требуют использования запятых. Так же, одним из особенностей является графическое изображение многоточия, которое отличается месторасположением и количеством точек от многоточия русского языка.

Список литературы

1. Теоретические основы исследования современной пунктуации в русском и английском языках. URL: <https://inyaz.bobrodobro.ru/16243> (дата обращения: 10.12.2019).
2. 최운식, 김기창, 서범석, 김정훈. 외국인을 위한 한국문학.- 도서출판 보고사, 2010. 315.
3. 반숙자. 가슴으로 오는 소리 URL: http://m.blog.daum.net/_blog/_m/articleView.do?blogid=0sNb4&articleno=861 (дата обращения: 02.12.2019).

*10.02.19***А.В. Мерзлякова канд. филол. наук, Е.Д. Ястребова**

НГПУ им. К. Минина,
факультет гуманитарных наук,
кафедра иноязычной профессиональной коммуникации,
merzliakova@list.ru, evgenia.yastrebowa@yandex.ru

ГИПЕРТЕКСТ И КЛИПОВОЕ МЫШЛЕНИЕ

В статье рассматриваются структурные и функциональные особенности гипертекста. Гипертекст и клиповое мышление рассматриваются как взаимообусловленные феномены. Проводится анализ особенностей организации гипертекста, обусловленных появлением и распространением клипового мышления.

Ключевые слова: *гипертекст, клиповое мышление, интернет-коммуникация, гипотекст, линейная коммуникация.*

С появлением и распространением сети Интернет многие сферы деятельности человека, в том числе и коммуникация были перенесены в компьютерную среду. Основной составляющей Интернет-коммуникации является текст, который в новой среде претерпевает определенные преобразования. Среди целого ряда новых речевых практик преобладающей лингвисты считают гипертекст, который является основным компонентом, формирующим сеть.

Известно, что на данном этапе изучения гипертекста не существует единого мнения относительно его статуса, структуры и даже определения самого понятия гипертекста [3].

В качестве рабочего, в рамках данного исследования, принимается определение Т.И. Рязанцевой, описывающее гипертекст как особый вид письменной коммуникации, особую форму организации письменного текста, опосредованную компьютерной средой и характеризующуюся процессом нелинейного письма и чтения [8. С. 165].

Гипертекст имеет определенные особенности внутренней структуры и функционирования. Основной ее чертой нелинейный характер. В процессе чтения такого текста существует множество возможных вариантов выстраивания сюжетно-тематического потока за счет того, что читатель может переходить от одного сегмента гипертекста к другому в любой последовательности. Вместе с этим гипертекст имеет четко выстроенную иерархическую структуру, все его элементы – гипотексты – связаны между собой сложной системой ссылок. Подобная структура имеет открытый характер и по мере разрастания трансформируется в информационно-коммуникативную среду» [5]

Для гипертекста также характерно наличие невербальных компонентов (графические: фото, живопись и т.д.; динамические: звук, музыка, видео и т.д.). Их роль в интернет-коммуникации возрастает, но языковой компонент, по-прежнему, является основным.

Как было указано выше, гипертекст имеет свое особенное строение. К его основным структурным единицам лингвисты относят, прежде всего, гипотексты, сети связей и систему навигации.

Гипотекст определяется как минимальный блок или отрезок текста, предельный модуль, содержащий законченную мысль, логически завершенную идею, высказывание, рубрику и т.д. Гипотекстом может являться отдельное слово, предложение, фраза, словарная или энциклопедическая статья, страница, компьютерное «окно» или целое произведение речи. [8]

Связи представляют собой «стыки» между гипотекстами. Существуют два основных вида связей в составе гипертекста: сетевые, между однородными гипотекстами; определяют синтагматику и синтаксис гипертекста, и иерархические, между разнородными гипотекстами; определяют композицию и модель гипертекста.

Система навигации, также важнейшая составляющая гипертекста, позволяет эффективно осуществлять процесс чтения в условиях электронной коммуникации. Главную роль в системе навигации играют гиперссылки. Они позволяют каждому читателю в некотором роде творить собственный текст, перемещаясь с их помощью в выбранном им самим направлении.

Гипертекст не является изобретением рубежа XX-XXI в.в., поэтому возникает вопрос, почему именно на современной этапе гипертекстуальность привела к появлению клипового мышления.

Нелинейный характер представления текста появился задолго до компьютеризации общества в виде всевозможных энциклопедий, словарей, справочников.

Работа с изданиями подобного типа не предполагает чтение всего текста от начала до конца, а поиск той части, в которой может содержаться ответ на интересующий индивида вопрос. Такие издания либо затрагивают узкую тематику, либо в силу энциклопедического характера дают сжатое описание феномена. Средства репрезентации в них ограничены текстом и иллюстрациями.

Переход к информационной эпохе дал гипертексту новые возможности. Модель глобальной системы взаимосвязанных документов – World Wide Web изначально создавалась только профессионалами, интернет-пользователь являлся на начальном этапе формирования контента пассивным участником, реципиентом информации. Однако расширение технических возможностей способствовало включению пользователя в активный процесс формирования гипертекста в интернет-коммуникации [4. С. 6]. Повсеместное распространение сети Интернет привело к возникновению вместилища культурных знаний человечества в целом, охватывающего всевозможные аспекты жизнедеятельности человека. Репрезентативность интернет-источников не ограничивается текстом и иллюстрациями, для них характерно разнообразие аудиовизуальных средств, функционирующих на базе современного программного обеспечения.

Таким образом, если до всеобщей информатизации человек обращался к гипертексту окказионально, в современном обществе человек оказался погруженным в гипертекст.

Существование современного человека в пространстве гипертекста приводит к развитию у индивида клипового мышления, которое вызвано длительным потреблением информации в мозаичном виде в основном из СМИ и интернет источников. Произошел переход от линейной модели восприятия информации к сетевой [1. Р. 69].

В научной литературе встречается термин *homo clipus*, отражающий массовый характер и социальную значимость явления клипового мышления [6. С. 123].

Взаимосвязь и взаимообусловленность функционирования феноменов гипертекстуальности и клипового мышления на современном этапе привели к следующим лингво-психологическим изменениям поведения индивида.

Постоянно находясь в информационном поле, человек все больше информации получает через информационно-коммуникационные каналы, а не через опыт собственной деятельности [2. С. 387].

Таким образом, несомненно, расширяется тематика знаний, как индивида, так и общества в целом. Благодаря возможности мгновенного получения информации по запросу и неограниченности объема получаемой информации, поляризация базовых культурных концептов «свое/чужое» перестает быть острой. Она становится культурно, а не когнитивно обусловленной.

Люди, проводящие в интернете несколько часов каждый день, привыкают к определенным механизмам подачи информации: относительная краткость представленных текстов, наличие сюжетных картинок и гиперссылок [7. С. 470].

Люди, у которых преобладает клиповое мышление, обладают в основном смешанной репрезентативной системой с сильно развитой визуальностью, склонны к позитиву и минимализму, а также предпочитают актуальные сведения и активность, связанную с переключением с одних объектов и видов деятельности на другие.

Развитие клипового мышления усложняет процесс восприятия длинного, однообразного по структуре текста. Происходит снижение внимания и угасание интереса к смысловому наполнению такого текста.

В настоящее время обсуждаются различные аспекты проблемы взаимосвязи и функционирования гипертекста и клипового мышления. В качестве перспективного направления исследования гипертекста и клипового мышления в педагогическом вузе можно считать выделение и описание критериев для составления учебных материалов, отвечающих когнитивным потребностям современного учащегося.

Список литературы

1. *Greenfield P.M.* Technology and Informal Education: What Is Taught, What Is Learned // *Science*. 2009. Vol. 323, no. 5910. P. 69-71. URL: <https://doi.org/10.1126/science.1167190>.
2. *Звездина А.А.* Гипертекстуальность современного мышления // *Вестник Иркутского государственного технического университета*. 2015. №4. С. 386-390.
3. *Клочкова Е.С.* Лингвопрагматические особенности электронного гипертекста на немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Елена Сергеевна Клочкова. Самара. 2009. URL: <http://cheloveknauka.com/lingvopragmaticheskie-osobennosti-elektronnogo-giperteksta-na-nemetskom-yazyke>
4. *Круподерова К.Р., Брыксина О.Ф.* Сетевые социальные сервисы как инструмент реализации компетентностного подхода в педагогическом вузе // *Вестник Мининского университета*. 2018. Т. 6, №4. С. 6.
5. *Лутовинова О.В.* Гипертекст: понятие, основные характеристики, возможные подходы к лингвистическому анализу // *Известия ВГПУ*. 2009. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gipertekst-ponyatie-osnovnye-harakteristiki-vozmozhnye-podhody-k-lingvisticheskomu-analizu>
6. *Макаровска О.Р.* Поколение Homo Clipus и обучение русскому языку как иностранному: проблемы и решения // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2016. №1. С.123-126.
7. *Пронин В.В.* Клиповое мышление студента в дистанционном обучении // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2014. №2. С. 468-471
8. *Рязанцева Т.И.* Гипертекст и электронная коммуникация. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 256 с.

10.02.19

З.У. Назырова, Х.В.Султанбаева д-р филол. наук

Башкирский государственный университет,
Факультет башкирской филологии, востоковедения и журналистики,
кафедра востоковедения и башкирского языкознания,
Уфа, bagishaeva.zarina@yandex.ru, sultanxv@mail.ru

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СФЕРЫ “ТЫУҒАН ИЛ” (“РОДИНА”) В ПОЭЗИИ МУСТАЯ КАРИМА

В данной статье представлен анализ лексического воплощения концептуальной сферы “Тыуған ил” (“Родина”) в поэзии Мустая Карима. Содержание изучаемого концепта раскрывает ценностную значимость в системе мировидения и миропонимания автора.

В исследовании рассматривается смысловое наполнение концептуальной сферы “Тыуған ил” (“Родина”), в которой мы видим образ Родины через мировосприятие автора.

Ключевые слова: *концепт, концептуальная сфера, “Тыуған ил” (“Родина”), поэзия, Мустай Карим.*

Мустай Карим – классик башкирской литературы, мастер элитарного слова башкирского народа. Он хоть и сам лично не сталкивался с такими научными понятиями, как концепт, концептуальная сфера, однако в его творчестве прослеживается когнитивная деятельность языковой личности, о чем свидетельствуют его поэтические произведения. Напри , в стихотворениях, посвященных теме Родина, концептуальная сфера “Тыуған ил” (“Родина”) имеет разнообразное лексическое воплощение, что является не только доказательством мастерства поэта, но и богатством языкового материала его творчества, как при а языковой картины мира башкирского народа. В ходе исследования концептуальная сфера “Тыуған ил” (“Родина”) предстает перед нами как система взаимосвязанных лексико-семантических единиц, имеющих общий ядерный элемент.

В содержании данного концепта раскрывается его ценностная значимость в системе мировидения и миропонимания автора. Как известно, любовь к Родине у башкир проявляется открыто и эмоционально, и свидетельством этому является язык. Для формирования образа Родины в башкирском языке используются прилагательное “тыуған” (“родной”) и существительное “ил” (“страна”). Позиция прилагательного “тыуған” отражает семантическую роль существительного “ил” как элемента, помогающего установить тему произведений автора. Следовательно, концептуальная сфера “Тыуған ил” (“Родина”) складывается из группы лексико-семантических единиц, которые входят в слой лексики башкирского языка и несут в себе национально-культурные характеристики башкирского народа. Возникает вопрос, какой глубинный смысл хотел вложить Мустай Карим в определение образа “Тыуған ил” (“Родина”), ведь он создает образ Родины по-своему.

При изучении концептуальной сферы “Тыуған ил” (“Родина”) прежде всего интересует лексическое воплощение данного концепта, т.е. какие слова и выражения являются ассоциацией Родины автора, которые вполне могут стать образом Родины и для читателя. Лексическое воплощение концепта “Тыуған ил” (“Родина”) основывается на выделении синонимичных понятий к ключевому словосочетанию “тыуған ил”, выступающему как знаковая доминанта, благодаря которой, думается, происходит сознательное моделирование авторской программы интерпретации текста.

Мировосприятие, познание окружающей среды для Мустая Карима начинается с порога отчего дома, с родного края. Для него Родиной является деревня Кляшево Чишминского района. Напри , в стихотворении “Милэш” (“Рябина”) лирический герой, увидев перед Кремлевским дворцом растущую рябину, мыслями возвращается к своей деревне Кляшево,

потому что и в его родной стороне, рядом с домом растет точно такая же рябина. Образ рябины для автора ассоциируется с образом Родины, а в данном случае – конкретным местом, точнее говоря, деревней поэта, где он родился и вырос:

Кремль эсендә, һул яғында зур капканың,
Миләш үсә, иркен йәйеп ботактарын.
 Караным да бында үскән шул *миләшкә*,
 Уйым менән кире кайттым мин *Келәшкә*.
Тыуған өйзәң эргәһендә тап шул миләш
 Кәртә аша һығылып төшкән тәлгәш-тәлгәш [5, с.195].

Как мы видим, в данном отрывке из стихотворения “Миләш” (“Рябина”) концептуальная сфера “Тыуған ил” (“Родина”) выстраивается цепочкой образов, которые для поэта являются ассоциацией Родины: “миләш” (“рябина”), “Келәш” (“Кляшево”), “тыуған өй” (“родной дом”). Здесь основным ядром концептуальной сферы “Тыуған ил” (“Родина”) является слово “миләш” (“рябина”), а периферийную зону представляют слова “Келәш” (“Кляшево”), “тыуған өй” (“родной дом”).

Ближнюю периферию концептуальной сферы “Тыуған ил” (“Родина”) на материале поэзии Мустая Карима занимает слово “Башкортостан”, которое неоднократно используется в его поэтических текстах и соответственно, является при этом ее лексического воплощения. В качестве наглядного материала рассмотрим стихотворение “Кояш сыккан якта, йыракта...” (“В той стороне, где солнце всходит вдали...”), которое посвящено 25-летию образования Башкортостана. Здесь автор выражает свою любовь к Родине, а именно – Башкортостану, и с особой теплотой рассказывает читателю о своей родной земле:

Кояш сыккан якта, бик йыракта,
Башкортостан тигән ерем бар [5, 96].

В продолжении произведения образ Родины имеет лексическое воплощение в словосочетании “ошо ер”, в структуре которого указательное местоимение – “ошо” (“вот это”) и существительное “ер” (“земля”). Точнее говоря, “ошо ер” подразумевает в своем выражении содержание концептуальной сферы “Тыуған ил” (“Родина”):

Ошо ерзәң аяз күте астында
 Ел тибрәткән минең бишекте,
Ошо ерзә көн яктыһын күрзем
 Һәм эсәмдең өнөн ишеттем [5, 96].

Дальнейший анализ стихотворения по реализации концептуальной сферы “Тыуған ил” (“Родина”) позволяет говорить об антропоцентричности образной составляющей концепта. В данном случае антропоцентричность наблюдается через образы матери и отца лирического героя:

Ошо ерзә көн яктыһын күрзем
 Һәм эсәмдең өнөн ишеттем.
Мәгрүр Урал ата булып, мине
 Итәгендә һөйөп үстәрзе.

Голос матери (“эсәмдең өнө”) и образ отца, который в представлении лирического героя сравнивается с могучим Уралом (“Мәгрүр Урал ата”), отождествляют лексическое воплощение изучаемого нами концепта. Синтагмы “Урал ирзәре” (“Мужчины Урала”), “Әсәләрзәң биргән фатихаһы” (“Благословение матерей”) также являются при этом для антропоцентричности концептуальной сферы “Тыуған ил” (“Родина”).

В произведении нашли отражение названия топонимов родного края поэта, указывающие на географическое местоположение его Родины: “Урал” (“Урал”), “Ағизелкәй” (“Агидель”), “Изел ярзары” (“берега Идели”). Лексическое воплощение концептуальной сферы “Тыуған ил” (“Родина”) дополняется такими словами и конструкциями, репрезентирующими содержание концепта: “ил” (“страна”), “тыуған тупрак” (“родная земля”), “егерме биш йәшлек ерем бар” (“есть двадцатипятилетняя моя земля”), “беззәң якта” (“в нашей стороне”), “Башкортостан тигән илем бар” (“есть моя страна под названием Башкортостан”).

Тоска по Родине лирического героя выражена в следующих строках, которые раскрывают содержание концептуальной сферы “Тыуған ил” (“Родина”):

Ошо ерзең күгәрсене һаман

Баш осома килеп қағына.

Ғашик инем элек *гәлдәренә*,

Таштарын да хәзер һағынам.

Слова “ошо ерзең күгәрсене” (“голубь той земли”), “гәлдәре” (“цветы”), “таштары” (“камни”) тоже относятся к концептуальной сфере “Тыуған ил” (“Родина”) в качестве дальней периферии.

Таким образом, концептуальная сфера “Тыуған ил” (“Родина”) в поэзии Мустая Карима устанавливается на основании идейного содержания произведений на тему “Родина”, а концепт “Тыуған ил” (“Родина”) является ключевым в мировидении автора, выступая элементом репрезентации ментальности и культурного мира башкирского народа.

Список литературы

1. *Бабудевич С.Н.* Цветообозначения как средство реализации концепта “Родина” в художественной картине мира С. Есенина. Калининград, 2004. – 181 с.
2. *Гарипова, Л.Р.* Лингвокультурологические особенности концепта «Дөнья» («Мир») (на материале татарского и русского языков) // Актуальные проблемы обучения татарскому языку в русской школе: Материалы респ. научно-практич. конф. – Казань: ТГПУ, 2005. – С. 65–67.
3. *Зайнуллин М.В. и Зайнуллина Л.М.* Общие проблемы лингвокультурологии: курс лекций. / М. В. Зайнуллин, Л. М. Зайнуллина. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. – 206 с.
4. *Замалетдинов, Р.Р.* Концепт «Дөнья» (мир) в татарской и русской языковых картинах мира // Традиционное, современное и переходное в российском обществе: сб. ст. – Пенза, 2004. – С. 16–18.
5. *Каримов М.С.* Сочинения. Т. 1. Уфа, 2009. – 512 с.
6. *Назырова З.У., Султанбаева Х.В.* Репрезентация концептуальной сферы “Родина” (“Тыуған ил”) в башкирской языковой картине мира (на материале творчества М. Карима) // Вестник башкирского университета, №4, том 21, 2016. 1095-1101 с.
7. *Самситова Л.Х.* Культурные концепты в башкирской языковой картине мира. – Уфа: Гилем, 2015. – 358 с.
8. *Саньяров Ф.Б.* Концептосфера Гайсы Хусаинова. Монография. – Уфа: Изд-во ИРО РБ, 2015. – 134 с.
9. *Тюрин В.Б.* Концепт “Родина” в языковой картине мира Н.М. Рубцова: общий взгляд. // Мир науки, культуры, образования. № 2 (51), 2015. – с. 393-395.
10. *Тюрин В.Б.* Лексико-семантическое поле «Родина» в лирике Н.М. Рубцова. – Нижний Новгород, 2017. – 211 с.

10.02.19

¹С.В. Оленев канд. филол. наук, ²Б.Е. Кильдибекова

¹Кемеровский государственный университет,
кафедра стилистики и риторики,
Кемерово, stanislav.olenev@gmail.com,

²Инновационный Евразийский университет,
кафедра иностранных языков и переводческого дела,
Павлодар, bibigulerkenovna@mail.ru

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЗНАНИЯ УЧАСТНИКОВ РЕЛИГИОЗНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

В статье представлены результаты дискурсивного анализа прецедентных феноменов (имен, выражений, ситуаций и т.д.), функционирующих в современном русскоязычном религиозном дискурсе Казахстана в пределах блогосферы. В результате качественного анализа текстов делаются выводы о возможности определения коммуникативных намерений авторов по характеру используемых ими прецедентных феноменов. Наряду с этим отмечается, что прецедентные феномены выступают как один из действенных инструментов трансформации сознания пользователей сети в религиозно-идеологическом дискурсе.

Ключевые слова: *религиозный дискурс, фоновые знания, блог, прецедентные феномены, трансформация сознания.*

Блог или сетевой журнал все чаще становится объектом пристального внимания исследователей языка в силу того, что он представляет часть нового информационного пространства, в пределах которого формируется и проявляется новая языковая личность. Согласимся с В.И. Ивченко, который говорит о том, что современные медиа являются «катализатором принятия политических решений, осуществления социальных проектов и масштабных интеграций» [Ивченко 2015, с. 26].

Основным объектом исследования стали ПФ — прецедентные имена, выражения, ситуации, сценарии. Предметом исследования явились процессы функционирования ПФ в текстах блогов, отнесенных к периферии религиозного дискурса, а также формальные и смысловые трансформации, происходящие при этом.

В ходе исследования было рассмотрено 57 текстов из блогов русскоязычных казахстанских авторов, в качестве информационных источников были отобраны такие блог-платформы как: Facebook (далее — Fb), tengrinews.kz (далее — Tg.kz), Total.kz (далее — T.kz), vse.kz (далее — Vs.kz), Yvision.kz (далее — Yv.kz), Forbes.kz (далее — For.kz). Учитывая результаты анализа всех рассмотренных материалов, в статье в качестве примеров приводятся тексты, взятые в блог-платформы Yvision.kz (далее — Yv.kz) и Facebook (далее — Fb).

Для отбора необходимого материала для анализа была использована функция «поиск по тегам». Были включены маркеры *религия, вера, бог*. Для анализа отобранного материала был использован алгоритм, представленный в диалингвальном методе [Карлинский 2000]. Алгоритм дает возможность рассмотреть акт коммуникации в связи с его формой, функцией, ситуативной и социально-культурной обусловленностью. Рассмотрим это на одном из примеров.

Анализ блога автора Aysha «Блог в хиджаб стиле» (Yuv. Ay. 28.04. 2015).

Первый шаг — описание ситуации общения. Случайный посетитель читает текст автора. Автор — подготовленный коммуникант, степень подготовленности читателя неизвестна (при использовании примеров из текстов блогов сохранена авторская орфография и стилистика).

Второй шаг — определение типа дискурса. Текст относится к институциональному типу дискурса, а если точнее, то к рекламному. Лексические маркеры (*Ассалам алейкум, сестры, хиджаб, не грешите, фард (обязанность), абайя*) свидетельствуют о том, что здесь ситуация проявления дискурсивной практики в рамках религиозно-идеологического дискурса.

Третий шаг — установление структуры дискурса. Для этого выделим темы внутри блога.

Приветствие: *Ассалам алейкум*. Традиционное приветствие среди мусульман, арабизм, часть фатического общения. Автор очерчивает круг общения: «свой — чужой».

Лид построенный по жанрам рекламного текста: *Каждый день сестры задаются вопросом что одеть, и долго смотрят на гардероб*. Создается проблемная ситуация, требующая решения. Слово *сестры* снова очерчивает круг адресантов текста.

Следующая ключевая тема, содержащаяся в тексте, — *Хиджаб — фард (обязанность)*.

В заключительной части этого «рекламно-религиозного» текста: ссылка на авторитет своей веры, которая вменяет в обязанность ношение данного атрибута одежды для представительниц женского пола: *Не грешите сестры, носите хиджаб*.

Использована ремарка, которая представлена в виде отступления-размышления: *К сожалению или к радости мы не жительницы некоторых арабских стран где дамы одевают каждый день черную абайю и не думают о том что одеть*. Реплика не передает оценки автором представленного факта.

Четвертый шаг — определение возможной реакции читателя. Блог может привлечь внимание девушек, носящих хиджаб либо задумывающихся об этом. Одобрение/неодобрение зависит от реакции читателя. Аргументом для принятия положительного решения может выступить страх перед божественным наказанием, желание приобщиться к некоторому привилегированному обществу и т.д.

Пятый шаг — определение семантических особенностей речевого поведения автора. Автор применяет контактоустонавливающую стратегию.

Шестой шаг — определить интенции, речевые стратегии и тактики коммуникантов. Автор активен, настойчив, последователен, использует тактику указания на преимущество предлагаемой одежды: *девушка чувствует себя защищенной*; приведения аргументов (обоснования): *хиджаб — фард (обязанность)*; тактику прямого призыва к действию: *не грешите сестры* (в данном призыве также выражена негативная оценка поведения, альтернативного предлагаемому: отказ от хиджаба оценивается как грех); *носите смело*; тактику приглашения к развитию темы (между прочим): *где дамы каждый день одевают и не думают*. Последняя реплика представлена как вариант ответа на вопрос, поставленный в начале общения: *Каждый день сестры задаются вопросом что одеть, и долго смотрят на гардероб*.

Седьмой шаг — определение семантических особенностей дискурса в целом. Перед нами развёрнутый призыв к изменению модели поведения, скрытый за внешней формой рекламного текста.

Восьмой шаг — определение лексико-грамматического аспекта дискурса. Лексика представлена словами из активного словарного запаса современного казахстанца. Характер изложения мыслей свидетельствует об эмоциональном сопереживании содержанию текста, это можно определить по их коннотативной окрашенности: *сестры, защищенная, смело*. В тексте присутствует скрытая динамика: *задаются вопросом что одеть — смотрят — оцените — решают — берегите честь — носите смело — не грешите — одевают абайю*. Все эти слова описывают мыслительные процессы в сознании адресанта, которые приводят его к решению носить хиджаб не просто так, а осознанно.

Определим в тексте ПФ, среди них:

прецедентные имена: *сестры* — используется с коммуникативным намерением установления контакта и ограничения круга адресантов; *абайя* — намек на наличие другого мира, где девушки пошли дальше: идти или не идти за ними — решать вам;

прецедентные выражения: *не грешите сестры* — тактика порицания, усиливающая мысль о том, что не носить хиджаб — это грех;

прецедентные ситуации: ситуация, с которой сталкивается девушка каждый день при подборе одежды, вечный вопрос: «*Что сегодня надеть?*» — используется для установления солидарных отношений, тактика единения в решении обыденной проблемы; присутствует намек на другие государства, где этот вопрос изначально решен, отсылка к сценарию поведения девушки из исламского государства — тактика направления мыслей адресата на возможность решения вопроса другим путем, информация к размышлению, метод внесения ремарки.

Девятый шаг — характеристика грамматического строя анализируемой ситуации общения, в нашем случае — размещение блога автора Aysha на личной странице блог-платформы Yuvision.kz.

Предложения — полные законченные фразы, синтаксис текста прозрачен и не загроможден. Автор использует простые предложения, осложненные однородными сказуемыми и вводными словами. Используется тире, знак очень популярный среди пользователей сети. Обнаруживается стройная синтаксическая система.

Таким образом приходим к выводу, что автор блога используя ПФ проявляет такие тактики как: порицание, установления солидарных отношений, призыва к ношению хиджаба.

Алгоритм был использован для анализа всех текстов блогов. В результате были определены следующие тактики, способствующие реализации общей стратегии установления контакта с читателем блога.

Тактика одобрения, приглашения к диалогу на основе расположения. В дальнейшем установление контакта на основе общих воспоминаний, предпочтений, на основе общности веры, культуры, традиций и т.д. (здесь далее в примерах ПФ выделены полужирным шрифтом): *Давайте вместе работать на благо всего общества!* (Yv.kz. НС, 17.06.2016); *Пусть будет между ними конкуренция в добрых делах!* (Yv.kz. НС, 17.06.2016) . *Прими Аллаха в сердце, и он даст тебе все* (vse.kz. МВ, 26.06. 2016); *Хиджаб — это <...> необъяснимая сила и любовь, которая обволакивает ваше сердце* (Yv.kz.); *чем меньше посредников между Всевышним и тобой, тем лучше* (Fb. АК, 15.08.2016); *Наши предки были реальными МУСУЛЬМАНАМИ с большой буквы...* (Fb. ШБ 14. 04. 2019.) и т.д.

Тактика осуждения также основанная на употреблении в речи ПФ, вызывающих определенные ассоциации и разворачивающих в сознании носителей языка понятные и узнаваемые образы: *аналитические круги тоже «поймали тишину»* (Yv.kz. НС, 17.06.2016); *говорит от имени Бога, действует же от имени сатаны* (Yv.kz. НС, 17.06.2016); *благие пожелания ведут к охоте на ведьм, нарушению демократических прав и полицейскому произволу* (Yv.kz. АП, 30.01.2018); *Там «наверху» все видно, все как говорится записано* (vse.kz. МВ, 26.06. 2016) и т.д.

ПФ используются также как реализация тактики призыва к действию: *дать в нашей стране «зеленый свет» всем религиям, конфессиям и верованиям* (Yv.kz. НС, 17.06.2016); *дать открытый бой, пойти на лобовое столкновение, чем ждать, когда салафиты инфильтрируются в государственные аппараты* (Yv.kz. Р, 08.11.2017); *хочет сохранить светский характер своей государственности, ему придется давить эту угрозу еще в зародыше* (Yv.kz. Р, 08.11.2017) и т.д.

Тактика описания угрозы также успешно реализуется с помощью включения в тексты ПФ (выделены полужирным шрифтом): *взбударажили бородастые психи* (Fb. АБ, 23.07.2016); *происходит психологическое якорение на слово «знающий брат»* (Fb. Д.Х,13.12.2018); *«Пример Ирака или Сирии, где салафитскому Левиафану дали вырасти* (Yv.kz. Р, 08.11.2017) и т.д.

Таким образом, мы пришли к следующим выводам. ПФ позволяют авторам блогов достичь поставленных коммуникативных целей: воздействующей, персуазивной и аттрактивной. ПФ используются в дискурсивных практиках религиозно-идеологического дискурса как действенного инструмента запуска механизмом трансформации сознания участников сетевого общения.

Список литературы

1. *Ивченков В.И.* Медиалингвистика как научное направление в сферах языкознания и журналистики// Медиалингвистика. Вып. 4. Профессиональная речевая коммуникация в массмедиа: сб. статей / Под ред. Л. Р. Дускаевой. Отв. ред. Н. С. Цветова. — СПб.: С-Петербург. гос. ун-т, ин-т «Высш. шк. журн. и масс. Коммуникаций», 2015. — 272 с.
2. *Карлинский А.Е.* Принципы, методы и приемы лингвистических исследований Текст. / А. Е. Карлинский. Алматы: КазУМОиМЯ им. Абылай хана, 2003. -170 С.
3. *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность?.- М.: Гнозис, 2003. -375 с.
4. *Слышкин Г.Г.* Лингвокультурные концепты прецедентных текстов. — М.: Academia, 2000. — 142 с.

10.02.19

Т.В. Ордахова, А.Е. Новикова

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
институт зарубежной филологии и регионоведения,
кафедра восточных языков и страноведения,
Университет Цзямусы, КНР,
Якутск, ordakhova@mail.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА КИТАЙСКИХ АНЕКДОТОВ

Юмор отражает историю, культуру, язык и менталитет народа, т.к. все они взаимосвязаны друг с другом. Чрезвычайно важно рассмотреть тот факт, что юмор может представлять собой уникальный инструмент для углубленного изучения культуры и языка, ведь то, как мы шутим и над чем мы шутим на прямую связано с нашим мировосприятием.

Ключевые слова: юмор, анекдоты, лингвокультурология, игра слов, китайская культура.

Одной из актуальных проблем в области лингвокультурологии в настоящее время является мало изученность китайской культуры и языка с юмористической стороны.

В первую очередь необходимо отметить, что юмор проявляется во всех сферах жизнедеятельности человека, ведь каждый человек неосознанно использует юмор в повседневной жизни: рассказывает смешные ситуации из жизни, делится с друзьями смешными картинками, видеороликами, сообщениями в социальных сетях, смотрит юмористические телешоу и т.д. Иероглифический юмор, который воспринимается только при самом чтении текста анекдота. Данный юмор создает комический эффект благодаря омофонам. Например: вторым тоном «余» (yu) - остаток и «鱼» (yu) - рыба, четвертым тоном «市» (shi) - город и «世» (shi) - мир, первым тоном «班» (ban) - группа и «斑» (ban) - пятно и т.п. Более того, в создании иероглифического юмора действуют омографы. Например: «还» (hai) - все еще и «还» (huan) - возвращаться, «行» (xing) - идти и «行» (hang) - ряд, «长» (chang) - длинный и «长» (zhang) - расти и т.д.

Омофоны и омографы лежат в основе стилистического эффекта анекдота, создают остроумную игру слов. Иероглифический юмор является самой отличительной особенностью в китайском юмористическом дискурсе;

Игра тонами, где в анекдотах слова произносятся другим тоном, придавая совсем иное значение. К примеру, известное выражение китайского политика Дэн Сяопина (邓小平), которое после стало крылатым: «要向前看» (yao xiang qian kan), что переводится как «смотреть только вперед» при изменении лишь одного тона в слове, превратилось в «向钱看» (xiang qian kan) - «все ради денег». Данное средство для создания комического эффекта наблюдается в китайском языке, т.к. он является тоновым;

В Поднебесной существует 8 диалектных групп, где наблюдается огромная разница между словами. Диалектизмами являются лексические единицы, характерные для жителей одной местности. Например, слово «девушка» на Северно-китайском диалекте будет «女生» (nu sheng), а жители Южной стороны Китая говорят «姑娘» (gu niang).

Китайцы очень любят использовать диалектизмы для создания нелепых ситуаций не только в повседневной жизни, но и в смешных рассказах. Подобный прием оказывает большую услугу в создании комического эффекта в китайских анекдотах;

Юмор чисел весьма популярен в Китае, т.к. китайцы придают огромное значение цифрам. Они верят, что каждое число несет в себе позитивную или негативную энергетику. Например: Число 6 (六) во всем мире считается дьявольским числом, но в Китае данное

число является символом удачи, т.к. оно созвучно со словом «притягивать» (流). Китайцы боятся лететь на самолете Tu-154, т.к. номер самолета на китайском языке буквально звучит как «нужно не умереть» (要无死). По этой причине, в Китае люди тщательно выбирают дату свадьбы, заключения договоров, номер квартиры, машины и т.п.

В качестве материала для исследования мы взяли тексты анекдотов из различных китайских сборников и Интернет-сайтов. Первоначальной задачей нашей исследовательской работы состояла в анализе 50 разных анекдотов, которые мы отобрали исходя из тематической классификации, предложенной нами выше.

Пример 1

自然课老师问：“为什么人死后身体是冷的？”没人回答。老师又问：“没人知道吗？”这时，教室后面有人说：“那是因为心静自然凉。”

Преподаватель спрашивает: «Вы знаете почему после смерти тело человека становится холодным?». Никто в аудитории не ответил, но нашелся один студент, который сказал, что тело становится холодным, потому что спокойное сердце само делает тебя холодным (心静自然凉). Как известно, «心静自然凉» (xinjing ziran liang) — это китайская идиома, которая означает «спокойное сердце делает тебя холодным; спокойное сердце - прохладное ощущение». Лингвокультурологическая специфика анекдота заключается в использовании китайской идиомы, которая создает сложность при понимании сути анекдота.

Пример 2

有一个中学生很爱写错别字，有一次他去体会农村生活，一个月之后，他写了一封信给爸爸妈妈：爸，妈，我在这里生活得很好，我跟房东老大狼(娘)在一张床上睡，每天早上她都把我咬(叫)醒……他爸爸妈妈哭着跟别人说：“我的儿子天天跟狼睡在一起!快救救他!……”

Один китайский ученик любил делать ошибки в написании иероглифов. Однажды он поехал в сельскую местность. После одного месяца жизни в деревне, он написал письмо родителям: папа, мама, я живу тут очень хорошо, я сплю со старым волком на одной кровати, который кусает меня каждое утро. Мать и отец плачут и говорят: «Ой, мой сын спит с волком каждый день, надо быстро спасти его!».

В данном анекдоте допущены ошибки в написании иероглифов: вместо слова «волк» (狼) надо было написать «тетя» (娘), вместо кусать (咬) необходимо было написать «звать» (叫). В первом случае, ошибки допущены из-за похожего написания иероглифов «狼» и «娘», а во втором случае, из-за схожести в произношении, т.к. существует слово «交» (jiao) и «叫» (jiao), как видно они имеют схожее произношение, но пишутся по-разному. В связи с этим, мальчик написал иероглиф «咬» (yao), что похож по написанию с иероглифом «交» (jiao). Данная путаница в написании иероглифов делает анекдот смешным и национально специфическим.

Пример 3

В данном анекдоте раскрывается менталитет и национальный характер китайского народа. Анекдот содержит точки зрения китайцев о жизни в целом. Следующие утверждения из анекдота являются мировоззрением китайского народа:

Самая трудная вещь, которую можно получить — это жена, а самая трудная вещь, от которой нужно избавиться — это любовник. Самая трудная вещь для контроля — это рот, а самая трудная вещь — это вес. Самое трудное, что можно поднять — это рост, а самое трудное для повышения — это зарплата. Самое сложное в обобщении — это соответствие, а самое сложное в реализации — это мечта. Самое трудное, что можно изменить — это льготы, а самое трудное — подавить ненависть к богатым. Сложнее всего иметь дело с отношениями, а самое сложное — это дождаться лидерства.

最难搞定的，是老婆；最难脱手的，是情人。最难管住的，是嘴巴；最难减少的，是体重。最难提高的，是身高；最难增加的，是收入。最难统一的，是口径；最难实现的，是理想。最难改变的是待遇；最难抑制的，是仇富。最难处理的，是关系；最难伺候的，是领导。

В современном мире тема данной исследовательской работы является актуальной, ведь подобных исследований в аспекте лингвокультурологии чрезвычайно мало. Более того, китайский юмор труднопонимаем для представителя другой культуры, что вызывает много вопросов. Многие люди считают, что у китайцев нет чувства юмора ввиду того факта, что эти люди недостаточно осведомлены о китайской культуре. Отметим, что не существует такого народа, у которого не было бы чувства юмора.

В юморе наблюдается история, культура, менталитет, национальный характер, ценностные ориентиры всего народа. Исходя из того факта, что все народы являются разными в плане истории и культуры, у каждого народа есть своя собственная картина мира. Картина мира — это то, как мы видим мир своими глазами. По данной «картине мира» образовывается особенное мировосприятие. Таким образом, языковая картина мира определяет культуру народа, в которой особое место занимает именно юмор.

Список литературы

1. *Карасик В.И.* Анекдот как предмет лингвистического изучения//Жанры речи: Межвуз. сб. науч.тр. - Саратов: Колледж, 1997. Вып. 1.
2. 王凯 (Ван Кай). 一生会进的幽默话 (Юмористические анекдоты, о которых я буду рассказывать всю жизнь). – 北京: 企业管理出版社, 2009. – (232)
3. 王金玲 (Ван Цзиньлин). 幽默语篇理解的多维理论阐释 (Теоретическая интерпретация понимания юмористического текста). – 长春: 吉林大学出版社, 2008. – (165)

10.02.19

Л.Д. Раднаева д-р филол. наук

Бурятский государственный университет,
Кафедра иностранных языков,
Улан-Удэ, Radnaeva.ljubov@gmail.com

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СВОЙСТВА И ФОНЕТИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯТЫ СЛОЖНЫХ ГЛАСНЫХ

Статья посвящена изучению функциональных и фонетических свойств дифтонгов. Рассматривается определение понятия дифтонга. Анализируется фонологический статус дифтонгов на примере разных языков.

Ключевые слова : *дифтонг, фонологический статус, фонетика, фонетические свойства.*

Важной проблемой экспериментально-фонетических исследований является изучение сложных, неоднородных по своим характеристикам речевых единиц. Фонологические признаки неоднородности определены самой системой языка, в которой неоднородные дифтонги противопоставлены монофтонгам. В звуковом составе многих языков есть сложные гласные — дифтонги, издавна привлекающие внимание лингвистов. В лингвистической литературе нет единого мнения относительно фонетической и фонологической природы дифтонгов. Решение о фонологическом статусе принимается на основании изучения фонологической системы конкретного языка, тогда как фонетические характеристики могут быть самыми разнообразными.

Согласно традиционному определению, дифтонг — это сочетание двух гласных в одном слоге. Термин «дифтонг» исходит от древнегреческого *di(s)* — «дважды, двойной», *phthongas* — «звук, голос».

До первой половины XX века описание дифтонгов проводилось на основе слухового анализа с точки зрения артикуляторно-акустических признаков. Так, Сиверс характеризует дифтонг как односложное сочетание двух простых гласных, произнесенных на одном экспираторном толчке. Один из компонентов дифтонга несет ударение и является слогаобразующим, а другой — теряет способность к слогаобразованию, и поэтому является неслогаобразующим. Подчеркивая редуцированность второго элемента, Сиверс называет его полугласным [Sievers 1893: 148]. Фиетор также определяет дифтонг как сочетание двух гласных, где один гласный (неударный) присоединяется к другому (ударному) [Vietor 1925: 5].

Джоунз рассматривает дифтонг как один сложный, скользящий звук, при произнесении которого органы речи переходят кратчайшим путем от первого гласного ко второму [Jones 1997: 83].

Йесперсен также считает односложность основным фонетическим признаком дифтонга. По его мнению, существует три вида дифтонгов: 1) падающие — собственно (*eigentiiche*) дифтонги, где один гласный в качестве вершины слога предшествует другому созвучающему; 2) восходящие — несобственно (*uneigentiiche*) дифтонги, где, наоборот, гласный, образующий вершину слога, следует за созвучающим; 3) равновесные (*schwebende*), где господствует неустойчивое равновесие, так что нельзя различить, который из двух гласных является вершиной слога [Jespersen 2018: 203].

Вахек делит дифтонги на скользящие (*Bewegungsdiphthonge*) и устойчивые (*Stellungsdiphthonge*). Скользящие дифтонги — то такие соединения гласных, которые характеризуются прямым звуковым или артикуляторным движением. Устойчивые дифтонги отличаются сохранением индивидуальности компонентов [Vachek 1933].

Л. В. Щерба разделяет все дифтонги на два типа: ложные и истинные. Ложные дифтонги — это такие сочетания гласных, компоненты которых неравноценны — один из них является подчиненным. В зависимости от того, какой из элементов стоит на вершине слога, ложные

дифтонги делятся на восходящие и нисходящие. Истинные дифтонги — подлинные двугласные, так как оба компонента при сохранении целостности слога остаются фонетически равноценными с одной стороны, и равноправными в отношении словообразования — с другой [Зиндер 1979: 210].

Большинство лингвистов определяют дифтонг как сложное, неоднородное по акустическим характеристикам сочетание гласных, представляющее собой реализацию переходной артикуляции от начала его к концу. Основным фонетическим признаком дифтонга является его однослоговость, но при этом дифтонг содержит разнородные элементы (слоγοобразующий и неслоγοобразующий). С другой стороны, дифтонг представляет собой сложный единый (скользящий) звук [Зиндер 1979: 210].

Развитие фонологии поставило перед исследователями задачу фонематической трактовки дифтонгов, т.е. определения того, является ли дифтонг сочетанием двух самостоятельных фонем или же одной фонетически сложной фонемой [Зиндер 1979: 211]. Вопрос с фонологическом статусе дифтонгов связан с общей *проблемой* членения речевого потока. Как известно, представители разных фонологических школ имеют принципиально непохожие точки зрения [Jones 1997; Трубецкой 1960; Зиндер 1979]. Отсюда система критериев для определения моно- или бифонемности дифтонгов характеризуется разными подходами.

Так, например, Вахек предлагает психологическое обоснование фонологической трактовки дифтонгов. Так как компоненты его устойчивого дифтонга сохраняют свою индивидуальность (артикуляторно-акустические особенности), — то психологически невозможно, чтобы они вместе составляли одно целое. Следовательно, устойчивые дифтонги — бифонемны, а скользящие — монофонемны. Таким образом, Вахек приходит к выводу, что решающим для фонематической сущности дифтонга является его фонетическая характеристика [Vachek 1933: 152].

Н. С. Трубецкой устанавливает правила монофонемности и бифонемности звуковых сочетаний, в частности, дифтонгов, основываясь на характеристиках фонетических свойств звуков: 1. В качестве реализации одной фонемы может рассматриваться только такое сочетание звуков, составные части которого не разделяются в данном языке на два слога; 2. Реализацией одной фонемы сочетание звуков может считаться только тогда, когда оно произносится единым артикуляторным движением; 3. Реализацией одной фонемы сочетание звуков может считаться только тогда, когда его длительность не превышает длительности встречающихся в данном языке реализаций других фонем [Трубецкой 1960: 50-53].

Л. Р. Зиндер, анализируя правила Трубецкого, подчеркивает, как фонетическая характеристика дифтонга сама по себе не определяет его фонематической сущности [Зиндер 1979: 213].

Н. Пиир применяет фонетические критерии для определения моно- или бифонемности дифтонгов: 1) если по спектру компонента дифтонга можно определить гласный, из которого формируется дифтонг, то мы имеем дело с бифонемностью, в противном случае, если компоненты дифтонга имеют совершенно своеобразное качество, или если дифтонг нельзя сегментировать на компоненты, — мы имеем дело с монофонемностью; 2) если дифтонги можно распознать, используя автоматическое распознавание, то дифтонги бифонемны, в противном случае мы имеем дело с монофонемностью [Piir 1983]. В результате анализа на основе названных критериев, Пиир приходит к выводу, что дифтонги эстонского языка являются бифонемными единицами.

Такой путь определения моно- и бифонемности дифтонгов едва ли можно назвать правомерным, так как фонетические характеристики, сами по себе не определяют фонематического статуса речевых единиц. Совершенно очевидно, что необходим лингвистический подход к решению данной проблемы.

Таким образом, многие исследователи определяют фонологический статус дифтонгов, основываясь, главным образом, на фонетических характеристиках, при этом признавая заранее раздельность или нераздельность компонентов дифтонга с одной стороны, и

слоговую неделимость, с другой стороны. Однако объективный анализ элементов речевой цепи может быть дан только в том случае, если звуки выделены, т.е. когда проведены линейные границы в звуковой цепочке. В случае с дифтонгами нужно определить, проходит ли граница внутри дифтонга, между компонентами, или нет.

Л. Р. Зиндер на примере немецких дифтонгов и русских дифтонгических сочетаний выделяет лингвистические критерии определения фонологического статуса дифтонгов. Ведущим критерием является морфологическая членимость, в качестве дополнительных выступают слоговое деление и чередование. Так, слова русского языка «дай» [dai], «пой» [poi] имеют в своем составе фонетически ложные дифтонги, между компонентами которых проходит морфологическая граница. Первые гласные относятся к корням глаголов, а вторые являются суффиксами повелительного наклонения, поэтому «достаточно проспрягать указанные глаголы, чтобы увидеть, что оба компонента этих двугласных независимы друг от друга, имеют разные морфологические функции, принадлежат к разным морфемам» [Зиндер 1979: 213].

В качестве третьего, дополнительного критерия при решении вопроса о монофонемности и бифонемности дифтонгов выступает чередование. Л. Р. Зиндер приводит пример русского дифтонгического сочетания [oi]. Первый компонент данного сочетания чередуется в неударенном положении с /а/ в словах /toj/«мой» — /taja/«моя» [Зиндер 1979: 215]. Следовательно, дифтонгическое сочетание в результате чередования разлагается на два самостоятельных гласных. Это позволяет нам заключить, что перед нами бифонемное сочетание гласных. Что касается немецких дифтонгов, то они остаются без изменений, так как компоненты дифтонга не выступают в качестве самостоятельных единиц, функционируя только в одном неразложимом дифтонге. Например, дифтонг /ae/ остается без изменений в словах /klaet/- /klaeder/— Kleid- Kleider.

Несмотря на то, что дифтонгам был посвящен ряд интересных работ, в современной науке интерес к изучению природы этого звукового явления не ослабевает. Следует заметить, что в последних работах наблюдается тенденция к более углубленному исследованию данных единиц, поскольку важным и актуальным становится не просто фонетическое описание дифтонгов, а установление их фонематического статуса. При всем многообразии подходов к изучению сложного по своей природе явления — дифтонгов, следует заметить, что природа дифтонгов настолько сложна и многопланова, что изучение, ее с различных точек зрения очень перспективно и для развития современной фонетической науки. Например, еще нет полного сопоставительного исследования характера дифтонгов как языкового явления с привлечением материала различных языков.

Список литературы

1. Зиндер Л.Р. Общая фонетика / Л. Р. Зиндер. Москва : Из-во Высшая школа, 1979. 312 с.
2. Трубецкой Н.С. Основы фонологии / Трубецкой Н. С. Москва : Из-во Аспект Пресс, 2000. 353 с.
3. Щерба Л.В. Русские гласные в качественном и количественном отношении / Л. В. Щерба. Ленинград : Из-во Наука, 1983. 321 с.
4. Espersen O. Lehrbuch der Phonetik / O. Espersen. Leipzig, 2018 [Reprint 1904]. 268 s.
5. Jones D. An outline of English Phonetics / D. Jones. Cambridge : Cambridge University Press, 1997. 378 p.
6. Piir H. Acoustics of the Estonian diphthongs // Estonian Papers in Phonetics. – Tallin, 1985. P. 5 – 103.
7. Sievers E. Grundzüge der Phonetik, zur Einführung in das Studium der Lautlehre der Indogermanischen Sprachen / E. Sievers. Leipzig : Breitkopf und Härtel, 1991. 351 s.
8. Vachek J. The phonematic status of Modern English long vowels and diphthongs // Philologia Pragensia. 1963. Vol. 6. No 1. P. 59 – 71.
9. Vietor W. Die Aussprache des Schriftdeuchen / W. Vietor. Leipzig, 1925.

10.02.19

Сунь Бо

Бурятский государственный университет,
кафедра иностранных языков
Улан-Удэ, 15048922992@163.com

МОДИФИКАЦИИ ПРОИЗНОШЕНИЯ РУССКОГО СОЧЕТАНИЯ ТИПА СОГЛАСНЫЙ-СОГЛАСНЫЙ В ЧТЕНИИ КИТАЙЦЕВ

В статье рассматриваются вопросы модификации русских сочетаний «согласный+согласный» в исполнении носителей китайского языка в условиях чтения неподготовленного фонетически представительного текста. Выбор экспериментального материала с сочетаниями «согласный+согласный» обусловлен отсутствием подобных звуковых комплексов системе китайского языка. Такие сочетания вызывают трудности произносительного характера в русском речи китайцев. Результаты анализа имеют теоретическую и практическую ценность, особенно для преподавания фонетики русского языка китайским учащимся.

Ключевые слова: *русский язык, китайский язык, фонетика, произношение, чтение, согласные, слоги.*

1. Русский языка в современном Китае. В последние годы в Китае наблюдается большой интерес к изучению русского языка. Этому способствует все более развивающееся сотрудничество России и Китая в разных областях знаний, промышленности, культуре и спорте. Увеличение спроса специалистов со знанием русского языка вызывает большой интерес к его изучению среди молодежи Китая. В настоящее время в Китае функционируют 159 ВУЗов, где обучаются русскому языку более 26 тыс. студентов-русистов. Кроме того, русский язык преподается более 20 тысячам ученикам в китайских средних школах [1], [2].

2. Особенности звукового системы русского и китайского языков. В процессе изучения русского языка выяснилось, что русское произношение является сложным для китайцев. Русский и китайский языки относятся к разным языковым группам и имеют большие расхождения, в частности, на фонетическом уровне. Слоговой характер китайского языка определяет специфику его фонетической системы. Долгое время теория слога изучалась в основном на материале европейских и славянских языков. В китайском языке слог является минимальной далее неделимой единицей языка, связанной со смыслом, грамматическим морфологическим значением. Китайский язык относится к тональным языкам, где тон служит для различения лексического и грамматического значения слова. Роль слога в этих языках особая, поэтому их относят к слоговым языкам. В китайском языке слова формируются из слогов, границы слога и морфемы совпадают, и поэтому слог всегда соединяется с определенным смыслом и имеет связь со значением слова, и граница между слогами является четкой.

Слоговой характер китайского языка и отличительные особенности структуры слога определяют принципы выделения минимальных значимых единиц — слогов — фонем [3].

Анализ китайской консонантной системы в сравнении с русской выявляет их существенные различия. В русском языке допускается разнообразная последовательность звуков в слоге. Почти любой звук русского языка может стоять в начале, середине или в конце слога. В китайском языке звуки, образующие слог, размещаются в строгом порядке. В пределах одного китайского слога невозможно сочетание согласных, зато является нормой сочетание гласных, чего не бывает в слогах русского языка [4]. Русские консонантные сочетания «согласный + согласный» представляют большую трудность для китайских студентов, поэтому в процессе реализаций таких сочетаниях носителями китайского языка возникают различного рода модификации.

3. Материал и методика исследования. В качестве эталонного образца использовались записи чтения фонетически представительного текста «Был тихий серый вечер» [5] в исполнении носителей литературного русского произношения (2 диктора) и носителей китайского языка (4 диктора). Текст содержит 54 предложения и 488 слов. Средняя длительность чтения текста русскими дикторами составила 201 секунде, у китайских дикторов — 399 секунд. Из текста было отобрано и проанализировано восемь слогов типа «согласный + согласный». Частотность встречаемости слогов составила:

слоги С+С	[пр]	[тр]	[ст]	[кр]	[гр]	[сп]	[сн]	[стр]
частота	12	10	21	3	3	7	3	5

Запись текста производилась в условиях изолированной комнаты на компьютер Lenovo. Подготовленные записи были оцифрованы и внесены в память компьютера. Последующая обработка экспериментального материала производилась при помощи программы по обработке речевых сигналов Праат [6].

4. Результаты. Из текста были выбраны все встречающиеся сочетания «согласный + согласный». Результаты анализа чтения консонантных сочетаний между дикторами разных языков сопоставлялись на уровне слога и слова. Наиболее частотным оказалось консонантное сочетание [пр].

1	2	3	4	5	6
прорывались	прислушивался	предстоящей	проверке	сопротивления	при
7	8	9	10	11	12
преподаватель	спросил	проплывает	вопросы	привлекли	сопротивлялся

На графиках представлены результаты анализа длительности сочетаний согласных. По оси абсцисс — консонантные сочетания (С + С); по оси ординат — длительность в мсек. Темная линия — реализация сочетаний в исполнении китайских дикторов; светлая — в исполнении русских дикторов. Результаты демонстрируют взаимосвязь и взаимозависимость между длительностью слога и слова и реализацией русских звуко сочетаний «согласный + согласный» у носителей разных языков.

Знание принципов деления слова на слоги в языках важно для понимания особенностей усвоения русского языка китайскими студентами.

Список литературы

1. 俄驻华使馆: 俄语在华普及程度不断提高, 学生人数超6万人 [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://sputniknews.cn/society> (дата обращения: 10.05.2019)
2. Русский язык в Китае. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 19.05.2019)
3. Каверина В.В. Обучение русскому произношению лиц, говорящих на китайском языке (на основе сопоставительного анализа китайской и русской фонетических систем) / В. В. Каверина // Язык. Сознание. Коммуникация. 1998. № 6. С. 78-92.
4. И. Хао. Особенности структуры китайского слога как причина интерференции в русской речи китайцев / И. Хао, Р. С. Панова // Электронный журнал : Язык. Культура. Коммуникации. 2015. №1.
5. Бондарко Л.В. Фонетический представительный текст / Л. В. Бондарко. Фонд звуковых единиц русской речи // Бюллетень фонетического фонда русского языка. Приложение 3. Санкт-Петербург- Бохум, 1993. С. 69-70.
6. Праат – www.praat.org

10.02.19

**Ф.А. Тугушева канд. филол. наук, А.Г. Хамурзова канд. педагог. наук,
Л.Х. Хараева д-р филол. наук**

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
кафедра немецкой и романской филологии,
fatima-tugusheva@rambler.ru

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА В НАИМЕНОВАНИЯХ МЕДИЦИНСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ

В статье рассматриваются лингвистические особенности рекламного дискурса, иллюстрируемые на примерах наименований коммерческих медицинских учреждений, к которым относятся центры, кабинеты, аптеки и лаборатории. Медицинские онимы рассматриваются как номинативные инновации.

Ключевые слова: *рекламный дискурс, коммуникация, языковые единицы.*

Одной из главных характеристик дискурса является его коммуникативная составляющая, в содержательном плане используемая в социальном аспекте. Рекламный дискурс обусловлен компонентами речевой коммуникации, к которым относятся фрейм и сценарий общения, социальные роли коммуникантов, виды и сферы коммуникации, характер отношений между коммуникантами. Основной целью речевой коммуникации является информация, то есть передача смыслов. Вопрос о языковых особенностях рекламного текста тесно связан со спецификой воздействия рекламы и её восприятия потребителями. Рекламное объявление можно воспринимать как своеобразный акт коммуникации - имеются участники, способ контакта, код/язык, сообщение информации и реакция на неё. Рекламу можно определить как информирование людей о потребительских характеристиках товаров и преимуществах различных видов услуг, в том числе медицинских, с целью их реализации и создания на них активного спроса, а также создания известности чему-либо или кому-либо. Реклама - многоплановое, многоаспектное семиотическое явление, сочетающее в себе вербальные и невербальные знаки и выходящее за рамки внутриязыковых системно-структурированных координат. По своему содержанию рекламный процесс можно трактовать концептуально как в культурологическом, так и в маркетинговом плане, или иначе в историко-культурологическом и конкретно-прагматическом аспектах. Оптимальным является подход, объединяющий обе концепции, отражающий маркетинговую природу рекламы и ее культурологические особенности, что соответствует выполняемым рекламой функциям, к которым относятся: маркетинговая, коммуникативная, экономическая, социальная. Отличительным свойством рекламного дискурса является фактор адресованности, заключающийся в наборе пресуппозиций, обеспечивающих адекватное восприятие передаваемой информации и нахождение своего потребителя: присутствие, исходные знания, ценностные установки, система мотивации адресата. Рекламное сообщение представляет собой текст, характеризующийся специфической терминологической лексикой, субстантивированностью, простотой синтаксиса, использованием вербальных и невербальных средств. В рекламных сообщениях присутствует определенное количество фактической информации со сведениями о потребительских свойствах рекламируемого товара/услуги. Рекламное сообщение отличается избирательностью информации, мотивов, стимулов, напрямую зависящих от типа рекламируемого товара/услуги и потенциальной аудитории, которой предназначена реклама. Рекламный текст служит средством массового воздействия на аудиторию и в первую очередь характеризуется прагматической направленностью, установкой на выполнение намеченных целей сообщения.

В задачу данного исследования входит выявление прагматических особенностей рекламного текста в области медицины, а именно медицинских учреждений, к которым относятся частные клиники, кабинеты, аптеки и лаборатории. Для ее реализации следует рассмотреть принципы коммуникативного воздействия в рекламе, основным компонентом которого является информация о различных свойствах товара или услуги. Особенности и закономерности использования тех или иных стилистических приемов в рекламных сообщениях и эффективность их использования во многом зависят от того, к какому типу принадлежит данное рекламное сообщение, а также от того, о каком структурном элементе рекламного сообщения идет речь. В данном конкретном случае речь идет о медицинских учреждениях, которые предоставляют услуги или товары медицинского характера. Названия данных медицинских учреждений можно отнести к онимам, являющихся частью общей системы урбанонимов или эргонимов, имен, полученных в процессе искусственной номинации, используемых для номинации объектов в сфере коммерции в рамках городской номинации в целом. Медицинские онимы представляют определенную систему наименований, которая может быть подвергнута классификации, то есть процесс наименования в сфере услуг, к которым относится и частная медицина, подчиняется определенным законам в рамках речевого воздействия. Медицинские онимы в качестве урбанонимов являются частью топонимической системы, с одной стороны представляют собой определенное лексическое поле, единицы которой функционируют на основе языковых принципов и заданных параметров, с другой, как система наименований, отражают лингвокультурную специфику, несущую определенную информацию об объектах [3, 136]. Создание медицинских онимов характеризуется высокой степенью лингвокреативности, обусловленной как экстралингвистическими, так и собственно лингвистическими причинами и относятся к номинативным инновациям, которые выполняют такие функции, как адресно-идентифицирующая, трансонимизирующая и информативная. Медицинские онимы, относящиеся к урбанонимам – названиям внутригородских объектов, образуют особый вид номинации, несущей важную информацию о номинативных процессах в разных языках, о культуре и истории разных народов, механизмах рекламного воздействия на потребителя [1, 99,]. Онимы являются объектом изучения со стороны прагматики, изучающей язык с точки зрения деятельности человека в аспекте выбора языковых единиц, правил и ограничений их употребления в общении, эффекта воздействия на участников коммуникации. В большинстве медицинских коммерческих названий реализуются коммуникативная - передача информации и волюнтаривная функции языка, т. е. функция речевого воздействия. Медицинские онимы содержат элементы лингвистической пресуппозиции, под которой понимают компоненты высказываний, которые адресант или отправитель текста считает уже известными адресату и истинными. Пресуппозиция подразумевает наличие энциклопедических, фоновых знаний, общих для носителей определенного языка и культуры. Положительная оценка лежит в основе установления связи между потребителем и услугой. Манипулирование сознанием потребителя на языковом уровне происходит различными способами, к которым относятся: графический, лексико-семантический, фонетический, морфологический, а также заимствование иных основ. Лексико-семантический способ достижения эмоциональности и аттрактивности заключается в подборе лексем с положительной коннотацией. Выбор может базироваться на суггестивной и эмоционально-экспрессивной функции лексической единицы. Экспрессивность медицинского онима заключается в его способности производить на клиента определенный прагматический эффект. Оним дает информацию об объекте и одновременно программирует эмотивно-прагматическое воздействие через коннотации экспрессивно окрашенного наименования. В основе создания эмотивного отношения лежит образ, вызванный сложным спектром ассоциаций. Тактика интимизации осуществляется при помощи прилагательных - *Народная аптека*, диминутивов - *Здравушка*, *Травушка*. Употребление иноязычного форманта преследует одну коммуникативную стратегию, а именно «повышение статуса» для придания имени ореола исключительности - *Ozon*. Тактика опоры на фоновые языковые

знания осуществляется в процессе семантического уподобления и словообразвания по определенной словообразовательной модели: *Стомакс, Стомадент, Дентолайн, Дентсервис, Дант, Дантист, Евродент, Гемотест, Ситилаб, Здравсити, Миафарм, Вамимед*. Тактика визуализации и скрытого комплимента включает элементы тактики исключительности для усиления прагматического воздействия на адресата, создания чувства избранности: *Эстет, Перфект, Альтернатива*. Комплимент в адрес посетителя реализуется с использованием определенной лексики, в том числе прецедентных имен: *Авиценна, Исида, Андромеда*. В образовании онимов также используются имена собственные: *Клиника Ахмеда Хайдукова, Лаура Молова, Гофу, Зара-фарм, Парит, Спарк*. Довольно частый прием - использование существительного и количественного/порядкового числительного: *Первая аптека, Аптека 77, Аптека 47*. К разновидности графической языковой игры относится также изменение шрифта внутри слова. *VaVilon*. В медицинских онимах встречаются также названия, появившиеся в результате семантической языковой игры. В прагматическом контексте главным признаком семантической языковой игры является ориентация на создание эстетического эффекта. В искусственной номинации присутствуют элементы языковой игры, парадокса, оригинальности. Встречается транслитерация русского названия - *Spravkus*. Данный пример относится к графической языковой игре. Коммуникативная стратегия объединения в рамках одного онима элементов «своего» и «чужого» считается одной из ведущих в сфере искусственной номинации мегаполиса, которая проявляется не только в графогибридизации, но и лексико-грамматической адаптации заимствованных слов [2,134].

Семантизация онима понимается как актуализация его доономастического или лексического значения слова, положенного в основу наименования учреждения. К семантизации онима можно отнести расшифровку аббревиатуры, которая является названием медицинского учреждения - *СМД*. Реализация паралингвистического потенциала онима предполагает выделение имени или его значимых частей с помощью дефиса, апострофа: *Альма-Дент, АИ-Дени, Млада-Дента, Дента-Люкс, Лайф-Дент, Тенгиз-Стоматология, М.-клиника, Эль-Ма (Эльчепаров-Мамбетова), Альфа-Центр, Ин-Витро, Ин-Виво*. Реализация в рекламном тексте фонетического потенциала названия отмечается у прагматонимов с неясной внутренней формой - искусственно созданных или образованных от иноязычных слов - *Смайлден*. Все проанализированные виды языковой игры обеспечивают успешное воздействие на потребителя. Во всех приведенных названиях медицинских учреждений реализуется семантический и словообразовательный потенциал онима путем использования приемов семантизации и языковой игры.

Список литературы

1. *Анисимова, Е.Е.* Ресторанные онимы в русской и немецкой лингвокультурах // Вестн. Воронеж, гос. Ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. - № 1. - С. 99 -103.
2. *Ремчукова, Е.И., Махиянова Л.Р.* Лексико-грамматические механизмы лингвокреативности в сфере городской номинации. // Вестник Российского университета дружбы народов. Теория языка. Семиотика. - М.: РУДН, 2015. - №2. - С. 132-142
3. *Хараева Л.Х., Евлоева З.Х.* Национально-окрашенные прагматонимы как элемент коммуникативных стратегий в рекламе ресторанов Северного Кавказа // Казань. Казанская наука №2, 2019. С.136-139.

10.02.19

Хунвэй Ци

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
Институт зарубежной филологии и регионоведения,
Кафедра французской филологии,
Якутск, qihongwei@yandex.ru

РИТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НОВОГОДНИХ ПОЗДРАВЛЕНИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РФ

В статье анализируются характерные особенности устных публичных новогодних поздравлений В.В. Путина. На материале текстов новогодних обращений президента России к народу выявляются особенности их композиционного построения и анализируются языковые средства выразительности. При изучении материалов исследования нами использовались методы семантического, стилистического и контекстуального анализа, которые позволили выявить риторические особенности торжественной поздравительной речи в политическом дискурсе.

Ключевые слова: *риторическая традиция, политический дискурс, поздравление, композиционное построение, языковые средства.*

Данная статья посвящена изучению риторических особенностей текстов новогодних поздравлений В.В. Путина. Актуальность темы обусловлена тем, что официальная поздравительная речь главы государства представляет собой сформировавшуюся риторическую форму, в которой вербализуются ценностные ориентиры и установки национальной картины мира. Цель исследования – выявить риторические особенности текстов официальных новогодних поздравлений. Новогодние обращения В.В. Путина изучались посредством методов контекстуального, семантического и стилистического анализа, что позволило решить ряд задач: определить тематические блоки в текстах выступления, которые формируют композиционную структуру поздравлений; выявить языковые средства выразительности, позволяющие эффективно воздействовать на аудиторию и достигнуть целей коммуникации. Новизна исследования заключается в том, что нами предпринимается попытка изучить тексты поздравлений с точки зрения реализуемых в них риторических традиций, сложившихся в российской лингвокультуре.

Политический дискурс в нашем исследовании рассматривается как некий стандарт «поведения, которому, в свою очередь, свойствен определенный набор типичных для данной сферы речевых событий, типичных моделей речевого поведения при исполнении тех или иных социальных ролей, типичной тематики общения» [1]. Данное определение политического дискурса представляется нам логичным, так как новогодние поздравления глав государств относятся к строго структурированным формам коммуникации, в которых речевое событие, роли адресантов и темы заранее определены. Новогоднее поздравление президента России мы относим к официальной эпидейктической речи – устойчивой форме реализации речевого намерения адресанта, ориентированного на конкретного адресата, которое характеризуется единством «свойств формы и содержания, (композиции и стиля)», определяемым «целью и условиями социально-бытового или социально значимого общения; как набор специфических жанрообразующих и жанро-определяющих признаков» [2, с. 5]. Многие разновидности официальной эпидейктической речи направлены на объединение аудитории, сплочение общества, обращаются к прошлому и настоящему, устремляя взор в будущее и указывая цели и вектор движения [2, с. 18].

Понятие композиции поздравления в условиях политического дискурса представляет собой взаимосвязь основных структурных элементов текста выступления с целью осуществления желаемого воздействия на аудиторию в условиях дистантного публичного выступления. В результате анализа текстов новогодних обращений В.В. Путина [3] было выявлено, что они имеют следующую структуру:

1. Вступление, направленное на подготовку слушателей к восприятию материала основной части, состоит из обращения и вступительной части. Следует отметить, что В.В. Путин начинает свою поздравительную речь с обращений: *«Уважаемые граждане России!», «Дорогие друзья!»*. Данная форма обращения имеет своей целью акцентировать внимание на теплое отношение адресанта к слушателям, позволяет аудитории идентифицировать себя как получателя речи и друга президента. Во вступительной части В.В. Путин после обращения переходит непосредственно к теме поздравления, используя такие фразы как *«время приближает нас к новому 2019 году», «до наступления 2018 года остались буквально секунды»*.

2. Основная часть, в которой президент описывает значимость праздника, опираясь на такие ключевые ценности российской культуры как «семья» (дети и родители), «здоровье», «любовь к Родине», «вера», «добро»: *«Видим восторженные глаза малышей; чувствуем, как рады родители, бабушки и дедушки, если вся семья в эти минуты вместе, а их сердца согреты чуткостью и вниманием»; «Новый год у нас – это, прежде всего семейный праздник»; «мы все хотим, чтобы близкие были здоровы, чтобы в семье царил согласие, дети радовались»; «любовь к Родине – одно из самых мощных, возвышающих чувств»; «мы верим в себя, в свои силы, в свою страну»; «атмосфера добра, внимания и щедрости согревает сердца»*. В основной части текстов обращений иногда упоминаются ключевые события уходящего года: *«В уходящем 2015 году мы отмечали 70-летие Победы»; «Еще несколько лет назад Олимпийские игры в Сочи воспринимались как мечта... провели лучшую в истории зимнюю Олимпиаду»*.

В своей речи В.В. Путин часто благодарит людей, работающих во благо родины: *«работаем, работаем успешно, и у нас многое получается. Хотел бы искренне поблагодарить вас за победы и достижения...»; «Мы благодарны всем тем, кто днем и ночью, в будние дни и праздники всегда на посту»*. Выражение благодарности адресату не является обязательной частью поздравительной речи. Например, президент благодарил врачей, военнослужащих и трудящихся всех россиян за работу во благо родины в 2016, 2017, 2018 годах, а в 2019 году благодарственной части в новогоднем обращении не было. В целом, упоминаются достижения страны и ее граждан, выражение благодарности в основном происходит косвенно, обозначаются основные успехи, достигнутые благодаря усилиям всей Россией.

3. Пожелания. В данной части В.В. Путин говорит о будущем России, призывает всех сплотиться и работать во благо родины. Ключевыми темами обычно являются «единство», «семья», «родина», «дружба», «надежда»: *«Сплоченность, дружба, бескорыстная любовь к России умножат наши силы для достойных поступков и высоких достижений»; «Нам важно быть сплоченной, единой, сильной командой»; «добиться лучшего для себя, для своей семьи, для родной страны можно лишь общими усилиями, общей слаженной работой»; «... пусть дружба и добрые надежды, которые объединяют всех сейчас, сопровождают нас в будущем», «... любовь и отзывчивость, душевная щедрость и милосердие будут нашей опорой»*.

4. Заключительная часть, которая выступает в качестве инструмента для обобщения сказанного выше. В данном блоке подводится своеобразный итог в виде пожеланий счастья, радости, успеха всем россиянам. Кроме того, В.В. Путин желает благополучия и процветания России. Обычно в заключении В.В. Путин обращается к своей аудитории, используя формы местоимений «вы»: *«Поздравляю вас с праздником»; «Счастья вам и здоровья»; «с праздником вас»; «желаю вам здоровья и счастья!»*. Употребление формы «вы» является реализацией местоименного указателя адресата, оно демонстрирует

ориентацию на собеседника, на слушателя. Пожелания затрагивают общие человеческие ценности, а также достижение целей, которые ставятся президентом России перед своими гражданами (достижения в труде, социальном и экономическом развитии). При этом ведущая и основополагающая роль ложится на адресатов, которые сами должны нести ответственность за улучшение качества жизни.

В поздравительной речи В.В. Путин активно использует приемы и средства, направленные на эффективное воздействие на чувства и эмоции аудитории. Образность речи достигается им путем употребления следующих выразительных языковых средств:

1. Эпитеты: «прекрасная страна», «чудесного мгновения», «чудесный праздник», «заветные слова», «бескорыстную щедрость» и т.д.

2. Метафоры: «остро чувствуем», «добрая традиция», «душевная щедрость», «теплых, сердечных традиций»; «согревает сердца» и т.д.

3. Лексические повторы: «Мы вместе в эту прекрасную новогоднюю ночь. Мы вместе и в наших общих повседневных делах»; «Пусть сбудутся все наши мечты... Пусть в каждом доме царят радость и любовь. Пусть становятся краше...»;

4. Градация: «И мы должны выполнить, реализовать все намеченное – ради себя, ради наших детей, ради России»; «... Олимпийские игры в Сочи воспринимались как мечта. А она не просто сбылась: мы не только подготовили и провели лучшую в истории зимнюю олимпиаду, но и победили в ней»; «Помощников у нас никогда не было и не будет».

5. Сравнение: «Мы отмечаем его, как было в детстве...»; «В новогоднюю ночь, как в детстве, мы загадываем желания»; «Мы воспринимаем его как новый, добрый, желанный».

Таким образом, новогоднее обращение президента России обладает четкой структурой (4-частная композиция), стилистика речи соответствует торжественности момента. В тексте поздравления используются выразительные языковые средства и разные формы обращения к адресату. Новогодние поздравления предполагают наличие следующих тематических компонентов: обращение к слушателям; описание значимости праздника; упоминание основных событий уходящего года; выражение благодарности к гражданам; призывы к объединению общих усилий для благополучия России; пожелания.

Список литературы

1. Колесникова, С.Н. Особенности политического дискурса и его интерпретация // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). С. 69.
2. Шаталова, С.В. Эпидейктические жанры речи: Автореф. дис... канд. филол. наук. Ярославль, 2009. – 23 с.
3. Речи и обращения // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches> (дата обращения 15.09.2019).

**АННОТАЦИИ
ABSTRACTS**

А.М. Саяпова

**Л. Н. ТОЛСТОЙ И СРЕДНЕВЕКОВЫЙ МУСУЛЬМАНСКИЙ
ВОСТОК: ПРОБЛЕМА ХУДОЖЕСТВЕННО-
ФИЛОСОФСКОГО ДИАЛОГА***Ключевые слова: повесть Л.Н. Толстого «Юность»,
интерпретация, философско-эстетические традиции
Средневекового мусульманского Востока.*

В статье на примере повести «Юность» даётся опыт интерпретации текстов Л.Н. Толстого в контексте философско-эстетических традиций Средневекового мусульманского Востока, давшего миру богатейший опыт не только рационального познания мира, но и интуитивно-чувственного. Подобные интерпретации дают возможность выявления перспективных и продуктивных форм межнациональных литературных взаимодействий. На примере текстов Толстого ставится задача о возможности говорить о русско-европейско-восточном симбиозе литератур.

М.В. Аксенова, Т.Г. Чарчоглян

**«ПРИМЕЧАНИЯ К ПУТЕВОДИТЕЛЮ» ДАНИИЛА
ГРАНИНА: ИМАГОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ**

Ключевые слова: травелог, путешествие, Гранин, имагология. Исследование представляет подробный анализ повести «Примечания к путеводителю» Д.А. Гранина с точки зрения имагологии, активно развивающейся науки, которая исследует возникновение и развитие образов национальных культур и их интерпретаций и взаимовлияний. Данное произведение обладает всеми признаками травелога - наличие путешествия как сюжетообразующего элемента, актуализация оппозиции «свой»-«чужой», диалог между путешественником и «чужим», рефлексия этого диалога. Новизна исследования заключается в первом подробном имагологическом анализе произведения, а его актуальность связана с интенсивным развитием имагологии как науки, а также пристальным вниманием многих исследователей к жанру травелога.

**Н.В. Бараханова, Н.В. Егоршина
ДИСКУРСИВЫ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ
СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ГОРОД» В ПОЭЗИИ В.
БРЮСОВА И А. БЕЛОГО***Ключевые слова: дискурсивы, синтаксис, семантическое поле,
город, Брюсов, Белый, аккумуляция.*

Статья посвящена вопросам формирования семантического поля с помощью дискурсивов на примере текстов Валерия Брюсова и Андрея Белого. Оба автора уделяли большое внимание образу города как необычного пространства, особой модели мира. Ведущим дискурсивным приемом формирования семантического поля города становится аккумуляция, применяемая, однако, на разных уровнях организации текста. Брюсов использует аккумуляцию в сочетании с асиндетоном в самих стихотворениях, Белый же прибегает к ее использованию на макроуровне: цикл «Город», формирующий в его творчестве соответствующее семантическое поле, создан с помощью аккумуляции на уровне взаимодействия текстов.

**Н.В. Бараханова, С.В. Игонина, Т.Л. Павлова
«ГОРОДСКОЙ ТЕКСТ» В ТВОРЧЕСТВЕ
ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА***Ключевые слова: городской текст, урбанизм, символизм,
поэзия, миромоделирование.*

В статье представлен анализ городского пространства лирики В.Я. Брюсова как одного из открывателей урбанистической темы в поэзии русского символизма. Город проанализирован в разных историко-культурных ипостасях: это некий «абстрактный» город, который наполнен обобщёнными образами-символами; это современный город, данный в его социально-бытовой конкретике; это конкретные города, связанные с величественным прошлым человеческой культуры

A.M. Sayapova

**L. N. TOLSTOY AND MEDIEVAL MOSLEM EAST:
PROBLEM OF ARTISTIC- PHILOSOPHIC DIALOGUE**

Keywords: story "Youth" by L. N. Tolstoy, interpretation, philosophic and aesthetic traditions of Medieval Moslem East. In the paper using the story "Youth" by Leo Tolstoy we give the interpretations of the texts as philosophic and aesthetic traditions of Medieval Moslem East. Such interpretations give us the possibility of exposure perspective forms of international literary interactions. The problem of Russian-European-East symbiosis of literatures is examined.

M.V. Aksenova, T.G. Charchoglyan

**“NOTES TO THE TRAVEL-GUIDE” BY D.A. GRANIN:
IMAGOLOGICAL INTERPRETATION**

Keywords: travelogue, travel, Granin, imagology. The research represents a detailed analysis of the novel "Notes to the travel-guide" by D.A. Granin from the point of view of imagology – extensively developing science that studies origin and development of images of national cultures and their interpretation and mutual influence. The novel has all features of a travelogue – travel as a plot-structuring element, actualization of opposition of "self"- "other", dialogue between the traveller and the "other", reflection of this dialogue. The originality of the study consists in the fact that it is the first detailed imagological research of the novel and its actuality is connected with the extensive development of imagology as a science, as well as attentive attention drawn to the travelogue.

**N.V. Barakhanova, N.V. Egorshina,
DISCOURSES AS A MEANS OF FORMING OF THE
SEMANTIC FIELD "CITY" IN THE POETRY
BY V. BRYUSOV AND A. BELYI***Keywords: discursive, syntax, semantic field, city, Bryusov, Belyi,
accumulation.*

The article is devoted to the formation of a semantic field using discursive texts on the example of texts by Valery Bryusov and Andrei Belyi. Both authors paid great attention to the image of the city as an unusual space, a special model of the world. The leading discursive device for the formation of the semantic field of the city is accumulation, which is used, however, at different levels of organization of the text. Bryusov uses accumulation in combination with asyndeton in the poems themselves, while Belyi resorts to its use at the macro level: the City cycle, which forms the corresponding semantic field in his work, was created using accumulation at the level of text interaction.

**N.V. Barakhanova, S.V. Igonina, T.L. Pavlova
"URBAN TEXT" IN VALERY BRYUSOV'S WORK***Keywords: urban text, urbanization, symbolism, poetry, world
modeling.*

The article presents an analysis of the urban space of the lyrics of Valery Bryusov who is one of the pioneers of the urban theme in the poetry of Russian symbolism. The city is analyzed from various historical and cultural points: it is both a kind of "abstract" city full of generalized symbolic images and a modern city, given in its social-everyday life and these are real cities linked to the glorious past of human culture (Paris, Rome, Venice) at the same time. The authors of the article identify the main motives and symbols of the "urban text" as some codes of

(Париж, Рим, Венеция). Авторы статьи выявляют основные мотивы и символы «городского текста» как некие коды городского пространства Валерия Брюсова.

Bryusov's urban space.

Е.Н. Брызгалова, Л.Н. Скаковская
ДЕТАЛИЗАЦИЯ В КАРТИНЕ МИРА ПОЭТОВ-САТИРИКОНЦЕВ

E.N. Bryzgalova, L.N. Schakowskaya
DETAILING IN THE PICTURE OF THE WORLD OF SATIRIKON POETS

Ключевые слова: художественная деталь, поэты-сатириконтцы, акмеизм, стихотворение.

Keywords: artistic detail, satiricon poets, acmeism, poem. The article discusses the artistic detail in the works of satiricon poets. The authors believe that detailing the image was one of the general characteristics of the literature of the Silver Age and combined satiricon poetry with the artistic searches of acmeists.

В статье рассматривается художественная деталь в творчестве поэтов-сатириконтцев. Авторы считают, что детализация изображения была одной из общих характеристик литературы Серебряного века и объединяла сатириконтскую поэзию с художественными исканиями акмеистов.

В.В. Бугорская

ДЕМОНИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ ИЛИ «ОЧЕЛОВЕЧЕННЫЙ»
ДЕМОН (К ВОПРОСУ О ГЕРОЕ ПОЭМЫ
М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ДЕМОН»).

V.V. Bugorskaia

DEMONIC HERO OR HUMAN-LIKE DEMON
(FOR THE HERO OF NARRATIVE POEM "DEMON"
BY LERMONTOV)

Ключевые слова: Лермонтов, Демон, «лермонтовский человек», любовь, раскаяние, поэма.

Keywords: Lermontov, Demon, "lermontovsky chelovek", love, contrition, poem.

В статье представлен проблемный потенциал намерения героя поэмы «Демон» через раскаяние и любовь смертной женщины вернуться на Небеса. Автор, основываясь на работах ведущих лермонтоведов, анализирует процесс «очеловечивания» Демона. Ключевым методом является рассмотрение явления «лермонтовский человек» и его связи с героем поэмы. В заключении автор статьи приходит к выводу, что преодоление конфликта с Творцом возможно через отречение Демоном от своей сущности, достигаемое через любовь. Однако герой поэмы оказывается подвержен не только человеческим чувствам, но и человеческим страстям.

The article aims to represent potential problematics of the hero's intention in poem "Demon" by Lermontov to return to heaven through contrition and love to a mortal woman. The author analyzes the process of demon's becoming human and bases on Lermontov studies specialists' works. The key method of the article is review of phenomenon of Lermontovsky chelovek and its relations with the poem's hero. The author comes to conclusion that overcoming conflict of a human with God is possible in the poem only through the demon's renunciation of his nature, which can be reached by obtaining love. Although the hero is subject not only to humans' feelings, but to the humans' passions.

Е.В. Канищева, Т.Ф. Семьян, Е.В. Федорова
РИТМИКО-КОМПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ
РУССКОЙ ПРОЗЫ РУБЕЖА XIX—XX ВВ.

E.V. Kanishcheva, T.F. Semian, E.V. Fedorova
RHYTHMIC COMPOSITIONAL FEATURES OF RUSSIAN
PROSE AT THE TURN OF XIX—XX CENTURIES

Ключевые слова: ритм прозы, методика поуровневого анализа прозы, проза В. Короленко, проза А. Белого, проза М. Цветаевой.

Keywords: rhythm of prose, the method of the level-by-level analysis of prose, prose of V. Korolenko, prose of A. Bely, prose of M. Tsvetaeva.

В статье предложен анализ ритмико-композиционных особенностей писателей, которые своим творчеством представляют ключевые тенденции рубежной эпохи, с ее интересом к синкретичным феноменам, выраженным в том числе во взаимодействии стиха и прозы. На материале анализа творчества В. Короленко, А. Белого, М. Цветаевой сделана попытка представить ритмические особенности русской прозы рубежа XIX—XX вв. Авторы работы используют методику поуровневого анализа текста, которая позволяет выявить взаимосвязь уровней ритмической организации произведения.

In the given article the analysis of rhythmic-compositional features of the writers who represent the key tendencies of the frontier epoch with her creative work is offered, with her interest to the syncretic phenomena expressed in the interaction of verse and prose as well. On the material of the analysis of works of V. Korolenko, A. Bely, M. Tsvetaeva an attempt is made to present the rhythmic features of Russian prose of the boundary of the XIX—XXth centuries. The authors of the work use the method of text analysis on a level-by-level basis, which makes it possible to reveal the relationship between the levels of rhythmic organization of the work.

Т.Л. Павлова, А.А. Устиновская
ВЯЧ. ИВАНОВ И О. МАНДЕЛЬШТАМ КАК
ИНТЕРПРЕТАТОРЫ ПЕТРАРКИ: ЛИРИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ 311
СОНЕТА И ЕГО ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ВЕРСИЙ

T.L. Pavlova, A.A. Ustinovskaya
VYACH. IVANOV AND O. MANDELSHTAM AS
INTERPRETERS OF PETRARCA: A LYRIC PLOT OF 311
SONNETS AND ITS TRANSLATION VERSIONS

Ключевые слова: лирический сюжет, перевод, оригинал, Манделштам, Вяч. Иванов, Петрарка, интерпретация.

Keywords: lyric plot, translation, original, Mandelstam, Vyach. Ivanov, Petrarca, interpretation.

Статья посвящена сопоставлению двух переводов сонета Франческо Петрарки "Quel rossignol, che si soave, piange...", выполненным Вячеславом Ивановым и Осипом Манделштамом. Переводы рассматриваются с точки зрения взаимодействия с оригиналом, полного или частичного отражения идей текста Петрарки. Показано преломление лирического сюжета в двух переводных текстах на примере ключевых фраз оригинала и их соответствий в переводах.

The article is devoted to comparing two translations of Francesco Petrarca's sonnet "Quel rossignol, che si soave, piange ..." by Vyacheslav Ivanov and Osip Mandelstam. Translations are considered in terms of interaction with the original, full or partial reflection of the ideas of the Petrarch text.

Сун Тяньяо

ЧЕЛОВЕК И ВОЙНА: ПОВЕСТЬ Б. ВАСИЛЬЕВА «А ЗОРИ
ЗДЕСЬ ТИХИЕ...» И РАССКАЗ СЮЙ ХУАЙЧЖУНА
«ЗАПАДНЫЕ АНЕКДОТЫ»

Song Tianyao

MAN AND THE WAR: B. VASILIEV'S NOVEL "THE
DAWNS HERE ARE QUIET ..." AND XU HUAIZHONG'S
STORY "WESTERN JOKES"

Ключевые слова: Б. Л. Васильев, Сюй Хуайчжун, военная

Keywords: B. L. Vasiliev, Xu Huaizhong, military literature,

литература, Великая Отечественная война, сопоставление литературы.

Данная статья посвящена рассмотрению повести Б. Васильева «А зори здесь тихие...» и рассказа Сюй Хуайчжуня «Западные анекдоты». Сравнение двух произведений показало, что они оба переполнены неизменно присутствующими в военной литературе чувствами – патриотизма, героизма и гуманизма. Современные писатели военной литературы главное внимание уделяли людям, собственно военные события занимали уже второе место. Это также одна из характеристик современных литературных произведений о войне, значимая тенденция в развитии военной литературы обеих стран.

А.А. Устиновская, Т.Л. Павлова

СЕМАНТИЧЕСКИЕ АНТИНОМИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА И ОРИГИНАЛА: Н. ГУМИЛЕВ «К СИЛЬВИИ» И ДЖ. ЛЕОПАРДИ «A SILVIA»

Ключевые слова: перевод, оригинал, Гумилев, Джакомо Леопарди, семантические антиномии.

Статья посвящена сравнению текста оригинала стихотворения Джакомо Леопарди «К Сильвии» («A Silvia») с переводом Н.С. Гумилева. Используемые Гумилевым приемы перевода также сопоставляются с его теорией перевода. На примере нескольких фрагментов разобраны антиномические противоречия текста оригинала и текста перевода.

Н.М. Борисова

К ВОПРОСУ НЕУСТОЙЧИВОСТИ СОГЛАСНЫХ СОЧЕТАНИЙ В ЗАЙМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКЕ САХАЯЗЫЧНЫХ ГАЗЕТ

Ключевые слова: заимствования, фонетизация, сочетание согласных звуков, сахаязычная газета.

В статье анализируются изменения согласных сочетаний в заимствованной лексике газет «Кыым», «Саха сирэ», «Киин куорат», «Ил Түмэн». Целью работы является выявление неустойчивости сочетаний согласных заимствований на страницах сахаязычных газет. Теоретическая ценность исследования состоит в том, что материалы статьи могут внести вклад в разработку теории языковых контактов, теории заимствования.

М.А. Герайзаде

ОСОБЕННОСТИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ПРОЗЫ 60-Х ГОДОВ

Ключевые слова: Азербайджан, новая азербайджанская проза, литература, традиционная проза, магический реализм.

Статья посвящена творчеству таких авторов, как С.Ахмадли, М.Сулейманлы, Анар, Ю.Самадоглу, так называемым «шестидесятникам» по проблемам магического реализма в издании «Новый Азербайджан 60-х». Термин «новая азербайджанская проза» появился в азербайджанской литературе в конце 70-х годов. И он стал использоваться, прежде всего, для того, чтобы обозначить характер создаваемой прозы, подчеркнуть ее отличие от прозы традиционной.

Ю.О. Любановская

ЭФФЕКТИВНЫЙ СПЕЦИАЛЬНЫЙ РЕПОРТАЖ: ЧТО МЫ ДЕЛАЕМ НЕ ТАК? ЧАСТЬ I

Ключевые слова: инфопродукт, региональное телевидение, специальный репортаж, презентация, дисбаланс, репутация, социальное взаимодействие.

В статье рассматриваются причины снижения эффективности коммуникационного воздействия специального репортажа на региональном эфирном телевидении. В исследовании анализируются предпосылки и последствия дисбаланса представленности сторон конфликта, эмоциональной презентации проблемно-тематического ядра, низких показателей обратной связи. Выявленные тенденции свидетельствуют о нарушениях управления инфопродуктом в функциональном и технологическом аспектах.

World War II, literature comparison.

This article is devoted to the consideration of B. Vasiliev's novel "The Dawns Here Are Quiet ..." and Xu Huaizhong's story "Western Jokes", a comparison of the two works showed that both works are filled with feelings that are constantly present in the military literature - patriotism, heroism, humanism. Modern writers of military literature paid the main attention to people, in fact, military events occupy the second place. This is also one of the characteristics of modern literary works about the war, a significant trend in the development of military literature of the two countries.

A.A. Ustinovskaya, T.L. Pavlova

SEMANTIC ANTINOMIES OF LITERARY TRANSLATION AND ORIGINAL: N. GUMILEV "TO SILVIA" AND J. LEOPARDI "A SILVIA"

Keywords: translation, original, Gumilev, Giacomo Leopardi, semantic antynomy.

The article is devoted to comparing the text of the original poem by Giacomo Leopardi "To Silvia" ("A Silvia") with a translation by N. S. Gumilyov. Gumilyov's methods of translation are also compared with his theory of translation. Using several fragments as an example, the antinomic contradictions of the original text and the translation text are analyzed.

N.M. Borisova

ON THE QUESTION OF INSTABILITY OF CONSONANT COMBINATIONS IN BORROWED VOCABULARY OF YAKUT-SPEAKING NEWSPAPERS

Keywords: borrowing, phonetization, the combination of consonants, a Saha-language newspaper.

The article analyzes the newspapers «Кыым», «Sakha Sire», «Kiin Kuorat», «Il Tomen». The subject of the study is the combination and replacement of consonants in borrowed vocabulary of Yakut-speaking newspapers. The aim of the work is to identify changes in the sound design of consonants in borrowed vocabulary on the pages of Yakut Newspapers. The theoretical value of the research is that the article's materials can contribute to the development of the theory of language contacts, the theory of borrowing.

M.A. Gerayzade

FEATURES OF THE AZERBAIJANI PROSE OF THE 60'S

Keywords: Azerbaijan, new Azerbaijani prose, literature, traditional prose, magical realism.

The article is devoted to the work of such authors as S. Ahmadli, M. Suleimanli, Anar, Y. Samadoglu, the so-called "sixties" on the problems of magical realism in the publication "New Azerbaijan of the 60s". The term "new Azerbaijani prose" appeared in Azerbaijani literature in the late 70s. And he began to be used, first of all, in order to indicate the nature of the prose being created, to emphasize its difference from traditional prose.

Yu.O. Lyubanovskaya

EFFECTIVE SPECIAL REPORT: WHAT DO WE DO WRONG? PART I

Keywords: infoproduct, regional broadcast television, special reporting, presentation, imbalance, reputation, social interaction. The article discusses the reasons for the decrease in the effectiveness of the communication impact of a special report on regional broadcast television. The study analyzes the prerequisites and consequences of the imbalance in the representation of subjects to the conflict, the emotional presentation of the problem-thematic essence, and low feedback indicators. Identified trends indicate violations of information product management in functional and technological aspects.

И.Д. Порфирьева

ОСНОВЫ ОСВЕЩЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Ключевые слова. Экологическая политика, СМИ, социально-экологические проблемы, экологическая культура.

В данном исследовании представлены результаты, отражающие как использование средств массовой информации и социальных сетей связаны с экологическим активизмом общества и современной государственной экологической политикой. Полученные данные также показывают, что использование социальных сетей положительно влияет как на экологический активизм, так и на рациональное экологически направленное потребление. В статье делается акцент на необходимость изменений в освещении материалов посвященных экологической тематике и актуальных нормативных документов. Экологическая политика и эффективное планирование являются областями, которые в основном связаны с административными аспектами сохранения и управления окружающей средой. В этой связи очень важно рассмотреть возможные направления, которые участвуют в данном процессе.

I.D. Porfireva

BASICS OF ENVIRONMENTAL POLICY COVERAGE

Keywords: Environmental policy, media, social and environmental issues, environmental culture.

This study presents results that reflect how the use of media and social media is related to the environmental activism of society and modern public environmental policies. The findings also show that the use of social media has a positive impact on both environmental activism and sustainable environmentally directed consumption. The article emphasizes the need for changes in the coverage of environmental materials and relevant regulatory documents. Environmental policy and effective planning are areas that are mainly related to the administrative aspects of conservation and environmental management. In this regard, it is very important to consider the possible areas that are involved in the process.

А.Ю. Цицинов

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ УНИВЕРСАЛЬНОЙ

КОМПОЗИЦИОННОЙ СХЕМЫ «ЭТОС – ЛОГОС – ПАФОС» В ТЕКСТАХ ВОЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ (НА ПРИМЕРЕ СЕТЕВОГО ИЗДАНИЯ «АРМЕЙСКИЙ СТАНДАРТ»)

Ключевые слова: военная журналистика, этос, пафос, логос, структура, композиция.

Статья посвящена вопросам использования универсальной композиционной схемы «этнос – логос – пафос» в текстах военной журналистики на примере сетевого издания «Армейский стандарт». Показана специфика фигурирования данной схемы в текстах военной журналистики, рассмотрены ее особенности и модификации применительно к особенностям текста и потребностям целевой аудитории.

A.Yu. Tsitsinov

USE OF THE UNIVERSAL COMPOSITION SCHEME

“ETHOS-LOGOS-PAPHOS” IN THE TEXTS OF MILITARY JOURNALISM (ON THE EXAMPLE OF THE NETWORK EDITION “ARMY STANDARD”)

Keywords: military journalism, ethos, pathos, logos, structure, composition.

The article is devoted to the use of the universal compositional scheme “ethos – logos – pathos” in the texts of military journalism on the example of the network publication “Army Standard”. The specificity of this scheme in the texts of military journalism is shown, its features and modifications are considered in relation to the features of the text and the needs of the target audience.

А.Ю. Цицинов, Ю.В. Шуйская

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ИЗОСЕМИЯ И ЕЕ ОТСУТСТВИЕ В ТЕКСТАХ ВОЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

Ключевые слова: заголовок, текст, военная журналистика, залог, финитные формы, изосемические конструкции.

Статья посвящена распределению различных синтаксических конструкций в текстах военной журналистики на примере еженедельника «Звезда». Заголовки практически лишены финитных конструкций с изосемической структурой, а в лидах, напротив, именно такие конструкции преобладают. Прагматическим объяснением этого факта является различие в задачах заголовка и лида: первый привлекает внимание, второй раскрывает и углубляет вызванный интерес. Далее в тексте преобладают неизосемические пассивные конструкции.

A.Yu. Tsitsinov, Yu.V. Shuyskaya

SYNTACTIC ISOSEMIAS AND ITS LACK IN THE TEXTS OF MILITARY JOURNALISM

Keywords: headline, text, military journalism, pledge, finite forms, isosemic constructions.

The article is devoted to the distribution of various syntactic constructions in the texts of military journalism using the example of the Zvezda weekly. Headings are practically devoid of compact structures with an isosemic structure, and in leads, on the contrary, precisely such structures prevail. A pragmatic explanation of this fact is the difference in the tasks of the headline and lead: the first attracts attention, the second reveals and deepens the interest caused. Nonisosemic passive constructions prevail in the text.

З.Ш. Шукурджиева

ИСМАИЛ ГАСПРИНСКИЙ И ИДЕИ ВОЗРОЖДЕНИЯ РОССИЙСКОГО МУСУЛЬМАНСТВА НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «ТЕРДЖИМАН»

Ключевые слова: Гаспринский, русское мусульманство, национальная идея, интеллигенция, народ.

В работе рассматриваются некоторые аспекты публицистического наследия одной из самых ярких фигур тюркского мира конца XIX – начала XX вв., педагога-реформатора, просветителя, издателя, публициста Исмаила Гаспринского. На конкретных выдержках из его публикаций в газете «Терджиман» («Переводчик»), издаваемой им в Крыму, показывается видение Гаспринским основных проблем национального возрождения российского мусульманства конца XIX – начала XX вв.

Z.Sh. Sukurdziyeva

ISMAIL GASPRINSKI AND THE IDEA OF REVIVAL OF RUSSIAN ISLAM IN THE PAGES OF THE NEWSPAPER "TERDZHIMAN"

Keywords: Gasprinsky, Russian Islam, national idea, intelligentsia, people.

The paper considers some aspects of the journalistic heritage of one of the most prominent figures of the Turkic world of the late XIX – early XX centuries, reformer, educator, publisher, publicist Ismail Gasprinsky. Specific excerpts from his publications in the newspaper "Terdzhiman" ("Translator"), published by him in the Crimea, shows Gasprinsky's vision of the main problems of the national revival of Russian Islam in the late XIX-early XX centuries.

Д.Р. Валиева

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭВФЕМИЗМОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ключевые слова: политический дискурс, эвфемизмы,

D.R. Valieva

USE OF EUFEMISMS IN POLITICAL DISCOURSE

Keywords: political discourse, euphemisms, political correctness, communication, speech strategy, impact, addressee.

политическая корректность, коммуникация, речевая стратегия, воздействие, адресат

В статье рассматривается явление эвфемии в политическом дискурсе. Основная задача политики – воздействие и манипуляция массовым сознанием в соответствии с поставленными ее задачами. Деятели политики неразрывно связаны со своей аудиторией, а посредник между ними является язык. Задача политика – умение владеть коммуникативными стратегиями, позволяющими ему определенным образом воздействовать на адресата, уходить от конфликтов, смягчать информацию. Одним из способов коммуникации является использование политиками эвфемизмов в своей речи.

М.Г. Воднева, Т.С. Кондратьева
ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ
«ГОРОД» В РАССКАЗАХ Т.ТОЛСТОЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА «НЕ КЫСЬ»)

Ключевые слова: концептуализация, смысловые приращения, город, Т.Толстая.

В работе рассматриваются особенности концептуализации понятия «город» в индивидуально-авторской картине мира. Приводятся результаты анализа концептуальных признаков понятия «город», реализованных в рассказах Т.Толстой. Рассмотрены смысловые приращения, выявленные в исследуемых текстах, а также те, которые присутствуют только в одном из произведений.

Л.Х. Галаева

НАЗВАНИЯ ДИКИХ ЖИВОТНЫХ В ИНГУШСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: ингушский язык, название диких животных, исконная лексика, термины.

В данной статье рассмотрены некоторые названия диких животных в ингушском языке. В ингушском языке наименее изученной областью остается лексика, особенно терминология, которая стремительно развивается в современной Ингушетии. Это требует научного изучения и теоретического осмысления.

Ю.А. Латыпова, З.В. Тодосиенко
МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭВФЕМИЗМОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ)

Ключевые слова: эвфемизмы, манипуляция, информация, СМИ, потенциал, политическая коммуникация, речь.

Современное общество зависимо от средств массовой информации, которое несомненно формирует его мировоззрение. СМИ обладает целым арсеналом средств и приемов намеренного воздействия на адресата, меняя его поведение, мотивы, ценности и установки. Эвфемизмы имеют огромным манипулятивным потенциалом, посредством заменой понятий, они позволяют вести процесс коммуникации в более комфортной обстановке. Особенно большую роль эвфемизмы играют в речи политиков, позволяя им управлять массовым сознанием. В статье рассматриваются некоторые случаи появления эвфемизмов в публицистике.

Г.И. Михалев

ТИПОВЫЕ СЛОВАРНЫЕ ДЕФИНИЦИИ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ
ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ
ГРУППЫ «ПТИЦЫ»

Ключевые слова: относительные прилагательные, дефиниция, словарная статья, семантическая структура.

В работе представлены словарные статьи относительных прилагательных лексико-семантической группы «Птицы», составленные автором на основе применения методики семантического моделирования и выявления типологии словарных дефиниций анализируемых лексем.

The main task of politics is to influence and manipulate the mass consciousness in accordance with its tasks. Politicians are linked with their audience, and the intermediary between them is the language. The task of the politician is the ability to master communication strategies that allow him to influence the addressee in a certain way, evade conflicts, and soften information. One way to communicate is by politicians to use euphemisms in their speech.

M.G. Vodneva, T.S. Kondratieva
FEATURES OF CONCEPTUALIZATION OF THE NOTION
“CITY” IN THE STORIES OF T.TOLSTAYA
(BASED ON THE STORYBOOK «NE KYS»)

Keywords: conceptualization, semantic increments, city, T.Tolstaya

Features of conceptualization of the notion “city” in the author’s picture of the world. Given the results of the analysis of conceptual features of the notion “city”, realized in the stories of T.Tolstaya. Reviewed semantic increments, realized in examined texts, and also which are present only in one of her works.

L.H. Galaeva

NAMES OF WILD ANIMALS IN THE INGUSH LANGUAGE

Keywords: Ingush language, name of wild animals, native vocabulary, terms.

This article discusses some names of wild animals in the Ingush language. In the Ingush language, the least studied area is vocabulary, especially the terminology that is rapidly developing in modern Ingushetia. This requires scientific study and theoretical understanding.

Yu.A. Latypova, Z.V. Todosienko
MANIPULATIVE POTENTIAL OF EUPHEMISMS
(ON MATERIAL OF PUBLIC TEXTS)

Keywords: Euphemisms, manipulation, information, media, potential, political communication, speech.

Modern society is dependent on the media, which undoubtedly shapes its worldview. The media has a whole arsenal of means and methods of intentionally influencing the addressee, changing his behavior, motives, values and attitudes. Euphemisms have a huge manipulative potential, through the replacement of concepts, they allow politics to conduct the communication process in a more comfortable environment. Euphemisms play a particularly important role in the speech of politicians, allowing them to control the mass consciousness.

G.I. Mikhalev

TYPICAL DICTIONARY DEFINITIONS OF THE RELATIVE
ADJECTIVE LEXIS-SEMANTIC GROUP “BIRDS”

Keywords: relative adjectives, definition, dictionary entry, semantic structure.

The article presents the dictionary articles of the relative adjectives of the lexical-semantic group “Birds”, compiled by the author based on the application of the method of semantic modeling and the identification of the typology of vocabulary definitions of the analyzed lexemes.

Цзюй Чуанья

СТРАТЕГИЯ ОЦЕНИВАНИЯ РАДИОВЕДУЩЕГО В
КОММЕНТАРИЯХ К КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИМ
ПРОГРАММАМ*Ключевые слова: комментарий, культурно-просветительский
радиодискурс, стратегия оценивания, ведущий,
радиопрограмма.*

В статье анализируется комментарий к радиопрограммам культурно-просветительской направленности путём изучения стратегии оценивания ведущих. Выявлены основные коммуникативные тактики и языковые средства, реализующие данную стратегию в коммуникативно-прагматическом аспекте. Материалом для исследования послужили комментарии к радиопрограммам «Культурный шок», «Книжное казино», «Непрошедшее время» радиостанции «Эхо Москвы».

Е.Ю. Алёшина

РЕГИСТРОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЖАНРОВ
ПУБЛИЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)*Ключевые слова: публичное политическое выступление, жанр,
регистр, диктета.*

В работе представлены регистровые особенности публичного политического выступления, которые могут варьироваться по степени интенсивности. Публичные политические выступления разных жанров имеют свои регистровые характеристики, обусловленные несколькими параметрами: выраженностью импрессивности речи, проявлением личного отношения к ситуации в тексте, уровнем агональности высказывания.

В.В. Аргунов, К.И. Федорова

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МЕТАФОР В
АНГЛОЯЗЫЧНОМ СПОРТИВНОМ ДИСКУРСЕ*Ключевые слова: теория концептуальной метафоры,
концептуальная метафора, новаторская метафора,
комплексная метафора, конвенциональная метафора,
спортивный дискурс.*

В статье исследуются роль и особенности употребления различных концептуальных метафор (конвенциональной, новаторской и комплексной метафор) в англоязычном спортивном блоге и репортаже, освещающих участие сборной Исландии в Чемпионате Европы по футболу 2016 г. Проводится подробное изучение метафор с точки зрения их взаимосвязи, взаимозависимости и системности в рамках текста, что непосредственно связано с мышлением и культурой. Посредством употребления концептуальных метафор адресанты достигают степень экспрессивности и образности, формируют определенное мнение, структурируют восприятие адресатов, а также репрезентируют определенную точку зрения.

Р.З. Дарзаманова

ТИПИЧНЫЕ ОШИБКИ СТУДЕНТОВ, ИЗУЧАЮЩИХ
НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК В КАЧЕСТВЕ ВТОРОГО
ИНОСТРАННОГО, И СПОСОБЫ ИХ ЭФФЕКТИВНОЙ
КОРРЕКТИРОВКИ*Ключевые слова: немецкий язык как второй иностранный,
английский язык, билингвизм, интерференция, преподавание
иностранного языка.*

В данной статье проводится анализ типичных ошибок, возникающих у студентов вузов, изучающих немецкий язык в качестве второго иностранного, и предлагаются способы их корректировки. Корректировка типичных повторяющихся ошибок тесно связана со своевременным выявлением причины их появления. В зависимости от этого предлагаются способы, позволяющие избежать появления, и, тем более, повторение типичных ошибок при изучении второго иностранного языка (немецкого).

Ju Chuanya

PHILOLOGICAL FACULTY, DEPARTMENT OF RUSSIAN
LANGUAGE OF TOMSK STATE UNIVERSITY*Keywords: commentary, cultural and educational radio
discourse, strategy of evaluation, host, radioprogram.*

The article analyzes the commentary to the radio programs of cultural and educational direction by studying the strategy of evaluation the communicative behavior of the hosts. The authors identified the main communicative tactics and language means implementing this strategy in communicative and pragmatic aspect. The material for this article was the commentary to the radio programs «Cultural shock», «Book casino», «Past Continuous», which are posted on the radio station «Echo of Moscow».

E.Yu. Aleshina

REGISTER CHARACTERISTICS OF THE GENRES OF A
PUBLIC POLITICAL SPEECH (BASED ON THE ENGLISH
LANGUAGE)*Keywords: public political discourse, genre, register, dicteme .
The work presents register characteristics of a public political
speech which may vary according to the degree of intensity.
Public political speeches of different genres have their own
register characteristics determined by several parameters: speech
impressiveness, manifestation of the personal attitude to the
situation in the text-discourse, the level of agonality of the
utterance.*

V.V. Argunov, K.I. Fedorova

FUNCTIONING OF CONCEPTUAL METAPHORS IN
ENGLISH SPORT DISCOURSE*Keywords: figurative language; conceptual metaphor theory;
conceptual metaphor; innovative metaphor; complex metaphor;
conventional metaphor; sports discourse.*

This article describes the use and the role of the three types of metaphors: (conventional, complex, and innovative metaphors) in English-language sports blog and sports reporting devoted to Iceland national football team's playing for UEFA Euro 2016.

R.Z. Darzamanova

THE TYPICAL MISTAKES BY STUDYING GERMAN AS A
SECOND FOREIGN LANGUAGE AND THE EFFICIENT
METHODS TO AVOID AND CORRECT THEM*Keywords: Teaching German as a second foreign language,
bilingualism, language transfer, foreign languages.*

In the following article you can see the analysis of common mistakes, which are made by learners, who study German as a second foreign language. Depending on these mistakes efficient methods of correcting and avoiding them are given.

Р.З. Дарзаманова

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА
В КАЧЕСТВЕ ВТОРОГО ИНОСТРАННОГО У СТУДЕНТОВ,
ВЛАДЕЮЩИХ АНГЛИЙСКИМ И/ИЛИ ТАТАРСКИМИ
ЯЗЫКАМИ*Ключевые слова: немецкий язык, английский язык, татарский язык, билингвизм, интерференция, преподавание иностранных языков.**В данной статье проведён анализ преподавания немецкого языка как второго иностранного (при владении английским и/или татарским) с целью выявить сложности, возникающие при изучении второго иностранного языка в условиях билингвизма. Также рассмотрено положительное влияние уже имеющихся знаний английского и татарского языков при изучении немецкого как второго иностранного языка.*

Ю.А. Джураева

ФОНЕТИЧЕСКОЕ ПОРТРЕТИРОВАНИЕ КАК МЕТОД
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ*Ключевые слова: фонетическое портретирование, фонетический портрет, речевой портрет, лингвистический анализ, языковая личность.**В статье исследуется происхождение термина «фонетический портрет» и проводится сравнительный анализ работ авторов, посвященных данной теме. В результате исследования выявляются речевые характеристики, необходимые для составления фонетического портрета личности, а также выделяются преимущества фонетического портретирования как метода фонетического анализа.*

О.В. Звада

АВТОРСКАЯ ЭКСПРЕССИЯ КАК ОТЛИЧИТЕЛЬНАЯ
ХАРАКТЕРИСТИКА РЕЧИ Д. ТРАМПА*Ключевые слова: политический дискурс, стилистические изменения, экспрессивный аспект языка, фразеологизмы.**В данной статье представлен анализ идиоматики в высказываниях Д.Трампа. Предметом исследования является языковая экспрессия президента США. Аналитика языкового материала данной статьи позволяет определить языковую личность Д.Трампа-политика. Основное внимание при анализе высказываний Д.Трампа сконцентрировано на фразеологическом и метафорическом разнообразии разговорной нейтральной лексики.*Х.Н. Исмагилова, О.О. Сподарец, Г.Ф. Хакимова
ИСЛАМСКАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРА В ПОЛИКОДОВЫХ
МЕДИА-ТЕКСТАХ*Ключевые слова: медиа-текст, поликодовый текст, «свой-чужой», невербальные средства, вербальные средства.**Регулярное тиражирование медиа-текстов, посвященных исламу и мусульманской лингвокультуре, способствует формированию у аудитории определенных стереотипов и предубеждений в отношении мусульман. Цель статьи состоит в выявлении специфики формирования образа исламской лингвокультуры в поликодовых текстах политического медиа-дискурса на материале американских медиа-текстов. Автор статьи выделяет специфику актуализации образа исламской лингвокультуры посредством оппозиции «свой-чужой», которая представлена в медиа-текстах как вербально, так и невербально.*М.Н. Кузнецова, У.А. Казакова, В.А. Тубальцева
ВЕРИФИКАЦИОННЫЕ КРИТЕРИИ КАЧЕСТВА ПРОЦЕССА
ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ
ПРЕПОДАВАТЕЛЯМИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ (НА ПРИМЕРЕ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)*Ключевые слова: верификационные критерии, качество образовательно процесса, профессионально-коммуникативные компетенции.**В статье рассматривается проблема верификации качества профессионально-коммуникативной подготовки*

R.Z. Darzamanova

TEACHING GERMAN AS A SECOND FOREIGN
LANGUAGE AFTER ENGLISH AND/ OR TATAR*Keywords: Teaching German as a second foreign language, Tatar language, bilingualism, language transfer, foreign languages.**In the following article you can see the analysis of teaching German as a second language for those students, who studied English and/ or Tatar. The goal was to find out difficulties, which may encounter by studying the second foreign language in the context of bilingualism. The positive influence of the first foreign language (English) and/or Tatar was also mentioned.*

Yu. A. Dzhuraeva

PHONETIC PORTRAYAL AS A METHOD OF LINGUISTIC
ANALYSIS*Keywords: phonetic portrayal, phonetic portrait, speech portrait, linguistic analysis, linguistic personality.**This article dwells upon the origin of the term “phonetic portrait” and presents the comparative analysis of the scientific works, touching upon this topic. As a result, we bring out speech characteristics needed to perform phonetic portrayal and describe the advantages of using of phonetic portrayal as a method of linguistic analysis.*

O.V. Zvada

AUTHOR'S EXPRESSION AS A DISTINCTIVE
CHARACTERISTIC OF D. TRUMP'S SPEECH*Keywords: political discourse, stylistic changes, expressive aspect of language, phraseological units.**This article presents the analysis of idiomatic expressions in the statements of D. Trump. The subject of the study is the language expression of the American President. The analysis of the language material of this article allows us to determine the language personality of D. Trump-the politician. The main attention in the analysis of D. Trump's statements is focused on the phraseological, metaphorical variety of colloquial neutral vocabulary.*H.N. Ismagilova, O.O. Spodarets, G.F. Hakimova
ISLAMIC LINGUOCULTURE IN MULTICODE
MEDIA TEXTS*Keywords: media text, multicode text, “friend or foe”, non-verbal means, verbal means.**Regular circulation of media texts on Islam and Muslim linguistic culture contributes to the formation of certain stereotypes and prejudice against Muslims among the audience. The aim of the article is to single out peculiarities of the formation of the image of Islamic linguistic culture in American political multicode media texts. The author of the article singles out the specifics of the representation of the image of Islamic linguistic culture through the opposition “friend or foe”, which is presented in media texts both verbally and non-verbally.*M.N. Kuznetsova, U.A. Kazakova, V.A. Tubaltseva
QUALITY VERIFICATION CRITERIA FOR THE STUDY OF
FOREIGN LANGUAGES BY TEACHERS OF THE HIGHER
SCHOOL (ON THE EXAMPLE OF THE ENGLISH
LANGUAGE)*Keywords: verification criterion, quality of the educational process, professional and communicative competencies. The article considers the problem of verifying the quality of professional and communicative training of higher education teachers as part of a continuing education program. The authors*

преподавателей высшей школы в рамках программы повышения квалификации. Авторы исследуют специфику сущности понятия «качества обучения»; определяют виды коммуникативных компетенций, которыми должны владеть педагоги вузов; идентифицируют уровни владения профессионально ориентированной речью в соответствии с её видами; обосновывают специфику и сложности реализации данного процесса на каждом этапе.

А.В. Мерзлякова, Ю.В. Рябкова
СЕМИОТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО АНТИТАБАЧНОЙ РЕКЛАМЫ

Ключевые слова: социальная реклама, антитабачная реклама, семиотика, креолизованный текст, знаковые системы.

В статье рассматриваются особенности современной англоязычной социальной антитабачной рекламы, выделяются основные тематические категории антитабачной рекламы. Анализ данных категорий производится с точки зрения семиотики, выделяются характерные для них знаки, а также универсальные для плакатов антитабачной рекламы.

С.В. Мурсекаева
РОЛЬ ИНТОНАЦИИ В РЕАЛИЗАЦИИ НЕКОТОРЫХ ДИСКУРСИВНЫХ СТРАТЕГИЙ В ВИДЕОБЛОГАХ

Ключевые слова: интернет-дискурс, видеоблог, просодия, дискурсивные стратегии.

В статье рассматриваются дискурсивные стратегии, используемые в персональных видеоблогах. Автором приводятся примеры стратегий, направленных на установление и поддержание контакта, и стратегий, направленных на формирование имиджа говорящего. Анализируется их просодическая реализация.

С.А. Радионова
ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ХАРАКТЕРИСТИКИ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ (НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ПРОЗЫ)

Ключевые слова: языковые средства, эмоционально-психическое состояние, онкобольные, психотип.

В работе представлены характеристики эмоционально-психического состояния онкобольных и их окружения с точки зрения стилистики. Материалом исследования послужили произведения современных американских писателей. Выделены психотипы родственников и друзей онкобольных и языковые средства, участвующие в создании этих образов.

А.С. Рыбакова, О.А. Юдина,
СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АВСТРАЛИЙСКОГО СЛЕНГА

Ключевые слова: австралийский вариант английского языка, сленг, австралийский сленг, перевод, структурные особенности сленга.

В статье рассматриваются структурные особенности современного австралийского сленга – приводится подробный анализ как однокомпонентных, так и многокомпонентных слов и выражений, а также статистические данные частотности принадлежности слов, входящих в данную лексическую группу.

С.А. Стройков
ИЗМЕНЕНИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ АВТОРА И ЧИТАТЕЛЯ СОВРЕМЕННОГО ГИПЕРТЕКСТОВОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Ключевые слова: автор, читатель, адресант, адресат, реципиент, взаимоотношения, гипертекст, гипертекстовое произведение, степень гипертекстуализации, нелинейное чтение, гиперссылки.

В работе выявляется степень изменения взаимоотношений автора (адресанта) и читателя (адресата, реципиента) современного гипертекстового произведения в зависимости от степени его гипертекстуализации, которая изменяется от

research the specifics of the essence of the concept of «quality of education»; determine the types of communicative competencies that students must possess; identify proficiency in professionally oriented speech in accordance with its types; substantiate the specificity and complexity of the implementation of this process at each stage.

A.V. Merzlyakova, Yu.V. Ryabkova
SEMIOTIC SPACE OF ANTI-TOBACCO ADVERTISING
Keywords: social advertising, anti-tobacco advertising, semiotics, creolized text, sign systems.

The article presents the peculiarities of the modern English anti-tobacco social advertising, distinguishes the main theme categories of anti-tobacco advertising and analyzes them from the point of semiotics. The distinctive for these categories and universal for anti-tobacco posters signs are dedicated.

S.V. Mursekaeva
THE ROLE OF INTONATION IN REALISATION OF DISCOURSE STRATEGIES IN VLOGS

Keywords: Internet discourse, vlog, prosody, discourse strategies. The article examines the discourse strategies used in personal vlogs. The author provides examples of strategies for building and maintaining rapport and impression management strategies. Their prosodic features are analysed.

S.A. Radionova
LANGUAGE MEANS OF EMOTIONAL AND PSYCHOLOGICAL STATE CHARACTERISATION (FROM THE EXAMPLE OF MODERN AMERICAN PROSE)

Keywords: language means, emotional and psychological state, cancer patients, personality type.

This paper highlights emotional and psychological state characterisation of cancer patients and their relatives in terms of stylistics. Modern American novels served as research material. Personality types of cancer patients' close relatives are defined and language means used to depict the images are analysed.

A.S. Rybakova, O.A. Yudina
STRUCTURAL PECULIARITIES OF AUSTRALIAN SLANG
Keywords: Australian English, slang, Australian slang, translation studies, structural peculiarities.

This article deals with structural peculiarities of modern Australian slang. It analyses both one-component and multi-component slang words. The article also touches upon the belonging of slang-words to a certain part of speech.

S.A. Stroykov
THE CHANGE IN THE RELATIONSHIPS BETWEEN THE AUTHOR AND THE READER OF A MODERN HYPERTEXTUAL WORK

Keywords: author, reader, addresser, addressee, recipient, relationships, hypertext, hypertextual work, the degree of hypertextualization, non-linear reading, hyperlinks.

The paper reveals the degree of a change in the relationships between the author (addresser) and the reader (addressee, recipient) of a modern hypertext work depending on the degree of its hypertextualization, which varies from less to more in the following sequence of hypertext works: printed literary hypertext

меньшей к большей в следующей последовательности: книжный художественный гипертекст – книжный гипертекст – электронный художественный гипертекст – электронный гипертекст. Автор данного исследования характеризует каждый вид гипертекстового произведения с точки зрения изменения взаимоотношений автора и читателя, а также с точки зрения авторства и степени свободы читателя.

Г.Р. Тимирбаева

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ КОРПУСА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ: ПРИНЦИПЫ СОСТАВЛЕНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ

Ключевые слова: корпуса параллельных текстов, научно-технические тексты, термины.

В работе представлены результаты изучения параллельных корпусов научно-технических текстов, особое внимание уделено критериям отбора текстов (размер корпуса, предмет исследования, язык автора, авторство, дата публикации). Показан потенциал использования параллельных корпусов в учебных целях (извлечение терминов и составление словарей, использование в качестве образца при написании статей).

Е.Б. Цыганова

СЕМАНТИКО-ДЕРИВАЦИОННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГЛАГОЛЬНОЙ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: семантико-деривационная схема, метафорические глаголы, значение речепроизводства, вторичное значение, полисемант.

В работе представлено исследование метафорических глаголов со значением речевой деятельности в английском языке. Описываются семантико-деривационные модели, на основе которых происходит развитие вторичных метафорических значений глаголов речепроизводства в английском языке. Приводятся примеры из художественной англоязычной литературы.

Г.Х. Алеева, Н.Ш. Гиниятуллина

РЕКОНСТРУКЦИЯ КОНЦЕПТА «DREAM» НА ОСНОВЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ТОЛКОВАНИЙ И РЕАЛИЗАЦИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЛИТЕРАТУРНОГО НАПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗМ

Ключевые слова и фразы: концепт, dream, репрезенты, лексико-семантический вариант, номинации.

В статье рассматриваются лексико-семантические варианты концепта «DREAM» и их количественная представленность, а также анализу подвергаются репрезентации концепта в дискурсе художественного произведения. В текстах произведений реализма выделяются 4 лексико-грамматических варианта. Выделяются ядерные, окооядерные и периферийные признаки.

Н.В. Арчахова, М.П. Слободчикова

ФОРМИРОВАНИЕ МОТИВАЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ

Ключевые слова: мотивация, мотив, иностранный язык, студент, неязыковой вуз.

С внедрением в процесс обучения новых стандартов, когда важную роль приобретают такие универсальные компетенции как коммуникация (УК-4) и межкультурное взаимодействие (УК-5), возникает необходимость пересмотра традиционных методов преподавания. Важнейшей задачей педагога становится не только предоставление определенных знаний, умений и навыков, но и формирование устойчивой мотивации к изучению и совершенствованию уровня владения иностранным языком.

– printed hypertext – electronic literary hypertext – electronic hypertext. The author of this study characterizes each kind of hypertext work in terms of changing the relationship between the author and the reader, as well as in terms of the authorship and a degree of the reader's freedom.

G.R. Timirbaeva

PARALLEL CORPORA OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL TEXTS: PRINCIPLES OF COMPILING AND APPLICATION

Keywords: parallel corpora, scientific and technical texts, terms. This paper presents the results of the study of parallel corpora of research papers. The criteria of choosing texts are given, that is, the size of corpora, the subject, the language, the publication date. Corpus-based applications are indicated (extracting terms and developing glossaries, using for writing research articles).

E.B. Tsyganova

SEMANTIC-DERIVATION CHARACTERISTICS OF THE VERBAL METAPHORIC NOMINATION OF SPEECH ACTIVITY IN THE ENGLISH LANGUAGE

Keywords: semantic-derivational scheme, metaphorical verbs, meaning of speech activity, secondary meaning, polysemant.

The paper presents a study of metaphorical verbs with the meaning of speech activity in English. The semantic-derivational models are described, on the basis of which the development of metaphorical verbs of speech activity in the English language takes place. Examples are given from English and American fiction literature.

G.H. Aleeva, N.S. Giniyatullina.

RECONSTRUCTION OF THE CONCEPT "DREAM" ON THE BASIS OF LEXICOGRAPHIC INTERPRETATIONS AND IMPLEMENTATIONS IN WORKS OF LITERARY DIRECTION REALISM

Keywords: concept, dream, representatives, lexical-semantic version, nominations.

The article deals with the lexico - semantic versions of the concept "DREAM" and the number of lexico - semantic versions. The concept is analyzed in the discourse of literary works. Four lexico - semantic groups are distinguished in the texts of works of realism. Nuclear, perinuclear and peripheral signs are distinguished.

N.V. Archakhova, M.P. Slobodchikova

INCREASING OF MOTIVATION IN TEACHING ENGLISH LANGUAGE FOR STUDENTS OF NON-LINGUISTIC HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION

Keywords: motivation, incentive, foreign language, student, non-linguistic university.

With the implementation of new standards into the process of education, when the main role is given to such universal competencies as communication (UC-4) and intercultural interaction (UC-5), the problem of changing traditional methods of teaching emerges. One of the most important tasks of the teacher becomes not only giving definite knowledge and skills, but also creating sustainable motivation of learning and improving the level of English proficiency.

С.В. Богдашкина, Г.А. Натуральнова, М.М. Акашкин
ИНТОНАЦИОННЫЕ УПРАЖНЕНИЯ КАК СРЕДСТВО
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РОДНОЙ УСТНОЙ РЕЧИ
ОБУЧАЕМЫХ

Ключевые слова: интонация, голос, звуковые элементы, устная речь, родная речь, интонационные упражнения, синтаксические отношения, эмоционально-экспрессивные оттенки.

В статье на основе анализа языкового материала раскрываются особенности работы с интонацией как средством совершенствования родной устной речи обучаемых. Рассмотрены и предложены различные типы интонационных упражнений, способствующих совершенствованию практических навыков родной речи и обогащению словарного запаса.

А.А. Васильева, С.А. Попова

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ
ЭРГОНИМОВ НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ
НАЗВАНИЙ ЗАВЕДЕНИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ)

Ключевые слова: ономастика, эргоним, словообразование.

Данная статья посвящена исследованию китайскоязычных эргонимов. Материалом для исследования послужили названия заведений общественного питания в количестве 50 единиц. Предметом исследования стал лексико-семантический способ образования эргонимов. В результате исследования выяснили, что 72% исследуемого материала образовано способом онимизации на основе метафоры, метонимии.

М.А. Дегтярева, М.И. Кысылбаикова

КОНЦЕПТ «МУЗЫКА» НА ПРИМЕРЕ СЛОВ-СТИМУЛОВ
«БЫРЬЯ/SONG/ПЕСНЯ» и «КУОЛАС/VOICE/ГОЛОС» В
ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ АМЕРИКАНЦЕВ И САХА

Ключевые слова: концепт, музыка, языковое сознание, методы, слова-стимулы, ассоциации, реакции.

Данная статья содержит исследование концепта «музыка» в языковом сознании носителей американского английского и якутского языков на примере слов-стимулов «песня» и «голос». В теоретической части речь идет о ключевых понятиях работы и методах исследования. Далее практическая часть состоит из анализа результатов анкетирования, которые показали, что в языковом сознании носителей двух языков данный концепт воспринимается по-разному. Больше всего это вызвано из-за культурных особенностей представителей обеих культур.

Г.Н. Джафарова

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ МАШИННОГО
ПЕРЕВОДА И ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ
ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: машинный перевод, компьютерная лингвистика, автоматический перевод, естественный язык, метод.

Одним из наиболее важных вопросов в обмене информацией является обработка естественного языка. Проблема машинного перевода возникла примерно за полвека до создания первых компьютеров. Интеллектуальная обработка естественного языка осуществляется автоматически. Это тесно связано с компьютерной лингвистикой. Компьютерная лингвистика сочетает в себе лингвистику и прикладную лингвистику. Одним из приоритетов в компьютерной лингвистике является машинный перевод. В статье мы рассмотрим механику машинного перевода.

Ф.Х. Завгарова, Ф.Ф. Гилемшин, Г.К. Мансурова
СЕМАНТИЧЕСКИ НАГРУЖЕННЫЙ ЭЛЕМЕНТ
ТАТАРСКОГО ДОМА ТУШЭМ (ПОТОЛОК)
КАК ХРЕМАТОНИМ

Ключевые слова: дом, семиотика, миф, обряд, символ, знак.
В статье авторами на основе собственных экспедиционных

S.V. Bogdashkina, G.A. Naturalnova, M.M. Akashkin
INTONATIONAL EXERCISES AS A MEANS OF
IMPROVING THE NATIVE TRAINING OF SPEAKERS

Keywords: intonation, voice, sound elements, oral speech, native speech, intonation exercises, syntactic relations, emotionally expressive shades.

Based on the analysis of linguistic material, the article reveals the features of the use of intonation as a means of improving the native spoken language of students. We have reviewed and proposed various types of intonation exercises that contribute to the improvement of the practical skills of native speech and enrichment of the vocabulary.

A.A. Vasilieva S.A. Popova

THE LEXICAL-SEMANTIC WAY OF FORMING
ERGONYMS IN CHINESE (BASED ON THE NAMES OF
CATERING ESTABLISHMENTS)

Keywords: onomastics, ergonym, word formation.

This article is devoted to the study of Chinese-language ergonyms. The material for the study was the names of catering establishments in the amount of 50 units. The subject of the study was the lexical-semantic way of forming ergonyms. As a result of the study, it was found that 72% of the studied material was formed by the method of onimization based on metaphor, metonymy.

M.A. Degtiareva, M.I. Kysylbaikova

THE CONCEPT "MUSIC" IN LANGUAGE CONSCIOUSNESS
OF AMERICAN AND SAKHA PEOPLE THROUGH THE
STIMULUS WORDS "SONG" AND "VOICE"

Keywords: concept, music, language consciousness, methods, stimulus words, associations, reactions.

This article is about the research of the concept "Music" in language consciousness of American and Sakha people through stimulus words "song" and "voice". The research consists of linguistic terms "concept" and "language consciousness". In order to reveal features of language consciousness we used the methods of associative and receptive experiments. The results of survey showed that there are similar and different answers in which you can see how the native speakers of two languages perceive the concept "Music". The similar answers are given due to current trends and globalization and the differences are caused by many different inner factors like cultural features, long-term traditions and mentality of two different nations.

G.N. Jafarova

SCIENTIFIC THEORETICAL ISSUES OF THE MACHINE
TRANSLATION AND APPLYING IN THE AZERBAIJANI
LINGUISTICS

Keywords: machine translation, computational linguistics, automatic translation, natural language, method.

One of the most important issues in the exchange of information is the natural language processing. The issue of machine translation has come about half a century before the creation of the first computers. Intelligent natural language processing is automatically implemented. This is closely related to the computational linguistics. Computational linguistics combines linguistics and applied linguistics. One of the priorities in computational linguistics is the machine translation. In the article, we will look into the mechanics of the machine translation.

F.F. Gilemshin, F.Kh. Zavgarov, G.K. Mansurova
SEMANTICALLY LOADED ELEMENT OF THE TATAR
HOUSE TUSHEM (CEILING) AS CHREMATONYM

Keywords: house, semiotics, myth, rite, symbol, sign.

The article considers the element of the upper boundary of the developed space of the Tatars house – tushem (ceiling) as

материалов рассматривается элемент верхней границы освоенного пространства татарского дома – *түшәм* (потолок) как хремотоним. В качестве доказательной базы приводятся примеры из обрядовой культуры различных этнотерриториальных групп татар.

chrematonym on the basis of the authors' expeditionary materials. Examples from the rite culture of the different ethno-territorial groups of Tatars are cited as evidence.

Л.С. Заморщикова, А.В. Никифорова, З.Б. Степанова
ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ
КОННОТАЦИЙ ОБРАЗОВ РОССИИ (НА МАТЕРИАЛЕ
КОРПУСА ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА)

L.S. Zamorshchikova, A.V. Nikiforova, Z.B. Stepanova
LANGUAGE MEANS OF EXPRESSION OF SOCIAL
CONNOTATIONS OF RUSSIA'S IMAGES (ON THE
JAPANESE CORPUS'S MATERIAL)

Ключевые слова: социальная коннотация, образ России, японский язык, корпус, корпусный анализ, языковые средства. В данной работе социальная коннотация нами рассматривается на уровне высказывания и ограничивается определенным обществом, в связи с этим мы выбрали для изучения социальной коннотации Сбалансированный корпус современного письменного японского языка и рассматриваем его как сборник высказываний одного общества, в данном случае Японии, где выражено мировоззрение японского общества.

Keywords: social connotation, image of Russia, Japanese language, corpus, corpus analysis, language means. In this paper, we consider social connotation at the level of utterance and are limited to a particular society, in connection with this we chose the Balanced Corpus of the modern written Japanese language to study social connotation and consider it as a collection of utterances of one society, in this case Japan, which expresses the worldview of Japanese society.

С.Б. Какваева

КАТЕГОРИЯ ФАЗОВОСТИ В ЛАКСКОМ ЯЗЫКЕ

S.B. Kakvaeva

PHASE CATEGORY IN LAK LANGUAGE

Ключевые слова: лакский язык, глагол, семантическая зона, аспектуальность, фазовость, аналитизм, составляющие категории фазовости: *инхоатив*, *континуатив*, *прогрессив*, *терминатив*.

Keywords: Lak language, verb, semantic zone, aspectuality, phasing, analyticism, components of the phasing category: *inchoative*, *continuative*, *progressive*, *terminative*.

В статье даётся описание категории фазовости в лакском языке. Фазовая категория выступает как грамматизированная категория, входящая в семантическую зону глагола. Образование форм связано с аналитической техникой, которая сочетается и с аффиксацией – особыми формами *деепричастий* в составе аналитических форм.

This article describes the phase category in Lak language. The phase category acts as a grammatical category included in the semantic zone of the verb. The formation of forms is associated with analytical technique, which is combined with affixation - special forms of participles in the composition of analytical forms.

А.Р. Каюмова, Г.В. Садыкова, Л.К. Халитова
ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ
РЕЧИ ДЕТЕЙ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

A.R. Kayumova, G.V. Sadykova, L.K. Khalitova
DIGITAL TECHNOLOGIES AS A TOOL IN SPEECH
DEVELOPMENT OF CHILDREN OF THE RUSSIAN
DIASPORA

Ключевые слова: билингвизм, мультилингвизм, эритажный язык, цифровые технологии, дети раннего возраста.

Keywords: bilingualism, multilingualism, hermitage language, digital technologies, very young children.

Статья посвящена изучению мнения родителей о применении компьютерных, мобильных и других цифровых технологий с целью развития и сохранения материнского (в данном случае русского) языка детей дошкольного возраста, проживающих за пределами Российской Федерации. Результаты анкетирования 25 русскоязычных родителей детей-билингвов (мультилингвов), говорят о том, что родители в целом имеют положительное отношение к цифровым технологиям, видя в них потенциально полезный образовательный инструмент, однако не спешат применять его для развития речи своих собственных детей, предпочитая печатную книгу и живое общение. В случае применения технологий, родители занимают активную позицию в процессе взаимодействия ребенка и компьютера, планшета или смартфона, создают оптимальные здоровьесберегающие условия для речетворчества ребенка.

The article is devoted to the study of parents' opinions on the use of computer, mobile and other digital technologies for the development and preservation of the heritage (in this case, Russian) language of preschool children. The results of a survey of 25 Russian-speaking parents of very young bilingual (multilingual) children living outside the Russian Federation demonstrate that parents generally have a positive attitude to digital technologies, seeing them as a potentially useful educational tool, but they hesitate to use this tool for the development of speech of their own children, giving preference to printed books and live communication. If the technology is used, parents take an active position in the process of child-technology interaction, trying to create optimal healthy conditions for the child's speech production.

Ф.Ф. Ларионов, С.В. Филиппова
ОБРАЗ ПОБЕДИТЕЛЯ В СПОРТИВНОМ ДИСКУРСЕ

F.F. Larionov, S.V. Filippova
WINNER IMAGE IN SPORTS DISCOURSE

Ключевые слова: образ, спортивный дискурс, лексико-семантическое поле, языковые средства.

Keywords: image, sports discourse, lexical-semantic field, linguistic means.

Индустрия спортивных развлечений с развитием медиа и социальных сетей пользуется большой популярностью у широкого круга аудитории, поскольку в настоящее время медийные личности, включая спортсменов, все чаще стремятся привлечь к себе внимание публики и продемонстрировать свои достижения в разных сферах своей жизни. В статье на материале высказываний спортсменов, отобранных из интервью, пресс-конференций и социальных сетей, анализируется образ победителя. Семантический и контекстуальный анализ высказываний позволил выявить ключевые «признаки» победителя, конструирующие стереотипы о необходимых атрибутах и символах победы.

Industry of sports entertainment with growth of mass and social media is gaining more popularity in mainstream, because now media personalities including sportsmen try to attract public attention and showcase their achievements. In the article based on the statements of sportsmen from interviews, press conferences and social media we analyze the image of winner. Semantic and contextual analysis identified key attributes of winner forming stereotypes about attributes and symbols of victory.

В.В. Лебедева, М.В. Никифорова
СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
КОЛЛОКАЦИИ СО СЛОВОМ «마음» В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: коллокация, словосочетание, идиома,
корейский язык, формула.

Данная статья посвящена анализу и описанию структурно-семантической характеристики коллокаций со словом «마음» [МАЫМ] («душа», «сердце», «чувства», «мысли») в корейском языке. В результате проведенного исследования корейских идиом со словом «마음» [МАЫМ] было выявлено, что по лексическому составу больше всего незаменимых и неизменяемых коллокаций. По способу образования выделяются коллокации, составленные по формуле имя существительное + глагол.

В.В. Лебедева, В.А. Федуллова
ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЗНАКОВ ПРЕПИНАНИЯ
В КОРЕЙСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

Ключевые слова: пунктуация, знаки препинания, запятая,
корейский язык, точка.

Данная статья посвящена изучению и описанию особенностей употребления знаков препинания в корейском языке на материале корейских художественных текстов. В результате исследования были выявлены и описаны такие знаки препинания как: точка, запятая, многоточие, вопросительный знак, восклицательный знак. Была также отмечена особенность графического изображения многоточия в корейском языке в сравнении с русским.

А.В. Мерзлякова, Е.Д. Ястребова
ГИПЕРТЕКСТ И КЛИПОВОЕ МЫШЛЕНИЕ

Ключевые слова: гипертекст, клиповое мышление, интернет-коммуникация, гипотекст, линейная коммуникация.

В статье рассматриваются структурные и функциональные особенности гипертекста. Гипертекст и клиповое мышление рассматриваются как взаимообусловленные феномены. Проводится анализ особенностей организации гипертекста, обусловленных появлением и распространением клипового мышления.

З.У. Назырова, Х.В. Султанбаева
ЛЕКСИЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ
СФЕРЫ “ТЫҒАН ИЛ” (“РОДИНА”) В ПОЭЗИИ МУСТАЯ КАРИМА

Ключевые слова: концепт, концептуальная сфера, “Тыгуан ил”
 (“Родина”), поэзия, Мустай Карим.

В данной статье представлен анализ лексического воплощения концептуальной сферы “Тыгуан ил” (“Родина”) в поэзии Мустая Карима. Содержание изучаемого концепта раскрывает ценностную значимость в системе мировидения и миропонимания автора. В исследовании рассматривается смысловое наполнение концептуальной сферы “Тыгуан ил” (“Родина”), в которой мы видим образ Родины через мировосприятие автора.

С.В. Оленев, Б.Е. Кильдибекова
ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ КАК ИНСТРУМЕНТ
ТРАНСФОРМАЦИИ СОЗНАНИЯ УЧАСТНИКОВ
РЕЛИГИОЗНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В СЕТИ
ИНТЕРНЕТ

Ключевые слова: религиозный дискурс, фоновые знания, блог,
прецедентные феномены, трансформация сознания.

В статье представлены результаты дискурсивного анализа прецедентных феноменов (имен, выражений, ситуаций и т.д.), функционирующих в современном русскоязычном религиозном дискурсе Казахстана в пределах блогосферы. В результате качественного анализа текстов делаются выводы о возможности определения коммуникативных намерений авторов по характеру используемых ими прецедентных феноменов. Наряду с этим отмечается, что прецедентные феномены выступают как один из действенных инструментов

V.V. Lebedeva, M.V. Nikiforova
STRUCTURAL-SEMANTIC CHARACTERISTIC OF
COLLOCATION WITH THE WORD “마음” IN THE KOREAN
LANGUAGE

Keywords: collocation, phrase, idiom, Korean, formula.

This article is devoted to the analysis and description of the structural-semantic characteristics of collocations with the word “마음” (“soul”, “heart”, “feelings”, “thoughts”) in Korean. As a result of a study of Korean idioms with the word “마음”, it was revealed that the lexical composition of the most irreplaceable and unchanged collocations. By the method of formation, collocations are distinguished, composed by the formula noun + verb.

V.V. Lebedeva, V.A. Fedulova
FEATURES OF USE OF PUNCTUATION MARK
IN THE KOREAN ARTISTIC TEXT

Keywords: punctuation, punctuation marks, comma, Korean, dot.
This article is devoted to the study and description of the features of the use of punctuation marks in the Korean language based on the material of Korean literary texts. As a result of the study, such punctuation marks were identified and described as: dot, comma, ellipsis, question mark, exclamation mark. A feature of the graphic representation of the ellipsis in Korean in comparison with Russian was also noted.

A.V. Merzlyakova, E.D. Yastrebowa
HYPERTEXT AND CLIP THINKING

Keywords: hypertext, clip thinking, Internet communication,
hypothesis, linear communication.

The article considers structural and functional features of hypertext. Hypertext and clip thinking are described as interdependent phenomena. An attempt is made to analyse hypertext organization peculiarities in connexion with the spread of clip thinking

Z.U. Nazyrova, H.V. Sultanbaeva
LEXICAL EMBODIMENT CONCEPTUAL SPHERE
“HOMELAND” IN THE POETRY OF MUSTAY KARIM
Keywords: concept, conceptual sphere, “Homeland”, poetry,
Mustay Karim.

This article presents the lexical embodiment of the conceptual sphere “Homeland” in the poetry of Mustay Karim. The content of the studied concept reveals the value significance in the system of worldview and worldview of the author.

In research we consider the semantics of the conceptual sphere “Homeland”, in which we see the image of the homeland through the worldview of the author.

S.V. Olenev, B.E. Kildibekova
PRECEDENT PHENOMENA AS A TOOL OF
TRANSFORMATION OF CONSCIOUSNESS OF
PARTICIPANTS OF RELIGIOUS AND IDEOLOGICAL
DISCOURSE IN THE INTERNET

Keywords: religious discourse, background knowledge, blog,
precedent phenomena, transformation of consciousness.

The article presents the results of the discursive analysis of precedent phenomena (names, expressions, situations, etc.) functioning in the modern Russian-language religious discourse of Kazakhstan within the blogosphere. As a result of the qualitative analysis of the texts, conclusions are drawn about the possibility of determining the communicative intentions of the authors by the nature of precedent phenomena used by them in blogs. At the same time, it is noted that precedent phenomena act as one of the effective tools for transforming the consciousness of

трансформации сознания пользователей сети в религиозно-идеологическом дискурсе.

web users in the religious and ideological discourse.

Т.В. Ордахова, А.Е. Новикова
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА
КИТАЙСКИХ АНЕКДОТОВ

Ключевые слова: юмор, анекдоты, лингвокультурология, игра слов, китайская культура.

Юмор отражает историю, культуру, язык и менталитет народа, т.к. все они взаимосвязаны друг с другом. Чрезвычайно важно рассмотреть тот факт, что юмор может представлять собой уникальный инструмент для углубленного изучения культуры и языка, ведь то, как мы шутим и над чем мы шутим на прямую связано с нашим мировосприятием.

T.V. Ordakhova, A.E. Novikova
LINGUOCULTURAL FEATURES OF CHINESE
ANECDOTES

Keywords: humor, Chinese language, anecdotes, wordplay, Chinese culture.

In this paper, we consider humor reflects the history, culture, language and mentality of the people, as they are all interconnected with each other. It is extremely important to consider the fact that humor can be a unique tool for an in-depth study of culture and language, because the way we joke and what we joke is directly related to our worldview.

Л.Д. Раднаева
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СВОЙСТВА И ФОНЕТИЧЕСКИЕ
КОРРЕЛЯТЫ СЛОЖНЫХ ГЛАСНЫХ

Ключевые слова: дифтонг, фонологический статус, фонетика, фонетические свойства.

Статья посвящена изучению функциональных и фонетических свойств дифтонгов. Рассматривается определение понятия дифтонга. Анализируется фонологический статус дифтонгов на примере разных языков.

L.D. Radnaeva
FUNCTIONAL PROPERTIES AND PHONETIC
CORRELATES OF COMPLEX VOWELS

Keywords: diphthong, phonological status, phonetics, phonetic properties.

The article is devoted to the study of the functional and phonetic properties of diphthongs. The definition of the concept of diphthong is considered. The phonological status of diphthongs is analyzed on the example of different languages.

Сунь Бо
МОДИФИКАЦИИ ПРОИЗНОШЕНИЯ РУССКОГО
СОЧЕТАНИЯ ТИПА СОГЛАСНЫЙ-СОГЛАСНЫЙ В ЧТЕНИИ
КИТАЙЦЕВ

Ключевые слова: русский язык, китайский язык, фонетика, произношение, чтение, согласные, слоги.

В статье рассматриваются вопросы модификации русских сочетаний «согласный+согласный» в исполнении носителей китайского языка в условиях чтения неподготовленного фонетически представительного текста. Выбор экспериментального материала с сочетаниями «согласный+согласный» обусловлен отсутствием подобных звуковых комплексов системе китайского языка. Такие сочетания вызывают трудности произносительного характера в русском речи китайцев. Результаты анализа имеют теоретическую и практическую ценность, особенно для преподавания фонетики русского языка китайским учащимся.

Sun Bo
MODIFICATION OF PRONUNCIATION OF RUSSIAN
SOUND COMBINATIONS «CONSONANT + CONSONANT»
IN READING OF CHINESE SPEAKERS

Keywords: Russian, Chinese, phonetics, pronunciation, reading, consonant combinations, syllables.

The article discusses the modification of Russian «consonant + consonant» combinations performed by native Chinese speakers when reading an unprepared phonetically representative text. The work describes the phonetic errors in the Russian speech of the Chinese. The choice of experimental material with «consonant + consonant» combinations is due to the absence of such sound grouping in the Chinese language system. Such combinations cause pronouncing difficulties in the Russian speech of the Chinese. The results of the analyses have theoretical and practical importance, especially in teaching of Russian phonetics to Chinese students.

Ф.А. Тугушева, А.Г. Хамурзова, Л.Х. Хараева
ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА В
НАИМЕНОВАНИЯХ МЕДИЦИНСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Ключевые слова: рекламный дискурс, коммуникация, языковые единицы.

В статье рассматриваются лингвистические особенности рекламного дискурса, иллюстрируемые на примерах наименований коммерческих медицинских учреждений, к которым относятся центры, кабинеты, аптеки и лаборатории. Медицинские онимы рассматриваются как номинативные инновации.

F.A. Tugusheva, A.G. Khamurzova, L.Kh. Kharaeva
LANGUAGE PARTICULARITIES OF ADVERTISING
DISCOURSE IN THE NAMES OF MEDICAL INSTITUTIONS

Keywords: advertising discourse, communication, language units.

The article considers the linguistic particularities of advertising discourse, illustrated by examples of names of commercial medical institutions, which include centers, offices, pharmacies and laboratories. Medical onyms are considered as nominative innovations.

Хунвэй Ци
РИТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НОВОГОДНИХ
ПОЗДРАВЛЕНИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РФ

Ключевые слова: риторическая традиция, политический дискурс, поздравление, композиционное построение, языковые средства.

В статье анализируются характерные особенности устных публичных новогодних поздравлений В.В. Путина. На материале текстов новогодних обращений президента России к народу выявляются особенности их композиционного построения и анализируются языковые средства выразительности. При изучении материалов исследования нами использовались методы семантического, стилистического и контекстуального анализа, которые позволили выявить риторические особенности торжественной поздравительной речи в политическом дискурсе.

Hongwei Qi
RHETORICAL CHARACTERISTICS OF NEW YEAR
SPEECH IN RUSSIAN POLITICAL DISCOURSE

Keywords: rhetorical tradition, political discourse, congratulation, compositional structure, linguistic means.

The paper concerns the characteristic features of oral public New Year's greetings of V.V. Putin. The analysis of the New Years' addresses of the Russian President to the people allowed us to describe the features of their compositional structure and to reveal expressive linguistic means. In our research we used the methods of semantic, stylistic and contextual analyses, which allowed us to identify the rhetorical features of congratulatory speech in Russian political discourse.

Публичный лицензионный договор-оферта

Редакция журнала «Казанская наука» предлагает Вам присылать свои статьи для публикации на страницах журнала, а также на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ). Предоставление Автором своего произведения является полным и безоговорочным акцептом, т.е. данный договор считается заключенным с соблюдением письменной формы. Присылая для публикации произведение, Автор также предоставляет Редакции журнала права на использование произведения и гарантирует, что он обладает достаточным объемом прав на передаваемое произведение. Также Автор предоставляет редакции журнала право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему Договору права третьим лицам без выплаты Автору вознаграждения. Все авторские права регулируются в соответствии с действующим законодательством России.

Договор публичной оферты по обработке персональных данных

В процессе осуществления выпуска журнала «Казанская наука» ООО «Рашин Сайнс» осуществляется обработка персональных данных, предоставленных авторами статей в рамках сообщения своих регистрационных данных для осуществления публикации в журнале (имя, фамилия, отчество, адрес автора, контактный телефон и e-mail приводятся в регистрационной форме, заполняемой авторами при отправке статьи в журнал). Обработка осуществляется редакцией журнала для целей надлежащей отправки журнала автору и возможности связи с автором лиц, заинтересованных в результатах труда автора статьи. Под обработкой персональных данных в контексте настоящего согласия понимаются действия редакции по сбору, систематизации, накоплению, хранению, использованию, распространению, уничтожению персональных данных, а также действия по их дальнейшей обработке с помощью автоматизированных систем управления базами данных, и иных программных средств, используемых редакцией журнала. Настоящее согласие автора на обработку персональных данных является бессрочным и может быть отозвано в любой момент путем отказа автора от получения журнала и дальнейшей обработки его персональных данных.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№12 2019

www.kazanscience.ru

Реестровая запись от 08.05.2019 серия ПИ № ФС 77 - 75730

Подписано в печать 30.12.2019 Формат А4. Печать цифровая.

Дата выхода в свет 30.12.2019

17,4 усл.печ.л. 19,1 уч.изд.л. Тираж 500 экз. Заказ 3170.

Учредитель: ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул. Университетская, 22, помещение 23.

Адрес редакции, издательства, типографии – ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул. Университетская, 22, помещение 23.

Цена – договорная

© Рашин Сайнс

тел.(843) 216-30-35

Отпечатано с готового оригинал-макета

ООО «Рашин Сайнс»